Dragonlance
Архивы
драконов
под редакцией
Маргарет Уэйс
Трейси Хикмэн

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые на русском языке выходит юбилейная антология, посвященная двадцатилетию серии «Dragonlance». Под одной обложкой собраны не только лучшие произведения малой формы, но и воспоминания самых именитых представителей творческой группы. Маргарет Уэйс, Трейси Хикмэн, Дон Перрин, Джеф Грабб, Дуглас Найлз и многие другие дарят читателям новую встречу с полюбившимися героями удивительного мира «Саги о Копье».

- Под редакцией Маргарет Уэйс, Трейси Хикмэна
  - Предисловие
  - Лучшие
  - ЧЕСТЬ И ХИТРОСТЬ
  - ВОЗВРАЩАЯСЬ К „Dragonlance“
  - Шелковые нити
  - ДРАКОНЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
  - Истинный рыцарь
  - ОНИ ПОКА НЕ БЫЛИ ИЗВЕСТНЫ…
  - История, которую Тассельхоф обещал не рассказывать никому-никому, а рассказал всем
  - МЕРТВЫЙ ДРАКОН НА ДОРОГЕ
  - ВЕРЗИЛА И МАЛЫШ
  - ДЕМОНЫ РАЗУМА
  - СПОРЫ, ГНЕВ И СЛЕЗЫ
  - НАБЕГ НА АКАДЕМИЮ ВОЛШЕБСТВА
  - ВЗРАЩИВАЯ „DRAGONLANCE“
  - СТРАНСТВУЮЩИЕ АКТЕРЫ ГИЛЕАНА
  - ГОДЫ С „DRAGONLANCE“ УЭЙС И ХИКМЭН
- notes
  - 1

Под редакцией Маргарет Уэйс, Трейси Хикмэна
Архивы драконов

Предисловие

Если вернуться в 1984 год, когда мы только приступили к работе над сериалом «Dragonlance», ни я, ни Трейси не могли бы предсказать, что в 2004 году будем отмечать его двадцатую годовщину. Как выразился Трейси: «Это была захватывающая гонка!»

В этой книге собраны рассказы и повести, которые Трейси и я написали вместе или с друзьями. Некоторые из них уже выходили в других антологиях, некоторые печатались в журнале «Dragon». Но под одной обложкой они собраны впервые.

Две мои самые любимые истории, о леди Николь и брате Майкле, были написаны нами с Трейси в честь близких друзей Николь Хэрш и Майка Саката. Майк и Николь — профессиональные бойцы на мечах, которые объехали весь мир со своей программой. Художник Ларри Элмор в своих первых работах на обложках «Dragonlance» — «The Reign of Istar» (том 1) и «The Cataclysm» (том 2) изобразил именно их.

Еще мне очень нравится рассказ, написанный вместе с Ароном Айзенбергом, тем самым, который играл Нога в сериале «Star Trek — Deep Space Nine». Мы с Трейси были потрясены, когда Арон подошел и попросил наш автограф, в то время как мы и не мечтали получить его. Идея Арона о «Странствующих Актерах Гилеана» породила загадочных персонажей, которые, путешествуя по миру, не только устраивают представления и поражают людей, но и учатся сами…

В дополнение к рассказам мы включили в сборник воспоминания первых членов творческой команды: художника Ларри Элмора, дизайнеров и писателей Джефа Грабба и Дугласа Найлза, поэта и писателя Майкла Уильямса и нашего редактора — Джин Блэк. Также представлено наше с Трейси интервью, в котором мы обсуждаем различные аспекты сериала, повлиявшие на нашу жизнь. Кроме того, Джейми Чамберс напишет о прошлом и будущем «Dragonlance» от лица читателя.

Трейси и я наслаждаемся «гонкой» уже двадцать лет, надеюсь, что и вы тоже. Да пребудет навсегда полет драконов в ваших мечтах…

Маргарет Уэйс

Лучшие
Маргарет Уэйс
(Впервые опубликовано в сборнике «The Dragons of Krynn»)

История древних времен…

Я знал, что эти четверо придут. Они явились по моей не терпящей отлагательства просьбе. Неважно, что их на это подвигло, — а у этой пестрой компании, как я знал, мотивы были различны, — они были здесь.

Лучшие. Самые лучшие.

Я стоял на пороге трактира «Горький эль», глядя на них, и на сердце у меня становилось спокойнее, чего давным-давно не бывало.

Все четверо сидели за отдельными столиками. Конечно, ведь они небыли друг с другом знакомы — разве только понаслышке. Каждый, или каждая, спокойно ел и пил, не выставляя себя напоказ. Им это было ненужно. Они были лучшими. Но хотя губы их ничего не произносили, занятые горьким элем, столь известным в этих местах, глаза не бездействовали: оценивая друг друга и наблюдая, как их оценивают другие. Я был рад, что каждому понравилось то, что он или она увидели. Мне не хотелось, чтобы члены группы сорились.

На самом видном месте сидел Орин — маленького роста, но большой храбрости. В этих местах он знаменит умением обращаться с топором, но этим славиться большинство гномов. Его топор — Шипокол — лежит перед ним на столе, где он может и следить за ним взглядом, и погладить рукой. Настоящий талант Орина проявляется под горой, говорят, он облазил больше драконьих пещер, чем любой другой из когда-либо живших гномов. И он ни разу не заблудился ни на пути туда, ни (что гораздо важнее) на пути обратно. Многие охотники за сокровищами обязаны жизнью — и где-то третьей частью клада — своему проводнику, Орину Темному Провидцу.

Рядом с гномом расположилась за лучшим в «Горьком эле» столом женщина несказанной красоты. Волосы ее длинны и черны, как безлунная ночь; ее глаза пили души мужчин, как гном пил пиво. Завсегдатаи трактира — жалкий сброд, неудачники —

вились бы вокруг нее, как мухи, вывесив языки, как собаки, если бы не ее платье.

Она была хорошо одета, поймите меня правильно. Одежда ее была из самого тонкого и дорогого бархата во всей стране, голубой шелк который сиял в свете огня. Серебряная вышивка шла по краю рукавов и подола, что отпугивало любителей сорвать поцелуй или ущипнуть за щеку, — пентаграммы и звезды, переплетающиеся круги и тому подобное, одним словом, чародейские знаки. Ее взгляд встретился с моим, и я поклонился чародейке Аланде, прибывшей из своего чудесного замка, затерянного в Лесах Голубого Тумана.

Около двери — как только можно ближе к дверям, но в то же время оставаясь в трактире — расположился один из четверых, которого я неплохо знал, поскольку именно я повернул ключ в камере его темницы, выпуская его на свободу. Он был худ и проворен, копна рыжих волос и зеленые жуликоватые глаза так очаровывали вдовушек, что они охотно расставались со своими сбережениями, да еще и любили его за это. Его тонкие пальцы могли проскользнуть и выскользнуть из кармана так же быстро, как его нож мог отрезать кошелек с пояса. Он был хорош, так хорош, что попадался нечасто. Но однажды Рейнард Искусник совершил одну маленькую ошибку. Он попытался стащить кошелек у меня.

Прямо напротив Рейнарда, у другой стены зала — темный уравновешенный свет в чешуйках мироздания, — сидел человек с благородной осанкой и непреклонным выражением лица. Завсегдатаи тоже оставили его в одного из уважения к длинному, сверкающему мечу и надетой поверх доспехов накидке со знаком серебряной розы. Эрик Гладкий Камень, Рыцарь Розы, благочестивый паладин. Я был столь же удивлен, увидев его, как и обрадован. Я послал своих вестников в Башню Верховного Жреца, умоляя рыцарей о помощи, и знал, что они откликнутся — они были связаны долгом чести. Но они прислали мне лучшего из них. Все четверо были лучшими, самыми лучшими. Я посмотрел на них и почувствовал благоговейный трепет и почтение.

— Пора закрываться на ночь, Мирианна, — сказал я, обращаясь к хорошенькой девчушке, стоявшей за стойкой бара.

Четверо охотников на драконов посмотрели на меня, и ни один из них не шевельнулся. Завсегдатаи, наоборот, поняли намек. Они залпом допили свое пиво и безропотно ушли. Я давно не бывал в этих местах — вновь посетив по своей надобности, — и, конечно, они подвергли меня испытанию. Мне пришлось научить их уважать меня. С тех пор минула неделя, и один, как я слышал, все еще не пришел в себя. Другие, поспешно проходя

мимо меня, морщились, потирая свои ушибы и вежливо желали мне спокойной ночи.

— Я запру дверь, — сказал я Марианне.

Она тоже ушла, с кокетливой улыбкой пожелав мне доброй ночи. Я прекрасно знал, что ей хотелось бы сделать мою добрую ночь еще лучше, но был занят.

Когда девушка ушла, я закрыл и запер дверь. Рейнард от этого явно занервничал (он уже искал другой выход, чтобы иметь возможность бежать), поэтому я быстро перешел к делу:

— Нет нужды спрашивать, зачем вы здесь. Вы все прибыли в ответ на мою просьбу о помощи. Я — Гондар, сенешаль короля Фредерика. Я тот, кто послал вам письма. Благодарю вас за то, что так быстро откликнулись, и я приглашаю вас, м-м… большинство из вас, — я бросил суровый взгляд на Рейнарда, который усмехнулся, — в Фредериксбург.

Сэр Эрик поднялся и отвесил мне учтивый поклон. Аланда взглянула на меня своими удивительными глазами. Орин что-то пробурчал. Рейнард позвякивал монетами в кармане.

«Клиенты заведения завтра обнаружат, что у них не хватает денег на пиво», — подумал я.

— Вы все знаете, зачем я послал за вами. По крайней мере, вам известна часть правды. Та часть, которую я мог обнародовать.

— Присядь, сенешаль, — произнесла Аланда с изящным жестом. — И расскажи нам ту часть, которую ты не смог обнародовать.

К нам присоединился рыцарь, а так же гном. Рейнард тоже собрался было подойти, но чародейка остановила его взглядом. Ничуть не оскорбившись, он вновь усмехнулся и облокотился о стойку бара.

Все четверо вежливо ждали, когда я продолжу.

— То что я говорю вам, исключительно секретно, — заговорил я, понижая голос. — Как вам известно, наш добрый король Фредерик отправился на север по приглашению своего единоутробного брата, герцога Норхэмитонского. Многие при дворе отговаривали Его Величество от этой поездки. Никто из нас не доверяет злонравному и алчному герцогу. Но Его Величество всегда был любящим братом, и он поехал на север. Сбылись наши худшие опасения. Герцог держит короля в заложниках и требует в качестве выкупа семь сундуков золота, девять сундуков серебра и двенадцать сундуков драгоценных камней.

— Клянусь оком Паладайна, мы должны сровнять замок этого герцога с землей! — вскричал Эрик, Рыцарь Розы, опуская ладонь на эфес меча.

— Тогда нам никогда больше не увидеть Его Величество, —

покачал я головой.

— Не для этого ты призвал нас сюда, — проворчал Орин. — Не для того, что бы спасать своего короля. Может, он и хороший король, насколько мне известно, но… — Гном пожал плечами.

— Да, но ведь тебе, Орин, все равно, жив или мертв король людей? — сказал я с улыбкой. — И нет никакой причины, по которой тебя это должно было бы заботить. У гномов есть свой собственный король.

— А у некоторых, — прозвучал нежный голосок Аланды, — вообще нет короля.

Я подумал, верны ли слухи о том, что она заманивает в свой замок молодых людей и держит их там, пока они ей не наскучат, а затем превращает их в волков, заставляя охранять свое жилище. Ночью, говорят, можно услышать их тоскливый вой. Глядя в эти прекрасные глаза, я поймал себя на мысли о том, что, может, это того и стоит, — и вновь вернулся к обсуждаемому вопросу:

— Я не открыл вам самого худшего. Наше королевство богато, и я собрал выкуп — знать опустошила свои сокровищницы, их благородные жены пожертвовали своими драгоценностями. Сокровища погрузили в фургоны и готовы были отправить на север, когда… — я откашлялся, пожалев, что не налил себе кружку эля, — огромный красный дракон обрушился с неба и напал на караван с сокровищами. Я пытался сражаться, но… — мое лицо загорелось краской стыда, — я никогда не испытывал такого сковывающего все члены ужаса. Я пришел в себя, лежа на земле лицом вниз, дрожа от страха. Охрана бежала… А на Королевской Дороге сидел дракон. Проклятое чудовище неспешно проглотило лошадей, а затем, схватив когтями фургон с сокровищами, улетело.

— Ты ни в чем не виноват. Это был страх, который умеют вселять все драконы, — авторитетно сказал Орин, имевший многолетний опыт в подобных делах.

— Хотя со мной никогда такого не случалось, я слышал, что страх перед драконом почти нельзя преодолеть. — Сэр Эрик сочувственно положил свою руку на мою. — Бесчестная магия лишила тебя мужества, сенешаль. Не стоит стыдиться этого.

— Бесчестная магия, — повторила Аланда, мрачно взглянув на рыцаря. Я видел, что она размышляет над тем, какой прекрасный из него мог бы получиться волк.

— Я видел на своем веку много сокровищ, — отрывисто произнес Рейнард, вздохнув. — И поверьте мне, это великолепное зрелище. Но в логове этого дракона их должно быть намного больше.

— Несомненно, — подтвердил Орин. — Не думаешь же ты,

сенешаль, что он ограбил только ваше королевство? Мой народ перевозил партию золотых слитков с южных рудников, когда красный дракон — дерните меня за бороду, если не тот же самый, — налетел сверху и скрылся вместе с ними.

— Золотые слитки! — Рейнард даже облизнулся. — Сколько они стоили? Все вместе?

Орин бросил на него угрожающий взгляд:

— Не твоего ума дело, Ловкач!

— Меня зовут Искусник, — поправил он, но остальные не обратили на него внимания.

— Я получила известия с востока от моих сестер, — проговорила Аланда, — что тем же самым драконом похищены несколько самых могущественных артефактов, принадлежащих нашему Ордену, вместилищу сокровенных знаний. Я опишу вам их, но это тайна. И они очень опасны для непосвященных, — добавила она с умыслом — специально для Рейнарда.

— Мы тоже пострадали от чудовища, — мрачно сказал Эрик. — Наши собратья, живущие на западе, послали нам в дар священную реликвию — кость пальца Винаса Соламна. Дракон напал на конвой, истребил всех до единого и унес нашу святыню.

Аланда рассмеялась, состроив гримаску:

— В это я не верю! Зачем дракону заплесневелая старая кость?

Лицо рыцаря ожесточилось.

— Кость пальца была вставлена в бриллиант величиной с яблоко. Бриллиант хранился в чаше, изготовленной из золота, инкрустированной рубинами и изумрудами. Чаша устанавливалась на серебряное блюдо, в которое были вправлены сотни сапфиров.

— А я думал, что вы, праведные рыцари, даете обет бедности, — хитро заметил Рейнард. — Может, мне стоит опять начать посещать храмы?

Эрик величественно поднялся и, не отводя от вора взгляда, начал медленно вытаскивать меч. Рейнард отступил в сторону, поближе ко мне.

— Спокойно, сэр рыцарь, — произнес я, поднимаясь. — Путь в логово дракона ведет вверх по отвесной скале, где не видно, за что ухватиться и куда поставить ногу.

Рыцарь оценивающе посмотрел на тонкие пальцы и жилистое тело Рейнарда, затем вложил меч в ножны и сел на место.

— Так ты обнаружил логово! — выкрикнул Рейнард. Он дрожал от возбуждения, и я даже испугался, что он кинется обнимать меня.

— Это правда, сенешаль? — наклонилась ко мне Аланда. Я

почувствовал запах дорогих притираний, от прикосновения кончиков ее пальцев к моей руке меня пробрала дрожь. — Ты нашел логово дракона?

— Молю Паладайна, чтобы это было так! Я бы с чистым сердцем покинул этот мир, чтобы провести вечность в царстве Паладайна, если бы у меня была возможность сразиться с этой тварью! — воскликнул Эрик. Подняв священный медальон, висевший на шее, к губам, он поцеловал его, скрепляя благочестивую клятву.

— Потеряв выкуп, собранный, что бы спасти моего короля, — сказал я, — я принял обет не есть и не спать, пока не выслежу, где находиться логово дракона. Много утомительных дней и ночей шел я по следу — то сверкающая монета, то драгоценный камень, выпавший из фургона, указывали мне путь. След привел прямо к вершине, именуемой Черная Гора. День я провел, терпеливо ожидая и наблюдая, и был вознагражден. Я увидел, как дракон покидает свою нору, и знаю, как пробраться внутрь.

Рейнард пустился в пляс по таверне, напевая и щелкая длинными пальцами. Эрик, Рыцарь Розы, по-настоящему улыбнулся. Орин Темный Провидец любовно провел большим пальцем по лезвию топора. Аланда поцеловала меня в щеку.

— Ты должен навестить меня как-нибудь вечером, сенешаль, когда приключение завершиться, — прошептала она.

Все четверо вместе со мной провели ночь в трактире и встали задолго до рассвета, чтобы выступить в путь.

Над нами возвышалась Черная Гора со своей вечно скрытой облаком серого дыма вершиной. Гора получила свое название за то, что некогда изрыгала сверкающий черный камень. Теперь гора лишь иногда урчит, напоминая нам, что еще жива, но никто не может припомнить, когда она последний раз извергала пламя.

Мы подошли к ней на исходе дня. Лучи солнца заливали отвесную стену, по которой нам предстояло взбираться, алым пламенем. До отказа запрокинув голову, я смог разглядеть широкую черную дыру, служившую входом в логово дракона.

— Ни единой зацепки не видно. Клянусь Паладайном, ты не преувеличивал, сенешаль, — нахмурившись, сказал Эрик и провел рукой по гладкому черному камню.

Рейнард рассмеялся:

— Ба! Я взбирался на стены замков, гладкие, как у благородных дам… Э-э, просто скажем, что они были гладкими.

Вор перебросил через плечо моток длинной веревки и взял было еще мешок клиньев и молоток, но я остановил его:

— Может, дракон сейчас в логове. Если это так, то он

услышит, как ты вбиваешь клинья в скалу. — Я посмотрел наверх. — Тут не так уж и высоко, и только кажется, что тяжело. Заберись и брось нам веревку. Ее будет вполне достаточно.

Рейнард согласился. Он осмотрел поверхность скалы, на сей раз совершенно серьезно, без тени усмешки, затем, к изумлению всех присутствующих, прилип к вертикальной поверхности, как паук, и начал подниматься.

Я знал, что Рейнард хорош в своем деле, но должен признаться, не знал насколько. Я смотрел, как он ползет по отвесной скале, просовывая пальцы в мельчайшие трещинки, цепляясь ногами в поисках упора, повисая иногда на одном усилии воли. Я был потрясен. Он был лучшим. Ни один из живущих людей не смог бы забраться туда.

— Боги с нами в нашем праведном предприятии, — благочестиво сказал Эрик, глядя на Рейнарда.

Аланда сдержала зевок, прикрыв рот изящной ручкой. Орин в нетерпении переминался с ноги на ногу у подножия скалы. Я продолжал следить за Рейнардом, восхищаясь его работой. Он добрался до входа в пещеру и исчез внутри, но через мгновение вышел, показав движением руки, что все спокойно, и сбросил нам веревку. К несчастью, она оказалась слишком короткой — мы, как ни старались, не могли дотянуть до нее. Орин громко выругался. Аланда рассмеялась и, щелкнув пальцами, произнесла какое-то слово. Веревка задрожала и внезапно выросла до нужной длины.

Эрик с сомнением оглядел ее, но подняться наверх можно было только так, поэтому он ухватился за веревку, затем, судя по всему о чем-то подумав, повернулся к чародейке:

— Госпожа, я полагаю, что твои нежные ручки не годятся для того, чтобы обдирать их о жесткие волокна, и одета ты не для карабканья по горам. Если ты простишь мне мою дерзость, я подниму тебя наверх.

— Поднимешь? Меня?! — Аланда пристально взглянула на рыцаря, затем рассмеялась.

Эрик окаменел; его лицо стало суровым и холодным.

— Прости, госпожа…

— Прости ты меня, сэр рыцарь, — дружелюбно прервала его Аланда. — Но я не слабая и беспомощная девица. И было бы неплохо, если бы ты это запомнил. И вы — тоже, — посмотрела она на меня и Орина.

С этими словами чародейка вытащила из рукава кружевной шелковый платок и расстелила его на земле. Встав на него, она произнесла слова, похожие на звон колокольчиков. Платок стал твердым как сталь и подниматься воздух вместе с Аландой.

Глаза сэра Эрика широко раскрылись, и он сделал знак,

ограждающий от злых сил.

Чародейка уже поравнялась с входом в пещеру, и Рейнард помог ей сойти с платка. Глаза вора чуть было не вылезли из орбит, он почти пускал слюнки, и мы все расслышали его слова:

— Какой бы из тебя, госпожа, получился вор-домушник! Я готов отдать тебе половину… нет, четверть моей доли сокровищ за этот клочок ткани.

Аланда подобрала стальную пластинку, взмахнула ею в воздухе, и платок вновь стал шелковым и кружевным. Чародейка, аккуратно сложив, спрятала его в рукав, не обращая внимания на завистливый взгляд вора.

— Он не продается, — сказала Аланда и пожала плечами. — В любом случае, тебе он вряд ли пригодится. Если кто-нибудь, кроме меня, прикоснется к нему, платок обмотается вокруг носа и рта несчастного и задушит его.

Женщина мило улыбнулась Рейнарду. Смерив чародейку взглядом, он решил, что это правда, сглотнул слюну и поспешил отвернуться.

— Пусть Паладайн хранит меня, — сурово произнес Эрик и принялся карабкаться вверх.

Он был силен, этот рыцарь. В тяжелых доспехах, в кольчуге, с висящим на боку мечом, он подтягивался с легкостью. За ним быстро последовал гном — держась за веревку и упираясь в стену ногами, он поднялся чуть ли не бегом. Настал мой черед. Подъем выдался жарким во всех смыслах. Во-первых, несмотря на то что уже наступил вечер, от скалы, нагретой дневным солнцем, исходило ощутимое тепло. Во-вторых, один раз я чуть не сорвался, и от страха за собственную жизнь меня бросило в горячий пот. Но все обошлось, и я с облегчением вздохнул, когда Эрик втащил меня на уступ, в прохладную тень пещеры.

— Где гном? — спросил я, заметив, что рядом только трое из моих спутников.

— Он пошел вперед, на разведку, — ответил Эрик.

Я кивнул, радуясь возможности отдохнуть. Рейнард смотал веревку и спрятал под скалой, что бы воспользоваться ею на обратном пути, а я тем временем осмотрелся. Всюду на стенах пещеры виднелись следы, оставленные телом огромного дракона. Мы разглядывали их, когда вернулся Орин, бородатое лицо которого расплылось в улыбке.

— Ты прав, сенешаль. Это путь к логову дракона. И вот доказательство.

Гном поднес свою находку к свету — это был золотой слиток. Рейнард жадно взглянул на него, и я тотчас же понял, что из-за этого предмета могут возникнуть неприятности.

— Вот доказательство! — повторил Орин — его глаза сверкали так же ярко, как золото. — Это нора зверя. Мы его нашли! Мы нашли его!

Эрик, Рыцарь Розы, с мрачным выражением лица обнажил меч и двинулся по огромному туннелю, ведущему прочь от входа в пещеру. Потрясенный Орин схватил его за локоть и оттащил назад.

— Ты в своем уме, человек? — спросил гном. — Ты что, войдешь к дракону через парадную дверь? Может, еще поищешь колокольчик, чтобы позвонить и сообщить, что мы пришли?!

— Разве здесь есть еще вход? — спросил Эрик, уязвленный превосходством, прозвучавшим в голосе Орина.

— Черный ход, — хитро ответил гном. — Тайный путь. У всех драконов есть черный ход, так, на всякий случай. Им-то мы и воспользуемся.

— Ты хочешь сказать, что мы должны залезть на другую сторону этой проклятой горы? — изумленно вопросил Рейнард. — После того как приложили столько усилий, чтобы попасть сюда?

— Нет, Ловкач, — презрительно расхохотался Орин. — Мы пойдем через гору. Безопаснее и проще. Следуйте за мной.

Он подошел к трещине в стене, и, протиснувшись внутрь, мы оказались в туннеле, ведущем в глубь горы.

— Здесь темнее, чем в сердце Владычицы Тьмы, — пробормотал Эрик после того, как мы сделали несколько пробных шагов. Хотя он и говорил тихо, его слова громким эхом отразились от каменных стен.

— Тс-с! — проворчал гном. — Что ты подразумеваешь под темнотой? Я все прекрасно вижу.

— Далеко без него мы не уйдем, — проворчал Эрик. Он уже чуть не размозжил себе голову о низко нависшую скалу. — Не зажечь ли факел?

— Факел будет дымить. Кроме того, ходят слухи, что в этих горах живут другие существа, не только дракон! — зловеще произнес Рейнард.

— Это подойдет? — спросила Аланда.

Сняв с пояса украшенный драгоценными камнями жезл, она подняла его, как светильник. Чародейка не произнесла ни слова, но, как бы оскорбившись темнотой, жезл загорелся неярким белым светом.

Орин покачал головой, осуждая людские слабости, и двинулся в глубь туннеля. Мы пошли следом.

Тропа вела вниз, вокруг, поверх и под, внутрь и обратно, вверх, вбок и через… настоящий лабиринт. Как Орин умудрился

не заблудиться и не запутаться, было выше моего понимания. Все мы сомневались (Рейнард высказывал свои сомнения вслух), но гном даже ни разу не остановился.

Вскоре мы утратили чувство времени, бродя в темноте под горой, но мне казалось, что прошла большая часть ночи. И без найденного золота мы все равно бы догадались о присутствии дракона просто по его запаху. Он был не тяжелым или тошнотворным, вызывающим спазмы в горле, а, напротив, легким, как дыхание, и немного отдавал кровью и серой, золотом и железом. Он не пропитывал все вокруг, но разносился по узким коридорам, как пыль, поддразнивая и насмехаясь.

Аланда с отвращением сморщила нос. Но едва она пожаловалась, почти не дыша, что не выдержит больше в этой «душной дыре», как Орин остановил нас. Хитро улыбаясь, он сказал:

— Вот.

— Что? — с сомнением в голосе спросил Эрик, глядя на еще одну трещину в стене. (За это время мы видели много трещин!)

— Путь к другому входу, — ответил гном.

Протиснувшись в щель, мы оказались в новом туннеле, самом большом из пройденных нами. Здесь было не светлее, зато мы смогли вдохнуть свежего воздуха и поняли, что туннель связан с внешним миром. Аланда поднесла жезл к стене, и там опять оказались следы, оставленные телом дракона. В довершении ко всему на земле сверкнуло несколько красных чешуек.

Орин Темный Провидец совершил невозможное — провел нас прямо под горой. Гном был весьма доволен собой, но его настроению не суждено было долго оставаться хорошим.

Мы остановились отдохнуть, немного попить и перекусить, чтобы подкрепить силы. Аланда сидела рядом со мной, рассказывая тихим шепотом о чудесах ее замка, когда Орин внезапно вскочил на ноги.

— Вор! — взревел он и набросился на Рейнарда: — Отдай!

Мы оба поднялись, причем Искусник умудрился сделать так, что между ним и разъяренным гномом оказался я.

— Мой золотой слиток! — верещал Орин.

— На равных правах, — произнес Рейнард, осторожно выглядывая из-за моей спины, чтобы в случае чего спрятаться обратно, увернувшись от гнома. — Было ничье — стало мое.

Орин начал размахивать своим проклятым топором в слишком опасной близости от моего колена.

— Заткни им рот, сенешаль! — приказал Эрик так, как будто я был одним из его солдат. — Нас услышит дракон!

— Глупцы! Я положу этому конец! — Аланда опустила руку в

шелковую сумочку на поясе.

Я подумал, что сейчас мы потеряем двоих: и вора, и проводника, но неожиданно у нас появились намного более серьезные проблемы.

— Орин! Сзади! — прокричал я.

Видя по испуганному выражению моего лица, что это не шутка, Орин развернулся.

К нам направлялся рыцарь, вернее то, что от него осталось: доспехи скрывали кости, а не тело, шлем гремел на голом, залитом кровью черепе, меч сжимали пальцы-кости. За ним я увидел то, что сначала показалось целой армией этих ужасных созданий, хотя в действительности их было всего шесть или семь.

— Я слышал об этом! — в ужасе прошептал Эрик. — Это люди, осмелившиеся напасть на дракона. Чудовище убило их и теперь заставляет разложившиеся трупы служить ему.

— Я избавлю их от страданий, — воскликнул Орин. Ринувшись вперед, он ударил живого мертвеца, подрубив тому колени. Скелет упал, и гном рассмеялся. — Не стоит вам марать руки об этот сброд, — сказал он нам. — Не подходите.

Гном занялся вторым живым мертвецом, а в это время первый скелет, подобрав кости, начал себя собирать! Через несколько секунд он опять был цел и обрушил свой меч на голову Орина. К счастью, на голове у того был тяжелый стальной шлем, поэтому меч не причинил ему вреда, но от удара гном закачался.

Аланда сунула руку в сумочку, вытащила щепоть ядовитого порошка и бросила его в ближайшего к ней живого мертвеца. Скелет охватило ревущее пламя, едва не испепелив вора, который пытался стянуть с пояса рыцаря украшенный драгоценностями кинжал. После этого Рейнард весьма благоразумно отошел в сторону и продолжал наблюдать за боем из-за угла.

Эрик, Рыцарь Розы, обнажил меч, но нападать не стал, вместо этого возвел клинок острием вверх перед одним из живых мертвецов.

— Призываю тебя, о Паладайн, освободи этих благородных рыцарей от проклятия, обрекающего их на столь жалкое существование!

Скелет продолжал идти, сжимая в костлявой руке ржавый меч. Эрик проявил твердость, стоял неподвижно, повторяя свою мольбу на звучном соламнийском. Даже когда живой мертвец поднял меч для смертельного удара, Эрик неколебимо взглянул на него, не усомнившись в своей вере.

Я смотрел как зачарованный, застыв на месте, не в силах сделать ни шагу.

— Паладайн! — воскликнул Рыцарь Розы, потрясая мечом.

Орин, который некоторое время обменивался ударами с двумя скелетами, причем удача ему явно не улыбалась, произвел стратегическое отступление. Аланда со своей магией и Эрик со своей верой занялись оставшимися живыми мертвецами.

Я наконец тоже извлек меч из ножен, но, видя, что нужды в моей помощи нет, просто смотрел и восхищался. Когда скелеты были превращены или в прах, или в дымящуюся груду пепла, чародейка и рыцарь присоединились к нам. Ни одна прядь не выбилась из прически Аланды. Эрик даже не вспотел.

— Никто в этих краях не смог бы сделать того, что сделали вы, — сказал я, потому что именно так и думал.

— Я делаю хорошо все, за что берусь, — откликнулась Аланда, отряхивая с ладоней пыль. — Очень хорошо, — добавила она с очаровательной улыбкой и бросила на меня томный взгляд из-под длинных ресниц.

— Мой Бог Паладайн помогал мне, — смиренно произнес Эрик.

Побитый гном сердито глянул на него:

— Хочешь сказать, что мой Бог Реоркс не помогал?

— Славный рыцарь ничего подобного не имел в виду, — поспешил я положить конец ссоре. — Без вас, Орин Темный Провидец, мы давно бы были съедены драконом. Кстати, почему, как ты думаешь, скелеты напали на нас? Потому что мы подошли слишком близко к логову — и все благодаря исключительно твоему опыту. Никто в этих краях не смог бы провести нас так далеко без всяких происшествий, и всем нам это известно.

При этих словах я многозначительно взглянул на Эрика, который понял намек и вежливо, хотя и слегка чопорно поклонился гному. Аланда закатила глаза, но пробормотала что-то милое.

Затем я отвесил Рейнарду пинок под зад, и вор нехотя отдал золотой слиток, значивший, судя по всему, для гнома больше, чем все наши комплименты. Орин, конечно, поблагодарил нас, но все его внимание было приковано к золоту. Он подозрительно осмотрел его, словно беспокоясь не заменил ли Рейнард слиток фальшивым, попробовал на зуб, потер о камзол и, наконец убедившись, что золото настоящее, для большей надежности сунул его за пазуху, под кожаный доспех.

Гном был так занят слитком, что не заметил, как Рейнард, подобравшись сзади, стащил его кошелек. Заметил это я, но не потрудился никому сообщить.

Как я сказал, мы подошли к самому логову дракона.

Мы двинулись вперед, удвоив бдительность, внимательно следя за тем, чтобы враг не застал нас врасплох. Мы находились

теперь очень глубоко под горой. Было тихо. Слишком тихо.

— Мне кажется, мы должны что-нибудь слышать, — прошептал мне Эрик. — хотя бы дыхание дракона.

— Возможно, это значит, что его нет дома, — сказал Рейнард.

— Или — что мы зашли в тупик, — лениво обронила Аланда.

Завернув за угол туннеля, мы все остановились и вытаращили глаза. Чародейка была права — перед нами, преграждая путь, стояла каменная стена.

Темнота в этот момент стала еще темнее. Все признаки свежего воздуха давно остались позади, душок крови и серы, к которому примешивался теперь влажный и холодный запах плесени, усилился во сто крат. Как и запах золота. Я его чуял и уверен — мои спутники тоже. Может быть, во всем повинно наше воображение, может, мы принимаем желаемое за действительное. А может, и нет. У золота есть запах. Его собственный металлический запах и, кроме того, зловоние от всех тех рук, которые прикасались к нему, жаждали его, стискивали в ладонях и потеряли. Таков был запах, и для каждого в этой пещере он был сладостным благоуханием. Сладостным и разочаровывающим, потому что, по-видимому, не было способа добраться до его источника.

Щеки Орина покраснели. Он дернул себя за бороду, бросив на нас косой взгляд.

— Здесь должен быть вход, — пробормотал он, беспомощно пнув стену.

— Надо возвращаться, — мрачно сказал Эрик. — Паладайн преподал мне урок. Я должен встретиться с драконом в честном бою, а не красться, как…

— Вор? — радостно подсказал Рейнард. — Очень хорошо. Ты, сэр рыцарь, можешь возвращаться к главному входу, если хочешь. А я проскользну в окно.

С этими словами Искусник закрыл глаза и приник к каменной стене. Казалось — поверьте мне, это выглядело именно так, — будто он занимается с ней любовью. Руки вора гладили камень, ощупывали каждую трещинку, проникали в малейшие отверстия. Он даже прошептал что-то похожее на воркованье и уговоры. Внезапно с победоносной улыбкой Рейнард поставил ноги в две выемки внизу стены, вложил руки в две щели вверху и надавил.

Каменная стена задрожала, а затем заскользила в сторону! Вспыхнул луч красноватого света. Вор спрыгнул на пол и приглашающим жестом махнул рукой в сторону открытого им входа.

— Потайная дверь, — сказал Орин. — Так я и думал.

— Ну что, пойдешь в обход к парадной двери, сэр рыцарь? — лукаво спросил Рейнард.

Эрик взглянул на вора, но, вероятно, передумал встречаться с драконом лицом к лицу в честном бою. Он вытащил меч, подождал, пока стена не отъедет до конца, полностью открывая нашему взору то, что находилось внутри.

Из дверного проема лился яркий свет. Все мы моргали, терли глаза, пытаясь привыкнуть к неожиданному освещению после темноты туннелей, и ждали, пытаясь услышать дракона. Никто из нас не сомневался, что перед нами жилище твари.

Но не было слышно ни звука. Стояла мертвая тишина.

— Дракона нет дома! — Рейнард потер руки. — Хиддукель Обманщик, покровитель воров, сегодня со мной! — Он ринулся к проему, но рука сэра Эрика, как рок, опустилась ему на плечо.

— Я пойду первым, — сказал соламниец. — Это мое право.

С мечом в руке и молитвой на устах, праведный рыцарь вошел в логово дракона.

Рейнард прокрался прямо за ним. Орин, двигаясь с большой осторожностью, последовал за вором. Аланда сняла с пояса странный на вид свиток и, крепко держа его, вошла за гномом. Я, оглядываясь и держа кинжал наготове, замыкал шествие.

Дверь начала с грохотом закрываться, и я остановился.

— Мы сейчас окажемся в ловушке! — прокричал я так громко, как только смел.

Остальные не обратили на меня никакого внимания. Они обнаружили место, где хранились сокровища дракона.

Источником яркого света была яма расплавленной лавы, пузырящаяся в углу гигантского пещерного зала. Пол пещеры был стерт до зеркального блеска, возможно, огромным телом дракона. Сверкающая груда величиной с замок Его Величества возвышалась на полу пещеры.

Здесь были собраны все прекрасные и ценные предметы нашего королевства. Золото отсвечивало красным в свете огня, драгоценные камни переливались и искрились всеми цветами радуги, серебро отражало улыбки охотников за драконом. И что лучше всего, в пещере никого не было.

Сэр Эрик упал на колени и вознес молитву.

Аланда стояла, приоткрыв рот.

Орин от радости разрыдался себе в бороду.

Но вот потайная дверь захлопнулась.

Никто этого не заметил.

— Дракона нет дома! — заголосил Рейнард и нырнул в груду сокровищ.

Моих сокровищ.

Вор начал хватать золото руками.

Мое золото.

Я подошел к нему со спины.

— Не стоит слишком спешить с выводами, — сказал я и ударил его в спину кинжалом, предал смерти, которой заслуживает любой вор. — Мне кажется, что тебе, по крайней мере, стоило осмотреться, — доброжелательно добавил я, показывая на мой клад. — Как и подобает лучшему.

Рейнард сразу умер — такого удивленного трупа я никогда не видел. Не думаю, что он понял, что к чему.

Но Аланда поняла. Она была неглупа, эта чародейка, и немедленно — хотя и несколько запоздало — поняла правду, даже до того, как я снял кольцо, изменяющее внешность.

Теперь наконец-то после стольких недель, проведенных в тесноте крошечной оболочки, я смог расправить мышцы. Мое тело росло, медленно принимая свои истинные необъятные размеры, и почти заполнило собой пещеру. Я держал кольцо прямо у нее перед глазами.

— Ты права. — В моих пальцах, которые теперь стали когтями, сверкал драгоценный камень. — У твоего Ордена в самом деле было много могущественных артефактов — носителей сокровенного знания. Вот как раз один из них.

Аланда в ужасе глядела на меня. Она попыталась воспользоваться свитком, но не могла преодолеть страха, внушаемого любым драконом, бледные, пересохшие губы отказывались выговаривать магические слова.

Она была достаточно мила, чтобы пригласить меня провести с ней ночь, и я сделал ей одолжение. Я похвастался чародейке — перед тем как она умерла — всей магией, находившейся теперь в моем распоряжении. Ожерелье из волчьих зубов — один из наиболее ценных моих артефактов — обвился вокруг ее прекрасной шеи и разорвал ей горло.

Все это время Орин Темный Провидец наносил удары топором по моей задней лапе. Я позволил ему немного развлечься. Гном был неплох, он все-таки оказал мне любезность, показав слабые места в моей обороне. Однако, когда стало казаться, что он скоро пробьет шкуру до крови, мне надоел этот односторонний поединок. Подняв Орина, я бросил его в яму раскаленной лавы. В конце концов он стал частью горы — подходящая смерть для гнома. Уверен, что ему понравилось.

Остался сэр Эрик, который все это время хотел встретиться со мной в честной битве. Я удовлетворил его пожелание.

Он отважно сошелся со мной лицом к лицу, призывая Паладайна сразиться на его стороне.

Но, вероятно, Паладайн именно в это время был занят чем-то еще, поскольку никак себя не проявил.

Эрик умер в сиянии славы.

Ну хорошо. В сиянии пламени.

Я уверен, что его душа направилась прямиком в Свод Мироздания, и думаю, что Паладайну пришлось попотеть, объясняя свое отсутствие.

Теперь все они были мертвы. Все четверо.

Я убрал огонь, вымел пепел рыцаря, затем вытолкнул два трупа за потайную дверь. Вор и чародейка заменят воинов-скелетов, которыми мне пришлось пожертвовать ради большей достоверности.

Подойдя к груде сокровищ, я привел в порядок золото там, где в нем покопался вор, затем взгромоздился на вершину груды, разлегся на ней и с наслаждением зарылся глубоко в золото, серебро и драгоценные камни. Я расправил крылья, прикрывая золото, несколько минут восхищенно полюбовавшись, как свет огня играет на моей красной чешуе, потом обернул длинный хвост вокруг золотых слитков гномов, удобно расположился поверх драгоценностей рыцарей и положил голову на магические сокровища чародеек.

Я устал, но был доволен. Мой план удался. Я избавился от них.

Они были лучшими. Самыми лучшими.

Рано или поздно, вместе или порознь, они бы начали преследовать меня. И могли застать врасплох.

Удобнее устроившись на сокровищах, я закрыл глаза. Я заслужил отдых.

И я мог спать спокойно… теперь.

ЧЕСТЬ И ХИТРОСТЬ
Маргарет Уэйс
(Впервые опубликовано в журнале «Dragon», № 243)

Расположенный на пересечении оживленных торговых путей город Утеха, в отличие от многих других мест, всегда был рад незнакомцам. Утеха радушно предлагала путешественникам выбор таверн и питейных заведений.

Самой известной из них была гостиница «Последний приют», построенная высоко на ветвях могучего валлина. Она славилась аж до самого Палантаса прекрасным элем и ароматной жареной картошкой. Ее прозрачные окна сверкали, как маяк, для любого жаждущего, а запах картошки со свининой манил голодного. Улыбка хозяина Отика, что встречал гостей на пороге, была жарче пылающего очага. Но не всем путникам по нраву яркие огни и теплые улыбки…

Некоторым больше по душе мрак ночи, а в жареной картошке они вообще не видят смысла. Они предпочитают крепкую «гномью водку» пенящемуся каштановому пиву. Таким путешественникам в Утехе подойдет вторая таверна, известная как «Корыто». Выстроенная на земле из соображений безопасности — ибо кто, нагруженный «водкой», будет лазить по деревьям! — таверна «Корыто» соответствовала изображению на вывеске, где огромная свинья валялась в помоях. Да она даже внешне походила на свинью — низкое здание, втиснутое в проем между двумя стволами валлинов.

У таверны было другое преимущество — гости могли заходить в нее прямо с большой дороги, не заглядывая в Утеху. Тут допустимо было устраивать такие встречи, которые нельзя провести нигде в другом месте.

Трое таких людей сидели нынче ночью за столиком, поедая безвкусный картофель с жилистой говядиной и запивая пивом. Они отставили прочь «гномью водку», как только перешли к обсуждению дел. Говорили они тихо, хотя всем было известно, что официантки в «Корыте» глухие, владелец за стойкой немой и все они становятся еще и слепыми за пару добрых стальных монет.

— Это богатый город, — со знанием дела хмыкнул один, подмигивая, — точно говорю тебе, Головорез. Я жил тут три месяца, монета в городишке водится. У одного старого жирного

Отика скоплено столько, что можно целый год гулять в Оплоте!

— А вот мне так не показалось, — буркнул другой, угрюмо уткнувшийся в тарелку с картофелем.

— Это потому, что у тебя отсутствует воображение, Срезала, — сказал его брат. Родственники в минуту просветления, от которого они так и не оправились, на пару решили взять себе милые клички Головорез и Срезала. — Продолжай, Изящный Джек. Что ты разузнал еще?

— Живет тут жена одного Соламнийского Рыцаря. Она явно просто набита драгоценностями, но для виду притворяется бедной. И кузнец-гном, у которого дома должны водиться серебро и сталь.

— И что дальше? — проворчал Головорез. Он был в плохом настроении — местная говядина плохо усваивалась его утробой. — Мы не сможем обнести их за одну ночь! А после первого же дела это проклятое место встанет на дыбы, людоеды их задери! Нет, жратва тут — полное дерьмо! — Он швырнул тарелку на пол, разбрызгивая подливку.

Метнувшаяся к столу худая собака, подъедавшая отходы, мудро проигнорировала говядину и набросилась на картошку. Официантка позволила животному вылизать посуду и лишь потом подобрала ее, ловко пнув кусок мяса под стойку.

— Разве я вызвал бы вас, если бы уже все не продумал? — проговорил Изящный Джек, получивший кличку за тонкие и ловкие руки. Он хвастался, что, засунув пальцы в кошель, набитый монетами, может на ощупь рассортировать их, отсеять мелочь и забрать только стальные.

— Конечно нет, Джек, — согласился Головорез, пиная брата под столом в колено.

— Тогда слушайте, друзья, — начал Джек, знаком предлагая остальным наклониться ближе. — Три недели назад шерифу донесли, что гоблины собираются напасть на город. Он созвал ополчение, и все воины оставили дома, готовясь защитить родные края. Женщины и дети скрылись в гостинице…

— И что? — прорычал Срезала.

— Я еще не закончил. Шериф велел добрым гражданам свезти все ценности к нему и вместе с несколькими помощниками спрятал их в укромном месте. — Джек откинулся на спинку стула, страшно довольный. — Ну как вам идея? Это будет самая легкая работа, которую мы когда-либо проворачивали.

— Дошло! Мы вскроем все сундуки, пока мужчины далеко, — сказал Срезала.

— Да нет же, болван! — Брат вновь пнул его. — Какой смысл обносить дома, когда все ценности уже спрятаны?

— Ну, тогда я ничего не понимаю.

— Надо потрошить место, где спрятаны ценности, — пояснил Головорез.

— О-о… — вылупил глаза Срезала. — Тогда это хороший план. Джек ловко придумал. — Он рыгнул. — А где это укромное место?

— Я не знаю, — пожал плечами Джек.

— Что?! — завопил Срезала, его рука потянулась к ножу, спрятанному в сапоге. — Мне не нравятся подобные игры, Изящный Джек!

— А откуда я мог разузнать подобное? — удивился Джек. — Кто мне расскажет? Проклятие! Да большинство горожан и сами не знают. Шериф каждый раз меняет место, посвящены в это только помощники и те, кто охраняет его.

— А может, проследить за ними?

— Нет. Я уже пробовал, но они слишком осторожны. В последний раз стража изловила меня и уже хотела бросить за решетку, но я притворился пьяным.

— А что нам тогда остается? — нахмурился Головорез, начиная соглашаться с братом. — Думаю, Изящный Джек, ты предлагаешь нам заделаться кендерами, вот что я думаю.

— А ты думай поменьше, — предложил Джек, — тебе это явно вредит. — Он подвинулся к братьям еще ближе. — Вот как мы поступим…

Звук рога расколол тихую ночь и пробудил близнецов от спокойного сна.

— Только не это! — возмутился Рейстлин, натягивая одеяло и кладя на голову вторую подушку, чтобы укрыться от шума.

Карамон был уже на ногах и натягивал короткие штаны.

— Скорей же, Рейст! Ты должен собираться. Мы часть ополчения, ты знаешь закон: «Все здоровые мужчины старше шестнадцати…»

— Я не здоровый мужчина, — отозвался брат из-под одеяла. — Так им и передай, пусть оставят меня в покое.

— Да я говорил им в прошлый раз, Рейст, — искренне произнес Карамон, — но шериф сказал, что даже если ты не можешь сражаться, то будешь собирать выпущенные стрелы и подносить воду…

— Нет, — пробурчал Рейстлин, глубже зарываясь в теплую постель.

Рога заревели вновь, на этот раз к ним прибавились тревожные голоса. Кричали дети, мимо топотали по деревянному настилу бегущие ноги.

Рейстлин вздохнул и сел, отбросив одеяло.

— Ты мог бы применить магию, — предложил Карамон, надеясь улучшить настроение брата.

— И какую? — зевнул Рейстлин. — Вытягивать монеты из их ушей или шелковые шарфы из пупков? Не будь тупицей, Карамон, ты знаешь, что в моей магической книге нет заклинаний. Пока нет, ведь я только учусь… И не стой там разинув рот, двигайся! Спеши на зов, пора защитить нас от сил зла!

— А ты разве не идешь? — переминаясь, спросил Карамон.

— Думаю, что должен, — ответил Рейстлин раздраженно, — Поэтому пойду, все равно никто не даст мне сегодня больше поспать. Кроме того, я просто обожаю доставать окровавленные стрелы из изрубленных трупов.

— Правда, Рейст? — удивился Карамон. — Обязательно скажу шерифу.

Рейстлин не потрудился ответить — на Карамона сарказм расходовался впустую. Его брат уже сбегал наружу и притащил большой топор отца, всегда стоявший у входа, — единственное наследство Гилона, доставшееся детям. Затем Карамон слился с толпой бегущих людей, направляясь к лавке кузнеца — точке сбора ополчения. Дети, женщины и старики спешили к «Последнему приюту».

Натянув белую мантию, которую он носил в знак уважения к учителю, архимагу Ложи Белых Мантий, Рейстлин вышел на улицу. Мимо бежали мужчины и женщины, вооруженные мечами и луками, готовые отстоять любимый город. Видя их, юноша ощутил полную беспомощность, ведь в отличие от брата он не мог похвастаться ни выносливостью, ни боевым мастерством. Карамон в свои шестнадцать был уже выше любого мужчины в Утехе и сильнее всех в округе. Приветливый и веселый, он был общим любимцем и баловнем.

Рейстлин являл собой полную противоположность: тощий, с веретенообразными руками и ногами. Часто болевший, легко утомлявшийся, он не мог даже поднять топор отца, с которым Карамон управлялся играючи. Чтобы хоть как-то компенсировать слабость, Рейстлин оттачивал ум до остроты кинжала.

Именно мудрость поможет ему выжить в мире, а не сила. Мудрость и мастерство мага. Правда, этот навык был еще не вполне развит: хотя Рейстлин упорно учился, ему пока запрещали использовать даже самые простые заклинания.

Поэтому, стоя у порога дома, который он делил с братом, Рейстлин горько размышлял, не стоит ли ему направиться в гостиницу, к женщинам и детям. По крайней мере, там его ждет горящий очаг, а не морозные ночи в лесу, в ожидании атаки

гоблинов. У Отика еще и горячий сидр есть… Но с другой стороны, помещение будет переполнено крикливыми детьми и плачущими младенцами.

После некоторого размышления Рейстлин предпочел общество гоблинов. А в бою он будет не только собирать стрелы, но и применит знания травника и целителя, ставшие очень ценными после того, как во время Катаклизма исчезли жрецы.

Рейстлин торопливо бросил в сумку несколько баночек с мазями и бальзамами, препятствующими заражению ран и помогающими от ожогов. Потом добавил ткань для перевязки и, закинув сумку на плечо, поспешил присоединиться к брату и остальным членам ополчения Утехи.

— Скорее, парень! — проворчал один из городских стражей. — Мы поднимаем лестницу.

Это был путь с земли на уровень уличных переходов, который можно было использовать как часть обороны города. Ни один враг не сумел бы без помощи крыльев атаковать Утеху, расположившуюся между стволов и верхушек деревьев. Большую опасность мог представлять огонь, хотя валлины горели не так хорошо, как другие деревья. Вокруг скрипели ковши и ведра — это люди торопливо черпали воду.

Рейстлин миновал большую толпу, которая собралась полукругом возле шерифа, но нигде не видел Карамона. Наконец он нашел брата стоящим рядом со Стурмом. Зажигающиеся тут и там факелы наполнили площадку дымом, и Рейстлин закашлялся.

— С тобой все в порядке, Рейст? — с тревогой спросил Карамон.

— Думаю, нет, — сказал Стурм, бросая на юного мага неодобрительный взгляд. — К тому же ночной воздух, холод, возможно, скоро бой. Надо ему укрыться…

Стурм Светлый Меч, сын Соламнийского Рыцаря, был на два года старше близнецов и перенял от отца недоверие к магам. Они с Рейстлином были знакомы уже десяток лет и долго не могли переносить общество друг друга.

— Возможно, тебе надо идти в гостиницу, Рейстлин, по крайней мере, там ты будешь в безопасности от… — Стурм сделал паузу и исправился: — Будешь в надежном месте.

— Возможно, тебе следует остудить голову в ведре, Стурм Светлый Меч, — язвительно ответил Рейстлин. — Если повезет, то люди могут принять ведро за шлем и немедленно произведут тебя в рыцари…

— Следи лучше за собой, — буркнул Стурм сердито, отодвигаясь в сторону, — но держись подальше от меня, у меня нет времени возиться с тобой.

— Да успокойтесь вы оба, — несчастным голосом произнес Карамон, наблюдавший за ссорой, — Шериф говорит…

— Мы получили известие, что те же самые отряды гоблинов, которые бродили в нашей области три недели назад, все еще рядом! Они планируют нападение на город! — Шериф указал на высокого, одетого в рванье человека. — Этот мужчина утверждает, что видел их разведчиков в лесу. Ему удалось подкрасться ближе и подслушать разговоры…

— Я немножко говорю по-гоблински, — скромно сказал бедняк.

— Фух! — фыркнул Рейстлин. — А я говорю на языке овражных гномов.

— Тише! — сказал Стурм, строго посмотрев на него.

— Все вы знаете, кому что делать, — продолжал шериф, — и кому какой пост занять. Лучники пусть расположатся в ветвях, воины — у подножия стволов.

— А я однажды видел гоблина! — раздался пронзительный голос, и маленькая рука замахала из гущи толпы. — Вроде в Кендерморе… или в руинах… может, в Палантасе? Могу показать место, у меня есть карта! Так или иначе, этот гоблин был большим уродливым дикарем с раскосыми глазами, он сказал мне, сказал, что…

— Это тот кендер, — прошептал Карамон, — который живет у гнома.

При звуках этого голоса каждый из обширной толпы вокруг шерифа немедленно начал проверять, на месте ли их мешочки, кольца, оружие или любые другие предметы, которые могли вызвать любопытство кендера. Рейстлин лихорадочно ощупал сумку с лекарскими принадлежностями и с облегчением убедился, что она еще подвязана к поясу.

Рассказ кендера был прерван звуками драки. После сдавленного выкрика «ой-йовмшш» грубый низкий голос прозвучал над толпой:

— Прошу прощения, шериф, он больше не будет вас прерывать.

Снова раздались приглушенные звуки: кендер явно собирался что-то выкрикнуть сквозь зажимавшую его рот руку.

— Хорошо, Огненный Горн, — произнес шериф, — убедись, что он будет держаться от нас подальше.

— Я прослежу, — промолвил с мягким акцентом высокий полуэльф.

— Спасибо, Танис. Теперь вернемся к делам. Так, кто принес ценности для сохранения, давайте их сюда.

Люди немедленно зашевелились, опуская мешки с монетами,

семейные реликвии и прочие драгоценности в большой металлический сундук. Шериф быстро составлял опись, которую для сохранности отправят в гостиницу. Когда последний сверток был уложен и описан, крышку закрыли и опечатали.

— Кто мне поможет? — спросил шериф.

Человек в потертом плаще немедленно поднял руку, но взгляд шерифа лишь скользнул по нему. Зато он задержался на Карамоне и Стурме, стоявших поодаль.

— Вы, молодые люди, — решил он — Берите сундук и идите за мной, я укажу нужное место. А двое стражей займут места спереди и сзади, наблюдая, чтобы никто не проследил наш маршрут. — Он пристально поглядел в глаза подошедшим юношам, — Обещайте сохранить расположение сундука в тайне.

— Клянусь честью сына Рыцаря Соламнии, — молвил Стурм торжественно, поднимая меч и целуя его эфес. — Пусть смерть заберет меня, если я не сдержу слова.

— Хорошо… Но я не особенно доверяю клятвам, парень, — сказал шериф мрачно. — Просто обещай — и все. А что насчет тебя, Карамон Маджере?

— Не скажу ни одной живой душе, — проговорил Карамон. — Могу даже зажмуриться, чтоб ничего не знать о тайном месте.

— Прекрасно, так и сделай, — блеснул глазами шериф. Он уже начал жалеть, что подобрал такую парочку. — Идите за мной, остальные по местам!

Ночь опустилась на Утеху. Никаких признаков присутствия гоблинов не было. Рейстлин, зевая и дрожа, сидел на ветке дерева ниже кузницы, ожидая любых возможных событий.

Он уже не раз пожалел, что поднялся с постели, и серьезно рассматривал возможность немедленного возвращения туда, когда прибежал один из стражей, сопровождавших шерифа с сундуком.

— Маджере! Идем со мной! — закричал он, как только заметил Рейстлина. — С твоим братом произошло несчастье!

— И что Карамон отколол на этот раз? — требовательно спросил Рейстлин, но сердце его болезненно защемило.

Карамон мог быть болваном и тупым чурбаном, но он был его братом и единственным членом семьи, который у него остался после смерти родителей.

— Он врезался в дерево со всего размаха, — усмехнулся страж. — Решил идти с закрытыми глазами.

Когда Рейстлин быстро собрался и проверил, взял ли все необходимое, он заметил краем глаза, что мужчина в потертом плаще наблюдает за его приготовлениями с повышенным

вниманием.

— Что нашел интересного? — раздраженно буркнул юноша.

— Только забеспокоился о друге, — тихо ответил мужчина. — Надеюсь, с твоим братом не случилось ничего серьезного.

— Если рана на голове, можешь не беспокоиться… — сказал Рейстлин.

Когда он прибыл на место, Карамон уже пришел в себя, что было хорошим признаком. Он даже начал узнавать собравшихся вокруг.

— Здорово, Стурм… Ну и дела, как голова гудит… Что случилось? Привет, Рейст, а ты что тут делаешь? Знаешь, где спрятали сундук с драгоценностями? В лодке…

— Заткнись! — хором закричали Стурм, шериф и оба$7

— Ты помнишь, как тебя зовут? — спросил Рейстлин, исследуя шишку размером с куриное яйцо на голове брата.

Карамон на миг задумался, потом лицо его прояснилось.

— Я Король-Жрец Истара.

Рейстлин вздохнул и повернулся к шерифу:

— Рана несерьезная, но, как видите, ему необходим уход. Могут стражи проводить его к гостинице? Ему надо согреться и лежать неподвижно, надо проследить за ним, пока не уснет.

— Хорошо. А он не будет больше болтать о потайном месте? — поинтересовался шериф.

— Если он начнет, говорите ему, что он ошибся и сокровища лежат на дне Кровавого моря. Я должен сбегать к Безумной Мэггин и взять травы для примочек. Как только смогу, присоединюсь к вам в «Последнем приюте».

— Но ты не должен блуждать тут в одиночестве, сынок, — сказал шериф, — не забывай о гоблинах.

Рейстлин прикусил язык, чтобы не брякнуть, что он думает о предстоящем нападении гоблинов.

— Карамону надо срочно оказать помощь, шериф. Иначе он будет считать себя Королем-Жрецом до конца жизни.

— Это было бы плохо, — промолвил Стурм. — С нас хватит и одного безумного… — Затем юноша великодушно добавил: — Я пойду с Рейстлином, шериф.

Рейстлин раздраженно нахмурился, но нельзя было тратить время на пререкания. — Хорошо, если ты настаиваешь… Идем, Светлый Меч.

Стражи подняли контуженого Карамона, стонавшего и жалобно бормотавшего при каждом шаге, и повели к гостинице. Последние слова, которые донеслись до них, были:

— Жгите еретиков!

Шериф пошел осматривать посты вокруг города, а Рейстлин со Стурмом зашагали в противоположном направлении, решив срезать путь через рощу. Дом Безумной Мэггин располагался в той же части города, что и «Корыто». Вскоре шум и свет факелов остались позади. Мостки были пусты — здесь уже давно никто не селился. Дерево прогнило и осыпалось, канаты и настилы угрожающе скрипели и раскачивались. Мрачно темнели заброшенные дома.

Двое юношей шли в тишине, каждому было нечего сказать попутчику. Только один раз Стурм спросил:

— Ты уверен, что с Карамоном все будет хорошо? Возможно, его надо показать кому-то еще… Кто более искусен в лекарском деле.

Рейстлин не снизошел до ответа на столь явное оскорбление, и на этом беседа завершилась. Они продолжали идти между толстых стволов валлинов, Стурм запалил факел и высоко держал его, чтобы было видно дорогу среди густых ветвей.

Две луны, серебряная Солинари и красная Лунитари, уже взошли и поднялись довольно высоко. Рейстлин поглядел на них и высчитал, что уже глубоко за полночь.

— Слушай, а мы идем… — начал Стурм, но так и не смог закончить вопрос. Рейстлин услышал сзади неясный шорох, но отреагировать уже не успел. Сильный удар оглушил его, крепкая рука зажала рот, а горла коснулась сталь.

— Только пикни, и я тебя располосую от уха до уха, — сказал кто-то.

Рейстлин чуть кивнул, показывая, что понял и будет держаться тихо. Острие слегка прокололо его кожу в знак того, что говоривший не шутит.

Хоть Рейстлин и замер, но попытался скосить глаза и посмотреть, что случилось со Стурмом. Он слышал звуки борьбы, звон стали и хриплое дыхание, затем последовал глухой удар и стон. Звук падения свидетельствовал о том, что борьба закончена.

— Ты его не прикончил, Головорез? — спросил другой человек, появляясь из гущи ветвей.

— Нет, Джек, только постучал ему по голове, преподав урок хороших манер. — Головорез потер челюсть и свирепо уставился на Стурма. — Он еще заплатит мне, ублюдок.

— Всему свое время. Свяжите им руки тетивами и поставьте на ноги. Зажгите свет, мне надо увидеть их лица… Если кто попробует кричать, немедленно прирежь…

— Свет? А если кто-нибудь заметит?

— Они примут нас за патруль ополчения.

Мужчина зажег фонарь, другой рывком поднял связанного Стурма. По лбу юноши текла кровь, но больше никаких повреждений не было заметно. Тот, кого назвали Головорезом, повертел в руках короткий меч Стурма и зашвырнул его в чащу. Стурм Светлый Меч стоял прямо и с вызовом смотрел на плениших его, особенно на человека в бедной одежде по имени Джек.

Рейстлин узнал его — это именно он говорил, что подслушал планы гоблинов о нападении на Утеху. В голове у юного мага мгновенно, со всеми отвратительными подробностями, возникла схема действий воров.

— Значит, никаких гоблинов нет? — спросил Рейстлин, когда ему связывали руки.

— О, конечно есть, и очень много. — Джек подмигнул ему. — Приблизительно в ста милях отсюда.

— Это была уловка, — объяснил Рейстлин смотрящему с негодованием Стурму. — Они хотели заставить нас собрать все ценное в одном месте.

— И вы, парни, сейчас расскажете нам, где оно спрятано, — сказал Изящный Джек, подходя к Стурму. — Только не говори, что не знаешь, — тебя я запомнил, ты нес этот проклятый сундук.

— Тебе придется меня убить, потому что я ничего не скажу, — спокойно ответил Стурм.

— Я не собираюсь убивать вас, — покосился на него Джек. — Мертвые вы совершенно бесполезны. Но я могу заставить вас пожалеть, что вы не умерли. Головорез не любит церемониться с людьми. Сначала он отрежет тебе палец или два, потом выбьет глаз…

— Твори свои ужасы, — холодно сказал Стурм. — Я не нарушу клятву.

«Нет, лучше ты позволишь им сделать из себя отбивную, проклятый глупец», — подумал Рейстлин. Видя, что никто не обращает на него внимания, он попытался пошевелить руками, проверяя, как туго связаны запястья и нельзя ли растянуть узлы. Путы поддавались, но, чтобы освободиться, требовалось много времени. А его как раз не было.

— Может, он желает умереть, — произнес Головорез. — А вот понравится ли ему смотреть, как умирает друг? Может, тогда он запоет по-другому?

«Вряд ли», — мелькнула у Рейстлина быстрая мысль, и он предпочел не дожидаться ответа Стурма.

— Я скажу вам, где спрятаны сокровища, — тонким голосом, изображая раболепие, закричал он. — Только не мучьте меня! Я скажу все!

— Да он не знает ничего, — презрительно бросил Стурм.

Рейстлин даже ухом не повел, не отрывая взгляда от воров.

— Точно, — сказал Джек, подумав, — не знаешь. Ты с ними не ходил, мы вместе стояли у лавки кузнеца.

— Мне выболтал брат, — запищал Рейстлин.

— Брат? Это тот большой бугай? Который сам врезался в дерево? — с сомнением проговорил Джек.

— Он прошептал мне на ухо, когда я осматривал его рану!

— А ведь он прав, Джек, — вмешался Головорез. — Я слышал, как большой парень болтал что-то о лодке, а остальные заткнули ему пасть.

— Значит, лодка… — В глазах Джека появился интерес.

— Я знаю какая! Я покажу вам все, только не мучьте! — умолял Рейстлин.

— Ты трус! — загремел Стурм, неистово задергавшись. — Да я тебя…

— Заткнись! — прикрикнул Изящный Джек. — Что касается тебя, парень… Пойдешь первым, и помни, если обманешь нас, сначала прикончим на твоих глазах друга, а потом возьмемся за тебя. Вперед.

Рейстлин подчинился, место ему было известно. Он бывал там много раз прежде, собирая травы с Безумной Мэггин. Но сейчас ему предстояло найти правильный путь в темноте, да еще с убийцей за спиной, который подталкивал его острием кинжала. Стоит ему хоть раз выказать сомнение, как ему перестанут верить, а потом убьют.

Рейстлин прошел через подлесок, в поисках ориентиров, которые указали бы, что они на правильном пути. По крайней мере, он был благодарен похитителям за то, что те заткнули Стурму рот платком. А то этот будущий рыцарь в приступе честности мог выболтать всю правду…

— Эй, мы идем уже слишком долго, — подозрительно сказал Джек. — Шериф не отсутствовал так много времени.

— Уже почти пришли, — откликнулся Рейстлин, вознося молитву Богам, если они действительно есть, что был прав.

Он уже вымотался и тяжело дышал, дрожа от рассветного холода. Когда он уже окончательно уверил себя, что пошел неправильным путем и заблудился, его коснулось дуновение влажного ветра, и юноша увидел звезды, отражающиеся в воде.

Это было именно то место — Рейстлин никогда бы не смог забыть этот запах.

— Вот оно. — Он с облегчением вздохнул.

— Где?

Воры посветили фонарем в разные стороны. Свет заиграл на

поверхности большого водоема, в котором окрестные фермеры мыли и поили скот. Неподалеку на мелких волнах качался маленький ялик, привязанный к дереву.

— Вон лодка! — крикнул один из грабителей.

— Сундук в ней, — промямлил Рейстлин и, видимо истощенный до предела, рухнул к подножию дерева. Оттуда юноша бросил на Стурма предостерегающий взгляд, но тот уже и так догадался о намерениях Рейстлина и тоже остановился.

— Я принесу сокровище, — проговорил Джек, — а вы будете караулить пленников.

— Угу, и позволим тебе уплыть, помахав нам ручкой. Я не вчера родился, Изящный Джек, — бросил Головорез, — поэтому пойду с тобой. А с местными пусть сидит Срезала.

— Чтобы позволить вам разделить все на две части вместо трех? Меня не проведете!

Все трое двинулись к лодке, намереваясь вытянуть ее на сушу, но в спешке не обратили внимания на красные вешки, предупреждавшие держаться подальше от этого места.

Их возбужденные возгласы внезапно сменились громким плеском и проклятиями, фонарь потух. Через несколько секунд послышались жалобные крики о помощи.

Воры угодили в смертельные объятия старой трясины.

Рейстлин быстро тер узлы, спеша освободиться, наконец, размяв затекшие запястья, вытащил кляп изо рта Стурма и взял его нож, чтобы разрезать основательно связанные руки Светлого Меча.

Крики грабителей перешли в отчаянный визг и плач.

Рейстлин отвернулся.

— Куда ты собрался? — спросил Стурм, расшнуровывая кожаный жилет. — Не можем же мы оставить их тут умирать.

— А я вот могу, — заверил его Рейстлин. — Как ты думаешь, что они собирались сделать потом с нами?

Стурм промолчал, быстро стаскивая рубашку.

— Пойдешь к ним — трясина засосет и тебя, — мрачно предупредил Рейстлин.

— Раз у меня есть шанс, надо его использовать. — Стурм напрягал глаза, стараясь лучше рассмотреть дорогу при свете звезд. — Скорее, наберем больших веток, а то долго они не продержатся. Поторопись.

— Но они — воры, Стурм! — воскликнул Рейстлин. — Убийцы!

Стурм притащил первую ветку и перебросил ее к трясине.

— Они — дети Паладайна, — сказал он, пробуя ногой зыбкую почву. — Иди сюда, Рейстлин, мне нужна твоя помощь…

— Можешь убираться в Бездну, — прошипел тот. — Вместе с детьми Паладайна.

Стурм не ответил, глубже уходя в болото. Рейстлин поколебался еще немного, но, видя, что Стурм не собирается отступать, принялся подворачивать край белой мантии, а затем двинулся за будущим рыцарем в отвратительную жижу, пускающую пузыри…

Юноши вернулись в «Последний приют», где Стурм передал связанных и угрюмых «детей Паладайна» шерифу, объяснив их грабительский план. Шериф уныло разглядывал воров: мало того что ему предстояло заняться судом, так еще и надо было объяснить гражданам Утехи, как легко его провели.

— Надо было утопить их в трясине, — проворчал он. — Никто не ощутил бы потери…

— Я ощутил бы, — натянуто ответил Стурм, но шериф, лишь покачав головой, увел заключенных к тюрьме.

Одежды Рейстлина пропитались грязью, в сапогах хлюпало. Он еще держался, но уже чувствовал боль в груди и жар лихорадки в крови. Завтра он свалится на много дней совершенно больной.

Отправившись к брату и обнаружив у того явные улучшения — Карамон больше не считал себя Королем-Жрецом, — Рейстлин сидел у огня, завернувшись в одеяло, и попивал медовое молоко, согревая горло.

— Могу я присоединиться к вам? — спросил подошедший Стурм.

— Да о чем речь, Стурм! — Карамон радостно пихнул ему стул. — Садись и выпей.

— Не смогу остаться с вами надолго — мать будет волноваться, — но я решил задержаться, чтоб извиниться перед Рейстлином.

— За что? — удивленно поднял глаза юноша.

— Я недооценил тебя сегодня вечером, — ответил будущий рыцарь. — Подумал, что…

Он замялся, и Рейстлин закончил за него:

— Ты подумал, что я жалкий трус, который продаст всех друзей, лишь бы спасти свою шкуру.

— Я ошибся, — признал Стурм. — Ты проявил мудрость и храбрость, вызвав мое восхищение.

— Спасибо, — сухо сказал Рейстлин.

Стурм поклонился и встал, собравшись уходить.

— Сэр рыцарь, — позвал юный маг.

Стурм замер, опасаясь очередной насмешки.

— Да?

— Рисковать собственной жизнью, чтобы спасти тех несчастных негодяев, было глупо, — сказал Рейстлин, — глупо, но благородно… Ты восхитил меня, решив не бросать людей, которые еще недавно собирались убить тебя.

Стурм Светлый Меч улыбнулся, что случалось с ним крайне редко:

— Спасибо.

— Вы хорошо поработали вместе! — вмешался с энтузиазмом Карамон. — Нам надо когда-нибудь втроем отправиться на поиски приключений!

Оба юноши вежливо кивнули друг другу.

— Небеса сохраните, — пробормотал Рейстлин.

— Не допусти Паладайн, — взмолился Стурм.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К „Dragonlance“ Вспоминает Джеф Грабб

Встреча с Трейси

— А вот и „Хьюлетт-Паккард-2500“, твой новый друг.

Так обратился ко мне Трейси Хикмэн, когда мы встретились впервые. Это происходило в старой гостинице „Клэр“, в центре города Лейк-Женева, штат Висконсин.

Если вы попадете в Лейк-Женеву сегодня, то увидите на месте отеля новое кирпичное здание с магазином шоколада на первом этаже. Мы беседовали как раз до начала капитального ремонта, и назвать дом обветшалым — значило сильно польстить ему. Журнал „Dungeon Hobby Shop“ занимал первый этаж, отделы дизайна и искусства TSR — второй и третий. Трейси сказал, что мы не можем встретиться в самом большом зале, потому что здание не выдержит веса нового человека и может развалиться. TSR тогда бездумно привлекала новых сотрудников, не думая, где смогут разместиться они или офисное оборудование. Горстка компьютеров была подключена к весьма темпераментной сета. У Трейси был свой компьютер, я же выполнял первые задания на пишущей машинке у входа в холл.

Но в тот день он показал мне, как работает компьютер, как передавать и принимать файлы и многое другое, включая расположение машин в сети, сооруженной между отделами на скорую руку. Из нашей беседы я уяснил, что Трейси находится на переднем крае технического прогресса, приветствуя возникающий Интернет. А еще он сказал, что на четвертом этаже был бальный зал, но неопытные танцоры вдребезги разнесли пол и расшатали половицы. Я слушал и учился.

Приблизительно половина из того, что он говорил, на следующий день забылась, но, когда я зашел к нему в офис, его не оказалось на месте. Я задал какому-то парню технический вопрос и поинтересовался, где можно найти Трейси, человека, работающего тут, как мне показалось, с самого основания. „Какой-то парень“ оказался дизайнером-ветераном Дэйвом Куком. Он только смеялся в ответ на все мои вопросы. „Он тут всего два месяца… но команду подбирает быстро“.

И с этим нельзя не согласиться.

Встреча с Маргарет

В первый раз встретив Маргарет, я солгал ей. Непреднамеренно, но факт остается фактом. Она работала первую неделю, и к тому времени мы переместили творческий отдел в новое здание, в помещение без окон, над складом с надписью „Хранилище“. У нас уже имелись компьютеры, но телефон был один на всех и стоял в конце коридора.

Одно из первых заданий Маргарет состояло в наведении порядка в иллюстрациях к „Heartquest“, книге, недавно написанной моей женой. Сроки сдачи поджимали, а Кейт отправилась на конную прогулку с приехавшими погостить друзьями. Это, насколько я знаю, была единственная оплошность в ее карьере. Времени не оставалось, и Маргарет пришла ко мне.

Я знал очень мало деталей из книги Кейт, но не хотел дискредитировать соавтора (не признаваться же, что не читал книгу жены). Я знал, что она о молодой женщине, ее лошади и нескольких поклонниках… Что еще сказать? И вот мне пришлось говорить об иллюстрациях с Маргарет. Думаю, что я переврал все — каждую деталь, цвет глаз и волос героини, породу лошади, погоду, антураж… Можно было быть уверенным только в том, что это женщина на лошади, остальное — чистая импровизация.

Когда я добрался домой и все рассказал Кейт, она сообщила мне, насколько я ошибся. Пришлось кидаться к телефону и пробовать исправить на ходу. Но Маргарет справилась довольно неплохо. Честно говоря, мы должны были дождаться автора, но она работала первую неделю, а я был горяч и хотел помочь любой ценой. Думаю, Маргарет простила меня за эту выдуманную иллюстрацию.

В отношении Кейт не уверен до сих пор.

Секрет происхождения „Dragonlance Setting“

Все началось с нескольких решений на уровне высшего менеджмента. Начальство принимало решение за решением, которые громоздились друг на друга, поэтому фирма TSR созвала всех талантливых парней и решила направить их энергию на создание модулей для ролевых игр, включая D D.

Дизайнеров и редакторов заставили выдумывать новые модули.

Много модулей.

Три низших уровня, три средних уровня, три высоких уровня,

три очень высоких уровня, три „Basic D D“, три „Expert D D“, три „Boot Hill“, три „Star Frontiers“, три „Gangbusters“.

Нам предстояло сформировать идею кучи ролевых трилогий, и мы справились хорошо… Ладно, кое-где просто ужасно, но многое ушло в печать. В результате горы бумаги вокруг нас выросли настолько, что грозили обрушиться и похоронить всех. Но мы уже добрались до тактики будущих столкновений… И тут Трейси Хикмэн подал идею трилогии приключений о драконах (эй, признайся, ты ведь играл тогда в Dungeons Dragons, не правда ли?).

Три модуля.

Один будет использовать добрых драконов. Один нейтральных. Один злых. Тогда менеджеру Гарольду Джонсону понравилась идея, и он велел Трейси развивать ее дальше. И скоро серия разрослась, теперь потребовался модуль для каждого цвета драконов. Их стало десять — пять цветных и пять металлических. Такого мы никогда прежде не делали.

Пора подать идею Большому Начальству?

Тут менеджеры спустили другой приказ: теперь над любым проектом нельзя было работать без четкого разрешения свыше. Это дало нам несколько недель простоя (для нас они стали месяцами), а начальство пока решало, за что нам браться.

К тому времени я закончил работу над заказом из компании „Marvel“ про супергероев, Трейси нарисовал все карты и временные шкалы для того, что стало впоследствии называться „Dragonlance Campaign Setting“. Я был буквально втянут в работу, частично потому, что пришлось много ездить с ним (Трейси купил у Гарольда подержанный автомобиль, который через некоторое время буквально самоликвидировался перед зданием старого отеля, и Трейси остался без средств передвижения, но это другая история).

Естественно, мы много говорили. И вот мои идеи потихоньку двинулись из D D в другой сеттинг. Инженеры из „Project Overlord“ стали гномами, добавились боги, платиновый и цветной драконы, раздув общее число до двенадцати. К нашей команде — а мы действительно к этому времени стали командой — присоединился редактор Карл Смит. Трейси уже вел переговоры с разными художниками, в частности с Ларри Элмором.

Мы предложили ему нарисовать четыре версии иллюстраций и подали их на рассмотрение Высокому Начальству. Там были ранние портреты Таниса, Рейстлина, Флинта, Речного Ветра и Золотой Луны. Мы говорили о длинной сюжетной линии и потенциальной линии игрушек (Воины-минотавры! Только у нас!).

И сигнал „вперед“ был получен.

Первоначальные четыре части были поделены между нами, я получил третью и стал заниматься разработкой Карамона и Рейстлина, а также прототипом Лорда Тоеда, впоследствии использованным Маргарет Уэйс в рассказе для журнала „Dragon“. Этот номер до сих пор висит у меня над лестницей. У Трейси он тоже имеется, а насчет Гарольда и Карла не знаю.

Теперь наша работа стала историей.

„Dragonlance“ был упорядочен и записан Маргарет Уэйс, превратившись в романы. И хотя я горжусь моим вкладом в сериал, всегда вспоминаю, насколько тогда проект висел на волоске и зависел от решений менеджеров. Все, в чем нуждался тогда Трейси Хикмэн, — это один-единственный шанс!

Джеф Грабб, один из создателей „Dragonlance“, написал пятнадцать романов, но только один из них и несколько рассказов посвящены миру Кринна (Лорд Тоед). Он продолжает работать над новыми мирами, недавно закончив очередные вещи для „Thieves’World“ („Мир Воров“) и „Diamond Throne“ („Алмазный трон“) Монти Кука.

Шелковые нити
Маргарет Уэйс и Трейси Хикмэн (Впервые опубликовано в сборнике „The Reign of Istar“)

Глава 1

Вайретскую Башню Высшего Волшебства во все времена было трудно найти, особенно сейчас, когда война близится к концу. Контролируемая лучшими магами Конклава, Башня перемещается в ужасном зачарованном лесу, полном опасных животных.

Многие видят, как молодые маги бродят, парят или просто сидят у самой опушки. Их лица бледны, дыхание с хрипом вырывается из груди, руки подрагивают. Все они должны преодолеть себя и бросить вызов судьбе. Если они достаточно отважны, лес расступится, разрешив им пройти, а магическая Башня сама найдет каждого.

Но это теперь. А раньше, перед Катаклизмом, мало кто мог обнаружить Вайретскую Башню Высшего Волшебства.

Она бродила в тенях леса, скрываясь от света дня, и, опасаясь нарушителей, уничтожала всех незваных гостей (особенно если их было несколько). В дни перед самым Катаклизмом маги Ансалона были необычайно подозрительны, страшась святого рвения Короля-Жреца, который боялся их растущей мощи и обвинял в жутких грехах.

И он был прав, что боялся. Своры внутри Конклава шли яростные, маги желали биться, но опасались, что боевые действия могут уничтожить мир. Они рассуждали так: лучше не нанимать первыми, а скрыться в благословенных тенях магии и ждать.

Ждать.

Был канун нового года, очень странная зима, пожалуй, самая теплая из всех, какие могли вспомнить жители Ансалона. Теперь мы знаем, что жара была вызвана гневом Богов, решивших наказать погрязший в грехах мир. Люди же считали, что это просто удивительное природное явление, а многие сваливали вину на гномов.

Была как раз такая редкая ночь, когда кажется, что мир замер и не дышит. Искры сыпались с черного меха кота, который сидел на черной мантии хозяина. Запах гибели распространялся в

воздухе, как аромат грозы.

Именно такой ночью некий мужчина вступил под сень Вайретского Леса и уверенным шагом устремился прямиком к Башне Высшего Волшебства. Никакие наваждения не могли остановить его. Деревья, что должны были напасть на любого нарушителя и разорвать в клочья, лишь отступали назад и низко $7

Человек игнорировал их всех, не говоря ни слова и не замедляя шаг. Достигнув Башня, он прошел сквозь запечатанные рунами стены, не потревожив ни одного стража и не вызвав ничьего интереса. Беспрепятственно пересек двор. По нему прогуливались несколько магов в белых и красных мантиях, что-то обсуждая тихими голосами — несомненно, трудности, обрушившиеся на остальной мир. Человек прошел между ними — никто не обратил на него внимания.

Он вошел в Башню и стал подниматься по лестнице, держа путь к большим палатам на самом верху. Комнаты для гостей и кельи учеников находились ниже, но все они пустовали этой ночью. Уже давно вход гостям был строжайше запрещен и никакие ученики не постигали тайное искусство. Это было слишком опасно — многие заплатили за настойчивость собственными жизнями.

Комнаты наверху занимали самые могущественные маги, члены Конклава. Семеро членов Ложи Черных Мантий управляли злой магией ночи, семеро магов в белых мантиях — доброй магией дня, а семеро в красном — промежуточной магией сумерек.

Мужчина вошел в изящно обставленную комнату, где каждая вещь знала свое место. Маг никогда не менял привычек. Книги заклятий, переплетенные в черную кожу, выстроились в алфавитном порядке, за ними ухаживали каждый день. Свитки в сотовидном хранилище выставляли напоказ полированные футляры. Магические кольца и жезлы аккуратно разместились по шкатулкам — на каждой висел ярлык, исчерпывающе поясняющий содержимое.

Черный маг работал за столом из черного дерева, в его поверхности отражался желтый свет масляной лампы, свисавшей с потолка неподалеку от его головы. Он заканчивал работу над свитком, нахмурив брови, шевелил губами, формулируя волшебные слова, перо опускалось в кровь ягненка и запечатлевало их на пергаменте.

Он не услышал, что прибыл гость. Двери в комнатах магов не имеют замков — каждый почтителен к личному имуществу другого, — поэтому человек вошел беспрепятственно, не ожидая,

пока отодвинут засов или повернут ключ, — впрочем, на свете не было замков, способных его остановить. Гость встал на пороге, пристально разглядывая мага и молча ожидая, пока тот завершит работу. Наконец маг закончил, размял дрожащие от напряжения руки, отбросил падающие на лицо спутанные седые волосы — и замер.

Его глаза расширились, затем он потряс головой, словно думая, что гость померещился ему от усталости. Человек на пороге, закутанный во все черное — от атласного капюшона до бархатного подола мантии, остался неподвижен.

Маг медленно поднялся.

— Подойди, Акар.

Маг так же медленно шагнул вперед, ощущая слабость в ногах и учащенное биение сердца в груди, а ведь он прежде не боялся никого на Кринне. Ему было под сорок, он был прекрасно сложен и высок. Рано поседевшие волосы обрамляли решительное, строгое и упрямое лицо. Сделав несколько шагов, он неловко опустился на колени и поклонился — первый раз в жизни.

— Повелитель… — едва вымолвил Акар, широко разводя руки в знак открытости и готовности подчиняться приказам. Маг не смел поднять голову, несколько раз пытался, но безуспешно. — Это такая честь…

Человек в мантии сделал плавное движение рукой, и дверь в помещение захлопнулась, затем еще жест, и сама она перестала существовать — теперь на ее месте была глухая стена. Маг краем глаза наблюдал за изменениями, и холод ужаса бежал по его спине — теперь отсюда нет выхода, кроме черных объятий смерти…

— Акар, — сказал ночной гость, — посмотри на меня.

Маг медленно, с усилием поднял голову, в его животе поселился холод, по лицу струился пот. Он сжал зубы, чтобы не выдать свое состояние невольным криком.

Посетитель внимательно смотрел на Акара. Белое лицо, обрамленное тенями капюшона, было словно создано из стали и льда.

— Кто я, Акар? Назови мое имя, — скомандовал он. — Назови так, как ты зовешь, когда просишь у меня частицу могущества.

— Нуитари… — задохнулся маг. — Нуитари, Бог Черной Луны…

Лицо Божества сияло мрачным, призрачным светом, из мрака одежд взметнулась бледная рука.

— Протяни мне левую ладонь!

Акар послушался, найдя силы для столь простого движения. Тонкие бледные пальцы Бога сжали сильную загорелую человеческую ладонь…

Маг уже не смог сдержать крика — боль вывернула его наизнанку, холод потек сквозь его тело, похожий на прикосновение обжигающего льда к влажной плоти. Но его рука не дрогнула, он не попытался отдернуть ее, продолжая стоять на коленях и содрогаться от мучительной боли.

Глаза под тяжелыми веками вспыхнули, и полные губы чуть раздвинулись в улыбке. Нуитари неожиданно отпустил своего слугу. Откачнувшись, Акар увидел на побелевшей коже пять отметин от пальцев Бога.

— Мой знак будет тебе символом и подписью, — сказал Нуитари, — чтобы то, что ты сейчас узнаешь, никогда не казалось тебе сном или вымыслом.

— Если бы я хоть раз так подумал, то усомнился бы в оказанной мне чести, — пробормотал Акар, глядя на отметины, затем вновь поднял взгляд на Нуитари. — Чем я могу служить, милорд?

— Встань с колен, присядь… У нас есть много тем для обсуждения, и не стоит пренебрегать удобствами.

Акар медленно поднялся и двинулся к своему столу, стараясь не морщиться от боли и не трясти горящую руку. Он знал, чего ожидают от него, поэтому, несмотря на боль, сотворил для гостя кресло из тьмы, скрепленное звездами. Маг подождал, пока Бог усядется, и лишь затем примостился на краешек рабочего кресла. Больную руку он спрятал в складки мантии, двигая пальцами каждый раз, когда ледяной огонь пробегал под кожей.

— Боги недовольны, Акар, — начал Нуитари. Полуприкрыв тяжелые веки, он смотрел на масляную лампу, что висела над ним. — Чешуя баланса начала давать трещины, угрожая миру и всем живущим. Разрушение Кринна предсказано… Чтобы его предотвратить, Боги решили предпринять определенные меры для восстановления равновесия. Через две недели, Акар, мы обрушим с небес огненную гору, которая ударит в Ансалон и расколет его на части. Она упадет на Храм Короля-Жреца, погрузив его глубоко в недра. Реки крови омоют храм, а волны моря навсегда затопят это место. Так будет, если человечество не раскается в грехах, чего, говоря между нами, Акар, оно точно никогда не сделает… — Нуитари улыбнулся.

Маг уже не ощущал боли в руке.

— Благодарю за предупреждение, Повелитель, я немедленно сообщу об этом остальным членам Конклава. Мы предпримем все необходимые шага, чтоб защитить нас…

Нуитари лениво взмахнул рукой, словно отбрасывая в сторону помеху.

— Не беспокойся. Мой брат Солинари и сестра Лунитари придут в залы магии и предупредят всех… Не надо бояться, все будет хорошо. Но, — мягко добавил Бог, — не делай никаких попыток быть вовлеченным в их дела. У меня для тебя есть другая, более важная задача.

— Да, Повелитель. — Акар наклонился вперед, всем своим видом выражая внимание.

— Завтра ночью Боги прибудут на Ансалон, чтобы спасти тех жрецов, которые остались верными и не поддались на извращенные догмы Короля-Жреца. В это время появится Потерянная Цитадель, сформировав мост между мирами. Истинные жрецы смогут войти в нее и отправиться в другие земли, далеко отсюда… Ты понимаешь, Акар?

— Я думаю, Повелитель, — нерешительно начал маг, — но не вполне понимаю. Какова моя роль в этом? Мое влияние на жрецов очень мало, особенно на тех, кто поклоняется Паладайну и ему подобным. Нет ни одного оставшегося в живых, кто служил бы Ее Темному Величеству. Король-Жрец издавал много эдиктов, темные жрецы первыми попали в его руки и в пламя так называемого очищающего огня.

— Ни одного оставшегося в живых? Странно. А ты когда-нибудь думал об этом, Акар?

Маг пожал плечами:

— Как я уже сказал, Повелитель, у меня мало влияния среди жрецов. Такхизис, Темная Королева, была выслана из нашего мира очень давно. Могу только предположить, что она оказалась не способна прийти на помощь к тем, кто призывал ее… Не спасла их от смерти в огне.

— Моя мать всегда помнит тех, кто служит ей, Акар, — прошелестел Нуитари. — И так же она помнит всех, кто подводит ее.

Маг вздрогнул от лютого приступа ледяной боли, закусил губу и прикрыл глаза.

— Прошу прощения, Повелитель, как могу я служить нашей Королеве?

— Ночью, когда мост между мирами окончательно сформируется, по нему двинутся истинно верующие жрецы разных Богов. В столь уникальный момент и души темных жрецов, томящиеся в Бездне, могут к ним присоединиться.

— Те, кто погиб, служа Темной Королеве, смогут вернуться в наш мир?

— Да. Раз все истинные покинут Кринн, то после падения

огненной горы не будет никаких жрецов, кроме поклоняющихся Ее Темному Величеству.

Акар удивленно поднял брови:

— Действительно интересный план, Повелитель. Он, несомненно, поможет в возвращении Такхизис из заточения. Но что конкретно должен делать я? Простите мне мою смелость, но я служу сыну, а не матери. Мои возможности лежат лишь в сфере магии, как и ваши собственные.

Нуитари казался польщенным таким ответом. Он склонил голову набок, и широко улыбнулся.

— Я окажу матери услугу. И маг, который послужит моей матери, получит богатую награду от ее сына.

— Ах-х… — задохнулся Акар, откидываясь на спинку кресла. — Что за награда, Повелитель?

— Власть. Ты станешь самым могущественным магом на Кринне — отныне и навеки. Сильнее Фистандантилуса…

— Мой учитель, — пробормотал Акар, бледнея при упоминании этого имени.

— Великий Фистандантилус будет вынужден склониться перед твоей силой!

— Фистандантилус? — зачарованно повторил Акар. — Я буду отдавать ему приказы… Но как это возможно?!

— С помощью Богов возможно все…

Однако было видно, что Акара эти слова не убедили.

— Я в полной мере знаю силу и власть этого мага. Его мощь способна конкурировать с силой любого Бога.

— Может, это лишь кажется ему самому? — Нуитари нахмурился, и тьма его одежд заколыхалась. — Этот Фистандантилус вызвал недовольство матери, даже сейчас он находится в храме Короля-Жреца, стремясь захватить Темную Королеву. Он явно раскрывает рот на кусок, который не сможет проглотить. Его необходимо остановить.

— Что мне делать, Повелитель?

— Если кровь доброго и верующего человека будет в гневе пролита на мосту, дверь в Бездну откроется и темные жрецы смогут вернуться.

— Повелитель, но как я смогу найти Потерянную Цитадель? Никто не знает, где она находится, известно лишь то, что она плывет в магических сферах мироздания. И нет очевидцев ее пребывания на Кринне с начала времен.

— Линии на твоей руке укажут путь, — произнес Нуитари.

Ладонь Акара вспыхнула, боль на мгновение едва не заставила его потерять сознание, кожа коробилась. Маг задыхался, из груди вырывался хрип и свист. Наконец он затих,

медленно поднес руку к лицу и вгляделся в ладонь:

— Вижу… Карта… Какие будут еще распоряжения, милорд?

— Только сталь вправе пролить кровь.

— Это значительно усложняет дело, — покачал головой Акар. — У магов из разрешенного к ношению оружия только кинжал…

— Найди того, кто исполнит приказ. Ты не должен промахнуться.

— Понимаю… я справлюсь. А как насчет стражи, Повелитель? Разве Боги не будут охранять мост?

— Там будет один из Богов Нейтралитета — Зивилин. Он не вмешается, пока ты или кто-то еще будете исполнять задуманное по собственной воле.

Акар мрачно улыбнулся:

— Я справлюсь, Повелитель. Думаю, проблем не будет. Спасибо за оказанную мне высокую честь.

Нуитари встал:

— Я долго наблюдал за тобой и, надо сказать, весьма впечатлен твоими успехами, Акар. Не подведи меня, не дай усомниться в моем выборе. Пусть благословение Черной Луны всегда пребудет с тобой, мой верный слуга.

Маг согнулся в низком поклоне, а когда поднял голову, увидел, что остался совершенно один в своих палатах. Глухая стена исчезла, дверь вернулась на свое место, недавно законченный свиток одиноко лежал на столе. Все было точно так же, как и прежде, если не считать мучительной боли.

Акар поднес руку к свету и вгляделся в знак темного Бога. Там проявились линии, тянущиеся к центру ладони. Он внимательно изучал схему, стараясь расшифровать ее, когда с лестницы донеслись звуки шагов и шорох мантии. Кто-то, видимо нежданный посетитель, негромко кашлянул.

— Прочь! — рявкнул Акар. — Не тревожить меня!

Маг достал чистый пергамент и принялся перерисовывать линии с руки. Человек, что стоял за дверью, кашлянул снова, но на этот раз приглушенно, словно посетитель зажимал рот. Акар раздраженно поднял голову, оторвавшись от работы:

— Пошел в Бездну вместе со своим кашлем! Прекращай отвлекать меня, кто бы ты ни был!

За дверью на миг настала тишина, потом шаги торопливо зашелестели вниз, вызывая слабое эхо. Акар уже не обращал на это никакого внимания.

Глава 2

Старший жрец хмурился, мрачно кривя губы и тряся многочисленными подбородками и массивным брюхом, скрытым под богатыми одеждами.

— И это все, что ты можешь сказать, сэр рыцарь?

Воин, к которому обратились с этими словами, понуро опустил голову, не замечая полной чаши, которую держал в руке. Это был еще юноша, „грохотавший доспехами“, как метко гласила рыцарская поговорка. Тело парня просто не успело вырасти до объемов панциря, который оставил в наследство отец. Если судить по мрачному, суровому лицу, ему рано пришлось взять в руки меч и взвалить на себя многочисленные обязанности. Он, наконец, поднял глаза и достойно встретил взгляд жреца.

— Сожалею, Праведный Сын, но это мое последнее слово. Отец пожертвовал достаточно на Храм в Истаре — на мой взгляд, более великодушно, чем должен был, — но и он не смог предвидеть будущего.

Девушка, что стояла за стулом рыцаря, неожиданно вышла вперед и приблизилась к священнику.

— И, кроме того, отец не предсказал, что однажды Король-Жрец возьмет свои слова, подтвержденные клятвой, обратно.

Они с юным рыцарем были настолько похожи, что сразу становилось понятно — это близнецы. Одинакового роста и веса, они даже искусству фехтования обучались наравне. Только копна длинных пышных волос, которые ниспадали густой волной до самых колен, выделяли сестру. Волосы брата были аккуратно подрезаны по плечи, а усы, как и подобает Рыцарю Соламнии, находились в безупречном порядке.

Но думали и действовали брат с сестрой всегда одинаково.

— Мир, Николь, — произнес брат, дотягиваясь до ее руки, но девушка была уже слишком распалена.

— Пожертвуйте на Храм еще, говоришь ты! Увеличьте славу Паладайна! Но мы увеличим не славу Бога, а твой кошелек!

— Придержи язык, дочь моя, — прошипел старший жрец, впиваясь в нее взглядом. — Ты накличешь гнев Богов!

— Дочь твоя? — задохнулась Николь. Покраснев и сжав кулаки, она сделала еще шаг к жрецу. — Не смей меня так называть! Два человека, имевшие на это право, уже мертвы. Отец, погибший на службе твоего лживого Короля-Жреца, и мать, скончавшаяся, не вынеся мучений и тяжелых невзгод!

Жрец, казалось, встревожился при виде разъяренной девушки, подступавшей все ближе. Он оглянулся на двух телохранителей с гербом Истара на плащах, стоявших у дверей. Чуть успокоившись, а может, вспомнив, что он гость в замке Рыцаря Соламнии, старший жрец вновь повернулся к юноше:

— Я не виню тебя за эту недостойную вспышку, сэр рыцарь. То, что твоя сестра не научилась почтительно говорить с человеком в сутане, не твоя вина, а скорее того человека, который преподавал ей уроки религии и веры.

Пристальный взгляд толстяка переместился на стоявшего в отдалении человека в скромной одежде семейного целителя. Он был молод, не старше брата с сестрой, но суровое выражение лица придавало ему солидности. Он не походил на обычного жреца Истара, не носил никаких драгоценностей на пальцах, лишь священный символ, висящий на кожаном ремешке, сверкал мягким синим светом на его груди. Целитель выглядел обеспокоенным обвинениями старшего жреца, но ничего не сказал в ответ — только поклонился.

Николь вспыхнула еще сильнее и посмотрела на него.

— Не обвиняйте брата Майкла в моем остром языке, Праведный Сын Паладайна, — тихо произнесла она. — Простите мою откровенность, но трудно видеть, какие лишения испытывают те, кто оставлен под нашим присмотром, и знать, что мы ничего не можем сделать для них.

— Есть многое, что ты можешь сделать, сэр рыцарь. — Старший жрец говорил только с юношей, игнорируя его сестру. — Обрати свои земли и имения лицом к церкви. Освободи воинов от службы — время опасностей миновало, воцарился мир и покой. Все зло уже стерто — или в скором времени будет стерто — с лица Ансалона. Посмотри в лицо фактам, сэр рыцарь. Раньше мы нуждались в рыцарстве и армии, чтоб охранять мир и защищать невинных. Но то время прошло, и настает новая эра, когда рыцарство становится устаревшим и старомодным, а его вера и убеждения — смехотворными… — Старший жрец улыбнулся, заколыхав толстыми подбородками. — Люди хотят нового развития, и его можем обеспечить только мы. Храм разошлет хорошо подготовленных жрецов, — он кинул уничтожающий взгляд на брата Майкла, — чтобы они могли принять контроль над мирными землями, собирать налоги и исполнять закон. Тебе, естественно, будет разрешено жить в замке, как почетному опекуну…

— Опекун! — Рыцарь побледнел и вскочил на ноги, нащупывая рукоять меча. — Опекун отцовского дома! Опекун благородного состояния, что передавалось от отца к сыну на протяжении нескольких поколений! Пошел вон! Убирайся, или, клянусь Паладайном, я тебя…

Он наполовину обнажил клинок. Жирное лицо старшего жреца пошло красными пятнами, глаза выпучились, он вскочил со стула, а его охранники выхватили оружие — под сводами зала

залязгала сталь.

— Праведный Сын, позволь мне сопровождать тебя к повозке, — шагнул вперед брат Майкл, старательно занимая место между оскорбленным жрецом и разъяренным рыцарем.

Николас с усилием взял себя в руки и вложил меч в ножны, сестра успокаивающе гладила его по плечу. Брат Майкл, продолжая непрерывно говорить, торопливо увлек старшего жреца Истара из зала. Но в дверях толстяк остановился и окинул всех уже ледяным и спокойным взглядом:

— Значит, ты посмел угрожать человеку в рясе именем Паладайна? Остерегись, сэр рыцарь, ибо гнев Богов падет на тебя!

— Сюда, сюда, Ваша Праведность, — потянул его за мясистую руку брат Майкл, и они быстро вышли в пустой темный коридор, стены которого украшали только забытые новогодние ленты, а реликвии прошлых лет давно исчезли, сменившись порванным и запятнанным кровью знаменем.

Старший жрец огляделся и презрительно фыркнул:

— Ты только посмотри, брат Майкл, как быстро пришло в упадок это прекрасное поместье. Где гобелены? Где старинные доспехи? Того и гляди, потолок рухнет на голову. Это позор — и я не успокоюсь просто так! Надеюсь, брат, ты сможешь указать этим двум гордым молодым людям ошибочность их путей.

Брат Майкл сунул руки в широкие рукава и молча рассматривал многочисленные драгоценности, которые носил старший жрец. Затем он покрепче сжал губы, чтобы неосторожные слова не принесли большей беды.

Жрец склонился к нему:

— Ведь будет жалко, любезный брат, если столь милых людей соберется навестить инквизитор?

— Но они — верные последователи Храма… — вскинулся целитель.

Старший жрец вновь фыркнул:

— Церковь желает получить эти земли. Если бы рыцарь выказывал себя истинно верующим, то беспрекословно отдал бы все, что имеет, в распоряжение Короля-Жреца. А раз он и его ядовитая сестрица противятся воле Храма, значит, они в сговоре с силами Тьмы. Верни их на истинный путь, брат Майкл, верни, или я начну задаваться вопросами о тебе…

Старший жрец, тяжело переваливаясь вслед за вооруженными до зубов телохранителями, почти добежал до своей повозки, спазматически дергая руками в благословениях для нескольких голодных крестьян, которые почтительно сорвали капюшоны с головы при его приближении. Но когда Праведный Сын скрылся внутри, на лицах людей проступили презрение и ненависть к

хозяину богатого фургона.

Брат Майкл еще долго стоял на пустой дороге в оседающих клубах пыли, сжимая рукой священный медальон,

— Даруй мне понимание, Мишакаль, — взмолился он своей Богине. — Ты — единственный свет в этом ужасном мраке…

Брат с сестрой, услышав скрежет колес по каменным плитам двора, вздохнули с облегчением. Рыцарь вытащил меч и с сожалением взглянул на острую сталь:

— До чего я дошел? Хотел обрушить оружие на святого жреца!

— Он заслужил это, — бросила Николь. — Жаль, у меня ничего не было, вот уж я бы пару подбородков ему подрезала!

Они обернулись на приближающийся звук шагов и увидели остановившегося в дверях семейного целителя.

— Заходи, брат Майкл, — пригласила девушка, принимая его неуверенность за нежелание их беспокоить. — Ты — член нашей семьи.

На самом деле Майкл обдумывал, как потактичнее передать им ужасную угрозу. Они так молоды, а вся их жизнь прошла в борьбе за выживание поместья — слишком мало Николас мог сделать для голодающих арендаторов. Его горстки воинов не хватало, чтоб защитить склады от постоянных нападений гоблинов, — от таких мыслей у Майкла всегда ком поднимался к горлу. Ему бы сейчас скакать на турнир в сияющей броне, завоевывая покровительство прекрасной дамы… А он круглый год сражается с голодом и нищетой, с каждым днем проигрывая эту бесславную битву. Даже собственного коня сэру Николасу приходилось использовать в пахоте.

Брат Майкл низко поклонился и тут почувствовал на рукаве мягкие пальцы,

— Неприятный разговор с Праведным Сыном? Прости, мой язык иногда бывает острее меча. Если это поможет, я пошлю большое письмо с извинениями и раскаянием…

Целитель в упор посмотрел на Николь, и девушка затаила дыхание. В его сердце теснилась любовь к ней, тоска, восхищение ее красотой и сострадание, — смесь этих чувств заставила горло юноши мучительно сжаться. Легонько пошевелившись, чтоб убрать ее руку, Майкл двинулся по комнате. Николь — дочь рыцаря, а он бедный жрец самого низкого уровня, без всяких шансов подняться выше.

— Так что случилось, брат Майкл? Что этот человек сказал тебе? — Николас шагнул навстречу, а целитель не смог себя заставить посмотреть ему в глаза.

— Он угрожал прислать инквизитора, милорд, — опустив

голову, пробормотал Майкл.

— Если мы не отдадим земли церкви?

— Да, милорд. Я глубоко сожалею, что тоже отношусь к ней.

— Относишься? — закричала Николь. — Да как ты можешь сравнивать себя с… ними! Ты работаешь ради людей и разделяешь с нами все трудности, не требуя никакой награды! О, я все вижу, брат! Даже как ты незаметно возвращаешь те монеты, что мы тебе платим за службу.

Она невольно расхохоталась, видя, как лицо жреца вытягивается от удивления, хотя впору было расплакаться.

— М-миледи… — Майкл запнулся, густо покраснев. — Вы и так делаете для меня слишком много… Мне ничего не надо… Одно то, что вы кормите меня, уже большая честь… — Целитель так смутился, что не мог продолжать.

— Николь, — быстро сказал Николас, — нам лучше обсудить неотложные вопросы. Значит, старший жрец решился в открытую угрожать нам и прислать инквизитора?

— Боюсь, что так, — промолвил брат Майкл, благодарный Николасу за то, что тот пришел ему из помощь и сменил тему. — Подобные случаи уже происходили.

— Но наверняка, — запротестовала Николь, — только с негодяями, магами, жрецами Темной Королевы и ее приспешниками? Мы всегда искренне верили в Паладайна.

— Раньше так и было, миледи, и не было причин бояться, — сказал Майкл. — Вначале Король-Жрец действительно пытался избавить мир от тьмы. Но он не понимал, что для окончательного ее искоренения придется убить всех, к чьему сердцу она хоть раз прикоснулась — даже слегка. Только признав постоянную тьму в мире и каждодневно противостоя ей, мы можем избегнуть поражения.

У брата Майкла была собственная тьма, как он считал, — его любовь к Николь. Она была отнюдь не такой чистой, светлой и святой, как ему хотелось. Слишком сильно было туманящее голову желание обладать девушкой: обнять ее и впиться в губы жарким поцелуем, распустить узел волос и ощутить их шелковистый водопад…

— Я понимаю, — мягко произнесла Николь, — я тоже ношу красивое платье, когда люди голодают, но, с другой стороны, я так замучилась чинить и штопать его. — Она утомленно провела руками по изношенной и латаной ткани. — Может, мы не правы, Николас? Возможно, это греховная гордыня — хотеть сохранить наши земли… Возможно, мы должны отдать все церкви… ведь так хочет Паладайн. А если этого желает наш Бог…

— Нет, — твердо сказал Николас. — Я не уверен в том, что

это желание Паладайна, а не Короля-Жреца и его Высокочтимых Сынов.

— Но почему?

— Потому, миледи, — откликнулся брат Майкл, — что Король-Жрец утверждает, будто знает помыслы Богов. Как подобное может говорить смертный?

— Ты служишь Мишакаль.

— Я следую законам Богини, выполняю ее заповеди. Но никогда не посмел бы заявить, что действую от ее имени, миледи.

— А разве неправильно хотеть избавить мир от зла?

Брат Майкл заколебался. Он сам дни и ночи проводил в размышлениях, но ответить на такой вопрос было непросто.

— А как дать определение злу, миледи? Слишком часто на это место подставляется тот, кто чем-то отличается от нас, или тот, кого мы не понимаем. Уничтожить всех магов? Но был великий маг Магиус, который бился рядом с отважным Хумой против Тьмы и был его самым большим другом. В местах, где я родился, около Кзак-Царота, живут кочевники, называющие себя Детьми Равнин. Согласно утверждениям Короля-Жреца, они варвары, но я никогда не встречал более щедрых и любящих людей. Они поклоняются всем Богам, даже тем, которые уже покинули Кринн. Когда кто-то заболевает, Дети Равнин молятся Мишакаль, но они просят и Моргиона убрать свою темную руку.

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурился Николас, — Моргиона и Темную Королеву давно выкинули прочь из нашего мира.

— Разве? — улыбнулся брат Майкл. — А чума и другие болезни тоже исчезли? Нет. И что мы говорим? Говорим: страдает недостойный. Но была ли недостойной ваша мать?!

Брат с сестрой замерли, переваривая неожиданную мысль.

— Ты намекаешь нам, брат Майкл… — протянул побледневший Николас, стараясь улыбнуться, — что нужно бросить вызов Королю-Жрецу? Подумай, прежде чем ответить. Как наш духовный наставник, ты окажешься в еще большей опасности, чем мы, если прибудет инквизитор.

Майкл ответил не сразу. Он сцепил руки за спиной и быстро заходил по залу, обдумывая каждое слово. Сестра подалась к брату, в волнении схватив его за плечо. Наконец брат Майкл повернулся к ним:

— Не делайте ничего. Пока. Я… я не могу объяснить, но у меня были странные видения в последнее время. Вчера вечером ко мне явилась Мишакаль, я ясно ее разглядел. Лицо Богини было печально, глаза полны слез. Она начала говорить что-то, но я не слышал… Потом она протянула ко мне руку и исчезла. Я буду

молиться, чтобы она вновь посетила меня, и испрошу совета. Затем я смогу ответить четко и непреклонно.

Николас облегченно вздохнул, казалось, с его плеч свалилась гора. Николь робко улыбнулась Майклу:

— Спасибо, брат, мы верим в тебя.

Целитель почувствовал выступивший холодный пот, он не мог противиться ее обаянию, настолько Николь была прекрасна. На миг их взгляды пересеклись, и девушка смущенно покраснела.

— Николас, — быстро сказала она, — пора заняться тренировками с мечом, мне не терпится разучить новый прием.

Брат подошел к стойке с разнообразным оружием и снял тренировочные мечи.

— Да, пожалуй, ты права, надо размяться и выкинуть этого жирного жреца из головы.

Он перебросил ей оружие, и Николь ловко поймала его.

— Сейчас, только сменю платье на подходящий костюм, а то оно и так ветхое. Не стоит сопровождать нас, любезный целитель, — весело подмигнула она брату Майклу. — Я знаю, что даже тренировочный бой смущает тебя…

Она не любит его. Почитает и уважает, но не любит. Чего он мог ждать от нее? Как мог надеяться? Целитель, не воин… Как сияют ее глаза при рассказах о храбрости и доблести на поле битвы. В мечтах она видит смелого рыцаря, а не скромного жреца.

Близнецы весело убежали, смеясь и шутя, оставив Майкла одиноким и опустошенным. Вздохнув, он побрел в семейный Храм возносить молитвы…

Глава 3

— Ты знаешь, что тебе предстоит?

— Знаю, — прорычал вождь гоблинов. Он походил на человека больше остальных и, соответственно, был гораздо опаснее по сравнению с прочими. — Гони монету.

— Половина сейчас, половина — когда доставишь рыцаря. Живым!

— Мы так не договаривались. — Гоблин скривил рожу, казавшуюся еще более мерзкой при свете красной Лунитари. — Ты сказал — доставить рыцаря. Ты не говорил, что хочешь живого рыцаря.

— А зачем мне мертвый? — раздраженно бросил Акар.

— Не знаю, что делают маги с мертвецами, и не хочу знать, — усмехнулся гоблин. — Но живой рыцарь требует другой

цены.

— Прекрасно, — нехотя согласился Акар и потянулся за черным бархатным мешочком с золотом.

Он отсчитал несколько кружков и протянул гоблину, который уставился на них с сильным подозрением.

— Они настоящие, — проскрежетал маг. — Чего вылупился, думаешь, исчезнут?

— Меня это не удивит, но вместе с ними исчезну и я. Запомни это. — Вождь торопливо затолкал награду в меховую сумку на поясе. — Завтра днем. Здесь.

— Да, здесь, — повторил Акар. Две тени разошлись в разные стороны и скрылись в окружающей непроглядной тьме…

Наступил рассветный час. Сон брата Майкла был неспокоен, и он неожиданно проснулся, услышав голос, позвавший его по имени. Целитель встал, тяжело дыша, и посмотрел в темноту своей маленькой комнаты без окон.

— Кто… Кто это?

Никакого ответа.

— Я нужен? Кто-то заболел?

Опять тишина.

Майкл опять прилег, говоря себе, что ему показалось и что надо снова уснуть. Он уже начал дремать, когда вновь услышал голос:

— Майкл… Майкл…

Целитель вновь сел, утомленный навязчивым сном.

— Что тут твори…

Целитель замер: прямо возле него мерцала синим светом фигура прекрасной женщины. Он, конечно, видел ее изображение раньше, но никогда — так близко. Теперь уже Майкл не сомневался, что она прибыла сюда помочь и утешить. Молитвы были услышаны.

Целитель не стеснялся наготы — Великая Мишакаль видит всех, когда они появляются на свет, так же как открытость их душ и сердец. Он соскользнул с кровати, упал на колени и распростерся на холодном каменном полу.

— Мишакаль, я твой верный слуга, повелевай мной. Каково твое желание?

Голос Богини был прекрасен — подобен пению множества птиц, шепоту матери и звонким серебряным колокольчикам на рассвете:

— Ты действительно истинный мой слуга, Майкл. Один из самых преданных. Я нуждаюсь в тебе, следуй за мной…

— Конечно, Избранная… — Целитель вскочил на ноги и принялся натягивать на себя все подряд, не думая, что он делает.

Синий свет ослеплял его, наполняя сердце радостью. — Кто-то болен… видимо, в деревне…

— Оставь заботы этого мира, брат Майкл, они больше не твои. — Богиня протянула ему дивную руку совершенной формы. — Идем…

Юноша услышал звуки рогов, выпевающих сигнал к началу битвы, услышал крики, скрежет доспехов и звон мечей, свист стрел, что пролетают мимо зубцов стен. Он оглянулся на дверь, которая вела к семейному храму:

— Но, Великая, там идет битва! Они будут нуждаться во мне…

— Недолго, — произнесла Богиня. — Паладайн сохранит их, спасет верные души и уведет из мира, которому скоро суждено погибнуть в огне. Сбрось свои заботы, Майкл, и пойдем со мной…

— А я увижу их снова? Николаса, Николь…

— На другой стороне. Ты подождешь их там, они скоро присоединятся…

— Тогда я иду. — Майкл даже обрадовался возможности уйти, отбросив боль переживаний и тягот жизни. А любовь его обретет подлинную чистоту…

Он уже протянул руку, чтобы коснуться Богини… как вдруг дикий крик разорвал утро, кулаки замолотили в его дверь.

— Майкл! Брат Майкл! Скорее, с Николасом беда! Он ранен и нуждается в тебе!

Голос Николь! Дрожь пронзила целителя до кончиков пальцев.

— Ты ничего не сможешь сделать, брат, — печально произнесла Богиня. — Верный и благородный рыцарь ранен, но сейчас, когда его сестра стоит тут и умоляет о помощи, беспомощного Николаса уносят нападавшие. Ты не успеешь прийти на помощь.

— Но если сэр Николас пал, кто будет командовать воинами? Замок захватят…

— Брат Майкл! Умоляю… — Голос Николь срывался на хрип.

Мишакаль пристально смотрела на своего жреца холодным взглядом:

— Чему суждено случиться — произойдет. Ты не можешь сделать ничего, чтобы предотвратить предсказанное. Не теряй веры в Богов и надейся, что все происходит к лучшему, когда не понимаешь, что творится вокруг. Ты недавно говорил: „Как смертный может утверждать, что действует от имени Бога?“ Если ты откажешься, испытывая недостаток веры, останешься и вмешаешься, то рискуешь приговорить всех — себя, женщину и остальной мир.

— Майкл, ты мне нужен! — билась об дверь Николь.

— Тогда пусть будет так, Великая, — медленно сказал целитель. — Я не могу оставить их.

Он сделал шаг назад, не в силах больше выносить сияние, исходящее от Богини, — начинали болеть глаза.

— Я люблю ее… Я люблю их обоих. Не могу поверить, что их смерти послужат во благо! Прости меня, Мишакаль.

Майкл двинулся к двери и положил руку на засов, несмотря на то, что его сердце разрывалось на части: он хотел идти с Богиней, но снаружи слышался голос Николь.

Засов пошевелился, и свет вокруг целителя начал меркнуть. Майкл обернулся.

— Завтра, в Ночь Судьбы, мост в Потерянную Цитадель откроется всем истинным жрецам. Те, кто сохранил веру, смогут по нему пройти…

Синий свет замерцал и окончательно исчез. Майкл рывком распахнул дверь, и Николь вцепилась в его рукав:

— Где ты был? Что происходит? Ты не слышал, как я звала?

— Я был… был погружен в молитвы, — неубедительно произнес юноша.

Ее глаза блеснули — дочь рыцаря не могла понять, как можно валяться перед алтарем и молить о спасении, когда другие мужчины берут оружие и сражаются. Николь решительно потянула целителя за собой, он несколько раз споткнулся, чтобы не отстать от нее. На Николь была только тонкая ночная сорочка, которая хлестала ее по лодыжкам; на белой ткани виднелись брызги крови. Майкл не успел даже рта раскрыть и спросить, что случилось.

— Они унесли его внутрь, — лихорадочно говорила Николь на бегу, — мы сняли доспехи. Рана серьезная, но не смертельная, однако надо спешить — он потерял много крови. Я оставила старого Джайлса рядом с ним.

— Нет нужды спешить, — прошептал Майкл, — мы все равно придем поздно.

Но, тем не менее, он побежал быстрее, словно пытаясь опередить судьбу. Они ворвались в комнату на первом этаже, рядом с выходом, — тяжелораненого не могли унести слишком далеко.

— Джайлс! — звала Николь. — Я привела целителя! Николас? Где вы все? Джайлс! О Боги! Паладайн! Нет!

Крик убитой горем девушки ранил Майкла больнее острой стали. Николь поднимала с земли тело старого слуги.

— Джайлс, очнись, где Николас? — Майкл опустился на колени рядом со стариком, из груди которого торчала стрела,

судя по оперению — гоблинская.

— Мишакаль, исцели… — Голос целителя задрожал — священный медальон Мишакаль, что он носил на шее, обычно сиявший синим пламенем Богини, был темен как ночь. Он запнулся, не зная, что делать дальше.

— Они… они взяли его, — неожиданно прохрипел старик.

— Кто взял? Джайлс, ответь мне! — закричала Николь.

— Гоблины… — Глаза слуги остекленели, голова бессильно поникла.

Майкл аккуратно опустил Джайлса на пол, потрясенный своей беспомощностью и горем Николь, и осмотрелся: вокруг все было разгромлено, окно выбитое палицей или дубиной, качалось на одной петле, кровь заливала подоконник,

— Его потащили туда, — сказал он. — Но зачем?

Николь безучастно глядела на пустую кровать и разодранные подушки, лицо девушки было белее мела.

— Почему? Гоблины — мясники и убийцы, они никогда не берут пленных. О, Николас… — Дрожь пробежала во ее телу; она рухнула на колени и зарылась лицом в остатки одеял.

Майкл осторожно, стараясь утешить, коснулся ее плеча:

— Миледи…

Николь рванулась к нему с диким криком:

— Ты! Это твоя ошибка! Если бы ты был тут раньше, вместо того чтобы ползать под юбками своей Богини, мой брат был бы спасен! Его раны были бы перевязаны и он мог бы оказать сопротивление!

В дверном проеме появился взъерошенный, залитый кровью лучник.

— Где милорд? Враги вновь начали атаку, каковы будут распоряжения?

Брат Майкл выпрямился, собираясь выложить воину ужасные новости о гибели сэра Николаса, но тут острые ногти впились в его руку как гвозди.

Вперед выступила Николь.

— Милорд скоро присоединится к вам, — сказала она ровным голосом. — Мы обрабатываем его рану.

— Пусть Паладайн поможет вам сделать это быстрее, — пробормотал лучник и умчался.

— Катарина! — закричала девушка. — Катарина, где ты?

Из соседней комнаты вышла старая женщина, нянька близнецов.

— Немедленно неси мужскую одежду, ту, что я использую для тренировок! Шевелись!

Катарина смущенно посмотрела на хозяйку:

— О миледи, на это нет времени, нам нужно бежать…

— Иди! — рявкнула Николь. — Делай, что тебе говорят!

Катарина беспомощно глянула на Майкла, который лишь развел руками, затем повернулась и побежала в кладовку, грохоча деревянными башмаками. Николь бросилась к валяющемуся на полу кинжалу Николаса и протянула его целителю.

Майкл посмотрел сначала на острое лезвие, потом на девушку:

— Мои обеты запрещают носить холодное оружие, миледи.

— Слабак! Я же не прошу, чтобы ты бился с ним! — Николь затолкала кинжал в его безвольную руку, потом распустила свои золотые волосы, ухватила их в кулак и повернулась спиной к жрецу, — Режь. По плечи, как у брата.

Майкл внезапно понял, что она задумала и ошеломленно пробормотал:

— Но, миледи… это шутка? Неужели…

— Да, именно это я задумала! — гневно посмотрела она через плечо. — Это единственный шанс спасти брата, как ты не понимаешь? Они похитили Николаса, а теперь устраивают новую атаку, чтобы прикрыть налетчиков. Надо немедленно опрокинуть гоблинов, тогда можно будет выслать отряд в погоню!

— Но ты женщина! Воины не пойдут за тобой.

— Они ничего не узнают, — спокойно сказала Николь. — Мы с братом достаточно похожи, чтобы я легко смогла, будучи в доспехах, обмануть всех. Кроме того, можешь не волноваться, брат, — горько добавила она. — Ты останешься здесь и сможешь в тишине помолиться за мою безопасность. А теперь режь!

Ее сарказм резал острее лезвия — только теперь целитель понял, как широка пропасть, разделявшая их. Иногда он надеялся, что она любит его. Иногда — что она ответит на его чувства. Если бы он был благородного происхождения или Николь — обычного, разве не могли бы они жить счастливо? Но теперь он увидел правду в ее глазах. Николь презирала его, презирала за слабость.

Майкл поудобнее перехватил волосы девушки и неловко взмахнул кинжалом. „Сколько раз, — горько подумал он, — я мечтал об этом мгновении — просто прикоснуться, пропустить эти пряди сквозь пальцы…“

Снаружи раздался леденящий крик, в окно влетела шальная стрела. Сжав зубы, целитель принялся кромсать золотые пряди.

— Милорд! — Седой сержант схватил рыцаря за руку. Кровь текла по его доспехам, он хромал — непонятно, от новой раны или от старой. — Милорд, это безнадежно, их слишком много!

Надо отступать!

— Нет! — неистово крикнул рыцарь, отталкивая его. — Скоро они выдохнутся! Перестрой людей для новой атаки!

— Милорд, мы будем готовы для последнего удара, — тихо сказал сержант.

Майкл, стоявший рядом, понял, что тот знает правду: их ведет не лорд, а леди. Жрец подвинулся ближе, желая дослушать беседу.

Сражение было коротким и жестоким. Он сделал многое, чтобы ослабить боль смерти, но в сегодняшнем бою слишком многие заметили, что целитель спрятал поглубже в одежды свой медальон, а с его губ больше не срываются молитвы. Майкл был способен лишь призывать милостивую и быструю смерть. Но мысль о том, что Николь могут ранить, приводила его в ужас. Что тогда?

— Что-нибудь еще, милорд? — почтительно спросил сержант.

Николь ответила не сразу, она была уже сильно измучена, неровно подрезанные волосы, что падали на плечи, блестели от пота. Любой другой рыцарь давно бы скинул шлем в перерыве между атаками, чтобы обтереть лицо и освежить голову…

Майкл посмотрел с высоты стен на ближайший лес. Уже давно наступил день, и враги были хорошо видны, — впрочем, они и не делали тайны ни из своего присутствия, ни из своего числа. А вокруг рыцаря оставалась лишь жалкая горстка воинов.

— Сообщи людям, что я освобождаю их от обязательств, — низким голосом произнесла Николь старику. — Если они хотят бежать, пусть спасаются… Гоблины будут слишком заняты грабежами и поджогами, чтобы преследовать их.

— Очень хорошо, милорд, — поклонился сержант.

— Передай им мою благодарность, они сражались храбро.

— Да, милорд. — Голос старого служаки был глух. — Лорд присоединится к нам?

Николь промолчала. Майкл выступил вперед, собираясь сообщить каждому правду, но спасти ее. Все, что угодно… Он поймал взгляд вспыхнувших синих глаз из прорезей шлема — и словно примерз к месту.

— Да, но чуть позже, — ответила она. — И не ждите меня, я попытаюсь спасти некоторые реликвии.

— Милорд!

— Иди, Джофри, передай мою благодарность и благословение. — Рыцарь протянул руку в латной перчатке.

Сержант упал на колено и приложился к перчатке губами.

— Никогда в моей жизни я не видел благородного рыцаря, который сражался бы с такой отвагой. Пусть Паладайн всегда

благословляет тебя! — Старик склонил голову, по его морщинистым щекам текли слезы.

Когда он исчез в дыму, выкрикивая приказы, Майкл решительно взмахнул руками:

— Ты должна идти с ним, миледи!

Николь даже не поглядела на него, она не отрывала взгляда от кишащего гоблинами леса.

— Сегодня твои молитвы не сработали, брат Майкл…

Лицо целителя залилось краской стыда, он ссутулился, собираясь уйти. Неужели она тоже узнала правду или догадалась?

— Постой, Майкл, — тихо позвала Николь. — Прости меня… И проси Богов простить меня. Просто… нет никакой надежды!

Обессилев, она на миг привалилась к жрецу, и он с трудом смог удержать девушку в полном рыцарском доспехе.

— Надо уходить, миледи, — горячо зашептал Майкл.

— Да, — пробормотала Николь, словно в изумлении, — недалеко от замка есть пещера. Мы с Николасом часто играли там в детстве. Она хорошо скрыта, и мы будем в безопасности.

— Есть что-то, что надо взять с собой? — беспомощно спросил Майкл. Он посмотрел на стены замка — даже теперь они казались мощными и неприступными. Было трудно вообразить, что теперь они не могут дать убежища. — Может, слуг?

— Я их давно отослала, остальные сбежали, — сказала Николь. — Мы одни. — Она сняла шлем, открыв пепельно-серое лицо, измазанное кровью и блестящее от пота. — У большинства из них родственники в этой области, они предупредят всех, чтобы прятались или уходили в лес. А драгоценности мы продали несколько лет назад, все самое ценное сейчас со мной. — Николь с нежностью посмотрела на меч брата, который принадлежал до этого их отцу, а еще раньше — деду. — Но нам нужна еда и бурдюки с водой.

Из леса раздался дикий рев гоблинов — оттуда выкатилась и понеслась по истоптанным полям черная волна воинов. Ворота были заперты, и требовалось некоторое время, чтобы открыть их, даже при том, что их никто больше не охранял.

Губы девушки сжались, она надвинула шлем и взмахнула мечом:

— Держись за мной, но не суйся под руку с оружием. Возможно, придется пробиваться к выходу.

— Да, миледи.

Они поспешили к лестнице, ведущей вниз, но тут Николь остановилась и, повернувшись к Майклу, прошептала:

— Мы найдем Николаса, и ты излечишь его…

Целитель лишь кивнул — ему нечего было ответить. Они нырнули во тьму спасительных переходов. Жрец чувствовал, как на него наваливается отчаяние. „Все безнадежно, — хотелось закричать ему. — Даже если мы найдем твоего брата, мне не вылечить его! Как ты сама этого не понимаешь и не видишь?“

Схватив символ Мишакаль, он вытащил его из складок одежд. Если бы медальон горел как раньше, то мог бы рассеять мрак. Но теперь вокруг продолжали клубиться молчаливые тени. Юноша опустил символ на грудь и тяжело вздохнул.

— „Ты все увидишь сама, уже скоро… Тогда можешь презирать и ненавидеть…“

С такими мыслями Майкл последовал за Николь.

Глава 4

Ночь готовилась расправить крылья над землей. Николь стояла у входа в пещеру и смотрела на последние лучи багрового солнца. Дым костра разъедал

глаза и забивал ноздри гарью, ветер иногда доносил хриплые крики и дикий смех гоблинов.

— Надо отдохнуть, миледи, — мягко сказал Майкл.

— Ты поспи, брат Майкл, а я буду стоять в дозоре.

Дух Николь был силен, но он не мог добавить силы мышцам. Не успела девушка произнести эти слова, как колени ее подогнулись, и Майкл едва успел подхватить ставшее безвольным стройное тело. Он с трудом вынул из судорожно сжавшихся пальцев Николь меч, перепачканный черной кровью гоблинов, добрел до ручья и вымыл руки холодной водой.

— Разбуди меня до рассвета, — невнятно пробормотала девушка, когда целитель вернулся. — Пойдем следом… надо найти Николаса…

Она спала, а Майкл, прикрыв глаза, сидел рядом; слезы усталости и отчаяния душили его, к горлу подступал ком. Он так ее любит и так подведет ее. Даже если они найдут Николаса, что они смогут сделать с армией гоблинов? А он еще и не сумеет исцелить юного рыцаря. Завтра ночью мост в Потерянную Цитадель откроется всем истинным жрецам — пройдут только праведные… Голос Мишакаль вновь зазвучал в его ушах — Богиня давала шанс искупить грехи. Завтра ночью… У него есть день, чтобы найти мост, место, о котором известно лишь из легенд. Он пересечет мост, и свет Богини вновь снизойдет на него, успокаивая боль этой безнадежной любви и бесполезного

существования. Только там он сможет вновь обрести потерянную веру…

— До свидания, Николь. Когда ты проснешься, меня здесь уже не будет, — сказал Майкл. Протянув руку, он погладил искромсанные волосы девушки. — Не сердись на меня, но ты не нуждаешься во мне.

Я был бы лишь обузой, слабый мужчина, не сумевший призвать на помощь власть своей Богини. Да одна ты и пойдешь быстрее…

Целитель медленно покачивался, не собираясь засыпать. Но успокаивающая дремота подкралась незаметно, голова Майкла свесилась, и он медленно сполз по стене. Юноша не видел, как в темноте медальон вновь запылал мягким синим светом, охраняя и оберегая. Этой ночью никто не потревожил их, хотя немало злобных существ прокрадывалось мимо входа в пещеру под покровом тьмы. Однако с рассветом сияние исчезло…

Маг в черной мантии сидел на корточках посреди поляны в чаще леса. Был самый разгар утра, солнце сияло сквозь клочья дыма, что носился меж верхушек деревьев. Акар раздраженно чихнул, затем вновь вернулся к гадальным камням, разбросанным перед ним. Внимательно вглядываясь, он повернул один:

— Это Ночь Судьбы. Истинные жрецы покинут Ансалон. У меня есть последняя ночь, чтобы найти Потерянную Цитадель… Где эти проклятые гоблины? — Акар мрачно посмотрел на дым. — Наслаждаются победой, конечно. Посмотрим, сколько продлится их веселье, если они обманут меня.

Его размышления прервал шелест ветвей. Акар одной рукой мгновенно сгреб камни и швырнул их в черный бархатный мешочек и быстро отступил под защиту деревьев. Слова смертельного заклинания уже клубились на его губах.

На поляну вышли четверо гоблинов, весело и громко хвастаясь своими подвигами. Между ними виднелись носилки, на которых лежал человек. Маг выругался, заметив, что рыцарь неподвижен.

В центр поляны вышел вождь и заорал на весь лес:

— Маг! Покажи себя, да живей! Я хочу получить свои деньги!

Акар покинул укрытие, прошел мимо вождя, проигнорировав того, и приблизился к опущенным носилкам. Молодой рыцарь застонал и скорчился от боли. По его внешнему виду было понятно, что он плохо осознает, что с ним случилось. Николас посмотрел на мага с выражением, которое Акар назвал для себя „холодным“.

— Что это?! — воскликнул он. — Что вы притащили?

— Рыцаря Соламнии. Только вот броню с него успели

снять. — Голос гоблина звучал расстроено. Наверняка он сам рассчитывал получить доспехи.

— Ха! Он слишком молод, чтобы быть рыцарем. А даже если это так, он почти при смерти. Какая мне от него польза?

— Радуйся, что он хоть в таком состоянии, — зашипел вождь. — Ты думал, соламниец сдастся без борьбы?

Маг склонился над юношей, грубо сорвав окровавленные повязки с живота, и посмотрел на рану. Николас закричал от боли, сжав кулаки. Кольцо, знак рыцаря — владетеля манора, ярко вспыхнуло на свету. Акар схватил его и удовлетворенно хмыкнул:

— Так-так… значит, ты действительно рыцарь…

— Что тебе надо от меня? — задохнулся раненый, но маг не обратил на его слова внимания, изучая серьезность повреждений. Он почувствовал лихорадку, сотрясающую тело, и присел рядом:

— Он протянет не больше часа.

— Тогда делай то, что задумал, быстро, — ухмыльнулся гоблин.

— Исключено. Он мне нужен живым на всю ночь.

— И что? Теперь захочешь, чтобы мы притащили к тебе жреца? — откровенно глумился вождь.

— К сожалению, в округе не найдешь ни одного жреца, который мог бы излечить его.

Вождь развел руками:

— Тогда сам позаботься о нем, ты же вроде маг. Может, твои заклятия годны на что-то? Заплати нам и поступай как знаешь. У нас впереди еще много важных дел. Замок оказался полностью пустым, когда мы захватили его. А говорят, там была красотка…

Рыцарь зарычал, изо всех сил пытаясь подняться. Его рука бессильно зашарила по боку в поисках меча.

— Береги силы, — вставая, пнул юношу Акар. Настроение его стремительно улучшилось, он почти улыбался. — Вот ваша плата!

Дождь золотых монет посыпался под ноги вождю гоблинов. Тот настолько изумился перемене настроения мага, что открыл рот и изумленно воззрился на деньги.

— Эй, вы, подберите все! — наконец гаркнул он своим подчиненным.

Гоблины гурьбой кинулись исполнять приказ, а вождь с удивлением посматривал на человека, который стоит так дорого. Акар потерял к уродливым воинам интерес и вновь повернулся к рыцарю, который изо всех сил старался не показать слабости.

— Что тебе надо? — вновь прохрипел Николас.

— Этой ночью мне необходимо пролить кровь истинно верующего человека на мосту в Потерянную Цитадель. К

сожалению, сэр рыцарь, ты прекрасно подходишь на эту роль. По крайней мере, все твои люди в этом уверены, а в наши дни это редкость, уверяю. А потом черные жрецы получат шанс вернуться обратно из Бездны…

— Я скоро умру, — улыбнулся рыцарь, — и рад, что не буду тебе полезным, хвала Паладайну.

— Не радуйся, сэр рыцарь. Моя магия достаточно сильна, хоть я и не смогу излечить тебя. Да честно, и не хочу. Представляю, сколько хлопот ты бы доставил всем, будучи здоровым. Но ты останешься живым до самой Потерянной Цитадели — это в моих силах, хоть и обойдется мне в год жизни. — Маг пожал плечами. — Но что с того? Когда я обрету власть, сравнимую с мощью Фистандантилуса, то легко верну этот год, да еще и с процентами!

Акар вскинул руки, пристально вглядываясь в голубое небо, туда, где плыла черная луна Нуитари, которую даровано было видеть только магам Ложи Черных Мантий.

— Мое желание таково: пусть рыцарь остается в живых, пока не встретит смерть от острия кинжала! — Маг выхватил собственный нож и поднял его к невидимым звездам. Темный металл на фоне неба внезапно вспыхнул бледным, холодным светом.

— Желание сбудется! — удовлетворенно расхохотался Акар.

— Нет! Паладайн, не допусти этого… Возьми мою жизнь, убей меня сейчас! — Рыцарь отчаянно пытался встать на ноги. Он разрывал на себе повязки, покачиваясь на носилках и пробуя ползти к лесу.

Акар неподвижно наблюдал за его попытками. Николас умудрился встать на колени, но тут силы полностью оставили его. Рыцарь с удовлетворением смотрел, как кровь хлещет на землю. Ужасная боль навалилась на него, и юноша приготовился умереть.

Но смерть не приходила.

Акар коротко свистнул, и к нему подбежала лошадь, запряженная в маленькую повозку, черная, как гоблинская кровь. Ее, собственно, так и звали. Маг нагнулся и, тяжело перевалив тело рыцаря через борт, неторопливо принялся связывать руки и ноги Николаса.

— Я, конечно, не думаю, что ты можешь причинить мне вред, — задумчиво проговорил он, — но вы, рыцари, — крепкая порода… Сожалею, что ничего не могу сделать для того, чтобы облегчить твою боль. Попробуй не стонать слишком громко — тут водятся весьма опасные существа. А нам еще надо найти Потерянную Цитадель…

Акар прыгнул в повозку и, дернув поводья, посмотрел в небо. Там стремительно промелькнула тень, и маг мог бы поклясться, что тень эта не простая. Он краем глаза вгляделся в солнечный свет и через некоторое время увидел искомое. Тень, заметная, только если смотреть под определенным углом, представляла собой широкую полосу тьмы, прорезающую лучи солнца. Все на земле, чего касалась тень, немедленно охватывало пламя, лес расступался, превращаясь в пепел и испуская удушливый ядовитый дым.

Акар фыркнул, сзади закашлялся сэр Николас. Когда дым немного рассеялся, унесенный северным ветром, маг увидел, какая ужасная дорога пролегла через лес.

— Нуитари, благослови, — пробормотал Акар, понукая лошадь ступить на выжженную землю.

Глава 5

Николь и Майкл легко шли по следу гоблинов… слишком легко. Армия уходила, оставляя за собой широкую просеку, по которой к горам катились телеги с добром. Гоблинам не было нужды скрывать свое присутствие, в они не опасались погони: у рыцарей в соседних замках свои заботы и слишком мало людей.

Майкл с тревогой посматривал на свежесрубленные деревья и раненых гоблинов, которых товарищи предпочли добить и бросить на дороге. Но никаких следов брата Николь.

— Миледи, если они действительно везут твоего брата, то сколько у нас шансов освободить его? Ведь гоблинов… не меньше сотни! — сокрушенно покачал головой Майкл.

— Тогда я достойно умру рядом с ним, — ответила Николь, поднимая голову от следа и привычным движением попытавшись отбросить волосы за спину. — Ты знал, с чем мы столкнемся, я предупредила тебя утром.

Майкл не хотел вспоминать о нынешнем утре: спросонок не узнав друг друга, оба непроизвольно схватились за оружие. Он хотел сказать девушке о решении покинуть ее, но не осмелился…

Тишина становилась тягостной, — несомненно, она тоже подумала об утреннем недоразумении.

— Николь… — начал целитель, пытаясь выразить то, что было у него на душе.

Девушка быстро отвернулась и с внезапной застенчивостью уставилась в землю.

— Ты слышал когда-нибудь, чтобы гоблины брали

заложников, брат Майкл? — Она сделала особенный акцент на его звании.

Майкл вздохнул и устало покачал головой:

— Нет, никогда. Требуется много умения, чтобы в дальнейшем обменять пленных на выкуп, а гоблины думают только о грабеже и убийствах.

— Верно, но все-таки они преднамеренно похитили Николаса — его одного. Больше попыток увести в плен не было, а Джайлса убили… Почему?

— Значит, у них был приказ схватить твоего брата.

— Вот именно, Майкл! — Лицо Никель озарилось от этой мысли, она даже забыла про формальности в обращении. — Нападение на замок тоже было отвлекающим маневром, чтобы скрыть главную цель — захват Николаса. Значит, кто-то или что-то хочет получить его живым!

— Да, миледи, — согласился Майкл, думая о том, что, возможно, брату Николь следовало бы желать смерти.

Следующие несколько часов поисков не дали никаких результатов. Целитель надеялся уговорить Николь найти убежище в одном из соседних замков, чтобы сам он мог уехать…

— Майкл! — Возбужденный голос девушки прозвенел в воздухе как колокольчик.

Целитель поспешил через кусты к ней.

— Посмотри, посмотри на это! — Николь указывала на кровавое пятно в притоптанной траве. Кровь была красной и явно человеческой.

Прежде чем Майкл смог вымолвить хоть слово, девушка уже мчалась по новому следу, который отходил в сторону от основного пути отряда гоблинов. Он поспешил за ней, не зная, благодарить или проклинать Богов за этот неожиданный знак.

Они выскочили на поляну и замерли. Хотя солнце ярко сияло с небес, здесь ощущалось присутствие зла. Пальцы Николь бессильно сжимали эфес меча. Она посмотрела на Майкла и, поежившись, придвинулась ближе к целителю, которому тоже было не по себе в столь мрачном месте.

— О, Майкл, — отрывисто прошептала Николь, — где он? Что они с ним сделали? Я…

Внезапно она закричала — при виде большой лужи крови под кустом и обрывков грязных бинтов и повязок, которые сама наложила на раны брата. Девушка застонала и, закрыв лицо руками, начала оседать на землю. Майкл обнял ее, поддерживая.

— Миледи, нам нужно уходить отсюда! — Любовь Майкла жгла его разрывающееся сердце смертельным огнем. — Я провожу тебя до замка сэра Томаса, там безопасно.

— Нет! — Николь торопливо вытерла мокрые глаза и отодвинулась от него. — Я на мгновение допустила слабость. Просто это место так ужасно… — Она огляделась, содрогаясь, — Но Николаса тут нет, — продолжала девушка уже более мрачно и решительно. — Они должны были как-то везти его дальше…

Николь начала рассматривать следы на поляне и быстро обнаружила тележную колею вместе с новыми пятнами крови. Они пошли по ним и вскоре наткнулись на выжженную в лесу черную полосу. Майкл с ужасом смотрел на уничтоженные растения, и кровь стыла в его жилах.

— Такое чувство, словно мы через щелку заглянули в Бездну, — вымолвил он.

Николь была бледна как полотно, целитель видел, какая сильная дрожь бьет ее.

— Я не могу идти туда…

Ветер стонал в вершинах почерневших деревьев, словно издавая крики боли… и вдруг Майкл с ужасом понял, что это человеческий голос! Он оглянулся на девушку, надеясь, что та не услышит.

— Миледи, нам действительно надо убраться подальше от этого злого места.

— Николас! — вскричала Николь. — Я слышу тебя! Мы уже идем!

Она шагнула прямо в искаженные, расплывчатые тени дороги, но Майкл удержал ее:

— Николь, подумай, что ты делаешь!

Девушка решительно отпихнула его:

— Я иду, а ты, трус, можешь оставаться. — Но тут она передумала и намертво вцепилась в брата Майкла. — Хотя нет, ты пойдешь со мной и излечишь его!

— Да не могу я! — дико закричал целитель, выдергивая священный символ из-за пазухи. — Медальон темен! Темен, как камни на этой проклятой дороге! А ты знаешь, что это означает? Богиня отвернулась от меня и не ответит на молитвы. Даже если мы найдем Николаса, я ничего не смогу для него сделать.

— Но… как? — Николь потрясенно воззрилась на него. — Как могла Богиня оставить тебя?

„Потому что я отказался последовать за ней! Я сделал это ради тебя и Николаса!“

Майклу хотелось закричать, выразить свою обиду и боль, гнев на нее, гнев на Богов… Но он не должен гневаться, это неправильно. Истинный жрец никогда не впадает в ярость, никогда не подвергает сомнению Богов. И целитель взял себя в руки.

— Я не могу объяснить, — сказал он устало. — Это касается только меня и Богини… А теперь давай уйдем, мы ничего не можем сделать.

Руки Николь бессильно упали.

— Спасибо, что сопровождал меня так долго, — холодно и разочарованно произнесла она. — Тебе больше не нужно идти за мной. В этом злобном месте больше опасности для тебя, чем для меня, — ты теперь совершенно беззащитен. Прощай, брат… я имею в виду — Майкл.

Девушка медленно повернулась и двинулась через разоренный огнем лес. Тени мгновенно затанцевали вокруг, и вскоре Майкл уже не мог разглядеть даже блики солнца на ее латах.

Целитель остался один возле мрачной дороги. Слова Мишакаль, о которых он предпочел не вспоминать, вновь пришли на ум: „Чему суждено случиться — произойдет. Если ты откажешься, испытывая недостаток веры, останешься и вмешаешься, то рискуешь приговорить всех — себя, женщину и остальной мир“.

Он остался. Он вмешался. И помог Злу излиться на Николь, а возможно — и на весь мир!

— Я должен верить, — сказал себе Майкл. — Она ушла. Паладайн защитит ее, а любовь — лучшая броня Николь… Она может потерять только жизнь, я же рискую душой. Мне нужно найти Потерянную Цитадель и просить прощения у Мишакаль. У меня осталось полдня на поиски крепости и собственной веры…

Целитель повернулся спиной к внушающему страх лесу, в котором исчезли Николь с Николасом, и двинулся своей дорогой. Затем остановился — он не мог бросить ее. Не мог бросить одну умирать в ужасе и боли. Пусть это будет стоить ему души, но он пойдет с Николь до конца. Пока гибель не настигнет их… и весь мир.

Глава 6

Майкл ослеп. Густая темная пелена окутала его с того самого момента, как он ступил на черную дорогу.

Мгновенно.

Все, что он мог видеть, — это неясные колебания тьмы вокруг, не более. Ни сияния брони Николь, ни золота ее волос. Слепота была настолько странна и ужасна, что он несколько раз провел рукой по глазам, а потом ущипнул себя.

— Майкл? — Раздавшийся рядом голос Николь был испуганным. — Это ты? Майкл, я ничего не вижу!

— Я тут, — сказал он и хотел как-то ее утешить, но слова не шли. Да, он тут, но что хорошего он может предложить? Что предпринять? Он потянулся на звон застежек ее брони. — Я… я тоже ничего не вижу, миледи.

Целитель запнулся и заморгал. Повернув голову, он обнаружил, что может видеть! Но только дорогу назад. Там горячий свет играл на листве, ясно различалась поляна и колеи от повозки… Ему сразу стало легче — он-то уже попрощался со зрением навсегда.

— Что там, Майкл? — Руки Николь нащупали его ладони.

— Обернись, миледи. — Он медленно повернул ее.

— А я боялась… — выдохнула девушка с таким же облегчением, но тут же вскрикнула: — Но я не вижу тебя! И ничего не вижу впереди,

— Зато мы видим выход.

— Но мне он не нужен! — сердито произнесла Николь. — Мне…

До них вновь долетел человеческий крик, но на этот раз тише. Теперь они расслышали и стук копыт лошади, и поскрипывание повозки на неровной дороге.

Девушка рванулась вперед.

— Вернись, Николь!

Майкл уловил шум быстрых шагов, затем звук падения. Он двинулся туда на ощупь, а темнота с каждой секундой становилась все более густой. Целитель едва не споткнулся о девушку и опустился на колени рядом.

— Ты не пострадала?

— Оставь меня в покое! — Николь медленно пыталась подняться. — Я все равно пойду за ним.

— Николь, да будь же разумной! — Майкл потерял терпение. — Это безнадежно! Даже если бы мы могли видеть, как угнаться пешком за повозкой? А ведь мы не видим ни следов, ни вообще ничего. А если впереди овраг или пропасть?

— Я его не брошу. Если надо, поползу.

Он ощутил, как девушка поворачивается назад, и посмотрел туда же. Никогда еще солнечный свет в конце темного тоннеля не был столь красивым. Поляна, которая еще недавно казалась ужасным местом, теперь выглядела мирной и прекрасной. „Вот так всегда. Мы считаем некоторые вещи вечными, пока не теряем их“, — с горечью подумал Майкл и привычно сжал символ Мишакаль на груди.

— Откуда эта тьма? — грустно спросила Николь. — Какое зло

ее создало?

— Нуитари, — ответил мягкий, шепчущий голос. — Бог невидимых… Вы идете в свете черной луны.

— Кто это? — Николь вскочила на ноги — Майкл услышал лязг стали. — Где ты?

— Твое оружие бесполезно, сэр рыцарь, — рассмеялся неведомый собеседник. — Я сидел тут десять минут, наблюдая за двумя слепцами, и мог при желании двадцать раз вас убить.

Майкл нащупал и опустил руку Николь с клинком, ощутив, как та напугана. Но девушка не пожелала смириться и, отпихнув его, начала размахивать перед собой оружием в надежде поразить врага. Лезвие с шипением рассекало тьму.

Невидимый наблюдатель вновь рассмеялся, но неожиданно смех оборвался мучительным кашлем. Прошло немало времени, прежде чем он закончился, сменившись хриплым, тяжелым дыханием.

— Миледи, не надо. — На этот раз Майкл отвел меч уже твердо и решительно. — Если этот человек наблюдал за нами, как утверждает, значит, он может видеть здесь.

— Верно. — Николь, наконец, опустила меч. — Эй, ты можешь видеть?

— Могу, — спокойно ответил голос. — Для каждого из тех, кто идет в ночи Нуитари, этот лес освещен так же ярко, как днем. А для вас он будет темнее с каждым новым шагом. Но быть может, вы забрели сюда случайно? Тогда лучше уходите, пока еще видите выход,

— Если ты наблюдаешь за нами давно, то знаешь, что мы тут отнюдь не случайно, — холодно заметила девушка, направляя меч на звук. — Одного человека, близкого нам, похитили и увезли по этой дороге. Мы думаем, что это дело рук гоблинов.

— Юноша? — спросил голос. — Красавчик, хорошо сложен и с тяжелой раной, перемотанный кровавыми повязками?

— Да, это он! — охнула Николь. — Это мой брат. Так ты видел его?

— Видел. И дам вам совет: возвращайтесь. Вы ничего не сможете сделать для него. Он уже мертвец, и вы лишь присоединитесь к нему. Разве это не правда, Праведный Сын Мишакаль? — Казалось, невидимка глумиться.

— Я не Праведный Сын, — сказал Майкл спокойно, — просто скромный брат.

— Похоже, даже уже не брат, — произнес голос. Целитель ощутил, как его прожигает взгляд удивительных глаз. Странные, очень странные глаза — он мог бы поклясться, похожие на песочные часы. Майкл со стыдом быстро спрятал священный

символ в складки одежд.

— Оставь его в покое, — вмешалась Николь. — Он имеет веские причины быть тут. Он следует за мной не из любви, а из верности!

— Неужели?

Майкл буквально ощутил искорки смеха в песочных часах.

— А ты, значит, пришел за братом, сэр рыцарь? — тихо прошелестел голос. — Оставь его, ты не поможешь ему, только погибнешь зря.

— Пусть будет так, — твердо сказала девушка. — Но я не могу жить без него, мы близнецы…

— Близнецы? — Голос изменился, стал низким — и более темным, чем окружающий лес. — Близнецы…

— Да, — неуверенно повторила Николь, напуганная неожиданной переменой в голосе незнакомца. Это добрый знак или плохой? — Мы близнецы, а если тебе хоть что-то известно о близнецах, то ты знаешь, что они гораздо ближе, чем обычные братья.

— Я знаю… кое-что о близнецах, — прошептал голос. Слова падали так мягко и тихо, что оба путника едва их расслышали.

— Тогда ты понимаешь, что я не оставлю его, — продолжала девушка. — Я пойду за ним и спасу, а если нет, то умру рядом.

— Ты не спасешь его, — произнес голос после паузы. — Твой брат захвачен могущественным магом из Ложи Черных Мантий по имени Акар. Ему нужен добродетельный человек… А твой брат тоже рыцарь?

— Николас — рыцарь, — ответила Николь, — а я — нет. Я женщина, как ты знаешь. Хоть мне и не видны твои глаза, но я чувствую их.

— Один близнец более сильный, второй — рожденный в хрупком и нежном теле… Ты никогда не обижалась на брата?

— Конечно нет! — Девушка ответила слишком быстро и сердито. — Я же люблю его. О чем ты говоришь!

— Ни о чем… — вздохнул голос, и внезапно вновь раздался затяжной кашель, такой сильный, что, наверное, мог разорвать человека на куски.

Непреднамеренно, забыв, что он стал бессилен, Майкл потянулся помочь незнакомцу, но услышал только шипящий смех.

— Ты мне не поможешь, целитель? Даже если бы с тобой было покровительство Богини. Это гнев Богов разрывает на части мое бедное тело так же, как огненный гнев поразит скоро этот мир. — Вдруг неведомый собеседник стал предельно серьезным. — Ты говоришь правду… значит, ты женщина. И ты

последуешь за братом, хотя путь будет темным и может привести к ужасному концу?

— Именно.

— Как мы пойдем? — требовательно спросил у спутницы Майкл. — Мы ничего не видим!

— Я вижу, — сказал голос, — и стану вашими глазами.

Целитель услышал шелест длинных одежд неподалеку и звук, как если бы некие предметы, возможно подвешенные к поясу незнакомца, терлись друг о друга, а также легкий стук посоха, который сопровождал шаги незнакомца. Майкл сморщился, когда его коснулся резкий аромат розовых лепестков и сладковатый смрад разложения, и почувствовал протянутую к ним руку.

— Одну минуту! — Он остановил Николь, которая уже вложила клинок в ножны и двинулась навстречу неожиданному попутчику. — Если ты можешь видеть в свете Нуитари, значит, ты тоже маг Ложи Черных Мантий, чародей Зла! Почему мы должны доверять тебе?

— Конечно, не должны, — ответил голос.

— Но зачем тогда ты помогаешь нам? По какой причине? Это ловушка?

— Может быть. Но разве у вас есть выбор?

— Нет, — сказала Николь неожиданно нежным голосом, — но я верю тебе.

— Интересно узнать почему, миледи, — усмехнулся невидимка.

— Потому, что ты сказал о близнецах… один слабый, другой сильный…

Незнакомец надолго замолчал, Майкл уже начал думать, что тот ушел, но тут услышал хриплый вздох измученных легких.

— Причина, по которой я помогу, будет вам непонятна. Просто скажу так: Акар собирается присвоить то, что по праву принадлежит мне. Я намереваюсь проследить, чтобы он не заполучил этого… Так вы идете или нет? Надо спешить! Близится Ночь Судьбы, времени почти не осталось…

— Я иду, — решительно сказала Николь. — Я пойду туда, куда ты поведешь, пусть даже это будет стоить мне жизни.

— А ты, брат жрец? — спросил маг мягко. — Тоже со мной? Женщина поставила на кон жизнь, для тебя цена будет дороже — ты рискуешь душой…

— Нет, Майкл, не надо, — вмешалась девушка. — Возвращайся. Это не твоя битва — только моя. Я бы не хотела, чтобы ты жертвовал чем бы то на было ради нас.

— Что случилось, миледи? — неожиданно взъярился целитель. — Неужели ты думаешь, что я люблю Николаса меньше

тебя? Или ты думаешь, я не имею права никого любить в вашем семействе? Так вот, миледи, я люблю и иду с тобой!

Майкл слышал, как Николь глубоко вздохнула.

— Решение будет окончательным, брат, — наконец произнесла она низким голосом и взяла руку незнакомца.

Маг разразился скрипучими звуками, которые вполне могли быть смехом:

— А вы действительно слепцы!

Майкл решительно протянул руку, и пальцы целителя встретились с пальцами мага, тонкими и хрупкими, как птичьи косточки. Кожа незнакомца горела, словно в лихорадке, и прикасаться к ней было неприятно.

— Ты так и не назвался, — произнес юноша холодно.

Маг словно бы задумался. Целитель поразился, как вздрогнула рука их неожиданного спутника при таком простом вопросе — словно он причинял боль.

— Я… Рейстлин.

Это имя ничего не значило для Майкла, но раз маг колебался, решил он, значит, наверняка соврал. Черная Мантия вел их в темноту, которая, как он и предупреждал, становилась с каждым шагом все гуще. Они быстро шагали, доверившись Рейстлину, держась за его руку и слушая, как мерно постукивает посох и шелестит мантия.

Ноздри забивал запах роз и смерти…

Глава 7

С ними ничего не происходило, и доверие к Рейстлину начало расти. Путники даже прибавили шагу, что казалось почти невероятным. Майкл будто скользил по земле, а порывы ветра жалили слепые глаза.

Ветви цеплялись за одежду, царапали лицо и трепали волосы, кусты ежевики путались в ногах. Целителю представилось, как на такой скорости он врежется головой в дерево или рухнет в усыпанную камнями пропасть, после чего юноша покрепче ухватил тонкую кисть мага. Майкл понятия не имел, сколько времени они вдут во тьме, может, один удар сердца, а может — столетие. Сколько еще они смогут поддерживать такой темп? А как может так спешить этот хилый, больной маг? Ноги самого Майкла начали наливаться тяжестью, он едва переставлял их, навалившись на плечо Рейстлина.

Внезапно он споткнулся и кубарем полетел вниз, выпустив

руку мага. Тяжело дыша, Майкл поднял голову и замер: перед ним выросло здание, которое можно было назвать эталоном красоты и элегантности. Колонны черного, белого и красного мрамора поддерживали куполообразный свод, в зеркальной поверхности которого отражалось вечернее небо и, особенно ярко, два крупных созвездия — два дракона, Паладайн и Темная Королева, настороженно смотрели друг на друга. А за ними виднелась раскрытая книга жизни Гилеана — Бога Нейтралитета.

Широкий мост из сверкающего звездного света изливался с купола, уходя в бесконечность неба. Там вырисовывалась открытая дверь, за которой проплывали странные солнца — желтое и красное на фоне тьмы, а загадочные планеты кружили вокруг них.

Красота видения заставила выступить на глазах Майкла слезы, и, только ощутив, как они бегут по щекам, юноша понял, что зрение вернулось к нему. Он тут же заметил вдалеке высокого мага в черных одеждах, а рядом повозку, на которой лежал связанный юноша, — их почти скрывала густая тень здания. Майкл бы скользнул взглядом мимо — и маг, и повозка были почти неразличимы, — но заметил бледное лицо рыцаря, перекошенное от муки и покрытое крупными каплями пота.

Затем целитель увидел Рейстлина и очень удивился, что тот молод, хотя выглядит слабым и больным. На бледных щеках мага горели пятна лихорадочного румянца, дыхание было прерывистым и хриплым. Рейстлин тяжело опирался на посох, на верхушке которого, в искусно сделанной драконьей лапе, мягко светился и играл гранями, отражаясь в холодных карих глазах, кристалл. „Странно, — подумал Майкл, — они же были в форме песочных часов“.

— Николас! — закричала Николь, бросаясь к брату, но Рейстлин неуловимым движением крепко схватил ее за руку. Девушка всегда на равных состязалась с братом во всех единоборствах и была выше мага, поэтому Майкл, решив, что она легко сломит сопротивление, кинулся к Николь, спеша остановить ее.

Акар прервал свою работу и удивленно посмотрел в их сторону.

— Кто здесь? — низким голосом настороженно вопросил он.

Но тонкая и хилая рука Рейстлина продолжала сжимать запястье девушки, и Николь задохнулась от боли, не в силах пошевелиться.

— Ни звука! — прошипел маг. — Если он заметит нас, все пропало!

Он быстро утянул девушку под полог теней черной дороги.

Майкл неохотно последовал за ними, не в силах оторвать взгляд от чудесного здания и сияния звезд, которые скоро подарят покой и успокоят боль.

— Ты сломаешь мне руку, — пискнула Николь, безуспешно пытаясь освободиться. — Пусти, я сама пойду!

— Если бы я тебя не утащил, тебе сломали бы все кости, — мрачно бросил Рейстлин. — Сила Акара велика, и он не побоится пустить ее в ход, если увидит в тебе помеху своему плану.

Девушка потрясение замерла, а Акар, успокоившись, вернулся к своим делам. Он с натугой приподнял рыцаря и, вытащив его из повозки, свалил на землю. Николас не смог сдержать стона.

— Скоро твои мучения закончатся, сэр рыцарь, — хмыкнул Акар, вытирая окровавленные руки, и вытащил из-за пояса кинжал. Сталь ярко и остро вспыхнула. Маг осмотрел оружие и, найдя его полностью пригодным, с удовлетворенным ворчанием сунул в ножны, затем ухватил рыцаря за лодыжки, чтобы тащить дальше, но тут Николас распрямил ноги и ударил потерявшего осторожность Акара в грудь.

Тот отлетел и тяжело рухнул на землю, а Николас медленно пополз назад, стремясь укрыться в тенях, откуда они прибыли.

— Я иду к нему, и ты не остановишь меня! — Николь потянулась за мечом, несмотря на то, что другая ее рука была по-прежнему стиснута пальцами Рейстлина. Искры спрыгнули с эфеса, ужалив ее пальцы, и девушку скрутило от боли. Она вновь попробовала — и снова почувствовала удар. Николь впилась взглядом в спутника:

— Все мерзкие маги заодно, мне следовало догадаться. А вот доверять тебе — не следовало!

— Тихо! — приказал Рейстлин, не отрывая взгляда от Акара.

Он так сосредоточился на действиях собрата по Ложе, что даже прекратил кашлять, лишь лихорадочный румянец продолжал играть на щеках. Маг не обращал внимания на бьющуюся женщину, хотя его хватка не ослабевала ни на миг. Николь обернулась к Майклу:

— Что ты стоишь? Беги к Николасу, спаси его! Этому проклятому магу не справиться с двоими!

Целитель шагнул вперед, с неохотой отрывая взгляд от удивительного моста, хоть его сердце и рвалось помочь рыцарю и девушке. Голос Рейстлина остановил его:

— Тут замешана не только судьба одного храброго рыцаря. Все судьбы мира сейчас балансируют на Весах Гилеана. Что ты видишь?

— Я вижу… самое прекрасное зрелище в моей жизни… Храм

с черно-бело-красными мраморными колоннами. Его купол — небеса со звездами. От него тянется мост из звездного света, уводящий из нашего мира… Вот по нему идут люди… мужчины и женщины… эльфы… Они оглядываются назад с сожалением, все грустные… Но Паладайн с ними, он ободряет их, и они продолжают идти к двери…

— Что ты делаешь? — требовательно спросила Николь. — Зачем околдовал его?!

Ноги Майкла сами двинулись вперед, словно желая, чтобы их хозяин немедленно присоединился к идущим по мосту, но крик девушки встряхнул его и вернул к жизни.

В это время Акар смог подняться на ноги и впился взглядом в ползущего рыцаря.

— Действительно, как я и говорил, рыцари — крепкая порода. Но, сэр рыцарь, я теряю терпение, а для подобных игр осталось совсем немного времени. — Акар быстро пнул Николаса в лицо, и тот без звука рухнул, потеряв сознание. Маг наклонился над телом и принялся его перекатывать к Храму.

— Он тащит Николаса к зданию. Что он задумал? — спросил Майкл у Рейстлина, который продолжал следить за Акаром с мрачным выражением лица.

— Он задумал убить его! — закричала Николь, вновь пробуя освободиться.

— Миледи, пожалуйста… — мягко начал Майкл.

— Не мешай мне! — Глаза девушки полыхали. — Ты околдован! Маг наложил на тебя какое-то заклятие… Мост из звездного света! Сияющий Храм! Да вокруг просто старые руины, в них, вероятно, и находится алтарь Зла Темной Королевы!

Майкл оторопело воззрился на нее:

— Но разве ты не видишь?

— Она не может, — сказал Рейстлин. — Для нее это просто разрушенная крепость, и ничего больше. Только ты, жрец, видишь правду. И только ты можешь не дать Ее Темному Величеству вернуться на Кринн.

Майкл не поверил магу, но продолжал недоумевать, как Николь не видит того, что так очевидно и прекрасно для него, — она ведь действительно смотрит на него как на заколдованного.

— Что мне делать? — спросил целитель.

— Леди права. Акар хочет убить рыцаря, но совершить это он должен только в пределах руин, или, как видишь ты, на мосту из звездного света. Если добродетельная кровь прольется на священном мосту, темные жрецы, что томятся в Бездне, смогут вернуться на Кринн.

— Ты поможешь мне?! — воскликнул Майкл.

— Не доверяй ему! — надрывалась Николь, продолжая вырываться. — У него цвет одежд тоже черный!

— Я привел вас сюда, — мягко сказал Рейстлин, — и без моей помощи вы не справитесь. Твой брат умрет, а Кринн падет в руки Темной Королевы.

— Что нам делать?

— Когда Акар бросит кинжал, быстро подбери его и ни в коем случае не отдавай обратно. Этот глупец связал жизнь рыцаря с оружием.

— Хорошо, — кивнула Николь, — я сама это сделаю.

— Нет! — Возможно, это был случайный блик света от Храма, но карие глаза мага, сверлившие Майкла, внезапно сверкнули золотом, как будто это был их истинный цвет, а остальное — лишь маскировка. — Жрец в одиночку должен схватить кинжал, иначе заклятие не будет разрушено.

— И что тогда? — Майкл посмотрел на человека в черном, который неутомимо тащил рыцаря по траве.

— Не знаю, — бросил Рейстлин. — Я не слышу голоса Богов — в отличие от тебя. Слушай, что тебе скажут. А миледи, — выпустил он руку Николь, — должна прислушиваться к голосу сердца.

Девушка мгновенно отпрыгнула от мага и, выхватив меч, взмахнула им перед Рейстлином:

— Мне никто не нужен! Особенно Боги и маги. Я сама спасу брата!

Она бросилась к Храму, и звездный свет вдруг вскипел тьмой на длинном клинке. Майкл кинулся следом, опасаясь за нее куда больше, чем за себя. Он приостановился и оглянулся на мага — Рейстлин оперся на посох и пристально смотрел на него.

— Я не верю тебе, — крикнул Майкл.

— Кому из нас ты не доверяешь больше? — Маг искривил тонкие губы в усмешке. — Мне или все-таки себе?

Целитель не ответил и побежал за Николь. Ветер донес до него слова:

— Помни, когда кинжал упадет, подбери его!

Глава 8

Соленые капли усеяли лоб Акара, мантия намокла от пота, пока он тащил рыцаря через бурелом и кусты. Несмотря на хорошую форму, маг более был привычен к работе за письменным столом, поэтому сделал паузу, чтобы унять боль в мышцах.

Оглянувшись, он оценил оставшееся расстояние.

В темном свете Нуитари Акар мог видеть разрушенную цитадель, чьи каменные стены давно превратились в пыль. Мост начинался от развалин первого этажа — переход, мерцающий призрачным жаром. На дальней стороне моста теснились темные фигуры, протягивая нетерпеливые руки. Многочисленные призрачные голоса просили скорее освободить легионы Тьмы.

— Еще несколько мгновений, сэр рыцарь, и ты освободишься от жизни, а я от тебя, — в общем, оба мы будем довольны, — рассмеялся Акар, наклоняясь к Николасу.

Юноша уже пришел в себя, отгоняя липкие тени, которые шептали ему о покое и прекращении мучений. Но хуже боли была мысль о том, что его смерть послужит укреплению власти Зла в мире. Он собрался с силами и сосредоточил взгляд на лице врага.

— Чего уставился? — прищурился Акар, удивленный вспышкой ярости в глазах полумертвого рыцаря. — Если стараешься меня запомнить, чтобы узнать, когда наши души встретятся с другой стороны мира, то не напрягайся: я обязательно представлюсь.

Николасу потребовалась вся его воля, чтобы дышать ровно и не стонать при каждом вдохе. Он чуть раздвинул в улыбке запекшиеся губы и хрипло прошептал:

— Я смотрю на тебя, как на любого другого противника. Жду, пока ты совершишь ошибку.

Акар расхохотался громче:

— И что потом, сэр рыцарь? Заплюешь меня? Или у тебя еще остались силы?

— Паладайн со мной, — спокойно прошептал Николас. — Он даст мне силы.

— Тогда пусть поспешит, — хмыкнул Акар. Возможно, поддавшись настроению темных призраков, маг внезапно решил поторопиться. Он прервал отдых и начал грубо втаскивать тело на изломанные ступеньки, слушая крики Николаса даже с некоторым удовлетворением. — Вроде бы Паладайн тебя не слышит, — глумился Акар, — а мы уже на мосту, где твоя жизнь завершится.

Мертвенный свет луны упал на лицо Николаса, превращая его в восковую маску, а кровь перекрашивая в черный цвет. После тьмы теней он почти ослепил юношу, заставляя его тело выгнуться и задергаться в судорогах.

— А, ты уже познал отчаяние! — Акар медленно вытащил кинжал. — Признай поражение, пойми, что Бог оставил тебя и весь мир!

— Стой, слуга Зла! Опусти руки, или, клянусь Паладайном, я

отрублю их!

Акар замер, глядя во тьму. Его остановил не прозвучавший приказ, а ужасные крики темных жрецов из Бездны. Какую угрозу они увидели? Маг обернулся и внимательно осмотрел рыцаря в мерцающей броне, с мечом в руке, который бежал к нему, собираясь вступить в бой.

Вокруг Потерянной Цитадели кружили мощные заклинания, и Акар сомневался, сможет ли рыцарь проникнуть сквозь них. Как он и ожидал, через несколько шагов бронированная фигура ударилась о первый барьер и с яркой вспышкой была отброшена назад.

— Николь! — закричал раненый рыцарь, пытаясь приподняться, чтобы броситься на помощь, но лишь бессильно падая вперед.

Девушка вновь кинулась на преграду, закричав от боли и ярости. Вторая ослепительная вспышка — и она, поднявшись с земли, в бешенстве принялась рубить барьер мечом. Жрец в поношенных синих одеждах, казалось, пытался отговорить ее.

Акар уже потерял к ним интерес — под темным светом Нуитари виднелась гораздо более опасная фигура. Маг в темных одеждах стоял, опершись на посох, сиявший кристаллом-навершием, — Акар сразу узнал посох Магиуса, мощный артефакт, который должен был бы храниться в Вайретской Башне: Но вот самого мага Акар никак не мог узнать, а ведь он знал всех членов Ложи Черных Мантий.

— Значит, тем, кто попытается заполучить всю власть, будешь именно ты, Акар, — шагнул вперед Рейстлин.

Что за странный маг? Голос звучал очень знакомо, но Акар мог бы поклясться, что никогда не видел его обладателя. Слова убийственного заклинания начали слетать с губ мага, он переложил кинжал в левую руку, а правой принялся набирать из поясного мешочка необходимые составляющие. Жрецы из Бездны вновь закричали, призывая его не медлить, но Акар не мог атаковать незнакомого мага, не зная, кто он, — это было против всех законов Конклава. В мире, где магия презираема и гонима, все маги чувствовали близость друг друга ради самого чародейства.

— Ты имеешь преимущество передо мной, брат, — крикнул Акар, напрасно стараясь заглянуть под низко надвинутый капюшон Рейстлина. — Я не узнаю тебя, а ты, кажется, знаешь меня. Я был бы счастлив восстановить старое знакомство, но, как видишь, сейчас немного занят. Позволь мне закончить с рыцарем, а потом я с удовольствием выслушаю все претензии ко мне!

— Так ты не узнал меня, Акар? — прошелестел мягкий

голос. — Ты уверен?

— Ну, если ты снимешь капюшон и дашь мне посмотреть на твое лицо… — протянул Акар, — Только быстрее, у меня мало времени.

— Мое лицо ты не узнаешь, а вот этот предмет — наверняка. — Странный маг поднял руку так, чтобы на нее падал свет Нуитари, и Акар похолодел: в тонкой руке, обтянутой золотистой кожей, висел серебряный кулон с кровавым камнем. Акару был известен этот артефакт, он очень часто видел его на шее своего учителя Фистандантилуса — величайшего из магов Зла. Ходили слухи, что с помощью кулона старик высасывал жизни учеников, вселяясь в их тела, но Акар никогда не верил в эти россказни… до сегодняшнего дня.

— Фистандантилус! — завизжал Акар. Пальцы, шарящие в мешочке, не слушались, парализованный страхом мозг утратил нить заклинания.

Зубчатая белая молния пронзила левую руку Акара, выбив кинжал и отбросив пораженного мага назад. Николас вновь попробовал уползти прочь, на дрожащих руках подтягивая измученное тело и стремясь убраться подальше от призрачного света. Он достиг края лестницы и, не удержавшись, кубарем скатился вниз, его затянутые дымкой смерти глаза отчаянно искали сестру. Николь заметила брата и простерла к нему руки, но магический барьер продолжал разделять их.

Из тьмы долетел приказ:

— Подбери кинжал!

Глава 9

Майкл услышал крик Рейстлина и вспомнил его наставления: *„Когда кинжал упадет, подбери его!“*

— Как? — возопил он. — Как преодолеть барьер?!

Жрец безуспешно пытался помешать Николь, когда она отчаянно бросалась на магическую преграду. Ее руки уже обгорели и покрылись волдырями, но девушка продолжала атаковать препятствие, вызывая все новые и новые вспышки пламени.

Майкл измученно посмотрел вокруг и вдруг заметил кинжал, блестевший в призрачных лучах около моста. Маг в черных одеждах, который стремился освободить темных жрецов, уже немного пришел в себя от удара молнии и теперь оторопело оглядывался по сторонам. Он был намного ближе к оружию, чем

целитель.

— Да ты можешь войти, глупец! — рявкнул Рейстлин и зашелся в сильном кашле — заклинание сильно ослабило его. Он рухнул на колени недалеко от Николь.

У Акара, увидевшего падение врага, загорелись глаза.

Майкл зажал в кулаке темный и безжизненный символ Мишакаль и решительно зашагал вперед, сжав зубы в ожидании страшного удара, который, скорее всего, убьет его. К изумлению целителя, ничего не случилось — барьер расступился. Он рванулся вперед по ступеням и выхватил кинжал из-под самого носа шатающегося Акара. Ледяные пальцы мага лишь скользнули по коже жреца, но Майкл уже отступил, с ужасом глядя в яростные глаза Акара. Но маг еще не мог двигаться быстро — слишком сильным был недавний удар Рейстлина. Целитель пятился вниз по лестнице, не понимая, что делать теперь, но стремясь оказаться как можно дальше от Акара.

У подножия лестницы лежал Николас, и Майкл поразился мужеству израненного молодого человека. Он остановился, опустился на колено и сжал руку рыцаря. Умирающий воин ответил слабой улыбкой:

— Паладайн помог мне!

Внезапный синий свет залил обоих, смыв выражение боли с лица юноши, словно его погрузили в чистый водный поток.

Время остановилось.

Каждый замер в момент своего последнего движения: Николь, бегущая к барьеру, черный маг, тянущийся к потерянному оружию…

Преисполненный благодарности, Майкл поднял глаза к звездному мосту, где, окутанная сиянием, стояла, улыбаясь, его Богиня.

— Мишакаль! — отчаянно взмолился жрец. — Дай мне силы излечить этого человека, преданного слугу Паладайна!

Сияние замерцало, лицо Богини стало печальным.

— Я не имею такой силы здесь. Жизнь рыцаря связана магическим проклятием с кинжалом, что ты, держишь в руке. Только его владелец может решить судьбу, рыцаря и принести ему облегчение…

Майкл, охваченный внезапным отвращением, с ужасом воззрился на клинок.

— Ты не можешь намекать на это, Великая! Я целитель, а не убийца!

— Я ни на что не намекаю. Я говорю, что боль рыцаря может завершиться навсегда. Выбор за тобой. Ты можешь видеть этот мост?

— Да, — с тоской произнес Майкл, глядя на вереницу людей, что поднимались к другим мирам, — я вижу его четко и ясно.

— Это значит, что ты тоже можешь пройти по нему. Отбрось кинжал — беспокойства этого мира больше тебя не касаются…

Майкл посмотрел на Николаса, лежащего неподвижно, с закрытыми глазами, — будто спящего… пока свет Богини омывает его. Как только он исчезнет, ужасное заклинание вновь обретет силу.

Глаза Николь, стремившейся подобраться ближе к брату, словно говорили: „Ты не можешь его исцелить“. Чуть дальше стоял Рейстлин, странный маг Ложи Черных Мантий, только что бившийся с собратом, и пристально следам за Майклом блестящими глазами, в которых отражался свет Мишакаль. Он словно все знал и все видел. Кто этот Рейстлин? Какова его цель? Майкл ничего не понимал.

В нем снова зародился гнев. Какова ценность одной человеческой жизни для всех бессмертных Богов? Как они могут ожидать от него правильного поступка, если всю жизнь он брел как слепой, словно в недавнем черном лесу?

— Раз я нахожусь в этом мире, меня касается все! — крикнул Майкл. — Когда, Великая, я приносил тебе клятву, я принял ответственность за мир и людей! И никто не избавит меня от них, пока я жив, даже Бог!

— Но, убив этого человека, Майкл, ты все равно нарушишь клятву!

— Пусть будет так, — резко ответил целитель, берясь за кинжал двумя руками. — Должен ли… должен ли я ударить его?

— Нет, — мягко произнесла Богиня, — просто окуни его в кровь — это разрушит чары.

— И мою клятву? — спросил жрец снова, но не отчаянно, а в глубокой печали. — Я потеряю твое покровительство?

Богиня не ответила, и Майкл покорно склонил голову.

Синее сияние потухло, время возобновило свой бег.

Майкл услышал за спиной приближающееся дыхание Акара, заметил надежду в глазах Николь, ощутил руку рыцаря, с надеждой сжимающего его пальцы, и ясно увидел его измученное лицо.

— Ударь теперь, — донесся издалека слабый голос Рейстлина, — или все будет потеряно!

— Ударить? Что ты имеешь в виду? — закричала Николь и, увидев кинжал, поняла намерения Майкла. — Остановись, жалкий жрец! Предатель! — Она повернулась к Рейстлину. — Помоги мне, ты же понимаешь, что я чувствую! Не дай ему убить моего брата!

Увидев, что девушка не смотрит на него, Майкл понял, что должен ударить немедленно.

Борясь с застилающими взор слезами, целитель коснулся острием покрытого потом виска рыцаря и немного нажал. Тонкая струйка крови показалась из раны, а над ухом завопил добравшийся до него Акар.

Николас открыл глаза и повернул голову — свет звездного моста играл на его лице.

— Паладайн милосерден, — прошептал он. При звуках голоса брата Николь стремительно повернулась:

— Николас!

Его глаза закрылись и дыхание остановилось. Лицо очистилось от страданий, словно омытое бессмертной рукой. Николь видела, как Майкл почтительно положил клинок на грудь рыцаря.

— Николас! — Рвущийся от боли голос Николь ранил Майкла сильнее, чем его кинжал — рыцаря.

Барьер исчез, девушка одним прыжком оказалась рядом и упала на мертвое тело брата. Остриженные волосы перепутались с его волосами, и невозможно было различить, кому они принадлежали. Потом она медленно подняла голову и воззрилась на Майкла с Акаром.

— Жрец убил твоего брата! — крикнул мат. — Именно мои заклинания поддерживали его, а он нарушил их!

Майкл не мог ничего сказать или объяснить. Зачем, если все равно она не поймет.

Николь смотрела на него пустыми глазами. Внезапно руки мага вцепились в шею целителя и вздернули его на ноги.

— Ну, жрец! — прошипел Акар. — Мост уже так близко! А проклятый Фистандантилус — далеко…

Майкл попытался что-то сказать, но маг зажал ему рот.

— Да, ты в моих руках, добрый и праведный жрец Мишакаль. Я слышал, что тебе сказала Богиня, — рассмеялся Акар. — Уверен, твоя кровь откроет путь не хуже рыцарской!

Целитель отчаянно сопротивлялся.

— Прекрати брыкаться, — прошипел ему в ухо маг, — или увидишь, как я спалю девку в огне! Вот… так уже лучше, стой спокойно. А ты, Фистандантилус, — заорал он, не переставая пятиться со своим пленником вверх по лестнице, — слишком слаб, чтобы остановить меня!

Рейстлин стоял на коленях, кровь текла из уголков его рта, и только посох спасал мага от падения. Но он смог улыбнуться и сделать указующий жест — Майкл, прижатый к черному магу, услышал, как Акар взвыл и тихо выругался.

Кинжал.

Кинжал остался лежать на обнаженной груди рыцаря. *Только сталь вправе пролить кровь.* Акар замер, скрипя зубами от ярости. Майкл под ногами уже видел мост и теперь мог слышать ледяные голоса, просящие его смерти, и видеть черные фигуры, корчащиеся от жажды свободы. Целителю на миг показалось, что у него разыгралось воображение, но свечение моста ослабевало, и тени выделялись совершенно отчетливо.

Ночь Судьбы подходила к концу.

— Девочка… — Голос Акара стал неожиданно мягок и слащав. — Принеси мне, пожалуйста, кинжал.

Николь перевела на него пустой взгляд и моргнула, потом потянулась к лезвию, лежащему перед ней.

— Лживый жрец убил рыцаря, который был так дорог для тебя… Принеси кинжал, девочка, и ты отомстишь за него…

Николь взяла клинок дрожащей рукой и медленно переводила взгляд с него на Майкла с Акаром. Ее глаза были наполнены тьмой. Медленно встав, девушка принялась подниматься по лестнице, ведущей в Потерянную Цитадель.

Неужели ее заколдовали? Но маг не говорил никаких слов и не делал никаких жестов — Майкл бы заметил.

— Давай, девочка. Поторопись, — прошипел Акар, и Николь зашагала быстрее. Ее глаза были по-прежнему пусты, как глаза мертвого Николаса. Рука, сжимавшая горло Майкла, напряглась:

— Не думай о побеге, жрец! Даже если тебе это удастся, я просто пролью ее кровь на мосту, вот и все. Делай свой выбор — ты или она. Мне это вое равно.

Николь подошла вплотную, держа кинжал в расслабленной левой руке. Правая рука мечницы была свободна.

Свет моста бледнел все быстрее, на далеком небе появились первые признаки серого утра — утра, в которое человек забыл Богов.

У Акара оставались секунды, и он быстро протянул руку. Николь ударила — лезвие пробило ладонь мага насквозь, выйдя с другой стороны.

Маг взвыл от боли и гнева. Воспользовавшись этим, Майкл вырвался на свободу и бросился ничком на землю. Единственная помощь, которую он мог оказать Николь, — дать простор ее правой руке.

Меч брата — а теперь ее собственный — пронесся над целителем, как светлая серебристая дуга. Снова раздался вой Акара: Николь редко промахивалась, и теперь маг в один миг оказался наполовину перерубленным. Майкл быстро вскочил на ноги и увидел, как кровь хлещет из раны черного Акара и из его

глотки.

Николь вытащила меч из тела. Маг пошатнулся и, нелепо взмахнув руками, рухнул мертвым на самом пороге Потерянной Цитадели. С бесстрастным и суровым в утреннем свете лицом Николь пнула мертвеца сапогом.

— Жаль, Майкл, что я напугала тебя, но я должна была подыграть ему. Я боялась, что он швырнет в меня заклятие прежде, чем я доберусь до него.

— Значит, ты все поняла, — пролепетал в ответ Майкл.

— Нет, — горько покачала головой Николь. — Я ничего не понимаю, но знаю, что именно Акар был виновен в смерти брата, и, клянусь Кодексом и Мерой, он должен быть отмщен. Что касается тебя… — устало посмотрела она на целителя, — ты сделал что мог.

Николь повернулась и медленно пошла по лестнице вниз. Шокированный ужасной смертью, которую только что увидел, Майкл хотел последовать за ней, но ноги не слушались. Ледяной пот выступил по всему его телу, и юноша вынужден был ухватиться за Каменный столб парапета. Он посмотрел вверх, где недавно светлый мост уносил цепочку счастливцев к другим мирам, лишенным горя и страданий.

Мост исчез. Дверь к звездам закрылась.

Глава 10

Утро было смертельно тихим. Тишайшим.

Майкл поднял голову, и голоса темных жрецов смолкли. Теперь их угроза захватить мир, когда все истинные жрецы покинут его, превратилась в пустой звук.

Все праведные жрецы ушли… Майкл вздохнул и потрогал темный и холодный символ Мишакаль, который висел на его шее. Он засомневался, когда должен был верить. Он разгневался, когда должен был покориться. Он прервал чужую жизнь, вместо того чтобы оберегать ее.

Брат Майкл вновь вздохнул, окончательно разгоняя туман воспоминаний. У него оставалась еще одна задача, единственная миссия, которой он теперь достоин, — похоронить мертвых. Затем он сможет оставить Николь наедине с ее горем и уйти, чтобы никогда больше не видеть. Вот и все, что он в силах сделать.

Он отпустил столб и медленно сошел по лестнице к Николь, которая сидела у тела брата, сжимая его руку. Она не посмотрела

на Майкла и никак не прореагировала на его присутствие. Броня Николь была забрызгана кровью черного мага, а сама она — смертельно бледна. Целитель смотрел на них и видел, как похожи близнецы в этот момент, казалось, он смотрит на два трупа… Дочь рыцаря, Николь не сможет надолго пережить своего бедного брата.

Тень упала на неподвижные фигуры, и кашель нарушил тишину. Майкл напрочь забыл про мага в черных одеждах, что привел их сюда, и недоуменно посмотрел на него, стоящего рядом. Запах роз и тлена разлился в воздухе, цепляясь за складки черной мантии. От Рейстлина исходил сильный лихорадочный жар.

— Что, получил, чего хотел? — горько спросил жрец.

— Дело сделано, — спокойно ответил маг.

— Да кто ты такой?! — накинулся на него Майкл. — Ты сказал мне одно имя, а Акар назвал тебя по-другому. Кто ты и зачем сюда пришел?

Черный маг задумался, опершись на посох, затем посмотрел на целителя карими глазами, которые отливали золотом в холодном утреннем свете.

— Если бы я встретил тебя год назад и задал бы те же самые вопросы тебе, жрец, ты бы ответил мне необычайно красноречиво. Полагаю, месяц или день назад ты знал, кто ты, и отвечал за каждый совершенный поступок. Так ты бы мне солгал? Твой ответ сегодня совпал бы с прошлыми? Нет, — покачал головой Рейстлин. — Думаю, нет…

— Прекрати говорить загадками, — расстроено попросил Майкл. — Ты знаешь, зачем пришел. А мы выполнили твои желания, даже если в конце ты был так слаб, что не мог сам остановить Акара. Я думаю, ты мог бы все объяснить!

— Я ничего никому не должен! — прошипел Рейстлин, и пятна лихорадочного румянца на его щеках стали ярче. — Именно я невольно выполнял ваши желания — больше, чем вы мои. Да, я мог справиться с Акаром самостоятельно, но появились вы — и все встало на места.

Рейстлин щелкнул пальцами, и кинжал, висевший на кожаном шнурке, прыгнул в руку мага так быстро, что жрец не уследил за ним глазами.

— Если бы она попыталась тебя убить, — произнес маг, поворачивая лезвие к свету так, что заиграли блики, — у нее ничего бы не вышло.

— Ты мог убить Акара…

— Зачем? Вы и сами прекрасно справились. Он был всего лишь инструментом в руках Темной Королевы, нужным для того,

чтобы пролить кровь верующего в гневе.

— И ты убил бы Николь? — недоверчиво посмотрел на Рейстлина Майкл.

— Прежде, чем она убила бы тебя.

— Но тогда проклятие все равно исполнилось бы, ведь кровь упала бы на мост.

— Ах, — возразил Рейстлин с хитрой улыбкой, — но это была бы уже не кровь верующего человека, а всего лишь кровь убийцы.

Целитель воззрился на мага — эти холодные расчеты ужасали его.

— Уходи, — глухо прошептал он.

— Естественно, — живо сказал Рейстлин. — Мне надо срочно попасть в Истар. События в ближайшие тринадцать дней закрутятся хороводом и закончатся Катаклизмом, так что мое присутствие там необходимо.

— Катаклизм? Это еще что?!

— Через тринадцать дней Боги в гневе обрушат огненную гору на Ансалон. Земля расколется, появятся новые моря, а старые горы исчезнут. Погибнет бесчисленное множество живых существ. Еще больше останутся жить дальше, перенося темные и ужасные дни, которые заставят их пожалеть, что они не умерли…

Майклу не хотелось верить, но эти странные глаза, казалось, уже все видели, хотя страшные события еще не произошли. Он вспомнил слова Мишакаль, ведь она говорила, что соберет праведные души, чтобы спасти их от скорого огня. Целитель посмотрел на две фигуры перед собой — мертвую и живую, — которые словно служили иллюстрацией к описанной картине.

— Значит, надежды нет?

— Вы — единственные, кто может ответить на этот вопрос, — сухо произнес маг.

Сначала отчаяние накрыло Майкла с головой, как темный поток, что топит всея в своих ядовитых водах. Но постепенно целитель стал понимать значение одержанной победы. Богиня не оставила его. Темная Королева еще долгое время не сможет прийти в мир Кринна.

Майкл, Николь. Николас — три шелковые нити, идущие вместе. Рейстлин и Акар — еще две. Никто из них не мог видеть дальше собственных узлов и переплетений. Но в глазах Богов, видящих все сразу, они — не спутанный клубок, а прекрасный гобелен. Захоти Боги разорвать полотно, ему уже никогда не радовать ничей глаз, но, исправленное в нужных местах, оно могло стать еще более прекрасным.

Майкл наклонился и вынул холодную руку Николаса из пальцев Николь.

Мягкое синее сияние окружило их. Рыцарь открыл глаза и поднялся. Его раны исчезли. Сейчас он был облачен в сияющие доспехи с символом короны, что блестел на панцире.

Николь радостно рванулась к нему, но Николас предупреждающе отступил на шаг.

— Николас, — замерла сестра, — почему ты не идешь ко мне?

— Отпусти его, миледи, — прошептал Майкл. — Его ожидает Паладайн.

Николас ободряюще улыбнулся сестре и начал подниматься по лестнице Потерянной Цитадели.

— Николас! — отчаянно закричала Николь, бросаясь вслед. — Куда ты? Я пойду с тобой!

Рыцарь, не отвечая, продолжал идти, затем, уже на пороге разрушенного Храма, повернулся и печально посмотрел на сестру, словно прося понять.

Синее сияние разливалось все сильней, рядом с рыцарем появилась Мишакаль.

— Теперь вы двое должны разделиться, — сказала она, — но знайте, что однажды снова будете вместе.

Пристальный взгляд Мишакаль переместился на Майкла, и Богиня протянула к нему руку:

— Ты можешь уйти со мной, брат, если захочешь.

Священный свет брызнул из медальона Майкла, и он благодарно обхватил его, вспоминая красоту других миров. Свечение усилилось, озарив лицо стоящей в стороне Николь — ничего не понимающей, потерянной.

И таких, как она, будет множество, когда придут страшные дни…

— Я остаюсь, — объявил Майкл, и Мишакаль понимающе кивнула.

Звездный мост вспыхнул вновь, и рыцарь двинулся по нему, повернувшись на прощание, чтобы в последний раз бросить взгляд на сестру.

Затем он прошел в дверь, и мост исчез, погасив синее сияние. Стоящий рядом с Майклом маг вновь начал кашлять.

— Наконец-то, — пробормотал он, одергивая мантию на своем худом теле и крепче сжимая посох, затем произнес магические слова, и посох загорелся, почти ослепив Майкла. Жрец поднял руку, чтобы защитить глаза.

— Стой! — крикнул он. — Ты говорил, что знаешь будущее! Что случится с нами? Скажи, что ты знаешь?!

Фигура мага начала таять в воздухе, поразительно меняясь. Черная мантия сменилась красной, волосы побелели, а кожа

стала золотой. Глаза, как и подозревал Майкл, приняли форму песочных часов.

— Что я знаю? — мягко повторил Рейстлин. — В мире утративших веру ты единственный, кто предан… Поэтому тебя будут оскорблять, унижать и преследовать… — Золотые глаза переместились на Николь. — Но я вижу ту, которая тебя любит и рискнет всем, чтобы защитить…

— Ты знаешь, что с нами случится? — робко спросила Николь.

Губы Рейстлина искривились в жестокой улыбке.

— Это мне свойственно…

Маг исчез.

Николь и Майкл стояли одни в холодном свете серого утра.

Но они были вместе.

ДРАКОНЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
Вспоминает Дуглас Найлз

Поначалу я думал, что 1983 год стал уже слишком далеким прошлым и я ничего не смогу вспомнить…

В то время я был отчаянным молодым дизайнером из TSR Inc, и Гарольд Джонсон, менеджер нашего отдела, предложил мне поучаствовать в действительно крутом проекте. Поначалу TSR собиралась лишь разработать несколько модулей для Dungeons Dragons (фактически только для игры по AD D), которые будут посвящены драконам!

Это была захватывающая идея, за которую немедленно ухватился бы каждый уважающий себя дизайнер игр. Конечно, Гарольд сделал подобное предложение и остальным членам команды: „типа забабахайте потрясную штуку про самых злобных монстров в пантеоне фэнтези“. В то время в команду дизайнеров TSR входили закаленный ветеран Зеб Кук, талантливый и популярный Марк Акрес, безумно вдохновленный Джеф Грабб, почтенная и уважаемая Мерле Расмуссен и я.

Кроме того, с нами был новичок, который только что переехал с семьей из Юты в Лейк-Женеву, штат Висконсин, парень по имени Трейси и по прозвищу Something.

Вот так я потратил в тот день большую часть времени и придумал небольшую изящную трилогию модулей, которая вовлекала красных и зеленых драконов. Да кого тогда волновали цвета?! Когда каждый из нас представил написанные страницы, мы заметили, что новенький Трейси времени не терял. Он представил уже вполне законченную концепцию, в которой описал все исчерпывающе подробно, гораздо лучше, чем любой из нас.

Когда светила управления из TSR прочитали творение Трейси, они решили, что оно подходит для новой приключенческой РПГ с участием больших монстров и сокровищами. Там будет легко разместить и обычных негодяев с главным злодеем, которому будут бросать вызов герои.

Но не все было так просто — мы предложили не больше трех модулей, ну, некоторые предполагали добавить еще четыре или пять, но наш Трейси всех переплюнул! Он выступил с беспрецедентными обязательствами реализовать двенадцать модулей: для каждого из драконов D D сделать свое приключение! И он уже изобрел новую вселенную с жителями, эксклюзивным прошлым и будущим. Фактически его мир не имел

аналогов для того времени в ролевых играх и беллетристике, а ведь Трейси собирался еще и выпускать романы для поддержки игр.

Он привлек художников, талантливых парней Ларри Элмора, Кейта Паркинсона и Джефа Исли. Они сделали первые наброски мира, а Ларри придумал хитроумную схему седла, которое помогало рыцарю сидеть на драконе и пользоваться копьем…

Серия получила очень непритязательное название — „Dragonlance“. Сказать по правде, сначала я очень сомневался, наблюдая, что получилось у Трейси в первоначальном виде. Но потом между нами уже не было соперничества, я понимал, какая это богатая идея и что ее ждет блестящее будущее. К тому времени Трейси уже давно не был новичком, а стал самым талантливым и работоспособным дизайнером в команде.

Он начал привлекать других ребят к проекту, и „Dragonlance“ стремительно разросся за пределы первоначальных границ. Особенно когда в середине восьмидесятых пошли в печать книги Маргарет Уэйс, нашего нового автора и редактора. Именно она поняла, что романы станут сердцем мира Кринна.

Конечно, были и трудности — многие замыслы нам пришлось отложить, на многие идеи у компании не было средств, а другие задумки казались начальству слишком смелыми. Несколько раз вся серия оказывалась буквально на волоске.

Но брэнд „Уэйс-Хикмэн“, столь ярко проявивший себя с самого начала, стал тем ледоколом, который помог команде преодолеть все проблемы и в итоге попасть в списки бестселлеров „Нью-Йорк тайме“.

И — стать историей.

Дуглас Найлз — автор фантастических романов об альтернативной вселенной „World War II“, „Fox at the Front“, выпущенных издательством Forge Book, и, кроме того, создатель многочисленных романов и серий в жанре фэнтези.

Истинный рыцарь
Маргарет Уэйс и Трейси Хикмэн
(Впервые опубликовано в сборнике „Dragonlance Tales II. The Cataclysm. Volume 2“)

Глава 1

Николь и брат Майкл покинули Потерянную Цитадель и брели по лесу, теперь лишившемуся своего очарования, потрясенные увиденным и осмысливая новое положение дел.

Они не сомневались, что недавние события были реальны, — на руках Николь еще свежа была кровь брата и черного мага, а у Майкла на шее болтался священный символ Мишакаль, потухший и темный. Все верные жрецы покинули Кринн, чтобы служить Богам в других планах мироздания, а темные жрецы Такхизис не смогли вырваться на свободу из Бездны…

Слова странного мага, что назвал себя Рейстлином, эхом отражались в их сердцах: *„Через тринадцать дней Боги в гневе обрушат огненную гору на Ансалон. Земля расколется, появятся новые моря, а старые горы исчезнут. Погибнет бесчисленное множество живых существ. Еще больше останутся жить дальше, перенося темные и ужасные дни, которые заставят их пожалеть, что они не умерли…“*

Майкл с Николь вышли на поляну, где Акар забрал у гоблинов умирающего рыцаря, его кровь все еще пятнала землю. Они не сказали друг другу ни единого слова.

Тринадцать дней. Тринадцать дней до разрушения мира.

— Куда мы отправимся? — нарушил тишину Майкл.

Николь медленно обвела взглядом удлинившиеся к вечеру тени. Напряжение понемногу отпускало, тело снова начинало обретать чувствительность, каменная тяжесть в ногах ослабевала. В голове билась одна мысль.

— Домой, — выговорила она.

Майкл хотел было возразить, но девушка взглядом остановила жреца. Замок, в котором она провела самые счастливые дни, принадлежал их роду много поколений. Но недавно его атаковали и взяли штурмом гоблины, поэтому Николь знала, что, вернувшись, она найдет лишь ограбленный и

сожженный остов…

Но ее это не волновало. Замок — это дом.

— Там я хочу умереть… — тихо произнесла девушка и медленно пошла вперед.

Майкла весьма удивило хорошее состояние замка; он даже подумал, что гоблины решили сделать в постройках склады, чтобы было где хранить награбленное. Целитель был уверен, что в замке полно отвратительных тварей, но, понаблюдав некоторое время, убедился, что гоблины отправились в поисках поживы в другое место.

В пустых залах царили зловоние и жуткий беспорядок. Оба путника зажали рты и, шатаясь, выбежали наружу. Мебель и двери были изрублены в щепы, занавеси сорваны, праздничные новогодние ленты и украшения осквернены и сожжены, церемониальные доспехи, наверное, достались королю гоблинов. Коридоры кишели паразитами, обнаглевшими от полной безнаказанности.

Никто из арендаторов или крестьян до сих пор не вернулся — одни попрятались в дальних лесах, а другим некуда было возвращаться. Все равно колодцы отравлены, амбары разграблены, сараи и дома превращены в развалины.

Майкл обвел взглядом окружающий их хаос и покачал головой:

— Миледи, поместье сэра Томаса в двух неделях пути. Позволь мне сопроводить тебя туда, мы пойдем ночами и…

Николь не слушала его, медленно снимая доспехи и складывая у почерневшей стены. Под доспехами у Николь оказался костюм брата для тренировок на мечах… Прихватив лоскут ткани, зацепившийся за ветку ближайшего дерева, Николь завязала рот и нос и вошла внутрь, принявшись за неблагодарную работу по расчистке. Через некоторое время она заметила, что Майкл помогает ей, стараясь брать на себя самую сложную работу. Девушка отбросила со лба мокрую прядь и непонимающе посмотрела на него.

— Не надо мне помогать, я сама со всем справлюсь. Сэр Томас будет рад тебя видеть.

— Николь, разве ты еще ничего не поняла? — оторопело проговорил Майкл. — Я уйду от тебя не раньше, чем смогу, например, научиться летать. Я хочу остаться потому, что люблю тебя.

Даже если бы он заговорил по-эльфийски, это не вывело бы ее из оцепенения. Никакие слова сейчас не могли бы дойти до сердца Николь.

— Я очень устала, — сказала девушка, — а спать не хочу… Ведь все безнадежно, правда? Но у нас будет место, где можно умереть…

Майкл приблизился и робко попытался обнять ее, на лице целителя отражалась целая гамма чувств.

— Надежда есть всегда…

Николь отстранилась и продолжила работу.

Они делали приготовления, чтобы пережить скорый День Разрушения. То есть этим занимался только Майкл — Николь после очистки замка большую часть времени сидела и разговаривала с пустотой в комнате брата, иногда смеясь или плача.

Она была податлива и безропотна. Если Майкл находил ей какое-нибудь дело, Николь выполняла задание покорно и без жалоб, а потом возвращалась к стулу в пустой комнате. Ела и пила она, если только ей клали еду в руки и специально поили.

Это все больше угнетало целителя, он спорил с Николь, кричал, уговаривал, один раз даже потряс за плечи, но девушка осталась безучастна — для нее он стал совершенно чужим человеком. А Майкл работал так много, что иногда просто не успевал проследить за Николь.

Целитель бродил по округе в поисках продовольствия, которое еще не сожрали гоблины. Майклу ничего не было известно о ловушках и силках, да и не смог бы он ловить маленьких зверьков — юноша не прикасался к мясу с тех пор, как принес клятву Богине, зато прекрасно знал ягоды и травы, дикие овощи и плоды, которыми и питался. Но странный горячий ветер, дувший в последнее время день и ночь, сушил землю, поэтому жрецу пришлось устроить запасы, которые теперь смогли бы прокормить обоих долгое время, если расходовать их экономно. Майкл настойчиво отгонял мысли о том, что, если с Николь что-то случится, он останется один…

Он молился Мишакаль, прося ее исцелить девушку, вылечить рану, что, не задев тело, избороздила душу. Он молился Паладайну, прося Бога Соламнийских Рыцарей принять под покровительство дочь, которая боролась со злом не меньше любого из сынов. И казалось, что Паладайн услышал, — их одиночество пока не тревожила ни одна живая душа. Майкл наблюдал за дорогой, намереваясь передать с каким-нибудь путником весть сэру Томасу и просить любой помощи. Правда, когда тринадцать дней превратились в девять, жрец уже не рассчитывал ни на что.

Но однажды в сумерках тишину нарушил грохот копыт по

внутреннему двору.

— Мир этому замку! — раздалось зычное приветствие на соламнийском.

Новые звуки, казалось, пробудили Николь.

— Гость, — прошептала она, а Майкл поспешно кинулся к окну, чтобы посмотреть на прибывшего.

— Рыцарь, — сказал он. — И судя по доспехам, Рыцарь Розы.

— Мы должны оказать ему гостеприимство, — произнесла Николь.

Мера и Кодекс требовали накормить путника и, если надо, вылечить. Ведь он „драгоценный камень на подушке гостеприимства“. Честь Николь заставляла разделить с рыцарем все, что она имела.

Вздрогнув, девушка поднялась со стула и озадаченно посмотрела на свою поношенную мужскую одежду:

— Я не готова принять гостя. Отец был бы недоволен, он всегда приучал меня строго придерживаться Меры. Надо надеть самое лучшее платье… Отец еще брал церемониальный меч… — Николь огляделась, словно ожидая, что все вышеперечисленное появится из воздуха.

Она увидела меч брата, стоящий в стойке для оружия, прицепила его к поясу и направилась встречать гостя — первое осмысленное действие за последние дни. Майкл последовал за девушкой, мысленно благодаря путника за своевременное появление. Гость явно приехал издалека — его черный конь был мокр от пота и покрыт слоем грязи.

Николь торжественно вышла во двор, и если странный рыцарь и был поражен ветхим видом ее одежды, то ничем не выдал себя — в эти дни обедневшие члены рыцарства не были редкостью. Он выхватил меч и поднес его к шлему лезвием вверх в знак мира и произнес:

— Милорд, к сожалению, у меня не нашлось оруженосца, чтобы послать предупредить тебя о столь позднем визите…

— Добро пожаловать в замок Витсанд, сэр рыцарь, но я не лорд, а леди. Меня зовут Николь, дочь Дэвида Витсанда. Сойди с коня и отдохни под нашим кровом. К сожалению, у меня нет конюха, чтобы отвести твоего скакуна в конюшню, но я сама сделаю это.

Рыцарь, облаченный в полный доспех с выгравированной на панцире розой, медленно стянул шлем. Потрясенный Майкл шагнул ближе к Николь.

— Прости меня, миледи, — проговорил гость, — могу лишь умолять тебя поверить в то, что вечерние тени ввели меня в заблуждение и я принял благородную леди за мужчину.

Николь улыбнулась и, поклоном поблагодарив за комплимент, во все глаза принялась разглядывать прекрасного жеребца. Майкл же не мог оторвать взгляда от лица рыцаря: сильное и красивое, оно было изможденно до крайней степени, но черные глаза на этом худом лице настолько парализовали волю жреца, что слова благодарности замерли на его губах. Глаза пылали диким огнем, который, казалось, пожирал саму плоть…

Целитель начал всерьез опасаться, что к ним прибыл безумец, но Николь ничего не замечала, полностью поглощенная животным, которое со сдержанным достоинством принимало ее ласки.

— Миледи, — начал Майкл, облизнув сухие губы и не зная, с чего начать, — я думаю, возможно…

— Прошу прощения, — подняла взгляд Николь, — позволь представить тебе, сэр рыцарь, нашего, семейного целителя, брата Майкла.

Рыцарь вежливо поклонился:

— Рад видеть тебя, брат Майкл. Меня зовут Лорд Сот из Даргаардской Башни. Леди Николь, благодарю тебя за столь доброе предложение, но, к сожалению, я должен от него отказаться. Дела заставляют меня провести нынешнюю ночь в дороге, и если ты не против, то я не буду даже спешиваться. Я завернул к вашему замку только напиться.

Слова рыцаря были вежливы и спокойны, но в сочетании с диким огнем в глазах звучали очень странно. Николь восхищенно посмотрела на него, — видимо, виной этому тоже были вечерние тени.

— Хорошо, Лорд Сот, я сама принесу воды!

Дочь рыцаря, она понимала, что у воина может быть много оснований спешить, поэтому быстро убежала к колодцу. А Майкл отправился на поиски ковша и соломы для коня. Вернувшись, он обнаружил Лорда Сота медленно и расчетливо пьющим из маленького железного ковшика.

— Я не потревожил бы вас вообще, если бы мне встретился водоем или поток, — говорил он в перерывах. — Но никакой чистой воды в вашей округе не осталось. Работа гоблинов, как я понимаю… — Он посмотрел на разрушенный замок с видом опытного воина.

— Да, — подтвердила Николь и погладила шею коня, — они обрушились на нас около двух недель назад. Мой брат погиб, защищая замок и людей.

— По-видимому, он был не единственным, кто сражался? — Горящие глаза Сота заметили, что меч на боку ее совершенно не тяготит.

Девушка вспыхнула.

— Это мой дом, — ответила она просто.

— Твой дом… Благословенный, несмотря ни на что… — произнес рыцарь, и пламя в его глазах вспыхнуло сильнее, лицо помрачнело и налилось горечью сожаления. Сот беспокойно пошевелился в седле, будто от боли. — Мне нужно отправляться в путь… — Он вернул ковшик Николь.

— Я не буду препятствовать тебе в твоих делах, Лорд Сот, — сказала девушка, — но знай, что ты всегда желанный гость в моем доме.

— Благодарю, леди Николь, но я не имею права думать об отдыхе до тех пор, пока не выполню свою задачу. Я скачу в Истар и должен быть там через четыре дня.

— Истар! — закричал Майкл. — Но ты не должен туда ехать, через четыре дня… — Он замер, не зная, как подобрать нужные слова.

Огненные глаза рыцаря опалили целителя.

— Так ты знаешь, жрец… Знаешь, какая ужасная судьба уготована миру. Но я оставлю тебе твои убеждения, сам же предотвращу Катаклизм, даже если расстанусь с жизнью. — Лорд Сот поклонился Майклу, а затем надел шлем и дал шпоры коню, быстро растворившись во тьме.

— Даже если это будет стоить жизни… — мягко повторила Николь, глядя ему в след. — Вот истинный герой — спасает мир не раздумывая… А я? Что делаю я?

Она повернулась и огляделась по сторонам, возможно впервые за все время видя замок в истинном свете.

— Мера. Присяга. Моя честь — моя жизнь… Я почти забыла заветы отца и брата, но этот рыцарь вернул мне память. Наверное, сам Паладайн направил… Я вечно обязана Лорду Соту из Даргаардской Башни!

Майкл с радостью присоединился бы к благодарностям за возвращение Николь к жизни, но странная тень поселилась в сердце жреца, словно дым от дальнего пожара. Он поежился и ничего не сказал…

Глава 2

Меланхолия Николь исчезла, развеянная Рыцарем Розы. Она вновь начала верить в будущее и, обретя надежду, взялась за дело с необычайной энергией. Девушка решила, что мир еще можно спасти и есть шанс, что он не будет изуродован ужасным

бедствием…

Майкл с растущим опасением наблюдал за ней, не зная, как помягче объяснить, что эта мечта может остаться лишь мечтой.

— У меня были мрачные видения в последние дни, Николь, я видел, как Король-Жрец противостоит Богам, не думая молить их, как подобает простому смертному. Он сам желает диктовать Богам условия, считая себя равным им. Я чувствовал их гнев… такой, как этот странный ветер.

Николь прервала его, успокаивающе махнув рукой:

— Брат, успокойся. Рыцарь Соламнии уже скачет в Истар, чтобы все предотвратить, и с ним благословение Паладайна.

Майкл знал, что она упомянула об этом не для того, чтобы задеть его чувства, — скорее всего, Николь даже не сравнивала рыцаря и жреца, не видя в них ничего общего. Но целитель смолчал — девушка могла подумать, что он ревнует к рыцарю, а он и не собирался этого делать. Николь не любила Лорда Сота, а лишь видела в нем воплощение чести, набожности и благородства. Кодекс и Мера возводили рыцаря выше обычного смертного с присущими ему недостатками…

Майкл отправился на прогулку и не возвращался обратно до тех пор, пока его горечь не улеглась. Он немного половил рыбу, уговаривая себя, что вера Николь слишком трогательная и искренняя, чтобы он мог уничтожить ее.

— Возможно, если бы в мире было больше таких, как она, нам не пришлось бы столкнуться с этой ужасной судьбой, — сказал он странному ветру и голубым небесам.

В ночь перед Катаклизмом Майкл очнулся от сна о страшных пожарах и крови, скатившись с кровати на пол и обливаясь холодным потом. Гнев Богов разливался напряжением в воздухе, потрескивая и грохоча в пустом небе.

Робкий стук в дверь заставил юношу подняться.

— С тобой все хорошо, брат? — спросила Николь. Он распахнул дверь и едва не сбил ее с ног; девушка отступила на шаг. Майкл знал, каким ужасным мог показаться: лохматый, исхудавший, с опухшими от бессонных ночей глазами.

— Нам нужно срочно укрыться в безопасном месте, — пробормотал он, хватая Николь за руку.

— Да это просто буря, — слегка нервно ответила девушка. — Майкл, ты делаешь мне больно!

Но целитель и не думал ослаблять хватку.

— Он настал. День Гнева.

— Но Лорд Сот… — начала она.

— Он не сможет ничему помешать, Николь! — завопил Майкл, чтобы перекричать мощный раскат грома, сотрясший

стены. — Я не знаю, как и почему это случилось, но он потерпел неудачу! Так бывает, знаешь, даже с Рыцарями Соламнии! Они тоже смертны, как и все мы!

— Я верю в него! — рассердилась Николь.

— Он человек, а мы должны верить в Богов, — уже спокойнее сказал целитель. — Стены нашего замка крепки, благословенны, как сказал рыцарь. Думаю, можно остаться и здесь.

— Нет, этого не может быть! Он сумеет!

Девушка быстро вырвалась и бросилась в семейное святилище. Целитель побежал следом, понимая, что помещение без окон в центре замка будет самым безопасным местом.

Николь стояла на коленях перед алтарем.

— Паладайн, молю тебя, помоги Лорду Соту! Прими его жертву, как когда-то принял жертву Хумы!

Снаружи по стенам замка все сильнее колотил горячий и сухой ветер, вопя множеством голосов. Молнии били с небес, раскалывая деревья, гром ворчал, как рассерженный гигант. Буря набирала силу все утро и с каждой минутой становилась все более могучей. Солнце исчезло, и день стал чернее ночи. Ураган выворачивал старые деревья и швырял их на молодые, слабые стволы.

Майкл осмелился покинуть святилище и добраться до ближайшего окна. Сотни зажженных молниями деревьев и пылающая трава освещали непроглядную темень. За его спиной послышались шаги Николь.

— Боги оставили нас, — прошептала она.

— Нет, — твердо сказал Майкл, беря ее под локоть, — это мы забыли их.

Под звуки усиливающегося ветра они вернулись обратно. Теперь в нем слышался рев драконов, жаждущих крови и смерти. Стены замка дрожали непрерывно, сама земля содрогалась в ужасе. Землетрясение заставило каменное сооружение заходить ходуном, по стенам побежали трещины, где-то послышался шум обвала. Они прижались к алтарю, не в силах говорить или молиться. Майкл знал, что они обречены, — скоро потолок обрушится на них и погребет под тоннами камней. Он придвинул губы к уху Николь и лихорадочно принялся описывать прекрасный мост из звездного света, виденный им недавно. Там они найдут свободу и покой, уйдя от ужасов этого мира.

Внезапно все кончилось.

Шторм стихал, бурные облака рассеивались с жалобными вздохами, опустилась тишина, а они все еще были живы.

— Любимая моя, мы спасены! — закричал Майкл, не

соображая, что говорит, и сжимая Николь в объятиях.

Девушка была напряжена как струна, но тут же порывисто обняла его. Оба упали на колени перед алтарем Паладайна и сдавленными от волнения голосами вознесли благодарственные молитвы за спасение…

— „Земля расколется, появятся новые моря, а старые горы исчезнут. Погибнет бесчисленное множество живых существ. Еще больше останутся жить дальше, перенося темные и ужасные дни, которые заставят их пожалеть, что они не умерли…“ Так сказал маг в черной мантии… Но почему? Почему это случилось, Майкл? — отрывисто прошептала Николь. — Возможно, некоторые заслуживали смерти, особенно такие, как тот ужасный жирный жрец… Но сейчас погибли и виновные, и невинные… Как могли Боги, если они добрые, допустить такое?

— Не знаю, — беспомощно ответил Майкл. — Многое бы отдал за то, чтобы знать, — но не знаю…

— По крайней мере, я не одна, — мягко сказала Николь. — Ты со мной, и я рада этому… Ты знаешь, я понимаю, что, если бы ты ушел вместе с Богиней, я давно уже была бы мертва

Он не отвечал. Просто не мог. Слова растворялись в любви и тоске.

— Обними меня крепче, — прошептала девушка, сильнее приникая к жрецу.

Майкл сделал, как ему приказали, и, прижав светлую голову к груди, не удержался и поцеловал золото волос.

К его удивлению, Николь вернула поцелуй, их губы встретились и жадно слились…

— Николь, — прошептал целитель, когда снова смог дышать, — я не могу быть удостоенным такой чести… Ты дочь рыцаря из благородного семейства, а мой отец владел магазином в Кзак-Цароте, мать же была из равнинных кочевников. У меня нет ничего, чтоб дать…

— Я выйду за тебя замуж, Майкл.

— Николь, послушай меня!

— Майкл… — Девушка поцелуем заставила жреца замолчать. — Подумай сам, какое это теперь имеет значение?

Наверное, Паладайн услышал их брачные и смирил гнев, чтобы благословить союз, поскольку стены замка остались крепко и нерушимо стоять вокруг. Когда настало следующее утро, тяжелая печаль, смешанная с радостью, навалилась на них. Майкл склонился над алтарем и провел пальцем по глубокой трещине, что теперь змеилась на его поверхности.

— Мы узнаем, почему это случилось, Майкл, — твердо сказала Николь. — Будем искать, пока не найдем ответ. „В мире

утративших веру ты единственный, кто предан… Поэтому тебя будут оскорблять, унижать и преследовать… Но я вижу того, кто тебя любит и рискнет всем, чтобы защитить…“ Это тоже слова черного мага, слова Рейстлина.

— Хорошо, — кивнул Майкл — в этот момент он согласился бы с любыми словами Николь. — Мы найдем ответ.

Глава 3

Холодные жестокие ветры обрушились на Кринн после Катаклизма, запасы продовольствия в замке быстро истощались. Поток, где Майкл ловил рыбу, навсегда исчез в пучине земли, холод убивал все, что еще могло расти. В окрестностях уцелел только их замок, но однажды появилась группа людей с юга, которые предложили еду в обмен на убежище.

Майкл согласился есть мясо, надеясь, что Богиня простит ему этот грех. Но охотники долго не гостили; передохнув и похоронив своих мертвых, они двинулись дальше, ища новые угодья для охоты. Целитель только сегодня утром видел, как они сушили мясо и ягоды перед дорогой. При мысли о том, что на юге остались леса и равнины, сердце целителя внезапно сжалось от тоски по родным местам.

— Кзак-Царот, — сказал он.

— Что? — не поняла Николь.

— Там был Храм Мишакаль, и там хранились священные Диски… Почему я подумал о них так поздно? — Он лихорадочно заметался по комнате.

— Какие диски? О чем ты говоришь?

— Диски Мишакаль, на которых написана вся мудрость Богов. Ты поняла, любимая? Именно на них мы найдем ответы!

— Если ответы вообще есть, — мрачно произнесла Николь. — Вчера я помогала хоронить ребенка. Совсем маленького. Что было ему до Короля-Жреца и его прислужников? Зачем Боги покарали такого кроху?

— Мы найдем Диски и найдем ответ.

— В Кзак-Цароте! — рассмеялась Николь. — Ты помнишь, что сказали нам беженцы про Кзак-Царот?

— Помню, — Майкл зашагал еще быстрее — рожденный там, он с трудом мог поверить вестям о полном разрушении города, — Но надо убедиться лично…

Николь подбежала к нему и быстро обняла:

— Прости, любимый, прости меня. Я не хотела тебя обидеть,

просто забыла, что там твой дом. Завтра мы двинемся на юг, здесь меня ничто не держит.

На следующее утро Николь уже закрывала за собой тяжелую дверь, когда вдруг остановилась.

— Нет, — тряхнула женщина головой и пнула створку, — рыцарь сказал, что этот дом благословен. Пусть он станет защитой для всех, кто в ней нуждается. У меня есть чувство, что я никогда больше не увижу замок…

— Не говори так — это плохое предзнаменование, — предостерег Майкл.

— Это не предзнаменование, — спокойно и грустно улыбнулась Николь. — Наша дорога пролегает совсем в другую сторону.

Она погладила на прощанье холодный камень стен, и оба путника двинулись на юг…

Если бы они знали, как трудно и опасно будет их путешествие, то никогда не оставили бы замок. Они готовили себя к ужасным разрушениям, которые придется увидеть, но реальность оказалась во сто крат страшнее. А самым главным потрясением стало появление морских вод там, где их никогда не было.

Достигнув Каэргота, они уперлись в преграду — Сиррионское море теперь скрыло некогда солнечные холмы. Здесь им пришлось задержаться и работать, чтобы иметь возможность заплатить за переправу. Николь помогла справиться с бандой гоблинов, что шныряла недалеко у побережья, а Майкл показывал жителям целебные травы и съедобные коренья, чтобы те не питались одной только рыбой.

Наконец, уплатив команде зловеще выглядящих эрготианцев, чья родина теперь оказалась отделенной проливом на западе, Майкл и Николь на огромном плоту двинулись в путь и угодили в ловушку. Эрготианцы потребовали у них все ценности и еду в обмен на жизни. Николь, одетая как рыцарь, отказалась и просто-напросто избила мерзавцев, заслужив некоторое уважение. Усмиренная, команда продолжила переправу, хотя на Майкла в его синей рясе они поглядывали с откровенной насмешкой. Николь сказала, что „ее брат“ у смертного одра матери дал клятву быть верным прежним Богам…

Переправившись, через, как его теперь называли, Новое море, Майкл и Николь даже подружились с командой, и эрготианцы пообещали, что их плот всегда к услугам рыцаря и целителя, если те пожелают вернуться. Если бы путники знали, что случилось с Кзак-Царотом, то немедля приняли бы приглашение…

В прибрежных холмах Майкл и Николь немедленно заблудились, поскольку никакая карта больше не говорила правду, дороги не вели никуда или уводили в топи и глухомань. Бывшие плодородные земли высохли, а леса сгорели или погибли. Голод и болезни заставили выйти на разбой даже мирных в прошлом жителей. Многие скитались в поисках счастливой и тихой жизни, которая, по слухам, лежит где-то за соседним холмом. Никого не делает мягче и добрее крик голодных детей.

Говорили, что недавно несколько эльфийских городов на окраинах Квалинести были атакованы дикими толпами. Скорее всего, это было правдой, потому что когда Майкл и Николь случайно приблизились к границам эльфов, несколько стрел, пущенных мимо, заставили их держаться подальше.

Николь не снимала доспехов и сверкающего меча с пояса. Ее грозное оружие и решительный вид отпугивали многих грабителей, которые желали мяса в животе, а не острой стали. Но были случаи, когда негодяи были неплохо вооружены и не боялись „безусого рыцаря“. Тогда Николь и Майкл принимали бой, если некуда было отступить, а когда была возможность — спасались бегством. Целитель срубил себе большой посох, которым научился пользоваться с достаточной эффективностью, хотя бился в основном не за себя — за Николь.

Жрец все больше впадал в отчаяние при виде хаоса, охватившего мир; теперь уже Николь приходилось заботиться о нем, как он заботился о ней перед Катаклизмом. Ее любовь не давала Майклу угаснуть, хотя теперь он даже не обращался с молитвами к Мишакаль.

И вот, после многих месяцев утомительного путешествия, они достигли цели.

— Великий город Кзак-Царот, чья красота окружает вас… — шепотом прочел Майкл надпись на поваленном обелиске, проводя рукой по растрескавшимся письменам.

Голова целителя поникла, он спрятал лицо в ладонях, чтобы никто не мог увидеть его плачущим. Николь ласково погладила жреца по плечу огрубевшей рукой, обветренной и покрытой царапинами и синяками.

— Я не знаю, почему плачу, — резко сказал Майкл, смахивая слезы до того, как они смогли застыть на лице. — Мы столько повидали жестокостей и ужасов, а тут лишь кусок камня… Но все же я помню…

Рыдания вновь сотрясли его. Целитель думал, что стал достаточно сильным, чтобы вернуться, но опустошение оказалось

слишком велико и страшно. Раньше отсюда можно было увидеть весь Кзак-Царот в его величии, услышать крики купцов и зазывал, смех детей и гомон толп на улицах!

Сейчас вокруг царила тишина. Тишина и пустота. Это было самое страшное из всего им пережитого — хотя ему говорили, что Кзак-Царот исчез в пучинах земли без остатка, но Майкл никогда не верил таким слухам. Он продолжал надеяться и теперь горько проклял напрасные чаяния.

Николь тихо отошла в сторону, понимая: горе Майкла настолько личное, что даже она не вправе вмешиваться в эти чувства. Она обнажила меч и, зорко поглядывая вокруг, охраняла покой возлюбленного.

Вскоре рыдания целителя стихли. Николь слышала его тяжелое свистящее дыхание.

— Мы пойдем дальше? — спросила она спокойным голосом.

— Да, ведь мы уже зашли далеко… — Он вздохнул. — Просто видеть чужие города, лежащие в руинах, и свой дом застать таким же… тяжело.

Николь забралась на обелиск, собираясь перебраться по нему через болотную жижу. Майкл поколебался мгновение, потом последовал за любимой. Его ноги прошли по надписи: „Боги возблагодарят нас за красоту домов“.

Красота… Вокруг расстилалась сухая пустыня, виднелись обугленные деревья и кусты. Никаких признаков живого, даже следов зверей нет. Взгляд Майкла слепо скользил по окрестным руинам.

— Не могу поверить… — прошептал он. — Зачем я сюда явился? Что ожидал найти?

— Семью, — произнесла Николь.

Целитель пораженно воззрился на нее, затем медленно кивнул:

— Да, ты, конечно, права… похоже, ты уже прекрасно знаешь меня.

— Может, ты и найдешь ее. — Женщина попыталась улыбнуться. — Многие могли выжить.

Она не верила тому, что говорит, но знала, что не дурачит Майкла. Она что-то слышала в этой тишине, какие-то странные звуки. Возможно, это ветер колебал мертвые ветви деревьев…

— Вряд ли. — Майкл отрицательно покачал головой. — Если кто и выжил, то они наверняка ушли на равнины. Предки моей матери прибыли оттуда.

Николь неуверенно прислушивалась.

— Ты знаешь, мне чудится, что Кзак-Царот наполнен плачущими призраками.

— Мертвецы на улицах? — Майкл вздохнул. Неужели кто-то еще способен не заслужить милосердия Богов…

— Какого еще милосердия?! — едва не закричала на него Николь, но вовремя прикусила язык.

За прошедшее время они много узнали друг о друге, их любовь больше не была прекрасным свадебным нарядом. Но, пообтершись, эта одежда стала гораздо более удобной для носки. Ни один из них не мог представить ночь без объятий любимых рук, но пережитое уже начало пятнать и кромсать материю любви. Когда эти дыры будут залатаны, их брак станет гораздо крепче, но сейчас споры делались все горячее, а аргументы — все больнее и острее.

— Сейчас почти полдень, — бросила Николь. — Если мы собираемся начать поиски, у нас не так много времени. Куда пойдем?

Майкл услышал холод в голосе и без труда понял, что она имеет в виду.

— Прямо. Дальше будет большой колодец, а за ним должен находиться Храм Мишакаль.

— Если он сохранился…

— Храм должен быть, — твердо сказал целитель. — Там мы найдем все ответы.

Остатки того, что раньше было широкой улицей, привели путников к большому внутреннему двору. На востоке одиноко возвышались четыре мраморные колонны, которые теперь ничего не поддерживали, полуразрушенная стена не более четырех футов в высоту показывала остатки колодца.

Николь заглянула вниз и пожала плечами, разглядев только тьму. Майкл подошел ближе и похлопал по пыльному камню:

— У нас была привычка выбегать из храмовых комнат для обучения и сидеть тут, обсуждая будущие планы. Хотели с помощью Богов сделать мир лучше…

— Боги вас не услышали. — Николь внимательно оглядывалась по сторонам. — Так это и есть Храм? От него все-таки что-то осталось…

Майкл поспешил к зданию, чей чистый белый камень, такой сияющий и холодный, казался знакомым и чужим одновременно. Остальные развалины его не интересовали, так же как и люди, некогда прогуливавшиеся здесь. Он спешил к огромным двойным воротам, отлитым из золота и богато украшенным орнаментом. Они загадочно мерцали в лучах зимнего солнца, и целитель спешил распахнуть их.

Он взлетел по ступеням, ударился о створки и отлетел в сторону. Ничего не понимая, Майкл вновь навалился на двери, но

те остались неподвижными. Отступив назад, жрец воззрился на них в недоумении.

— Что случилось? — крикнула Николь, подходя к подножию лестницы.

— Двери не открылись…

— Значит, они заперты, да и выглядят очень надежно, не так ли? — Николь медленно поднималась, осматривая вход. — Но, если подумать, можно попытаться их…

— Они не могут быть заперты. Не могут быть. На них нет запоров… Храм всегда был открыт…

— Забавно. Но ведь должен быть путь внутрь? — Николь раздраженно и сердито навалилась на дверь плечом, но та не дрогнула. — Нам надо попасть внутрь любой ценой. А кроме этого есть еще пути?

— Нет, это единственный.

— Тогда я все равно войду! — Николь выхватила меч и уже собиралась вставить лезвие между створками, когда Майкл перехватил ее руку:

— Нет, Николь, я запрещаю тебе!

— Запрещаешь мне? — яростно зашипела женщина. — Я — дочь Рыцаря Соламнии, и ты не смеешь приказывать мне! Да ты всего лишь жалкий…

— …жрец, — закончил Майкл. — А теперь даже уже и не он. — Целитель печально коснулся амулета на шее и посмотрел на символ Богини. — Она не откроет мне двери…

— Теперь не самое подходящее время, — раздался голос.

Николь развернулась с обнаженным мечом:

— Кто это еще?

— Убери оружие, дочь рыцаря, — тихо произнес голос, — я не причиню вреда.

На нижних ступенях сидела женщина средних лет в поношенной одежде, тень от колонны почти полностью скрывала ее. Возможно, именно поэтому ни Майкл, ни Николь не заметили ее до сих пор.

Соламнийка вложила меч в ножны, но не спешила убирать руку от гарды, ведь, как говорили, Катаклизм не уничтожил всех магов. Такая вот, мирная с виду женщина свободно могла оказаться скрывающейся чародейкой. Они медленно спускались по лестнице, внимательно вглядываясь в черты лица незнакомки, искаженные страданием и горем. При виде ее морщин на глаза Николь навернулись слезы, хотя она не плакала уже много месяцев, за все время трудного путешествия.

— Кто ты, уважаемая? — мягко спросил Майкл, становясь рядом с неподвижной женщиной на колени. — Как тебя зовут?

— У меня нет имени, — спокойно произнесла женщина, — я — мать всего живого.

Под тонким одеянием она дрожала от холода, и Майкл, сорвав с себя плащ, набросил ей на плечи:

— Тебе нельзя тут оставаться, уважаемая, скоро ночь, холод усилится.

— О, но я должна остаться. — Женщина, казалось, не заметила плаща. — Иначе как меня найдут дети?

Николь тоже опустилась на колени, ее голос, который был хриплым и скрипучим, когда она спорила с Майклом, теперь стал нежным и ласковым:

— А где они? Мы отведем тебя к ним.

— Там, — кивнула женщина в сторону разрушенного города.

— Она сошла с ума, — вздохнула Николь, взглянув на Майкла, и обратилась к женщине: — И как долго ты сидишь здесь, уважаемая?

— С того самого дня, — горько произнесла женщина. Пояснений не потребовалось. — Они никогда надолго не покидали меня, а тут потерялись… Вы знаете, мы договорились, что встретимся тут, если что, но они все не идут… Я должна ждать, ведь рано или поздно они придут…

Николь смахнула рукавом непрошеную слезу, Майкл пристально глядел на женщину, колеблясь и не зная, что делать. Нельзя оставить тут это бедное безумное создание, иначе она погибнет. Но без борьбы она не покинет свое место, так тоже можно убить ее. Возможно, если ее отвлечь от трагедии…

— Уважаемая, я жрец Мишакаль. Я вернулся сюда в поисках Дисков, которые хранились здесь. Ты сказала, что сейчас неподходящее время, но когда откроются золотые створки?

— Когда зло поднимется из колодца… когда синий кристалл вновь наполнится светом… когда темные крылья заслонят землю… тогда придут мои дети… и двери храма откроются, — ровным голосом проговорила женщина.

— Когда это случится?

— Не скоро… не скоро… — Незнакомка неожиданно мигнула, и ее взгляд очистился от безумия. — Так вы ищете Диски? Но они находятся в другом месте…

— Где?! — нетерпеливо воскликнул Майкл.

— Некоторые говорят… что в Палантасе, — пробормотала та. — Астинус… Великая Библиотека… идите в Палантас… там найдете ответы на все вопросы…

— Палантас! — Майкл выпрямился, потрясенный мыслью о новом путешествии через пустынные земли, которое займет долгое время. Но глаза Николь уже зажглись, как звезды.

— Палантас! Башня Верховного Жреца, цитадель Рыцарей Соламнии! Да, там мы найдем все ответы… — Она вскочила на ноги. — Майкл, до заката еще есть время, надо немедленно трогаться в путь.

Целитель неохотно поднялся:

— Ты уверена, что не пойдешь с нами, уважаемая?

— Мое место здесь, — пожала плечами женщина, — иначе как они узнают, где меня найти? Но за плащ спасибо, теперь мне будет гораздо теплее,

Майкл сделал несколько шагов прочь, но внезапно обернулся — незнакомка на миг показалась ему очень близкой и родной, возможно, он видел ее раньше или встречал в детстве…

— Я не могу уйти, оставив тебя тут!

Женщина улыбнулась странной грустной улыбкой:

— Ступай с моим благословением, дитя. Когда-нибудь ты тоже вернешься, и я буду ждать тебя здесь…

Глава 4

Огромный морской порт Палантас, построенный гномами еще в Век Силы, если верить слухам, пережил Катаклизм почти без последствий.

Майкл и Николь с удивлением и беспокойством чувствовали, что теряются во все растущих потоках беженцев, которые устремлялись в богатую и безопасную гавань. Расположенный на западе Соламнии, на берегах залива Бранчалы, город охранялся благородными лордами из Соламнийских Рыцарей, а их цитадель. Башня Верховного Жреца, надежно оседлала горный перевал, контролируя и защищая поток товаров и богатств, что уходил из Палантаса во внутренние земли.

Но хотя городские стены и изящные башни города смогли уцелеть в Катаклизме, трещины и пропасти избороздили души горожан. Они всегда были такими, но раньше их скрывали золото, страх перед Богами и мощью рыцарей… Теперь, спустя год после бедствия, поток золота больше не вливался в город, море не пестрело парусами. Вместо богатых караванов через ворота входили одни нищие, торговля Палантаса находилась на грани полного краха.

Здесь, как и в других местах Ансалона, люди искали любого виновного, кроме себя, чтобы возложить на него все грехи.

Майкл и Николь с попутчиками достигли Палантаса в середине утра. И хотя до них еще долетали слухи об изобилии,

больше всего было рассказов о грабежах, убийствах и насилии. Они были готовы увидеть самое страшное, но картина, представшая перед их глазами, все равно потрясла влюбленных.

— Пусть же Боги проявят жалость… — прошептал Майкл в ужасе.

У самых стен все поля чернели от нищих, оборванных людей, которые отчаялись попасть внутрь. Завидев новеньких, они бросались к ним, жалобно бормоча и выпрашивая что-нибудь, что могло облегчить их муки. Добросердечный Майкл немедленно раздал бы все, что имел, но Николь, сжав зубы, отбрасывала в стороны самых наглых, терпеливо проталкиваясь к городским воротам.

Створки были распахнуты, меж ними внутрь и наружу под зорким контролем стражей текли людские ручейки. Один из стражей, заметив Николь и ее оружие, поглядел с интересом.

— Эй, наемник! Праведному Сыну нужны мечники! — крикнул он, ткнув пальцем вдоль улицы. — Можешь заработать на еду и место для ночевки. Если заинтересовался, иди в Старый город.

— Праведный Сын? — проговорил Майкл недоверчиво.

— Спасибо за вести! — крикнула стражу Николь и поспешила утащить мужа подальше.

Крики нищих остались за стенами, но внутри Палантаса положение было не намного лучше — люди сидели и спали везде, прямо на улицах и холодных камнях. Тут и там появлялись личности со зловещими физиономиями, но, заметив меч Николь и крепкий посох Майкла, проходили мимо. Две неряшливые женщины попробовали увлечь их в покосившуюся лачугу. В городе пахло грязью и болезнями. Майкл и Николь не могли справиться с отвращением и узнать у кого-либо из прохожих правильное направление. Отец Николь часто ездил в Палантас и рассказывал, что он похож на большое колесо. Огромная древняя библиотека находится в центре, известном как Старый город, наряду с дворцами, домами рыцарей и другими важными зданиями.

Они прошли сквозь ворота внутренней стены, отделявшей Старый город от Нового. Здесь улицы не были так переполнены, да и воздух был чище. Майкл и Николь поспешили вперед, уверенные, что именно библиотека должна быть приютом мира в этом несчастном городе. Завернув за угол, они поняли, почему улицы казались свободными, — все люди собрались здесь.

— А где же библиотека? — спросил Майкл, глядя поверх голов.

— Вот она, — ответила Николь, указывая на здание, вокруг

которого и бурлила толпа.

— А что здесь происходит? — поинтересовался целитель у стоящей рядом женщины.

— Тише! — зашипела та. — Не видишь. Праведный Сын говорит!

— Давай сюда. — Николь потянула Майкла к небольшой купе деревьев, что росли вдоль богатой улицы. Оттуда они могли слышать и видеть оратора, который стоял сейчас на широких ступенях Великой Библиотеки Палантаса.

— Думаете — те, кто сейчас за стенами, добрые люди? — надрывался тот. — А я скажу вам — это ложь! — Он указал пальцем на тонкие изящные колонны за спиной. — Такая же ложь, как то, что они говорят о Короле-Жреце!

Толпа вокруг сердито зароптала.

— Да, я видел их и легко прочел правду их сердец своими собственными глазами! — Оратор выкатил глаза, как бы демонстрируя их наличие, но в них не было ничего замечательного, разве что они слегка косили и на вид были очень хитрыми.

— Великий Астинус, — с сарказмом продолжил оратор, — пишет, что Король-Жрец навлек на всех гнев Богов, требуя от них невозможного! А кто, кроме него, имел такое право? Кто из живущих настолько же непорочен, как он? А я назову вам реальную причину того, почему Боги сбросили пламенную гору на Истар!

Он сделал паузу, ожидая, пока толпа успокоится.

— Из ревности! — Он сделал вдох, и его слова далеко разнеслись в морозном воздухе. — О, как они ревнивы! Они не смогли пережить существование человека, который был достоин стать Богом гораздо более их самих! Они боялись, что он бросит им вызов! А ведь Король-Жрец мог это сделать — и наверняка победил бы!

Люди одобрительно заревели с затаенным чувством гнева.

— И хотя он ушел, — продолжал Праведный Сын, складывая руки в набожной печали, — многие из нас поклялись продолжить начатое в память о деяниях Короля-Жреца. Да! — закричал оратор, поднимая кулак к небесам. — Мы бросаем вам вызов, Боги! Мы не боимся! Обрушьте на нас еще одну гору, если посмеете!

Майкл дернулся вперед, открывая рот для гневных слов.

— Ты сошел с ума? — зашептала рядом Николь. — Ты нас погубишь!

Она быстро схватила его медальон и запихнула внутрь синих одежд, скрывая от чужих глаз. Майкл вздохнул, но ничего не

сказал. В толпе никто не обращал на них внимания, все смотрели только на говорившего.

— Лорд Палантаса на нашей стороне! — кричал мужчина. — Он согласился изменить законы, понимая, что наши поправки справедливы и истинны, и только этот проклятый старик мешает всему! — Он снова указал на колонны за спиной.

— Тогда мы сами сделаем это, без него! — послышался голос из толпы, видимо, это был специально подготовленный человек. — Читай нам свои законы, Праведный Сын! Дай нам услышать их!

— Да!

— Давай!

— Да, читай закон!

Крики толпы превратились в скандирование.

— Сейчас, добрые граждане, сейчас, — поднял руку косоглазый оратор. Он покопался за пазухой и, колыхнув белоснежным одеянием, что так контрастировало с поношенной одеждой остальных, достал свиток.

— Первое: эльфам, гномам, кендерам и любому другому существу, в чьих жилах течет хоть капля нечеловеческой крови, запрещено жить в городе! Все будут высланы! Любой, кто не подчинится, будет казнен!

— Второе: любой маг или чародей, ведьма или колдун, ученик мага, чародея или колдуна… — оратор сделал паузу, чтобы перевести дух, — пойманный внутри городских стен, будет казнен!

Люди на площади встретили этот пункт недоумением и даже смешками, уж слишком невероятной казалась такая перспектива. Палантас уже давно избавился от них, хоть и дорогой ценой.

— Третье: все Рыцари Соламнии и члены их семейств должны быть изгнаны!

Громкие одобрительные крики.

— Все богатство и достояние вышеназванных рыцарей должно быть конфисковано и роздано простым людям!

Еще более громкое одобрение и радость. Теперь уже Николь вспыхнула и собиралась открыть рот, но Майкл был наготове.

— Ты тоже держи себя в руках, — зашептал он, расправляя ее плащ по панцирю и прикрывая складками меч в старинных серебряных ножнах, украшенных короной и зимородком.

Они отошли еще глубже в тень деревьев.

— Четвертое: библиотеку надлежит снести и сровнять с землей! Все лживые книги и свитки должны быть преданы огню! — Праведный Сын дернул рукой, и свернувшийся свиток громко щелкнул. Не сводя глаз с собравшихся, он сделал

широкий жест, словно уже ломал башню и обрушивал ее.

Народ заорал и начал надвигаться на древнюю библиотеку.

Оттуда никто не вышел, ни один защитник не выглянул наружу. Но древнее здание, мрачное и полное достоинства, смиряло толпу одним своим видом. Первые ряды заколебались и замедлили шаг, позволяя остальным выйти вперед, если те хотят. Вторые же, неожиданно очутившись на переднем крае, терялись, бесцельно сотрясая воздух криками. Из толпы неслись угрозы, летели тухлые яйца и засохшие овощи, но люди не хотели подступать ближе.

Оратор мрачно понаблюдал за ними и понял, что время еще не пришло. Он сошел с возвышения, и его немедленно окружили верующие и матери, испрашивающие милости для больных детей.

— Именем Короля-Жреца… — кротко говорил он, передвигаясь от одного к другому. — Во имя Короля-Жреца…

— Что это за издевательство? — задыхаясь, спрашивал Майкл, едва способный сохранять спокойствие. — Я не могу в это поверить! Они что, ничему не научились?

Часть толпы продолжала топтаться на ступенях библиотеки, остальным стало скучно, и они побрели прочь к тавернам, несмотря на то, что те не сильно могли развлечь их в эти дни.

— Тише! — Николь потянула его еще дальше в тень.

Праведный Сын шел через толпу, умело общаясь с людьми, обещая им все, чего те хотели, но быстро избавляясь от них. Вокруг него уже возникла маленькая свита, которая умело отсекала новых просителей. Они прошли совсем рядом, но Николь с Майклом были почти незаметны в тени.

— Они уже ели у тебя с рук, Праведный Сын, почему ты не подстегнул их для штурма?

— Еще не время, — ответил тот удовлетворенно. — Пусть идут к друзьям и соседям, расскажут все, что услышали. На следующем собрании у нас будет в сто раз больше людей, а потом и в тысячу раз! А пока пришло время подогреть их ненависть… Помнишь пекаря-полуэльфа, который упрямо отказывается уехать из города? Проследи за тем, чтобы от его булок несколько людей заболели… Добавь пару капель… — Праведный Сын передал подручному маленький стеклянный пузырек. — Сообщишь, кто именно. Я как раз окажусь рядом, чтобы излечить их… — Один из прихвостней посмотрел на склянку с сомнением, поэтому Праведный Сын презрительно дернул щекой. — Это не яд, эффект со временем исчезнет, но откуда знать об этом сиволапым крестьянам? Пусть думают, что это моих рук дело.

Тот кивнул и поглубже спрятал пузырек.

— А что насчет библиотеки?

— У нас будет другое собрание, через два-три дня, когда в городе начнутся неприятности. Если ты сможешь достать одну из тех книг, где написана ложь о Короле-Жреце…

— Это легко — глупый старик Астинус позволяет любому читать их.

— Прекрасно. Я сам зачитаю ее толпе. Думаю, это решит судьбу старика и библиотеки. Он единственный, кто еще стоит на моем пути к вершине власти в Палантасе. Как только его не станет, я легко разберусь с этим жеманным лордом города. Кроме того, продолжай распространять в тавернах истории о рыцаре, что был проклят Богами.

— О Соте?

— Да, о Лорде Соте…

Николь тихо выдохнула, Майкл схватил ее за руку, призывая к тишине.

— Не уверен, Высокочтимый, что мы должны полагаться на эту историю, чтобы вызвать ненависть черни к рыцарям. О нем рассказывают и другие истории…

— Что еще за истории? — резко спросил Праведный Сын.

— Говорят, он ехал в Истар, предупрежденный о Катаклизме, планируя остановить Короля-Жреца.

— Ерунда! — фыркнул тот. — Вот что ты должен говорить: Сот был разъярен, когда узнал, что Король-Жрец хочет обнародовать правду о его извращенных связях с эльфами и троллями. Намекни очень ясно, да, еще добавь историю о том, как он убил свою первую жену. Это все очень нравится… Тише, кто-то еще хочет благословения…

Из переулка навстречу им вышла молодая женщина, ждущая ребенка, и робко встала поодаль. Праведный Сын внимательно поглядел на нее и мягко улыбнулся:

— Подойди же ближе, дочь моя. Что я могу сделать для тебя?

— Прости, что потревожила тебя, Праведный Сын, — залилась румянцем женщина, — но я слышала твою проповедь вчера в Храме и смущена…

— Я помогу тебе, дочь моя, — сказал тот кротко. — Что тебя запутало и смутило?

— Я всегда молилась Паладайну, а ты велишь больше не молиться никому из старых Богов. Я должна молиться Королю-Жрецу?

— Да, дочь моя. Когда Королева Зла напала на мир, остальные Боги в страхе сбежали, а Король-Жрец нашел в себе храбрость и остался биться с нею, почти как Хума. А сейчас, в небесном плане, Король-Жрец продолжает бой и нуждается в молитвах. Ты, дочь моя, должна помочь ему в сражении…

— И поэтому мы должны выгнать кендеров и эльфов?

— И всех остальных, кто ведет свой род от сил Тьмы.

— Теперь я поняла… Спасибо, Праведный Сын. — Женщина поклонилась, а жрец возложил ей на голову руку и благословил ее и будущего ребенка.

— Во имя Короля-Жреца, — сказал он торжественно.

Женщина побежала прочь, а Праведный Сын наблюдал за ней с довольной улыбкой на губах. Затем он посмотрел на своих помощников, и они продолжили путь, обсуждая дальнейшие планы по захвату власти.

Ни Николь, ни Майкл не могли ничего сказать долгое время. Они были настолько потрясены и измотаны, словно выдержали долгий бой с сотней врагов и сил совсем не осталось.

— О, Майкл, — пробормотала Николь, — этого не могло случиться! Я не верю — Лорд Сот был столь же отважен, сколь и благороден… Он никогда не сделал бы такие ужасные вещи.

— Какая ложь! — Бледное лицо Майкла перекосилось от гнева. — Ложный жрец извратил правду!

— Но что из этого правда?! — воскликнула Николь. — Мы же не знаем точно!

— Тише, не привлекай внимания, — предостерег ее муж, заметив, как несколько мужчин бросают в их сторону внимательные взгляды.

— Да, правда о наших друзьях! — крикнул он громко. — В этом справедливом городе все откроется, он прекрасен и благословен!

Мужчины, покачиваясь и дыша перегаром „гномьей водки“, приблизились.

— Новички в Палантасе?

— Мы пришли из Витсанда, — кланяясь, проговорил Майкл.

— Ну, вы, по крайней мере, люди. Беженцы? Думаете воровать у нас?

Целитель с негодованием посмотрел на них:

— Вот еще, мы не нищие! Но дорога и схватки с попрошайками изрядно измотали нас…

— А зачем тогда вы тут прячетесь? Может, так принято в… ну, откуда вы там явились.

Николь переступила с ноги на ногу, и меч тихонько звякнул о панцирь. Один из пьяниц поднял голову и прислушался:

— А вроде я слышал, как звенит сталь.

Он сделал шаг к Николь и схватил грязной рукой ее за подбородок, выворачивая лицо к свету:

— А ты выглядишь словно благородный, мальчишка… Как думаешь, друган, похож? Может, сын какого-нибудь нобля? С

толстым кошельком…

— Отпусти меня, — выдавила Николь сквозь сжатые зубы, — или живо станешь мертвецом.

— Пожалуйста! — Майкл попытался влезть между ними. — Нам не нужны неприятности.

Но он только ухудшил ситуацию, распахнув плащ жены, — в слабом свете блеснул металл доспехов.

— Рыцарь собственной персоной! — заорал мужик в ликовании. — Смотри, кого я поймал! Ну, сейчас позабавимся! — Он потянулся за длинным кинжалом на поясе. — Сейчас глянем, действительно ли ваша кровь такая голубая, как вы любите говорить…

Николь пронзила его мечом прежде, чем он сам и его пьяные дружки поняли, что произошло. Мужик воззрился на нее в полном изумлении, затем подавился кровью, хлынувшей из горла, и рухнул на землю. Остальные выхватили кинжалы, а один закрутил шипастой дубинкой.

Майкл поднял посох, но меч Николь с капающей алой кровью метался перед нападавшими, как хищная змея. Пьяницы нерешительно замерли, и тут Майкл приложил одного по голове, а Никель прочертила шрам на щеке другого. Теперь до самой могилы он будет меченым. Этого было достаточно — остальные решили, что с них хватит, и рванулись бежать.

— Трусы! — рассмеялась Николь, вытирая клинок о рубашку трупа. — Мелкая уличная шушера…

— Да, но они приведут подмогу, — сказал Майкл мрачно, — Нам нельзя оставаться в городе, надо уходить. — Он тоскливо посмотрел на библиотеку.

— Мы вернемся, — уверенно кивнула Николь. — У меня есть идея. Давай поторопимся, а то один из них вроде догнал так называемого Праведного Сына и теперь говорит с ним.

И действительно, свита жреца явно смотрела в их направлении, куда показывал рукой незадачливый головорез. Майкл с Николь быстро зашагали в противоположную сторону и смешались с толпами, которые Катаклизм обрушил на улицы Палантаса. Они проскочили ворота раньше, чем к стражам подбежали гонцы и передали приказ высматривать нарушителей, спрятались за остановившимся фургоном и ясно все расслышали.

— Рыцарь Соламнии! — орал гонец. — Огромный! С мечом длинней шести футов! С ним другой, в синих одеждах ложной Богини!

— Мы найдем таких, — сказал страж, кланяясь, а гонцы побежали к другим воротам.

— Пойдем, фургон сейчас тронется. Что с тобой такое? —

Николь торопливо запахнула плащ, прижимая ножны к боку.

Майкл проверил священный медальон и убедился, что тот недоступен чужому взгляду. Но стража, к счастью, не удостоила их вниманием.

Выйдя за ворота, они некоторое время лавировали среди нищих, пока не удалились на приличное расстояние и не укрылись в ближайшем лесу.

— Что ты задумала? — спросил Майкл.

— Мы двинемся в Башню Верховного Жреца, — ответила Николь. — Рыцари должны узнать, что происходит в Палантасе, должны узнать о заговоре. Они положат конец этому произволу, и тогда мы сможем войти в библиотеку и прочесть Диски Мишакаль. Мы докажем всем, что Праведный Сын всего лишь жалкий шарлатан.

Майкл не выглядел таким же уверенным:

— Но рыцари давно должны были бы все знать… А если знали, но не остановили его раньше, значит, просто не в силах этого сделать.

Николь спорила, указывая на дорогу в горы, что безмятежно вырисовывались над ними. Дорога вела в цитадель рыцарей.

— Там мы узнаем правду и о Лорде Соте, — добавила женщина мягко. — Я не верю лживым словам и хочу узнать правду!

Майкл лишь глубоко вздохнул и покачал головой.

— Ну? — резко спросила Николь. — В чем дело?

— Я подумал, что есть такие вещи, которых нам лучше не знать…

Глава 5

Холодный ветер, что дул с черного плана злой магии, изодрал плащ рыцаря в клочья. Он стоял посреди этого ледяного ужаса и позволял ветру проникать в самый центр пустой оболочки. Непроизвольно рыцарь запахнул плащ плотнее — человеческий жест, пришедший из глубин памяти, ибо сейчас ничто не могло защитить его от вечного холода смерти.

Рыцарь был мертв еще не так долго и отчаянно цеплялся за маленькие успокаивающие привычки прошлого, о потере которых жестоко сожалел. Трепещущий плащ казался живым, а вот его тело (которое тоже было не его) оставалось неподвижным.

У него было срочное дело — следить за городом Палантас. И хотя рыцарь находился совсем близко от него, ни одно живое

создание не подозревало о его присутствии. Тени темной магии надежно оберегали мертвого рыцаря от постороннего взгляда. Его вид напугал бы горожан, сделав их совершенно бесполезными.

А он отчаянно нуждался в живых, но, зная свою черную силу, не был уверен, как лучше приблизиться к ним.

Он наблюдал. Завидовал. Ненавидел.

Палантас. Однажды он сможет править им, сея смерть и разрушение. Но пока еще рано. Город спасся от ужасов Катаклизма, значит, в его глубинах есть нечто, что он может использовать… Праведный Сын? Сначала рыцарь тоже так думал, темная радость заполняла то место, где раньше было сердце. Он услышал, что тот прибыл с востока, утверждая, будто остался единственным спасшимся из Истара, чтобы принять бразды правления над душами верующих. Возможно ли это? Неужели он нашел истинного жреца, оставленного на Кринне? Но после долгих дней и ночей, слушая его дурацкие проповеди, рыцарь понял, что был обманут.

Еще при жизни он знавал множество подобных шарлатанов, да и сам нередко использовал их. Теперь он легко распознал все уловки и трюки притворы. Он даже позабавился мыслью уничтожить Праведного Сына, ибо ненавидел всех живущих лютой и ревнивой ненавистью. Можно было бы сделать это, избавив глупых жителей Палантаса от тирана, но какая от этого выгода лично ему, кроме наблюдения, как теплая живая плоть становится мертвой?

— Никакой, — сказал он себе. — Раз они так тупы, что сажают себе на шею подобное ничтожество, значит, заслуживают этого.

И все же что-то звало рыцаря из недр города, поэтому он решил остаться и ждать. У него есть вечность и не надо думать о еде и отдыхе.

Он был на посту, когда два человека — безусый юнец с мечом и жрец в потертой синей рясе — выбежали из ворот с привлекающей внимание поспешностью. Он заинтересовался и отвел глаза стражам. Когда беглецы приблизились, ему, как и любому существу из магического плана, стал хорошо виден амулет Мишакаль, скрытый на груди жреца. Да и рыцарь казался знакомым.

Мертвый рыцарь приблизился.

— …Мы двинемся в Башню Верховного Жреца, — говорил юнец. — Рыцари должны узнать, что происходит в Палантасе, должны узнать о заговоре. Они положат конец этому произволу, и тогда мы сможем войти в библиотеку и прочесть Диски Мишакаль…

— Башня Верховного Жреца? — Рыцарь горько рассмеялся.

Друг юноши, казалось, тоже испытывает сомнения.

А потом рыцарь услышал свое имя и уловил восхищение в голосе юноши. Боль живых человеческих отношений обрушилась на него, приведя в неожиданное замешательство. Сот не слышал больше ничего, он на время потерял всякую способность воспринимать окружающее.

А в это время парочка двинулась по извилистой дороге, ведущей к Башне Верховного Жреца.

Создав магического коня — такое же темное творение пламени и ненависти, как и он сам, — Лорд Сот невидимым компаньоном отправился следом…

Башня Верховного Жреца была заложена основателем рыцарства Винасом Соламном. Построенная высоко в Вингаардских горах, она охраняла Западные Врата, единственный проходимый перевал.

Дорога туда была крута и опасна, но из-за большого числа караванов и оживленной торговли ее содержали в отменном порядке. Она стала легендарной сама по себе, даже вошла в поговорку: „Гладкий, как дорога в Палантас“. Но, как и многое другое, со времен Катаклизма положение изменилось.

Ожидавшие легкого пути, Майкл и Николь были расстроены, увидев прекрасный некогда тракт в руинах, в некоторых местах почти непроходимых. Огромные валуны усеивали путь, широкие трещины преграждали дорогу. Кое-где стены гор явно сблизились, сузив проход до тропинки. Путники с трудом передвигались и через несколько миль пути полностью вымотались. Они достигли ровной площадки, расчищенной от леса, — возможно, здесь раньше было место для отдыха караванов. Невдалеке журчал чистый ручей, скрываясь в чаще леса. Отыскались и черные круги на камнях, оставленные кострами.

Оба, не сговариваясь, уселись отдыхать. Несмотря на то, что представляли себе трудности пути наверх, устали они гораздо сильнее, чем могли ожидать, да и наступали сумерки с их давящим мраком. Майкла и Николь не оставляло чувство, что за ними наблюдают, — целитель постоянно оглядывался, а женщина не убирала руку с эфеса меча. Ничего подозрительного не было заметно, но чувство не проходило.

— Мы хотя бы, — заметила Николь, — видим отсюда всю дорогу. — Она прикинула, сколько они уже прошли по разрушенному тракту.

— Нам просто мерещится, — сказал Майкл. — Нервничаем после того, что случилось в Палантасе, вот и все.

Они расположились на гладком камне и немного перекусили, экономя припасы. Сверху нависало серое дождливое небо, волоча тучи, как казалось, по верхушкам соседних елей. Когда влюбленные решили заговорить вновь, то заметили, что приглушают голос, словно боясь, что их подслушают. Призрак страха и напряженности повис над ними.

— Странно, — пожал плечами Майкл, — что рыцари не расчищают дорогу, ведь прошел почти год со времени Катаклизма. Можно было уже навести мосты, заделать трещины, убрать валуны… Ты знаешь, — продолжал он спустя некоторое время, сам не понимая, для чего говорит, — мне кажется, рыцари сделали это нарочно, они боятся быть атакованными!

— Чушь! — взвилась Николь, ощетиниваясь, — Чего еще боятся рыцари? Тех пьяниц из Палантаса? Да они просто пыль у ног своего ложного жреца, а простые граждане всегда хорошо относились к рыцарям и уважают их. Рыцари обороняли Палантас вот уже много поколений! Вот увидишь, когда они прибудут в город, все повалятся на колени при одном взгляде на них и будут просить милосердия.

— Что ж они до сих пор не приехали?

— Они не осознали опасности! — резко ответила Николь.

— И никто не принес им вести?

Женщина лишь поежилась под плащом и сменила тему:

— Какой сильный ветер… И какой ледяной… Проникает сквозь плоть и кости, кажется, еще немного — и замерзнет сердце.

— Да, ветер просто режет, — подтвердил Майкл. — Странный холод, не зимний. Я никогда не испытывал подобного.

— Наверное, это из-за того, что мы забрались высоко… — Николь старалась не обращать на ветер внимания. Встав, она подошла к краю дороги и всмотрелась в лес. — Ничего… — Она легонько толкнула замершего у костра Майкла. — Чему ты улыбаешься? Скажи, мне тоже хочется развеселиться.

— А? Что? — Задумавшийся Майкл подпрыгнул от неожиданности. — Забавно, что только не лезет в голову в такие мгновения. Я вспомнил, как ребенком жил в Кзак-Цароте и к нам в гости пришел дяди из кочевников. Думаю, ты никогда не видела жителей равнин — они ходят в кожаной одежде, расшитой бисером, и украшают себя перьями. Мне всегда нравилось, когда они навещали наше семейство, приносили свои товары… Так вот, дядя рассказывал самые замечательные истории, которые мне когда-либо приходилось слышать. Никогда не забуду сказания про Темных Богов, о которых нам пришлось услышать вновь с появлением Короля-Жреца, про призраков и умертвий, бродящих

в муках по Ансалону. Мне потом много дней не удавалось уснуть!

— И что потом? — прижалась к нему, согревая, Николь. — Почему ты вздыхаешь?

— Я рассказал одну из историй своему учителю, еще молодому жрецу из Истара. Он пришел в ярость и назвал всех равнинников проклятыми лгунами и опасными богохульниками, которые разлагают молодежь. Сказал, что дядя все выдумал, если только он не опасный еретик, что не существует призраков и живых мертвецов — ведь все Зло уничтожил всемогущий Король-Жрец. Я до сих пор чувствую шишку на голове — он меня ударил, естественно, от имени Мишакаль…

— Почему ты вдруг вспомнил все это?

— Да из-за умертвий… — Майкл попробовал рассмеяться, но лишь простужено закашлялся. — Мой дядя говорил, что, когда мертвец к тебе приближается, чувствуется ужасный могильный холод, замораживающий сердце, и…

— Майкл, прекрати! — дернулась Николь. — Хватит пугать меня, глупый. Просто снег сыплют, вот и холодно. Надо идти, а мы почти не отдохнули… Такими темпами мы достигнем цитадели только к ночи. Подай-ка мне мех с водой, надо наполнить его из ручья до отказа.

Целитель молча подал ей требуемое, и женщина поспешила к потоку, что шелестел в камнях, а Майкл вытащил символ Мишакаль из-за пазухи и удивленно на него воззрился. Он мог бы поклясться, что тот сияет синим, разгоняя все ближе подступающий мрак…

И в самом центре тьмы горели огненные глаза! Они смотрели на Николь с другой стороны потока, а та, ничего не подозревая, как раз вставала, стряхивая капли воды с меха.

— Почему я тебя знаю? — спросил глубокий и ужасный голос.

Майкл попробовал позвать жену, но голос отказал ему, из горла донеслось лишь слабое сипение. Тогда он попытался подняться, чтобы прийти на помощь Николь, но ноги стали ватными и не подчинялись.

Женщина же не дрогнула и не убежала — она замерла и не отрывала взгляда от бледного силуэта, который проявлялся из теней. Это был Рыцарь Соламнии — вернее, нечто, когда-то им бывшее, — сидящий на коне, словно вышедшем из ночного кошмара. Странный и таинственный свет, возможно, отброшенный черной Нуитари, падал на броню с эмблемой розы, но металл не сиял, они был обуглен и черен, словно хозяин прошел сквозь ужасный огонь. На голове рыцаря виднелся шлем, но лица нельзя было рассмотреть — под опущенным забралом

клубилась тьма, освещенная пламенем глаз.

Сот приблизился к Николь, в его рука непроизвольно дернулась, словно рыцарь хотел принять у женщины мех с водой. И по этому движению Майкл немедленно узнал его.

— Ты дала мне воду, — утвердительно произнес рыцарь замогильным голосом. — Она немного утолила сжигавшую меня жажду. Жаль, что ты не сможешь сделать этого снова…

Голос Сота резанул такой неподдельной болью, что на глаза Майкла навернулись слезы, которые немедленно превратились на щеках в лед. Слова рыцаря встряхнули Николь, и она, выйдя из оцепенения, выхватила меч:

— Не знаю, из какой тьмы и порока ты явился, но ты оскверняешь доспехи рыцаря!

Майкл, наконец, нашел в себе силы встать и, подбежав к жене, схватил ее за руку:

— Убери оружие, он не собирается причинять нам вред!

— Моли Мишакаль, чтоб это оказалось правдой!

— Да посмотри на него, Николь, — едва смог прошептать целитель. — Ты разве не узнаешь его?

— Лорд Сот! — ахнула Николь, опуская клинок; — Но что за ужасная судьба выпала тебе, во что ты превратился?!

Рыцарь молчал, лишь волны холода, исходящие от него, стали сильнее, почти замораживая умы молодой пары. И все же Майкл верил, что Сот держит свою черную силу под контролем, так же как железной рукой укрощает коня.

— Я слышу жалость в твоем голосе, — пророкотал Сот, — сострадание, что трогает ту часть моей души, которая обречена вечно гореть и извиваться от нестерпимой боли… Поскольку я один из тех, кого вы называете умертвиями, один из немертвых, что обречены не знать покоя… никогда!

Его кулаки сжались от гнева, конь нервно шарахнулся под ним, загремев копытами.

Николь отступила, вновь вскинув меч.

— Значит, то, что я слышала о тебе, — правда! — Она старалась унять дрожь в голосе. — Ты предал всех, и рыцарей, и Богов! А теперь ты проклят…

— Это несправедливо, — зашипел Сот, — я был обманут! Моя жена знала о гневе Богов, и я собрался остановить бедствие, заплатив, если надо, собственной жизнью… Но Боги не проявили милосердия! Они жаждали наказать Кринн! Боги не дали мне добраться до Истара и, стараясь отмыть руки от крови невинных, наложили проклятие на меня! А теперь они покинули мир, который разрушили!

Майкл, ощутив, как дрогнуло сердце, крепко стиснул символ

Мишакаль, и Рыцарь Смерти не мог не заметить этого.

— Ты не веришь мне, жрец? — Огненные глаза опалили кожу Майкла, а душу сковал лютый холод.

— Да, милорд, — Целитель сам удивился, как нашел храбрость для подобного ответа, — Да, я не верю тебе. Боги не могли быть настолько несправедливы.

— Неужели? — горько вмешалась Николь. — Я не говорила тебе, Майкл, чтоб лишний раз не ранить тебя или не расстроить, но что, если ты не прав? Что, если нас обманули? Ведь Боги оставили без наказания тех негодяев, которых мы недавно видели в Палантасе.

— Ты же видела Николаса, — печально посмотрел на нее Майкл, — видела, как он обрел мир и благословение. Слышала обещание Богини о нашем собственном мире! И как после всего этого ты можешь сомневаться?

— А где теперь та Богиня? — закричала Николь. — Что она делает, когда ты возносишь ей молитвы? Молчит…

Майкл бросил взгляд на символ Мишакаль — тот был темен и холоден, подобно Рыцарю Смерти.

Но ведь еще недавно он светился. Или ему показалось? Возможно, он выдаст желаемое за действительное и его вера — лишь вымысел?! Рука Николь накрыла ладонь муха.

— Вот видишь, Майкл, ты больше не веришь…

— Диски Мишакаль! — отчаянно воскликнул он. — Если мы отыщем их, я смогу доказать тебе… доказать себе… — В этот момент Майкл отчетлива понял, что он действительно теряет веру.

— Что такое Диски Мишакаль? — пророкотал Лорд Сот, но целитель молчал.

— Это священные тексты Богов, — наконец проговорил он. — Я… думаю найти в них ответы…

— Где они находятся?

— А зачем тебе знать об этом? — осмелел Майкл, и тени закружились вокруг. Он ощутил гнев Сота, гордость и высокомерии, неутолимое желание узнать больше… Рыцарь справился с гневом, но жрец знал, каких усилий ему это стоило.

— Эти Диски могут стать моим спасением, — заявил Сот.

— Но как, ведь если ты утратил веру…

— Пусть Боги ответят мне лично, — гордо сказал рыцарь. — Они должны снять проклятие и избавить меня от вечных мучений!

Майкл ощутил в его славах какую-то неправильность, и одновременно с этим они звучали отголоском его собственных мыслей.

— Диски находятся в библиотеке, — сказала Николь, видя, что Майкл молчит. — Мы хотели их найти, но толпа непрерывно осаждает ее… Поэтому мы пошли в Башню Верховного Жреца, чтобы предупредить рыцарей. Они отправятся в Палантас и пресекут волнения, восстановив мир и порядок.

К их ужасу и удивлению, Сот разразился жутким долгим смехом, идущим из самой темной глубины доспехов.

— Вы проделали длинный путь и видели много ужасов, — пророкотал Рыцарь Смерти, — но, видимо, вам придется увидеть и самое худшее. Желаю вам удачи!

Тронув поводья, Лорд Сот растаял в тенях.

— Милорд! — закричала вслед Николь. — Что ты имеешь в виду?

— Он ушел… — выдохнул Майкл. Холод медленно покидал тело, кровь побежала по жилам быстрее. — Надо срочно уходить!

— Точно, — согласилась женщина и посмотрела на мех с водой, вздрогнув от мысли, что его могла коснуться рука Рыцаря Смерти. — С ним поступили несправедливо!

Она решительно посмотрела на Майкла, словно ожидая возражений, но тот промолчал. Тишина стеной разделяла их до самого конца пути.

Глава 6

Башня Верховного Жреца была мощной крепостью, возвышающейся почти на тысячу футов над землей и окруженной толстыми, мрачными зубчатыми стенами. Майкл никогда еще не видел более неприступной цитадели. Теперь он понял слова Николь, которая говорила, что крепость никогда не сдавалась врагу, а рыцари защищали ее с честью. Оба остановились, со страхам глядя на стены. — Никогда не была тут, — произнесла Николь. Ужас от встречи с мертвым рыцарем прошел, но гнев на Майкла еще окутывал душу. Она пристально разглядывала крепость широко распахнутыми от восхищения глазами. — Но отец часто рассказывал Николасу и мне о ней, так что я смогу пройти по ней даже с закрытыми глазами. Вот там, к примеру, — Верховная Бдительность, а там — Гнездо Зимородка, символ всех рыцарей… Мы с Николасом часто мечтали, как побываем здесь, ведь брат говорил, что человек не станет рыцарем до тех пор, пока не помолится в часовне Башни… — Женщина опустила голову и смахнула слезы.

— Ты преклонила колена вместо него, — сказал Майкл.

— Зачем?! — воскликнула Николь. — Кто теперь меня услышит?

Они двинулись к широкой длинной дороге, ведущей к воротам охваченной тишиной крепости. Хотя солнце уже закатилось, но нигде не зажглись огни, не было видно воинов на стенах и наблюдательных постах. Николь, видимо, тоже показалось это странным, она даже замедлила шаг и, задрав голову, выкрикнула приветствие.

Никто не ответил.

Внезапно закутанные фигуры появились со всех сторон — крепкие руки схватили Майкла и обездвижили его, вырвав посох. Он безуспешно рванулся, пытаясь разглядеть, что с Николь, но та скрылась за стеной тел. Оттуда раздавался звон стали и ругательства.

— Ты пленник Рыцарей Соламнии, — произнес голос на резком языке торговцев, — оставь сопротивление!

— Лжец! — крикнула Николь на соламнийском. — С каких пор истинные рыцари прячутся в тени и устраивают засады?

— Мы идем в темноте, потому что дни теперь наполнены тьмой.

Из ворот крепости появился еще один человек, в сопровождении большой группы воинов, если судить по звону металла. Вспыхнул свет, и Майкл увидел вокруг сверкание доспехов и полированной брони, а также обилие длинных ухоженных усов, что всегда было признаком рыцарства. Через плечо говорившего вилась лента, некогда яркая, а теперь полинявшая и блеклая. Майкл прожил среди соламнийцев достаточно долго и знал, что это отличительный знак Лорда-Рыцаря и боевого командира.

— И кто к нам попал теперь?

— Шпионы, я в этом уверен, милорд, — ответил один из держащих Майкла.

— Поднесите факелы ближе, мне нужно их рассмотреть!

Рыцари подтащили целителя, но действовали в рамках приличия и не грубо, словно из уважения к своему командиру. Николь, которая чуть успокоилась при виде Лорда-Рыцаря, вновь вспыхнула от несправедливого обвинения.

— Мы не шпионы! — прошипела она сквозь зубы и угрожающе взмахнула мечом, давая понять, что с ней можно справиться, но прольется много крови.

Воины вопросительно посмотрели на приблизившегося командира.

— Значит, тут у нас юнцы, умеющие владеть оружием как мужчины… — протянул он, посмотрев на своего воина с

порезанным лицом. Потом присмотрелся к мечу Николь и нахмурился. — Как к тебе попали доспехи и оружие, принадлежащее Рыцарю Короны? Наверняка похитил с мертвого тела… И думал продать его тут — а вот это было большой ошибкой, за которую ты поплатишься жизнью!

— Я не крал! Я несу его… — Николь сделала паузу, поняв, что говорить об истинных планах не имеет права, ведь она не настоящий рыцарь, и быстро исправилась: — Мой отец, покойный сэр Дэвид Витсанд и мой брат-близнец Николас были Рыцарями Короны. Этот меч и броня принадлежат брату!

— И она надела доспехи, обрезала волосы и защитила замок и каждого из нас, — закричал, дернувшись, Майкл.

— А кто будешь ты? — повернулся командир к целителю.

— Наверняка тот самый ложный жрец из Палантаса, — вмешался один из воинов. — Смотрите, на нем символ Мишакаль!

Лорд-Рыцарь не стал долго разглядывать Майкла и вновь повернулся к Николь.

— Она? Надела? — повторил он, приглядываясь к лицу и внимательно изучая очертания тела Николь. — Клянусь Паладайном, ложный жрец говорит правду, это женщина!

— Майкл не ложный жрец… — начала Николь.

— С ним разберемся позже, — отмахнулся Лорд-Рыцарь, — сначала изволь объясниться сама!

Лицо женщины пошло красными пятнами, Майкл видел, какая борьба разгорелась у нее внутри. Она всегда жила Кодексом и Мерой, боролась со Злом и защищала невинных, считая себя истинным рыцарем. Но, если судить по Мере, она им не является.

Церемонно опустившись на колено перед Лордом-Рыцарем, Николь протянула ему меч рукоятью вперед, словно побежденный на турнире.

— Да, ты прав, милорд, я нарушила закон. — Николь смертельно побледнела, но голову держала высоко поднятой — она преклонила колено не от позора, а из уважения.

Лицо Лорда-Рыцаря осталось холодным, он лишь протянул руку и медленно принял клинок. Николь неохотно выпустила меч из рук — со времени смерти брата она не расставалась с ним.

— Ты действительно преступила Меру, леди. Рука женщины не может коснуться меча истинного рыцаря. Но мы учтем тот факт, что ты пришла добровольно и сдалась…

— Сдалась? Этого никогда не будет, милорд! — заявила Николь, вскакивая на ноги и переводя взгляд с клинка на каменное лицо командира. — Я пришла предупредить вас. Тот ложный жрец, которого вы упоминали, подбивает граждан

Палантаса сжечь библиотеку! Уничтожить все знание, накопленное от сотворения мира.

Николь посмотрела на воинов, ожидая увидеть на их лицах боль и удивление, но никто не пошевелился и не сказал ни слова, а лица стали суровее и ожесточились.

— Правильно ли я понял тебя, леди? Ты прибыла сюда не для того, чтобы просить прощения за свое преступление? — проговорил рыцарь.

— Да ты… — непонимающе воззрилась на него Николь. — Мое преступление? Ты не слышал, что я сейчас сказала? Библиотека в опасности! А следом за ней и весь город окажется в руках этого злодея.

— То, что происходит в Палантасе, нас совершенно не волнует, леди, — сказал Лорд-Рыцарь.

— Не волнует? Как это понимать?

— Многие из этих воинов пришли из Палантаса, так же как и я. Люди выгоняли нас, грозили семьям и поджигали дома. Мою жену разорвала толпа…

— И все же, — начал Майкл, — есть Мера, сэр рыцарь! Во имя Паладайна ты обязан защищать невинных…

— Невинных? — Глаза командира вспыхнули. — Да если Палантас сгорит до основания, то я скажу, что он заслужил это! Паладайн в справедливом гневе отвернулся от них, так пусть же попадутся Темной Королеве и будут прокляты!

— Гнев Богов пал на всех, — заметил Майкл. — Как может любой из нас говорить, что не заслужил этого?

— Богохульство! — заревел Лорд-Рыцарь и наотмашь ударил Майкла по лицу. Целитель дернулся и обвис в руках солдат, чувствуя, как по губе бежит кровь.

Командир посмотрел на Николь:

— Богохульнику не будет разрешен доступ внутрь Крепости. Ты, леди, как дитя рыцаря, можешь остаться у нас, в полной безопасности. Ты снимешь доспехи и вернешь их нам, а сама будешь день и ночь молить в часовне о прощении. Об отце и брате, чью память ты запятнала!

Лицо Николь покрылось смертельной бледностью, словно ее пронзили мечом, затем кровь прилила к щекам.

— Я не позорила память рыцарей! Ты! Ты — вот кто настоящий позор! — Она обвела взглядом остальных воинов. — Вы спрятались от мира за стенами, скуля и жалуясь Паладайну на несправедливость всего произошедшего! А он вам не отвечает, не правда ли? Вы потеряли свою силу и теперь боитесь!

Она стремительно рванулась и выдернула свой меч у оторопевшего Лорда-Рыцаря, прежде чем тот понял, что

случилось. Затем Николь отшатнулась и вскинула клинок в защитной стойке.

— Схватить! — приказал командир. Воины начали медленно сходиться, окружая женщину.

— Держись… — прозвучал мрачный голос.

Порыв ледяного ветра погасил факелы, замораживая плоть и кровь. Мечи и кинжалы посыпались на землю с гулким звоном, походящим на похоронный. Лица рыцарей стали бледными под заиндевелыми шлемами, когда они увидели, кто к ним приближается.

— Рыцарь Черной Розы! — заорал один в панике.

— Спаси Паладайн! — поднял Лорд-Рыцарь руку в охранном знаке.

Хохот Лорда Сота грохотал, как горный обвал, он обуздал коня и оценивающе посмотрел на рыцарей, потом презрительно хмыкнул:

— Эта женщина куда больше достойна носить доспехи, чем вы! Она противостояла мне, смотрела в лицо без страха. А что сделаете вы? Может, сразитесь со мной?

Воины пятились, бросая испуганные взгляды на командира. Лицо Лорда-Рыцаря стало желтым, как старая кость.

— Они союзники Такхизис! — закричал он. — Отступайте, спасайте свои души!

Рыцари кинулись обратно, стремясь скорее попасть под защиту каменных стен. Ворота захлопнулись за ними, зазвенели запоры, и Башня Высшего Жреца затаилась, словно была совершенно пуста…

Глава 7

Николь с Майклом провели ночь в пещере в горах. Прижавшись друг к другу для тепла, они с трудом заснули, хотя им снова казалось, что за ними наблюдают. С рассветом они заторопились в Палантас, хотя не очень понимали, что делать в городе.

— Если мы сможем найти Диски, все изменится к лучшему, — повторял Майкл.

— Надо предупредить Астинуса об опасности, — возражала Николь, — а потом забрать Диски.

— Отдать их Лорду Соту, хочешь сказать?

— Он спас нас у крепости, мы его должники. Если я смогу прервать его мучения, я сделаю это без колебаний. Он истинный

рыцарь, — добавила Николь, бросая грустный и задумчивый взгляд на горы. — Мое сердце говорит именно так.

Майкл вновь промолчал. Сот действительно спас их, только вот для их пользы или для собственной? Действительно ли он проклят несправедливо или заслужил свою судьбу злыми страстями? Целитель мог лишь снова твердить про себя: надо найти благословенные Диски, и все станет ясным.

Они не особенно волновались о том, как снова проникнуть в Палантас. Помня толпы у ворот, Майкл с Николь сильно сомневались, что стражи вообще заметят безусого рыцаря и жреца в синей рясе. Им надо подойди к полудню, когда народу будет особенно много.

Но, подойдя к Палантасу, они с удивлением увидели абсолютно пустую дорогу, уходящую в распахнутые ворота города. Встревоженные внезапными переменами, Майкл и Николь вновь укрылись в роще и принялись наблюдать.

— Что-то точно не в порядке, — произнесла женщина, разглядывая городские стены, — не видно ни одного стража или часового… — Она поправила меч и плотнее запахнула плащ. — Давай подойдем поближе…

Никакие нищие не беспокоили их, ни один стражник не окликнул… Стены были покинуты, улицы пусты… Только одинокая дворняга пронеслась мимо с куриной головой в зубах. Поспешив через пустующие улицы торгового Нового города, где также не было видно ни единой живой души, Майкл и Николь лишь покачивали головами, глядя на закрытые двери и запертые ставни магазинов.

— Словно все готовятся к празднику, — сказал Майкл.

— Или к войне, — мрачно поддержала его Николь, кладя руку на эфес. — Ты только посмотри на это!

Один из магазинов впереди оказался незакрытым, наоборот, двери были распахнуты, окна выломаны. Разноцветные шелка из Квалинести беспорядочно валялись в грязи, стены покрывали оскорбительные надписи. В дверях лежало тело эльфийки с перерезанным горлом, рядом замер мертвый ребенок.

— Пусть Боги простят их, — пробормотал Майкл.

— Надеюсь, твои Диски объяснят и это, — горько сказала Николь.

Теперь им все чаще встречались и другие признаки погромов и бессмысленного насилия. Хоть Палантас и избежал физического разрушения, но души жителей были безвозвратно искорежены.

За стеной Старого города Майкл услышал первые крики толпы, огромной массы сошедших с ума людей, что, прикрываясь анонимностью стада, собирались совершить преступление, на

которое никогда не отважились бы поодиночке. Ужасный шум нарастая, становясь похожим на вой, — у целителя зашевелились волосы на голове и задрожали поджилки.

Из врат Старого города валил дым, поэтому Майкл и Николь проскользнули никем не замеченные и замерли, пораженные. На площади неистово горело несколько зданий, а перед ними плясала пьяная толпа, размахивая бутылками и награбленным добром. Но наибольшее скопление людей виднелось вокруг здания библиотеки — там слушали оратора и горожане вели себя более спокойно. Громкий голос призывал к дальнейшим разрушениям и грабежу.

Николь взобралась по водосточной трубе на крышу ближайшего дома, чтобы лучше видеть.

— Праведный Сын вещает со ступеней, — сообщила она, вернувшись, — вместе со своими прихвостнями, вооруженными секирами и дубинами с факелами. Он…

Ее слова прервались громким ревом толпы, таким, что стены домов затряслись.

— Надо пробраться в библиотеку! — Майкл был вынужден кричать, чтобы жена услышала его. Он чувствовал, как его охватывает паника, — одна мысль, что Диски могут пасть жертвой этого хаоса, ужасала его.

— У меня есть идея! — прокричала Николь в ответ и сделала знак следовать за ней. Они пробрались вдоль края толпы и скользнули в маленький переулок, тянувшийся в полутьме. Добравшись до его конца, Николь огляделась: прямо перед ними было одно из крыльев здания библиотеки. Толпа клубилась у главного входа, а до остального им не было дела.

— Можно забраться в окна!

Влюбленные пробрались в тень растущих у стен деревьев, топча мертвые цветы и тонкие жерди, которые поддерживали ветки кустов. Впереди оставалась только полоска лужайки, в отличие от рощи, отлично выстриженная и гладкая. Перескочив через нее, Майкл и Николь прижались к стенам библиотеки, стараясь не попасться на глаза бунтовщикам.

— Окно, вероятно, охраняют, — произнес Майкл, а Николь поднялась на цыпочки и отважилась заглянуть внутрь.

— Я не вижу никого, даже Чтецов… — прошептала девушка, используя словечко на всеобщем, которое означало членов Ордена Эстетиков, последователей Бога Гилеана. Они посвящали свои жизни сбору и хранению знаний. Однако на всякий случай она вытащила меч из ножен. — Быстрее!

Майкл коротко размахнулся, выбил посохом стекло, и Николь немедленно вскарабкалась на подоконник. Быстро осмотревшись

и не заметив ничего подозрительного, она нагнулась, чтобы помочь мужу.

Оказавшись внутри, жрец замер: он столько слышал о Великой Библиотеке, но никогда не представлял, что она так прекрасна внутри. Огромная зала, уставленная ухоженными книгами до самого потолка, казалось, не имеет конца. В сердце Майкла неожиданно вспыхнула тоска по неведомой мудрости, что хранилась тут. И все эти трактаты находятся в смертельной опасности!

— Майкл! — предупреждающе воскликнула Николь.

Из тьмы книжных стеллажей выдвинулся монах с мечом, перекрыв проход.

— Н-не… не д-двиг-гайтесь…

Создавалось впечатление, что монах весит куда меньше, чем огромный двуручный клинок, который он с трудом удерживал в руках. Его лицо покрывали пятна, пот тек по лысой макушке, да и сам он дрожал так, что стучали зубы. Но монах отчаянно старался сохранить грозный вид, становясь от этого еще забавнее. Николь собралась рассмеяться, но, вспомнив беснующихся людей у ворот и их руки, обагренные кровью, только вздохнула.

— Слушай, — разглядывая наивного монаха, она сделала шаг вперед, — ты совершенно неправильно держишь клинок. — Женщина взяла трясущиеся руки старика и, вынув оружие, показала, как надо. — Вот ту руку сюда, а эту туда. Вот… Теперь у тебя есть шанс причинить мне вред, а не просто зарезать самого себя.

— С-спасибо, — прошептал монах, изумленно глядя то на Николь, то на собственный меч, а затем на удивление ловко схватил клинок и приставил острие к горлу женщины. — А теперь… я в-вынужден… п-просить вас у-уйти…

— Да во имя Паладайна! Мы на твоей стороне! — раздраженно рявкнула Николь, отпихивая дрогнувшее лезвие подальше.

Снаружи раздался новый вой одобрения словам Праведного Сына, но нельзя было разобрать, что он сказал.

— Мы пришли помочь, — приблизился Майкл, — у нас мало времени… Нам нужны Диски.

— Что здесь происходит, Мэлакай? — раздался громкий строгий голос. — Я слышал, как разбилось окно…

Высокий человек в мантии, казавшийся старым, но с удивительно молодым и гладким лицом, вошел в хранилище и медленно направлялся к ним.

— Это они… разбили, мастер, — задохнулся монах.

Строгий взгляд мужчины обратился на молчащую пару.

— Вы в ответе за это? — указал он на чернеющее окно.

— Ну, да… мастер. — Майкл вспыхнул от смущения. — Но это только потому, что мы не могли войти через главный вход.

— Мы не собирались причинять вред, — развела Николь руками, — верьте нам, мы хотели лишь помочь.

— Меня зовут Астинус, — холодно произнес вошедший. — Я слышал, ты сказал, что вам нужны Диски Мишакаль? — Он пристально посмотрел на грудь Майкла, словно увидел сквозь ткань одежд спрятанный амулет, и нахмурился. — Все истинные жрецы покинули Кринн.

— Мне предлагали, — насупился Майкл, — но я хотел остаться и не мог уйти.

— Да-да, у меня записано. Вы пришли за Дисками, а…

На библиотеку вновь обрушилась волна криков, словно рев бушующего океана. Монах едва устоял на ногах, явственно ощущая злобу в гнев горожан, его глаза расширились от ужаса.

— Присядь, Мэлакай, успокойся, — посоветовал Астинус, — и, кроме всего прочего, убери меч, пока не отрубил себе пальцы на ногах. Когда почувствуешь себя лучше, сходи за метлой и убери стекла. Кто-нибудь может порезаться. А теперь вы, двое, проследуйте за мной…

— Ты безумен? — воззрилась на Астинуса Николь. — Слушай, что кричат на площади! Они хотят крови, твоей крови. Надо готовиться к обороне! Так, первым делом забаррикадируем окна, нужно подтащить шкафы с книгами…

— Опрокинуть шкафы? — прогремел Астинус, впервые выведенный из себя. — Девушка, ты сошла с ума! Да ты имеешь представление о том, что только здесь тысячи томов, каталогизированных согласно дате в месту?! Сколько труда ушло на то, чтобы правильно подобрать их один к другому! А как переживут сотрясение старые и ветхие тексты? Наши методы продления жизни пергаменту еще так несовершенны…

— Да они тут все сожгут, старик! — заорала Николь.

— Надеюсь, ты не собираешься нарушать порядок? — Астинус многозначительно проигнорировал Николь и посмотрел на Майкла. — Ты, жрец Мишакаль, пришел сюда не затем, чтобы опрокидывать шкафы?

— Нет, мастер, — поспешно заверил Майкл.

— Прекрасно, тогда пойдем со мной.

— Прости, мастер, — кротко сказал целитель, но если бы моя жена могла сопровождать нас…

— Она будет держать себя в руках? — Астинус с сомнением глянул на женщину.

— Будет, будет. — Майкл кивнул Николь: — Убери меч,

дорогая…

— Да вы все безумцы! — Девушка переводила взгляд с одного на другого.

Майкл быстро подмигнул:

— Старик шутит…

Николь медленно вложила клинок в ножны и посмотрела на Мэлакая, который безучастно сидел, так и не выпустив меча из рук. Они двинулись в глубь библиотеки, неторопливо переходя из зала в зал под аккомпанемент все нарастающего воя толпы, никак не наберущейся храбрости. Сквозь разбитое окно заползали клубы дыма, как зловещее предзнаменование…

Майкл шел будто во сне, не веря в реальность происходящего. Внутри библиотеки все было мирнее и тихо, как и сам Астинус. Иногда они замечали осторожно шмыгающих монахов с испуганными лицами и драгоценными томами в руках, которые под хмурым взглядом мастера замедляли шаг и спускали голову. Они прошли через общественные читальные залы, маленькую прихожую и, поднявшись на два лестничных пролета, перешли в рабочую секцию. Тут, за высокими столами, на табуретах сидели Эстетики, переписывая книги, как ужасный противовес творящемуся снаружи. Немногие прекратили работу и толпились у окон, разглядывая площадь…

— Что это значит? — прогремел Астинус. Монахи дернулись и испуганно бросились обратно, перья заскрипели усерднее. Астинус прошел мимо, глядя сверху на пергаменты, и внезапно остановился у одного стола:

— Тут пятно, Джоханн.

— Да, мастер… извините, мастер…

— Из-за чего возникла помарка?

— Я… я испугался, мастер. Умирать страшно…

— Если взялся за дело, делай аккуратно. Перепиши страницу.

— Да, мастер. — Эстетик убрал испорченный лист и достал чистый.

Он склонился над работой, но Майклу бросилось в глаза, что монах почти успокоился. „Если Астинус продолжает волноваться из-за пятен, значит, все в порядке“ — вот что он говорил себе. Целителю тоже хотелось в это верить, но пока он лишь убеждался, что хозяин библиотеки либо пьян, либо безумен, а может, и то и другое вместе.

Затем они шли через жилые кельи по узким извилистым коридорам.

— Моя комната, — произнес Астинус, входя в маленькое помещение, полностью заставленное книгами, в котором стоял стол с бумагами, стул, лампа, и больше ничего. — Я редко

принимаю посетителей, но, учитывая события в городе, сделаю исключение. Ты, — указал он на Майкла, — можешь сесть на стул, а ты, девушка, стань у двери и ничего не трогай! Поняла? Вообще ничего! Я скоро вернусь.

— А куда ты идешь? — требовательно спросила Николь.

Астинус с застывшим лицом резко повернулся к ней.

— Мастер… — прибавила та более почтительным тоном.

— Вы искали Диски Мишакаль… — И Астинус закрыл за собой дверь.

— Наконец-то, — Майкл присел на стул, ощутив, как устал. — Скоро мы будем иметь ответы на все вопросы.

— Если проживем достаточно долго, чтобы прочитать их, — сердито сказала Николь. Она начала метаться по маленькой комнате, размахивая руками. — Этот старик выжил из ума! Он позволит погибнуть себе и монахам, а эта библиотека станет их общей могилой! Как только получим Диски, надо немедленно уходить, и пусть попробует остановить нас тогда…

— Николь! — испуганно сказал Майкл. — Посмотри… посмотри сюда…

— Чего еще? — Она прекратила метаться, пораженная его тоном. — Что?!

— Книга… она осталась лежать на столе открытой…

— Майкл, да нет времени сейчас читать книги!

— Николь, — прошептал целитель, — тут говорится о Лорде Соте…

— Что?! Да объясни же толком!

Майкл быстро пожирал текст глазами.

— Ну?

Целитель посмотрел на жену снизу вверх:

— Он убийца, Николь, и один из самых страшных… Тут все написано… Лорд Сот влюбился в прекрасную эльфийку, девственную жрицу… Он увез ее в Даргаардскую Башню и держал в плену, а затем убил первую жену, мешавшую его планам…

— Ложь… — прошептала Николь побелевшими губами. — Я не верю этому! Ни один истинный рыцарь не предал бы клятв подобным ужасным образом!

— Один это сделал! — прогремел рядом с ними мертвый голос.

Лорд Сот появился в комнате.

Глава 8

Майкл, задрожав, вскочил на ноги, а Николь развернулась к рыцарю, ее рука метнулась к мечу и тут же бессильно упала. Холод проклятого затопил комнату. Но огненные глаза Рыцаря Смерти смотрели не на них, а на книгу, лежавшую на столе.

— Тут рассказана моя история? — Закованная в сталь рука потянулась к страницам.

— Да, — вяло ответил Майкл, а Николь придвинулась ближе к нему.

— Поверни книгу так, чтобы я мог прочесть, — приказал Лорд Сот.

Майкл дрожащими руками двинул огромную книгу в сторону мертвого рыцаря. Сгустилась тьма, почти погасившая свет, только огонь ужасных глаз освещал страницы. Майкл и Николь прижались друг к другу, взявшись за руки.

— Ты действительно сделал все это? — тонким детским голосом спросила Николь. — Убивал невинных…

Огненные глаза Сота опалили ее сердце.

— Ради любви. Я сделал все это ради любви…

— Не ради любви! — Теплота рук Николь придала Майклу сил. — А из-за похоти и черного желания! Она — та эльфийка — ведь возненавидела тебя, когда ты украл ее?

— Она любила меня! — Кулаки Сота сжались, затем он продолжил чтение, и руки расслабились. — Она ненавидела… и молилась за меня. Ее молитвы услышали… Мне была дана возможность остановить Катаклизм, и когда я приехал в ваш замок, леди, той как раз направлялся в Истар…

Голос мертвеца был грустен и преисполнен сожаления и горя, от которого ныло сердце. Темнота окончательно сгустилась, не стало видно ничего, кроме пылающих глаз и их отражения в обугленной броне. Шум толпы отдалился, став лишь легким отголоском ветра.

— …И, как сказано тут, я сбился с пути… — Сот ткнул пальцем в страницу. — Но именно Паладайн заставил меня сделать это. Эльфийские жрицы, очарованные Королем-Жрецом, сказали мне, что любимая была неверна… а ее ребенок родился от другого. Раненная гордость жгла душу, сокрушая меня, и наконец, остановила. Я помчался обратно, обвиняя мою любимую… ложно обвиняя… Грянул Катаклизм… Мой замок пал… Она погибла в пожаре… Так же как и я… Но я не остался мертвым! — Доспехи Сота гневно лязгнули. — Я пробудился для вечного мучения и боли… Освободите меня! Жрец, ты же можешь! Ты должен… Ты — истинный жрец!

Лорд Сот протянул черную руку к медальону:

— Богиня благословила тебя!

— Но она не благословила тебя! — воскликнул Майкл, высказывая накопившие опасения. — Ты лгал мне, милорд, говоря, что Боги прокляли тебя несправедливо, из-за того, что ты потерял веру. Все злые страсти, что толкнули тебя на преступления, по-прежнему живут внутри!

— Как ты смеешь говорить мне подобное?! Осмелился бросить мне вызов?! Несчастный смертный, я могу убить тебя одним словом! — Палец Лорда Сота парил возле сердца Майкла. Одно прикосновение смертельно холодной руки — и кровь застынет в жилах целителя навсегда.

— Мог бы, — ответил Майкл, — но не будешь! Ты не убьешь человека за то, что он сказал правду. Я слышу твое раскаяние милорд, слышу горе… Лучшие качества ведут непримиримый бой с темными страстями. Если бы ты полностью встал на сторону Зла, милорд, то больше не испытывал бы мук и страдания.

— Жестокий выбор ты предлагаешь мне, жрец, — расхохотался Сот.

— Это могло бы стать искуплением, — возразил Майкл мягко.

Рыцарь Смерти помолчал немного, затем его рука опустилась, и он вернулся к книге, принявшись перечитывать текст. Майкл одной рукой сжимал священный символ, другой — руку Николь. Никто из них не произносил ни единого слова. Слова перестали быть важны, а Сот, казалось, больше не замечал их присутствия.

— Нет! — внезапно взвыл он, запрокинув голову к небесам. — Вы сначала соблазнили меня, а теперь, когда я оступился и пал, издеваетесь надо мной! Я не буду молить о прощении! Это вы обязаны испросить его у меня!

Из глаз Рыцаря Смерти метнулся огонь, упавший на книгу и разлетевшийся искрами по всей комнате. Майкл закричал и прикрыл собой Николь, его рука поднялась, чтобы защитить лицо от пламени.

— Что здесь происходит?

Голос Астинуса был подобен ушату ледяной воды. Пламя пожара потухло, Майкл опустил руку и сквозь плавающие в глазах пятна увидел, что Лорд Сот ушел, а на его месте стоит хозяин библиотека

— Я что, не могу оставить вас без присмотра даже на мгновение? — холодно вопросил Астинус.

— Но… мастер, разве ты не видел его? — удивился Майкл. — Лорд…

Николь вонзила ногти ему в руку.

— Не говори ничего этому старому дурню, — прошептала она

и добавила громче: — Прости нас, мастер. А ты принес Диски Мишакаль?

— Нет, — бросил Астинус, — их тут нет и никогда не было. Более того, они никогда не будут храниться здесь.

— Но… — Майкл непонимающе воззрился на него. — Но ты сказал, что пойдешь за ними…

— Я сказал, что вы их хотели получить. Но я не говорил, что принесу их, — спокойно сказал Астинус. — А ходил я открыть двери.

— Главные двери! Двери в библиотеку! — Николь задохнулась. — Ты открыл их! Безумец! Теперь нет ничего, что может остановить толпу!

— По крайней мере, теперь они перестанут портить резьбу на створках…

Рев толпы теперь стал слышен отчетливо.

— Жгите книги! Жгите книги! Жгите книги! — скандировали горожане.

Целитель посмотрел на лежащий на столе том — он был совершенно цел, затем на Астинуса и мог бы поклясться, что на губах хозяина мелькнула тень улыбки.

— Вы можете бежать через заднюю дверь, — произнес тот.

— Можете! — презрительно ответила Николь, пихая Майкла в сторону. — Может, тебя, старик, я и хотела бы оставить толпе, но тут полно невинных душ, которых, согласно Кодексу и Мере, я должна защищать.

— Ты не связана клятвой и вообще не рыцарь! — раздраженно заметил Астинус.

Но Николь уже выскочила из комнаты. Можно было разобрать лишь топот по лестнице. И шум толпы. Майкл подхватил посох и хотел было кинуться следом, но, проходя мимо Астинуса, продолжавшего странно улыбаться, не выдержал:

— Эта женщина достойна носить доспехи и меч гораздо больше других! — Он ткнул пальцем в книгу. — Так сказал сам Лорд Сот, запиши его слова тоже!

Целитель поклонился Астинусу и бросился за женой, чтобы погибнуть рядом…

Толпа страшно удивилась, когда увидела, как хозяин распахивает большие двери, ведущие в Великую Палантасскую Библиотеку. На мгновение вид Астинуса, стоящего в проходе, заставил замолчать даже Праведного Сына, который меньше всего ожидал подобного поворота событий. Челюсть жреца отвисла, он, вытаращив глаза, смотрел, как Астинус поклонился толпе и тихо скрылся внутри.

Затем появилась Николь и в одиночку стала перед дверями.

— Астинус просит передать вам, — крикнула она, раскидывая руки, — что библиотека всегда открыта для всех! Мудрость веков принадлежит вам, приходите и пользуйтесь, но делайте это с уважением и без оружия.

Даже последний злодей в толпе не мог не приветствовать такую храбрость. А большинство собравшихся были просто горожанами, которые озлобились от голода и несчастий и хотели выместить на ком-нибудь обиды. Они смущенно замялись, страшась того, что хотели сделать. Праведный Сын понял, что теряет поддержку.

— Да, она открыта! — забрал он. — Идите внутрь! Читайте о Богах, что принесли вам столько страдания! Читайте об эльфах, что жируют в сытости, пока остальные голодают! Читайте о рыцарях, таких как, она! Даже теперь они сидят на нашей шее!

Толпа неуверенно переминалась, тогда Высокочтимый мигнул своему помощнику. Камень вылетел из толпы и ударил Николь в плечо, заставив ее шагнуть назад, но вреда не причинил.

— Трусы! — крикнула женщина, выхватывая меч. — Хотите сражаться — делайте это лицом к лицу!

Но это не путь толпы. Второй камень последовал за первым, угодив Николь прямо в лоб. Та зашаталась и опустилась на одно колено, кровь потекла по лицу. Толпа ликующе взвыла, прихвостни орали громче всех. Николь встала и столкнулась с самым первым и храбрым. Перед ее глазами сверкнула сталь. Майкл видел, как жена упала, и рванулся к ней, когда невидимая рука упала ему на плечо. Прикосновение заморозило его и заставило опуститься на колени. Глянув в огненные глаза, Майкл с трудом сдерживал крик боли, зная, что Рыцарь Смерти может убить его в любой момент.

— Книга останется тут навсегда, и кто угодно сможет прочитать ее? — спросил Сот.

— Да, милорд, — ответил Майкл.

Рыцарь медленно кивнул, словно он и не спрашивал, а лишь просил подтверждения:

— Меня уже не спасти, но, возможно, моя история предупредит кого-то… — Пламенеющие глаза неожиданно озорно блеснули. — Забавно, не правда ли, жрец? Сейчас два ложных рыцаря будут защищать истину!

Он отпустил Майкла и медленно вышел из дверей…

Толпа валила вперед, размахивая дубинами, несмотря на то, что первого наглеца Николь уже отбросила — у того была перебита рука.

Люди приостановились, сдерживаемые острой сталью, но тут новый камень сильно ударил девушку по руке и выбил меч. Толпа радостно взвыла и навалилась на нее. Николь старалась дотянуться до меча, но со всех сторон градом сыпались удары…

Она слышала, как Майкл выкликает ее имя, но ничего не понимала. Еще один сильный удар по голове заставил ее рухнуть на землю. Женщина лежала, не в силах пошевелиться…

Тень накрыла ее, и невидимые руки помогли подняться. Тот, кто стоял за ее спиной, подал меч.

Вытерев кровь с лица, Николь пригляделась сквозь туман боли и не поверила глазам. Над ней стоял Рыцарь Соламнии — броня переливалась серебром в солнечном свете, гребень шлема трепетал на ветру, меч, как серебристое пламя, покачивался в сильной руке.

Он уважительно отсалютовал женщине и повернулся к толпе. Та постаралась вернуть приветствие как могла — теперь-то ей не придется умереть, опозорив честь рыцаря.

Истинного рыцаря…

Николь посмотрела на толпу и непонимающе замерла: превосходство было тысяча к одному, но никто не нападал. Лица, еще недавно перекошенные злобой и ненавистью, теперь кривились в ужасе. Проклятия и угрозы сменились воплями страха. Мужчины, прежде окружавшие ее, ползли на коленях прочь, по-собачьи подвывая.

Праведный Сын несся впереди всех, причем по набранной скорости было ясно, что он не остановится до самого Нового моря.

Меч Николаса внезапно стал слишком тяжел для Николь и выпал из руки. Внезапно она почувствовала смертельную усталость и медленно начала оседать на ступени. Крепкие руки не дали ей упасть.

— Николь! — закричал знакомый голос в ухо. — Любимая!

Она приоткрыла глаза и увидела Майкла, освещенного синим светом.

— Библиотека… спасена?

Майкл кивнул, его горло перехватило.

— Трусы… — улыбнулась Николь. — Они не осмелились биться с истинным рыцарем…

— Нет, — подтвердил Майкл сквозь слезы, — не осмелились…

Синий свет окутал девушку, успокаивая. Через минуту она уже спала.

Глава 9

— Действительно ли леди настолько здорова, чтобы путешествовать? — Мэлакай смотрел на Николь с тревогой. — Была очень серьёзная травма…

— Да, все прекрасно, — с легким раздражением ответила женщина.

— Дорогая… — мягко начал Майкл. Николь поглядела на них обоих и вздохнула. Она терпеть не могла болеть.

— Извини, что вспылила, я очень благодарна тебе за помощь, Мэлакай…

— Мы бы сделали больше, но ты и так в надежных руках, — с улыбкой кивнул монах на Майкла. — Никогда не забуду тот ужасный день. Я смотрел из окна, как ты стояла рядом с жутким черным рыцарем! Это так храбро и отчаянно!

— Каким еще черным рыцарем? — удивилась Николь.

Эстетик залился краской и хлопнул себя по губам, затем, виновато посмотрев на Майкла, поклонился и кинулся прочь из комнаты.

— О чем он говорит? Там не было никакого злого рыцаря, только Рыцарь Розы. Я все четко помню.

— Астинус просил нас зайти перед отъездом. — Майкл быстро отвернулся от нее. — Я все упаковал — Эстетики оказались очень любезны и подарили нам теплые вещи и продовольствие.

— Майкл… — Никель подошла, развернув мужа лицом к себе. — Что имел в виду Чтец?

Целитель посмотрел на нее, содрогаясь от мысли, что недавно почти потерял ее.

— На твоей стороне бился Лорд Сот, любимая.

Она изумленно воззрилась на него:

— Нет! Это невозможно! Я же видела истинного рыцаря!

— Думаю, ты видела ту его часть, что еще принадлежит Свету… К сожалению, боюсь, что не многие увидят ее снова… — Майкл глубоко вздохнул. — А теперь пойдем, надо проститься с Астинусом…

Эстетик распахнул перед ними дверь. Нестареющий мужчина с невыразительным лицом усердно писал что-то в толстой книге. Он не посмотрел в их сторону, продолжая работать. Они несколько минут стояли в тишине, затем Николь стало скучно, и она отошла к окну.

— Девушка, — немедленно поднял голову Астинус, — ты заслоняешь мне свет!

— Прошу прощения. — Николь одним прыжком отскочила

назад.

— Что вы здесь делаете?

— Ты посылал за нами, мастер, — напомнил Майкл.

— Хе-хех… — Астинус тщательно вставил перо в чернильницу и размял руки. — Хорошо, так и быть, задавайте вопросы. Мне не будет покоя, пока вы не отвяжетесь…

— Но как ты, мастер, узнал, что мы хотим…

— Это и есть вопрос?

— Нет, мастер, но…

— Живее! Целые тома истории проходят мимо, пока вы тут мнетесь, тратя мое время.

— Как скажешь, мастер. Вот мой вопрос. Почему нас направили искать Диски Мишакаль сюда, когда их тут нет?

— Прошу прощения, — заметил Астинус, — мне казалось, что вы пришли сюда искать ответ?

— Я пришел искать Диски, на которых написан ответ, — терпеливо ответил Майкл. — И не нашел их.

— Но ответ ты нашел?

— Я… — Майкл замер, озадаченный. — Возможно… да, думаю, я многое понял…

— И что?

— Те люди снаружи ищут ответ. Лорд Сот искал ответ. Рыцари в крепости ищут ответ. Но они его ищут в неправильном месте, так же как и мы раньше… Он тут, в наших сердцах.

Астинус кивнул и, взяв перо, смахнул с кончика каплю чернил.

— И ты обнаружил это, не переворачивая шкафы, хвала Гилеану!

— Есть еще одна вещь, — проговорила Николь, втащив из коридора громко звякающий тюк. — Не проследит ли кто-нибудь из твоих людей, чтобы это было отослано в Башню Верховного Жреца?

— Твоя броня. — Астинус по-прежнему держал перо на весу. — Или, точнее, броня брата. В чем дело? Теперь ты стыдишься быть рыцарем?

— Никогда! Я носила бы ее теперь с еще большим достоинством и гордостью, чем раньше, но в странах, куда мы планируем отправиться, не носят железа. Они никогда не видели ничего подобного и могут испугаться.

— Едете на Равнины? — Астинус вновь принялся за письмо. — Там еще остались люди, верящие в истинных Богов. Но в конечном итоге даже их вера ослабнет и умрет. Однако твоя мать будет рада тебя увидеть, жрец…

— Его мать? — Николь ошеломленно посмотрела на

Астинуса. — Но мы никогда не говорили…

Астинус раздраженно махнул рукой:

— Если это все вопросы, то Мэлакай проводит вас…

Майкл и Николь обменялись взглядами.

— Он даже не собирается говорить спасибо, — прошептала девушка.

— Это еще за что?! — прорычал Астинус.

Николь лишь улыбнулась и покачала головой.

Мэлакай уже ждал у двери, и они повернулись, собираясь уходить.

— Жрец, — произнес Астинус, не прерывая работы.

— Да, мастер?

— Продолжайте искать…

— Конечно, мастер. — Майкл покрепче сжал руку Николь. — Мы будем…

Послесловие

Майкл, жрец Мишакаль, и Николь, дочь рыцаря, оставили город Палантас и никогда в него больше не возвращались.

Они отправились на юг, на Равнины Абанасинии. Здесь они присоединились к кочевникам.

Ребенок ребенка ребенка ребенка Майкла и Николь получил имя Странник и знал, что его предки никогда не теряли веры в истинных Богов.

Позднее у Странника родился внук по имени Речной Ветер…

ОНИ ПОКА НЕ БЫЛИ ИЗВЕСТНЫ… Вспоминает Майкл Уильямс

Впервые я встретился с Маргарет и Трейси, когда они еще были совершенно неизвестны, а я носил длинные волосы. С Трейси я был знаком чуть дольше, но Маргарет знал гораздо лучше… С тех пор прошло двадцать лет, и я со всей ответственностью могу заявить, что знаю их как облупленных, но у этих хитрецов еще наверняка много секретов.

Несмотря на то, что Трейси носит одну прическу все эти годы, и он, и Маргарет умудряются с каждым днем выглядеть все лучше. Я уверен, у каждого из них есть портрет, который гниет на чердаке, в то время как они наслаждаются вечной молодостью!

Но вернемся в восьмидесятые, когда „Dragonlance“ еще только обретал форму, а мы были совсем юны и готовились вместе с друзьями вдохнуть в него жизнь. Не поймите меня неправильно, но я считаю, что все роли были распределены честно.

Некоторые из нас создали первоначальную концепцию, а вообще первым был мир Трейси, чистый и простой. Я сидел на третьем этаже хрупкого здания в Лейк-Женеве в старой комнате редакторов с ободранными стенами, разглядывая змеящиеся трещины на полу, напоминающие следы некоего безумного научного эксперимента.

У Трейси уже в 1982 году были большие карты Кринна, если, конечно, мою память не мутит Джек Дэниэлс. Помню, когда я первый раз увидел их, то воскликнул: „Проклятие, сколько же ты времени убил! Ставлю на то, что из одних карт получится потрясающий проект“. А Трейси уже вовсю работал под музыку „Johnny Nylon/Trademark Cop“. Сам я до работы в TSR никогда не прикасался к компьютеру, поэтому, когда мой экран на второй день погас, Трейси сухо сообщил мне, что я „только что вырубил всю компьютерную сеть к востоку от Миссисипи“. Даже если бы он сказал „все компьютеры в Висконсине“, мне, как полному олуху, пришлось бы вежливо согласиться.

С Маргарет была другая история. Мы встретились с ней и… ладно, просто на литературном вечере. У нас были одинаковые любимые авторы, и первые беседы получились в основном о книгах. И мы смертельно испугали друг друга. Для меня она была прекрасной женщиной и редактором серии „Dragonlance“ (Маргарет тогда еще не взялась за перо сама). А я ее запугал своими шикарными красными подтяжками (не спрашивайте меня,

почему они были не под цвет штанов и что в них такого страшного; они всегда работали не в мою пользу, но, видимо, тут привлекли внимание). Мы не очень часто встречались, пока я не показал ей свои стихи. И Маргарет сказала, что боялась сначала читать, но теперь довольна… Это стало моим билетом в проект!

Можно обвинить Маргарет Уэйс в том, что она мучила читателей моими произведениями все эти годы. Соглашусь. Мои первые опыты в „Dragonlance“ были весьма сырыми и опрометчивыми.

А ведь команда состояла из уже известных имен: Дуг Найлз, Ларри Элмор (он до сих пор входит в десятку моих лучших друзей), Карл Смит, Джеф Грабб, Гали Санчес. Были и другие, но эти мне запомнились лучше всех. И конечно, глава всего — Трейси Хикмэн.

Теперь я наконец-то могу сказать ему, что он велик. В работе с творческим человеком всегда помогает искренность и щедрость, талант и широта взглядов. У Трейси все это было, и я до сих пор благодарен ему за это. Но его блестящие идеи нуждались в Маргарет, которая вдыхала в них жизнь, создавала историю, в итоге сформировавшую мир Кринна. С каждым годом я уважал Маргарет все больше — у нее потрясающий букет талантов, которые помогают справляться с любой задачей. Кроме того, она способна к ежедневной работе, а это подарок для романиста, который вместо спорадических вспышек озарения каждый день живет в собственном мире.

Полагаю, что упоминаю об этом везде, но не повредит, сказать заново: более, чем объединенный талант Маргарет и Трейси, я могу отметить их дружбу. Для меня это самая высокая оценка, и читатели должны знать об этом…

Майкл Уильямс, автор стихов к серии „Dragonlance“. Известен как бард мира Кринна. Писал стихи с самого начала проекта. Также является автором пяти и соавтором одиннадцати романов. Сейчас пишет двенадцатую книгу, на этот раз сугубо реалистическую, посвященную шестидесятым годам Среднего Запада.

История, которую Тассельхоф обещал не рассказывать никому-никому, а рассказал всем

Маргарет Уэйс и Трэйси Хикмэн

(Впервые опубликовано в сборнике „Tales. Volume VI. The war of the Lance“)

Часть первая

Я так и думал, что ты удивишься, что я решил рассказать тебе ее, хоть и обещал этого не делать. Я уверен, Танис не возражал бы, увидев, что это ты. Я, полагаю, ты уже знаешь другие истории о Войне Копья и о Героях Копья (среди которых есть и я, Тассельхоф Непоседа) и как 10 лет назад мы победили Владычицу Тьмы и ее драконов. Это всего лишь еще одна история, та, которая никогда еще не была рассказана. А почему она не рассказана, ты узнаешь, когда я перейду к части об обещании Фисбену.

Все это началось примерно месяц назад. Я путешествовал вверх по реке Вингаард, по направлению к Вингаардской Башне. Ты ведь слышал о Даргаардской Башне, насколько она ужасна и, по предположениям, Лорд Сот довольно часто туда наведывался. Я давненько не видел Лорда Сота — он рыцарь смерти и мы с ним не совсем друзья, он, как бы ты сказал, просто близкий знакомый. Однажды ночью я размышлял о нем, о том, как он чуть не убил меня (Я на него не в обиде, ведь рыцари смерти должны заниматься такими вещами, представь себе). Ну и мне пришло на ум, что он, должно быть, заскучал, ничего не делая за эти десять лет с тех самых пор, как мы повергли Владычицу Тьмы, ну, разве что пугает людей.

Как бы там ни было, я подумал, что надо найти Лорда Сота и ввести его в курс последних событий и, возможно, он зло посмотрит своими огненными глазами, и заставит меня дрожать, прочувствовать всю прелесть ужасного холода.

Я шел к Даргаардской Башне, и остановился в небольшом городке, который я могу показать на карте, так как не могу вспомнить его названия. У них там отличная тюрьма. Я знаю это,

потому как провел там ночь из-за спора с мясником о связке сосисок, которая увязалась за мной из его магазина.

Я пытался объяснить мяснику, что это должно быть волшебные сосиски, потому как я не мог представить себе, как иначе они могли волочиться за мной. Понимаешь, я думал, он будет доволен, осознав, что он умеет создавать волшебные сосиски. Если я и съел две из них, то только потому, что хотел проверить, как проявится ли их волшебство в желудке. (Оно проявилось, но я не уверен, что это можно считать за волшебство. Надо будет спросить у Даламара.) Короче говоря, он не был обрадован, что умеет делать волшебные сосиски, и я оказался в тюрьме.

Как бы там ни было, Все, что ни делается, все к лучшему, как говорила моя бабушка. Помимо меня, в тюрьме оказалось довольно много кендеров. (Не находишь, что это довольно поразительное совпадение?). Мы приятно провели время, а я узнал последние новости из Кендермора.

И еще я узнал, что кто-то меня разыскивает. Этот кто-то был другом друга моего друга, и у него было важное послание для меня. Подумать только! Важное Послание! По всему Ансалону кендеров просили передать его мне, если вдруг на меня натолкнутся. Вот что было в Важном Послании:

„Встречай меня у Горы Серебряной Драконицы в годовщину. Подпись: ФБ“

Должен сказать, что я подумал, что послание немного путаное, и я все еще думал, что послание успело исказиться, пройдя через такое количество рук. Но мои друзья заверили, что именно так и звучало, или почти так, что в прочем одно и то же. Я сразу же догадался, кто такой этот ФБ, да и конечно ты тоже. (И Танис догадался. Я могу даже изобразить, как он простонал при этом.) И еще я знал, где находится Гора Серебряной Драконицы. Я был там раньше с Флинтом, Лораной, Гилтанасом, Теросом Железоделом и Сильварой, до того как мы узнали, что она — сама Серебряная Драконица. Ты ведь помнишь эту историю, не так ли? Астинус записал ее и назвал „Драконы зимней ночи“.

Я все размышлял над посланием, и думал, что за годовщина имеется в виду, когда подошел кендер, передавший его мне. Он сказал, что есть и вторая часть послания:

„Повтори имя Фисбен задом наперед три раза и хлопни в ладоши.“

Для меня эти слова были волшебными, а я крайне интересуюсь магией. Но, зная Фисбена, как его знал я, я подумал что, пожалуй, стоит принять меры предосторожности. Я сказал кендерам, с которыми мы сидели в одной камере, что это

послание от довольно рассеянного старого волшебника и что заклинание должно быть Ужасно Интересное и, что я, наверно, лучше подожду утра, когда нас выпустят.

Но Кендеры сказали, что, конечно, неприятно будет взорвать такую прекрасную тюрьму, но если я разнесу ее, то они ни за что не желали бы пропустить такое зрелище. Они собрались вокруг меня, и я начал:

„Небсиф, Небсиф, Небсиф“ — быстро сказав это и, задержав дыхания, я хлопнул в ладоши.

Ух!

Как только рассеялся дым, я обнаружил, что держу в руках свиток. Я тут же его быстренько раскрутил, думая, что это еще одно заклинание. Но это было не оно. Кендеры сильно расстроились и даже немного обиделись, что я не подорвал ни тюрьму, ни себя. Они вернулись к сравнению тюрем в Соламнии. Я прочел то, что держал в руках.

Это оказалось приглашение. По крайней мере, я думал, что это оно. Его было сложно прочесть, потому как оно было все в прожженных дырах, кляксах и пятнах, от которых пахло как от виноградного желе.

Почерк был красивым и аккуратным. Я не могу его скопировать, но вот что там было сказано: (включая кляксы и пятна)

ТОРЖЕСТВО ПО СЛУЧАЮ ДЕСЯТИЛЕТИЯ
(клякса) КОП (пятно)
СОСТОИТСЯ У
ГОРЫ СЕРЕБРЯНОЙ ДРАКОНИЦЫ
В ДЕНЬ ПРАЗНИКА СЕРЕДИНЫ ЗИМЫ
ГЕРОЙ КОПЬЯ,
ВАШЕ ПРИСУТСТВИЕ НАСТАИВАЕТСЯ
МЫ СОБИРАЕМСЯ В ЧЕСТЬ РЫЦАРЯ СОЛАМНИИ,
КОТОРЫЙ ПЕРВЫМ СРАЗИЛСЯ С (клякса, клякса)
СЭРА (пятно и отпечаток от чашки с чаем) ОВЕРА.

И подпись — ЛОРД ГУНТАР УТ-ВИСТАН

Ну, естественно, это же все объясняло (кроме клякс). Рыцари проводят торжество в честь чего-то. Возможно Войны Копья. И так как я один из Героев, то меня пригласили! Это крайне меня заинтересовало. Я отложил свой визит к Лорду Соту (Надеюсь, он поймет, если читает это) и выпустил себя из тюрьмы с помощью ключа, который оказался у меня в кармане и направился к Горе Серебряной Драконицы.

Возможно ты и не нашел бы дороги туда раньше. Но, после

войны, рыцари проложили дорогу прямо к Изваянию, да и вообще отремонтировали дороги, так что добираться теперь легко. Они оставили Разрушенную Башню разрушенной. Я проходил мимо нее и немного побродил по Лесам Мира, затем я остановился полюбоваться горячими источниками, в которых бурлило как в Тикином котле. Я пересек мост, за которым я увидел статуи, выглядевшие как мои друзья, но были всего лишь статуями. Возможно это из-за Изваяния. И затем я вошел в Обитель Туманов.

Обитель Туманов очень сильно связана с другой моей историей, и расскажу ее, если ты вдруг подзабыл, что я рассказывал, когда был здесь в прошлый раз. Горячие Источники смешиваются с Ледяным Озером, производя на свет такой плотный туман, что даже кончика носа не увидишь. Долгое время никто раньше не знал, где находится Обитель, кроме Сильвары и остальных серебряных драконов, которые охраняли Усыпальницу Хумы, последнее пристанище поистине великого рыцаря из далекого прошлого. Его могила там, а вот его самого там нет.

На севере от Обители Туманов стоит горя Серебряной Драконицы. Ты можешь попасть в нее через секретный тоннель в Усыпальнице Хумы. Я это знаю, так как случайно упал в нее, и меня унесло по воздушной трубе, проложенной в Статуе Драконицы. Вот там то я и нашел Фисбена, уже после того, как он умер, только он был живым.

Это произошло в горе, в которой Терос Железодел выковал Копья, и поэтому там стоит Изваяние.

Каждый год, в День Праздника Середины Зимы рыцари приходят к Горе Серебряной Драконицы и Усыпальнице Хумы. Они поют песни о Хуме и Стурме Светлом Мече, который раньше был моим хорошим другом. Они „говорят о доблести днем, а ночь проводят в молитвах перед могильной плитой Хумы“ — это цитата Таниса.

Я знал про это. Но меня раньше никогда не приглашали, возможно, потому, что я не рыцарь. (Хотя, я с удовольствием бы им побыл. Я знаю историю о полукендере, который практически был рыцарем. Читал? А, ну ладно.) Как я понял, меня пригласили в этом году, потому что год особенный, десятилетие чего-то там, чего я не смог прочитать из-за клякс. Но, вообще то это было без разницы, так как там намечалась большая вечеринка в честь этого самого.

Я уже довольно долго мотался в тумане, пытаясь угадать, где нахожусь (Я немного сбился с пути), когда я услышал голоса. Я остановился послушать и пока останавливался, я прокрался за дерево. (Это не „подсматривание“. Это называется

„осторожность“, а осторожность способствует продлению жизни. У Таниса она очень развита. Объясню попозже.)

Вот что я услышал:

„Десятилетние должно быть благочестивым, торжественным, священным праздником перепосвещения для всех добропорядочных и праведных людей Крина.“ Это был Танис! Я был уверен, что это его голос, только говорил он тоном Лорда Гунтара. Затем Танис сказал своим обычным голосом: „Чушь. Все это — только слова.“

„Что?“ — сказал другой голос, и я узнал в нем Карамона, все того же старого, сбитого с толку, Карамона. Я не мог поверить своей удаче.

„Танис, дорогой“, услышал я женский голос, и это была Лорана! Я понял это, так как только она называла „МОЙ ДОРОГОЙ“, „говори немного потише.“

„Но что?…“ — это был снова Карамон.

„Никто меня не услышит“, — прервал его Танис. Он явно был раздражен и находился в Плохом Настроении. „Этот проклятый туман глушит все. А правда состоит в том, что у рыцарей политические проблемы. Тот набег драконидов на Тротал вызвал бунт в Палантасе. Люди думают, что рыцарям надо пойти в горы и истребить драконидов, гоблинов и всех тех, которые бы могли истребить их самих первыми. Это вина тех тупиц, которые считают, что нам надо вернуться в золотые дни Короля-Жреца.

„Но ведь леди Крисания — …“ — снова попытался Карамон.

„Да, она напомнила людям правду.“ — объяснял ему Танис „И я думаю, что многие поняли. Но фанатики обрели новобранцев. В основном, после рассказов беженцев о горящем Тротале и гоблинах, убивающих детей. И, похоже, никто не понимает, что рыцари не смогут собрать достаточную армию для похода на Кхалкхистс, даже если они объединятся с дворфами. Остальная часть Соламнии останется без защиты, чего, возможно, набеги гоблинов и хотели добиться. Но эти дураки не хотят ничего слушать.“

„Вот почему мы…“

„… Здесь? Да, поэтому.“ — ответил Танис — „Рыцари превратили все это в спектакль, для того, что бы напомнить всем, насколько мы поистине великими и замечательными являемся. А ты уверен, что мы идем в правильном направлении?“

Я мог видеть их с того места, где я прятался.

(Осторожность, не подглядывание.) Танис, Карамон и Лорана ехали верхом, в сопровождении рыцарей, которые ехали позади, и довольно далеко. Танис привстал на лошади и озирался — как будто он потерялся. Карамон озирался тоже.

„Я думаю…“ — начал Карамон.

„Да, дорогой“ — снисходительно сказала Лорана — „Вот след. Я проходила этой дорогой раньше.“

„Десять лет назад“ — напомнил ей Танис, улыбнувшись.

„Да, десять лет“ — ответила она. — „Но я никогда этого не забуду. Я была с Сильварой, Гилтанасом и… Флинтом. Старый добрый Флинт. „Она вздохнула и вытерла щеку.

Я почувствовал, что сейчас всхлипну. Я оставался за деревом пока не успокоился. Я слышал, как сглотнул Танис. Он поправил седло и приблизился к Карамону. Их лошади прошли, чуть не задев меня.

„Я боялся, что это случится.“ — тихо сказал Танис — „Я пытался отговорить ее от поездки, но она настояла. Проклятые рыцари. Полируют свои доспехи и воспоминают победу десятилетней давности, надеясь, что люди вспомнят битву у Башни Высшего Волшебства и позабудут Разгром Тротала.“

Карамон прищурился: " Тротал был? — …“

„Не преувеличивай, Танис“ — прервала его Лорана, подъезжая к ним — „И не беспокойся за меня. Хорошо, когда нас вспоминают тот, кто ушел раньше нас, кто ждет нас в конце нашего долгого пути. Мои воспоминания о добром друге не горьки, они не делают меня несчастной, это только грусть. Это наша потеря, а не их.“ — сказала она, посмотрев на Карамона.

Здоровяк улыбнулся и покачал головой в молчаливом понимании. Он думал о Рейстлине. Я знаю об этом, потому что я тоже думал о Рейстлине. Немного тумана попало мне в глаза, и они даже заслезились. Я думал, что же Карамон высек на небольшом камне, который он установил в Утехе в честь Рейстлина.

ТОТ, КТО ПОЖЕРТВОВАЛ ЖИЗНЬЮ РАДИ МИРА,
ТОТ, КТО СПИТ, В ПОКОЕ, В ВЕЧНОЙ НОЧИ.

Танис погладил бороду. (Его борода смотрится вполне прилично, хоть в ней и появилось несколько седых волос). Он выглядел расстроенным.

„Ты увидишь, что я имел в виду, когда приедем. Рыцари столкнулись со всеми этими неприятностями, расходами и думаю, что это им ни как не на пользу. Люди не живут в прошлом. Они живут в настоящем. Вот что нужно учитывать. Рыцарям нужно хоть что-то, поддерживающее нашу веру в них сейчас, а не воспоминания о том, что они сделали 10 лет назад. Начали поговаривать даже, что тогда это было работой магов. Боги и магия.“ — Он покачал головой — „Мечтаю о том, что бы мы смогли позабыть прошлое и думать о будущем“.

„Но мы должны помнить прошлое, чтить его.“ — сказал Карамон, наконец-то ухитрившийся закончить фразу. Он бы этого не сделал — настолько Танис был взвинчен — просто тот в как раз чихнул в этот момент. „Если они разделятся сейчас, то, как мне кажется, стоит напомнить о тех временах, когда они объединились“.

„Только если это будет что-то достойное.“ — невнятно пробормотал Танис. Он порылся в карманах, возможно в поисках носового платка. Он совершенно не следит за своими вещами и теряет их. Я знаю это, так в это время как раз держал его сумку.

Вот как получилось, что у меня была его сумка: Я вышел из-за дерева, решив удивить его. Я узнал сумку, которая была привязана (правда довольно плохо) к седлу и внезапно она сорвалась и упала мне прямо в руки. Я хотел сказать и кое-что, но они снова начали говорить, и было бы нетактично прерывать их. Поэтому я взял сумку и снова отошел за дерево и заглянул внутрь, что бы убедиться, действительно ли это сумка Таниса или по ошибке чья-то другая.

„Но рыцари ничего не делают, они остановились в прошлом“ — говорил Танис. — „Запомни мои слова. Слышал ли ты последнюю песню, которую они сочинили о Стурме?“ Какой-то менестрель пел ее нам прошлой ночью, до того как мы уехали. Я чуть не умер от смеха“

„Ты очень оскорбил его“ — Сказала Лорана — „Он даже не остался на ночь. И не надо было провожать его до ворот, крича при этом на него“.

„Я просил петь правду в следующий раз. Стурм Светлый Меч не был образцом добродетели и отваги. Он был человеком, и имел те же страхи и недостатки какие есть у большинства из нас. Вот про что надо петь“.

Танис снова чихнул. „Проклятый туман! Мороз до костей, а нам еще предстоит провести всю ночь, стоя на коленях на старой заплесневевшей могиле. Черт возьми, куда же я сунул свой платок?“

Конечно же, тот был в сумке.

„Это он, Танис?“ — спросил я, появившись из тумана.

Когда они оправились от удивления, то были очень счастливы, что встретили меня. Лорана обняла меня (она такая красивая!) и потом они спросили меня, куда я направлялся, я им объяснил, и тогда они уже не выглядели столь счастливыми.

„Тебе следовало пригласить его“ — сказала Лорана.

(Или же она сказала, что „Тебе НЕ следовало приглашать его“. Я не уверен, Она сказала это так тихо, что мне пришлось напрячься, чтобы услышать.)

„Я не делал этого“ — Сказал Танис, пристально глядя на Карамона.

„И не я“ — без колебания ответил тот.

„Да не волнуйтесь“ — сказал я, решив, что они наверно ужасно себя чувствуют из-за того, что забыли пригласить меня. „У меня было собственное приглашение. И оно меня нашло“ — Я показал его.

Они уставились на него и были так удивлены, что я подумал, что лучше им не говорить о том, кто его послал. Как я уже говорил, Танис стонет каждый раз, когда я упоминаю Фисбена.

Танис тихо сказал Карамону что-то, наподобие „Будет только хуже, если мы попытаемся избавиться от него… идет с нами… этой дорогой. Присматривай за ним.“

Мне стало интересно, о ком они говорят.

„О ком это вы говорите?“ — спросил я — „Кому нужно следовать за вами? За кем нужно присматривать?“.

„Догадайся с трех раз“ — проворчал Танис, сажая меня на лошадь впереди себя.

Оставшуюся часть пути до Горы Серебряной Драконицы я провел в попытках отгадать, про кого же они говорили, но Танис сказал, что я так ни разу и не угадал.

Часть вторая

„Я же просил не приводить кендера“ — сказал Лорд Гунтар.

Он думал, что говорит тихо, но я его слышал. Я обернулся, ища того кендера, которого он просил не приводить.

Я точно знал, что это не я. Ведь я один из Героев Копья.

Мы стояли на Верхней Галерее, которая находится внутри Горы. Это было большое помещение с Копьями, расположенными по одной из сторон, и оно предназначалась для официальных торжеств. Таких, как это. Мы оделись в свои лучшие одежды потому, что, как сказал Танис, это торжественное и священное событие. (Я надел свои новые пурпурные штаны с красной бахромой, которые мне сшила Тика, и замшевую рубашку, украшенную желтым, оранжевым и зеленым бисером, которую мне подарила Золотая Луна.)

Еще там было множество рыцарей в своих блестящих доспехах и Карамон. (Тика осталась дома с детьми), Лорана и еще несколько людей, которых я не знаю. Леди Крисания должна была подойти с минуты на минуту. Это было очень волнующее зрелище и мне совсем не было скучно и не было еще больше, если б я мог

ходить и разговаривать со всеми. Но Танис сказал, что бы я оставался рядом либо с ним, либо с Карамоном или Лораной.

Я подумал, что это даже приятно, что они хотят, чтобы я держался рядом с ними, и, как я делал так, как сказал Танис, хотя я и указал, что будет более вежливо, если бы я пообщался бы и с остальными.

Танис же ответил, что общаться мне ни в коем случае не стоит.

„Я не приводил его“ — отвечал Танис Лорду Гунтару. — „Каким-то образом он получил приглашение. Кстати, у него есть все основания быть здесь. Он такой же Герой, как и любой из нас, а может даже лучше.“

Мне опять стало интересно, про кого же говорит Танис. Эта личность была очень на меня похожа. Танис собрался еще что-то сказать, но чихнул. Он, должно быть, подхватил сильный насморк в Долине Туманов. (Я часто удивляюсь, почему мы говорим „Ты подхватил насморк“. Я имею в виду, что никто из тех, кого я знаю, его не выкидывал, и я никогда не слышал, что кто-нибудь устраивает погоню за насморком. Как мне кажется, было бы более правильно говорить „насморк поймал тебя“).

„Будь здоров“ — сказал Лорд Гунтар. „Я полагаю, что помощь не понадобится. Ты ведь будешь присматривать за ним, не так ли?“

Танис пообещал, что будет. Я дал ему носовой платок. Странная вещь, по дороге он снова потерял его. Лорд Гунтар повернулся ко мне.

„Тассельхоф, мой старый друг“, сказал он, сложив руки за спиной. Большинство людей так делают, когда их представляют. „Я так снова видеть тебя. Надеюсь, дороги, которыми ты ходишь ровные и безопасные“. (Это была вежливая форма обращения к кендеру, и я решил, что она как раз то, что нужно, при обращении рыцаря. Немного людей понимают это).

„Спасибо, сэр Гунтар.“ — сказал я, протягивая ему руку.

Он вздохнул и пожал ее. Я заметил, что он носил очень красивый серебряный браслет и весьма изысканный кинжал.

„Надеюсь, ваша жена хорошо себя чувствует?“ — спросил я, продолжив вежливую беседу. Ведь все-таки это было Официальное Торжество.

„Да, спасибо за заботу“ — сказал Гунтар — „Она… мм… благодарит за подарок к Середине Зимы“.

„Правда?“ — я был очень взволнован — „Я очень рад, что ей понравилось. Я все время вспоминаю то время, когда мы с Фисбеном провели в Вашем замке. Сразу после… после…“

И я чуть было не рассказал то, что не хотел рассказывать. Что

было бы очень плохо. Но я вовремя остановился.

„Я — Я имею в виду до Совета Белокамния. Когда я разбил глаз дракона и Терос разломал камень с Копьем. Она еще его не использовала?“

„Копье?“ — озадачился Гунтар.

„Нет, нет, подарок на праздник“ — поправил я его.

„А… это…“ — смутился Гунтар — „Маг Даламар посоветовал нам не…“

„Ага, так значит, оно БЫЛО волшебным“ — кивнул я — „Я подозревал это. Я хотел и сам попробовать, но у меня уже была пара экспериментов с волшебными кольцами, и, хоть они дали очень интересный результат, я не хотел бы снова превратиться в мышь или перенестись в замок злого мага за мгновение. Это не было бы уместно, если ты, конечно, понимаешь, что я имею ввиду.“

„Да“, сказал Лорд Гунтар, подергав усы — „Я понимаю“.

„Плюс ко всему, я думаю, мы должны делиться такого рода опытом. Было бы эгоистично испробовать все самому. Не то, что бы я хотел, что бы ваша жена перенеслась в замок злого мага. По крайней мере, не раньше, чем она сама захочет попутешествовать. Ведь это прекрасная смена деятельности. Кстати, я не рассказывал Вам как я…“

„Прошу прощения“ — Сказал Лорд Гунтар — „Но мне нужно поприветствовать других гостей.“

Он поклонился, проверив на месте ли браслеты, и отошел.

„Он очень вежлив“ — сказал я.

„Дай мне кинжал“ — вздохнув, ответил Танис.

„Кинжал? Но у меня нет кинжала.“

И вдруг я заметил, что он у меня БЫЛ. Элегантный кинжал с украшением в виде розы на рукоятке. Ты даже не представляешь, как я был удивлен!

„Он твой?“ Спросил я с сожалением, потому что тот был по-настоящему красив.

„Нет, он принадлежит Лорду Гунтару. Передай его мне.“

„Должно быть, он обронил его“ — сказал я, отдавая кинжал Танису. Как-никак у меня был свой собственный кинжал, который я назвал Убийцей Кроликов, но это совершенно другая история.

Танис повернулся к Карамону, говоря что-то насчет того, что бы связать кому-то руки и засунуть в мешок. Это было очень интересно, но я не расслышал, про кого они говорят, потому как увидел того, кого я ни как не ожидал увидеть.

Того, кого я не хотел видеть.

Того, кого я не предполагал увидеть.

В тот момент у меня возникло очень странное ощущение,

похожее на то, которое возникает сразу после удара чем-то тяжелым по голове и еще до того, как ты видишь эти яркие звезды, оно возникает как раз тогда, когда ты погружаешься в темноту.

Я рассмотрел его очень внимательно. И понял, что это не может быть он, потому как был очень молод. Я не видел этого рыцаря вот уже десять лет и полагал, что за это время он должен был постареть. Он стоял немного поодаль от того, кто стоял перед ним. А потом до меня дошло, что это сын того рыцаря, про которого я подумал вначале. Я все еще надеялся что ошибся. Все-таки десять лет прошло.

Я дернул Таниса за рукав.

„Это Оуэн Глендовер?“ — спросил я, указав рукой.

Танис посмотрел на него. „Нет, это сын Оуэна, Гвинфор. Оуэн Глендовер там, сзади, рядом с Копьями.“ Потом он неодобрительно посмотрел на меня — „А когда ты познакомился с Оуэном Глендовером? Я не встречал его с тех пор, как кончилась война.“

„Да не знаю я его“ — сказал я, чувствуя себя очень плохо.

„Но ты назвал его имя и спросил он ли это“.

Временами Танис бывает совсем тупоголовым.

„Чье имя?“ — спросил я, чувствуя совсем паршиво.

„Оуэна Глендовера!“

Я подумал, что Танис не должен кричать на Официальном Торжестве и сказал ему об этом.

„Никогда не слышал о нем“ — добавил я. А затем стало еще хуже — вошел Терос Железодел.

Ты знаешь Тероса Железодела? Уверен, что да, но на всякий случай напомню, если ты вдруг подзабыл. Он кузнец с серебряной рукой, который выковал Копья из серебра из магического колодца, который, как полагают некоторые, находится под Горой Серебряной Драконицы.

„Терос,…“ — у меня были проблемы с дыханием.

„Ну да“ — Сказал Танис — „Ведь это десятая годовщина Изготовления Копья. Ты разве этого не знал? Это написано прямо на наших приглашениях. Мы собрались здесь в честь сэра Оуэна Глендовера, первого кто использовал Копье против дракона.“

Но этого не было сказано в МОЕМ приглашении. Я достал его из сумки и взглянул еще раз. В моем приглашении говорилось, что мы собрались в честь СЭРА (пятно и отпечаток от чашки с чаем) ОВЕРА.

Было очень странно, что я не свалился в обморок, если учесть, в каком нервном изнеможении я был. (Точно не знаю что это такое, но чувствовал я себя именно так).

„Я себя плохо чувствую, Танис“ — сказал я, кладя одну руку на лоб, а вторую на живот, и обе они плохо меня слушались. „Я думаю мне лучше спуститься“.

Я и вправду собрался уйти. Я хотел уйти от Горы Серебряной Драконицы как можно дальше. Только я не мог сказать это Танису, потому что и он и Карамон и Лорана были очень рады меня видеть и так обо мне заботились. Я не хотел обижать их.

Но Танис взял меня за руку и сказал — „Нет, ты останешься со мной. По крайней мере, до конца церемонии“.

Очень хорошо, что он настоял, хотя остаться мне было очень тяжело и неохота. Я решил, что может и смогу выдержать церемонию, особенно если Оуэн Глендовер не заговорит со мной. И еще я подумал, что он хочет говорить со мной не больше, чем я с ним. Танис сказал, что мне предстоит подняться с ним, как одному из Героев Копья, когда мое имя назовет Лорд Гунтар. Мне не нужно будет ничего говорить, только поклониться и выглядеть достойно.

После этого рыцари будут петь и пойдут молиться на могилу Хумы, а потому как меня туда не пускали (не знаю почему, ведь я бывал там уже несколько раз раньше, о чем ты еще услышишь), то я мог уйти и, возможно, мы смогли бы пообедать.

Я совсем не чувствовал голода, но я сказал Танису, что было бы неплохо пойти вместе. И я спрятался за Карамоном (за ним могло спрятаться шесть кендеров) так, чтобы Оуэн меня не увидел, и я надеялся, что все скоро закончится. Я так разнервничался, что забыл спросить Лорда Гунтара о Фисбене, который сюда не приехал.

Церемония началась. Лорд Гунтар и все сановники стали у Копий, стоявших у стены Верхней Галереи. Я услышал начало речи Лорда Гунтара. Он говорил:

„Мы, рыцари, собрались здесь, чтобы снова посвятить себя борьбе со злом, которое все еще находится в нашем мире.“

„С Владычицей Тьмы ведущей непрекращающуюся вечную войну против сил добра. Несмотря на то, что ее драконы отступили, они продолжают опустошать наши земли. Ее армии драконидов, гоблинов, огров и еще множества других мерзких созданий вышли из тьмы, чтобы убивать, жечь, грабить.“

Это было интересно и дышать мне стало легче, но тут он заговорил о магии Копий, которые были освящены самим Паладайном и как с помощью магических копий были побеждены драконы Владычицы Тьмы. Чем дольше Лорд Гунтар говорил об этом, тем подозрительнее становился мой желудок.

Затем я вдруг почувствовал и жар и холод. Одновременно. Тебе может и покажется это немного забавным, но я тогда так не

думал. Поверь мне на слово, это было очень неприятное ощущение. А потом помещение начало расплываться.

Потом Лорд Гунтар представил Тероса Железодела, и рассказал, как тот выковал Копья. Потом Лорд Гунтар объявил Сэра Оуэна Глендовера.

„Первый рыцарь, использовавший Копье в битве.“

У кого-то начался приступ удушья о он свалился на пол, на что Танис сказал это из-за ног, но я думаю это было нервное изнеможение. По-началу, я подумал, что это я свалился, но потом понял, что нет, так как я все еще стоял на ногах.

Это был сэр Оуэн Глендовер.

Церемония после этого быстро закончилась.

Я мог уйти, потому как Танис выпустил меня и побежал к Оуэну. Все бежали к Оуэну, наверно, что бы посмотреть, не потерял ли он ног. Я уверен, что это должно быть ужасно интересно — судя по булькающим звукам, которые он издавал и тому как он метался по полу — и я хотел было сам посмотреть, но не был уверен, что сам я не потеряю собственные ноги в любую минуту.

„Отойдите!“ — крикнул Карамон — „Дайте ему воздуха!“

Бедный Карамон. Он подумал, что мы высосали весь воздух в этом большом помещении, и совсем не даем его Оуэну, чтобы не дать ему снова соединиться с ногами! Но все сделали то, что он сказал (как я заметил, в основном из-за его мускулов). Отошли все, кроме сына Оуэна, склонившегося над отцом. Он выглядел ужасно озабоченным и встревоженным.

Леди Крисания… (Я не говорил, что она там была?). Неважно. Леди Крисания (а она там была) склонилась над Оуэном, положила руку на его голову и помолилась Паладайну и Оуэн Глендовер перестал шаркать ногами. Но я не заметил, что бы ему стало лучше. Он все еще лежал, бледный как смерть, а его дыхание звучало по-настоящему смешно — когда он вообще вспомнил, что надо дышать.

„Ему нужен покой и тишина“ — сказала Леди Крисания — „Нет, лучше его не трогать. Ему нужно тепло. Соорудите постель для него здесь.“

Все сняли плащи и меховые накидки и Терос с Карамоном очень, очень осторожно подняли рыцаря и уложили его на получившееся ложе. Лорана накрыла его своей меховой накидкой. Гвинфор остался рядом с отцом и держал его за руку.

Танис что-то тихо сказал Лорду Гунтару. Лорд Гунтар кивнул головой и объявил, что сейчас как раз подходящее время, чтобы спуститься всем рыцарям вниз, к могиле, и помолиться и перепосвятить себя борьбе со злом. Рыцари тоже так думали и

ушли. В помещении сразу стало свободней.

После этого Лорд Гунтар сказал, что остальные гости могут сходить пообедать, а Карамон позаботился, чтобы они ушли, независимо от того, хотят они есть или нет. В помещении стало еще свободнее. Я не мог идти к могиле, не был голоден, да еще и ноги не шли, поэтому я остался.

„Мой отец поправится?“ — спросил Гвинфор у Леди Крисании. Терос Железодел стоял над Оуэном, смотря вниз на рыцаря с таким мрачным выражением, которого я еще у Тероса не видел.

„Да, мой Лорд“ — ответила Крисания, поворачиваясь на голос Гвинфора. (Леди Крисания слепа. Это еще одна интересная история, правда, она немного печальная, поэтому я сейчас не буду ее рассказывать). „Паладайн позаботится о нем“.

„Пожалуй, нам лучше уйти“ — предложил Танис.

Но Леди Крисания в отрицании покачала головой. — „Нет. Я попросила бы Вас всех остаться. Здесь что-то не так.“

Я должен был сказать ей об ЭТОМ.

„Я сделала все, что бы исцелить его, но его недуг не в теле. Он у него на душе. Паладайн дал мне знать, что он несет бремя. Секрет, который он хранит уже очень, очень долгое время. И пока мы не поймем, что это такое и не освободим его от этого бремени, боюсь, он не поправится.“

„Если Паладайн сказал тебе об этом секрете, то почему, черт возьми, он не рассказал, что это такое?“ — спросил Танис раздражительно. Иногда боги выводят его из себя.

Лорана прочистила горло и подарила Танису взгляд, которым время от времени одаривают друг друга женатые люди. К счастью, я никогда не был женат.

„Паладайн так и сделал“, улыбнувшись, сказала Леди Крисания.

Можешь мне не верить, но она повернула голову и посмотрела на меня, несмотря на то, что видеть меня она не могла и даже не знала, что я там присутствовал, так как я вел себя так же тихо, как и в тот раз, когда я случайно превратился в мышь.

„Тассельхоф!“ — сказал Танис не очень-то вежливо. „Ты что-то об этом знаешь?“

„Я?“ — спросил я оглядываясь. Я и не думал, что он говорит с каким-то другим Тассельхофом, но я надеялся.

Как бы там ни было, он имел в виду меня.

„Даааа…“ — сказал я не смотря на него и как можно дольше растягивая слова. Мне не нравится, когда он так строго смотрит. „Но я обещал не рассказывать“.

Танис вздохнул. „Ладно, Тас. Ты обещал не рассказывать. Но я уверен, что ты уже рассказал эту историю уже десяток раз, поэтому ничего страшного не случится, если ты расскажешь ее…“

„Нет, Танис“ — перебил я его. Это было невежливо, но он понял все совсем неправильно. Я взглянул на него. Я был кране серьезным „Я не рассказывал. Никому. Никогда. Я ведь обещал.“

Он уставился на меня. Спустя какое-то время моргнул. Он выглядел обеспокоенным. Наклонившись, он положил руку на мое плечо. „Ты не рассказывал это никому?“

„Нет, Танис“ — ответил я, и почему-то слеза выкатилась из моего глаза. „Никогда. Я обещал ему, что расскажу.“

„Кому обещал?“

„Фисбену“ — ответил я.

Танис застонал. (Я ведь говорил, что он всегда стонет, когда я упоминаю Фисбена).

„Я тоже, знаешь ли“ — сказал неожиданно чей-то голос.

При этом мы все повернулись к Теросу. Я никогда не видел его таким мрачным, угрюмым и серьезным, ведь обычно он был довольно милым, даже тогда, когда он иногда приподнимал меня за хохолок, что было совсем подло.

„Мы с Сэром Оуэном Глендовером часто обсуждали это между собой, каждый ища свою правду. Свою я нашел. И думал, что и он нашел свою. Возможно я ошибся. Впрочем, не мне рассказывать его историю. Если бы он хотел ее рассказать, то сделал бы это раньше.“

„Ну, конечно“ — сказал Танис, еще более раздражительно — „Если жизнь человека — это ставка…“

„Я ничего не могу сказать тебе“ — сказал Терос. — „Меня там не было.“ Он повернулся и ушел с Верхней Галереи.

Остался я. Видишь ли, я БЫЛ там.

„Давай, Тас“ — сказал Карамон настолько льстиво, что мне захотелось его прибить. „Ты можешь рассказать нам.“

„Я обещал никому не рассказывать“. Сказал я. Они обступили меня и мне еще никогда не было так плохо, кроме, разве что того раза, когда я был в Бездне. „Я обещал Фисбену“.

Танис весь побагровел, и, я уверен, он точно бы наорал бы на меня, если бы не две вещи: он чихнул, а Лорана вонзила свой локоть ему под ребра — что бы прекратить все это. Я даже забыл отдать я ему носовой платок — настолько я был несчастен.

Леди Крисания обошла вокруг меня, вытянула руку и дотронулась до меня. Ее прикосновение было очень мягким и нежным. Мне захотелось, залезть к ней на руки и заплакать, как маленькому ребенку. Конечно, я этого не сделал. Ведь сделать это было непристойно для кендера в моем возрасте, да к тому же еще

и герою. Но мне так хотелось!

„Тас“ — сказала она мне, — „Как получилось, что ты пришел сюда?“

Я подумал, что это немного странный вопрос, ведь я был приглашен. Я рассказал ей о сосисках, тюрьме о послании и приглашении от Фисбена.

Танис снова застонал и чихнул.

„Вот видишь, Тассельхоф“ — сказала Леди Крисания, — „Это Фисбен послал тебя сюда. Ты ведь знаешь, кто такой Фисбен на самом деле, не так ли?“

„Я знаю, кем, по его МНЕНИЮ, он является " — Я сказал так, потому что Рейстлин мне как-то рассказал, что он не сам не уверен, говорит ли старый чокнутый маг правду или нет. „Фисбен думает, что он бог Паладайн.“

„Неважно, является он богом или нет“ — Леди Крисания снова улыбнулась — „Но он отправил тебя сюда с какой-то целью. Думаю, он хотел, что бы ты рассказал на эту историю.“

„Правда?“ — спросил я с надеждой — „Мне бы очень хотелось рассказать, это так на меня давит.“

Я вручил Танису его платок, и, немного подумав, добавил — „Но ведь Вы этого не знаете наверняка, Леди Крисания.“ — Сказал я, снова начиная паршиво себя чувствовать. „Я всегда все делаю НЕПРАВИЛЬНО. И сейчас мне бы не хотелось поступить неправильно.“

Я подумал еще. „Правда, я также не хотел бы, что бы Оуэн умер.“

И вдруг меня осенило. „Придумал! Я расскажу вам эту тайну, а вы скажете, могу ли я кому-нибудь ее рассказывать или нет. Если нет, то я тогда я рассказывать не буду.“

„Но Тас, если ты нам ее расскажешь, то…“ — Начал Карамон.

В этот момент Лорана подтолкнула его с одной стороны, а Танис с другой, а Карамон закашлялся, что видимо было реакцией на толчки, так как больше он ничего не сказал.

„Я думаю, это очень мудро“ — сказала Леди Крисания. Еще она сказала, что хотела бы быть рядом с Оуэном Глендовером, и мы пошли за ней. Там не на что было сесть, поэтому мы расположились на полу, сев кругом. Леди Крисания села рядом с Оуэном, а все остальные вокруг нее и напротив меня.

Это произошло там, сидя на полу рядом с Оуэном Глендовером, лежащим в своих доспехах на меховых накидках, там я рассказал историю, которую поклялся (своим хохолком) никогда и ни за что не рассказывать.

Я взял свой хохолок и крепко держал его, потому как думал, что вижу его в последний раз.

Часть третья

Ты, конечно, должен помнить ту историю, когда мы отправились к Горе Серебряной Драконицы. Мы шли с Флинтом, Лораной, ее братом Гилтанасом, Теросом Железоделом и Сильварой, серебряной драконицей, правда, тогда мы еще не знали, что она — дракон.

Сильвара вела нас в надежде найти Копья и рассказать нам, как их можно изготовить. Но как только мы туда пришли, у нее появились сомнения, рассказывать ли нам или нет — это из-за клятвы, которую дали драконы добра.

Это очень запутанная история, практически не имеющая не имеющая ни какого отношения к моей, но она поясняет ситуацию, поэтому продолжим: Пока мы были в Усыпальнице Хумы, Сильвара всех заколдовала, всех, кроме меня, так как я спрятался за щитом. Я отправился на поиски того, что помогло бы моим друзьям, которые спали от ее заклинания, и меня засосало внутрь Горы. Вот там то я и встретил Фисбена, уже после того, как он умер, только он был живым.

Я привел его обратно, и он поговорил с Сильварой. Это случилось после разговора, когда Сильвара решила раскрыть свое настоящее обличие. Она отвела Тероса Железодела к колодцу, наполненного металлом, из которого можно выковать Копья. Только это случилось уже позже. Я начну с того, что произошло сразу после разговора Фисбена с Сильварой. Он решил, что ему пора уходить.

„Ну, счастливо!“ — Сказал нам Фисбен. Мы были внутри Усыпальницы Хумы, в Горе.

„Весьма, весьма рад был повидаться. Немножко обидная история, правда, вышла с этими, чтоб им, куриными перьями… " (Я мог бы рассказать эту историю, но она займет слишком много времени) „Но нет, нет, я не сержусь!“

Тут он уставился на меня

„Ну так что, ты идешь? Я же не могу ждать тебя до утра!“

Отправиться в путешествие с магом! Особенно с мертвым магом! Я не мог упустить такую удачу. (Правда, я догадывался, что он не был мертв по-настоящему, но тогда в это все верили, особенно Фисбен).

„Я? С тобой?“ — крикнул я.

Все это было так увлекательно и могло произойти прямо там и тогда, но меня посетила мысль — если я уйду, то кто же тогда

будет присматривать за моими друзьями? (Если бы тогда я знал, что Сильвара — это дракон, то я бы так не переживал, но я не знал). Я даже не мог представить, во что они без меня могут вляпаться, особенно дворф, мой друг Флинт.

Флинт был по-настоящему замечательной личностью и обладал множеством хороших качеств, но — честно сказать — у него практически отсутствовал здравый смысл. Он постоянно вляпывался в неприятности, а я его из них вытаскивал.

Но Фисбен пообещал мне, что с Флинтом и с остальными друзьями без меня все будет в порядке, и что бы увидим их снова в Дни Голода, которые скоро наступят. Поэтому я схватил свои сумочки и мы с Фисбеном отправились в путешествие.

Путешествие, про которое я еще никому до сегодняшнего дня не рассказывал.

История, которую я никогда не рассказывал

„Куда мы идем?“ — спросил я Фисбена, когда Усыпальница Хумы осталась далеко, далеко позади нас.

Маг жутко спешил. Он пыхтел, сопел и топал по дороге, размахивая руками, шляпа сдвинулась на лоб, а его посох зарывался в землю.

„Не знаю“ — сказал он бодро. И пошел еще быстрее, чем прежде.

Меня немного поразила эта странность. Я имею в виду, что, когда я отправляюсь в путешествие и не знаю, куда направляюсь, то никогда не спешу. Я иду медленно. Наслаждаюсь пейзажами. Может быть, мы шли быстро из-за того, что наслаждаться то было нечем. Мы еще не успели далеко уйти, как — шмяк — мы вошли прямо в Долину Туманов.

Предполагаю, ты удивишься, почему именно ШМЯК. Ты наверно думаешь, что ХЛЮП — это более подходящее слово для описания путешествия в тумане. Или же ФЬЮТЬ. Я подумал „шмяк“ потому, что оно было очень похоже. Шмякнулись прямо в серую стену тумана. Он был густым. Чрезвычайно густым. Я знал это, так как даже поднял руку к лицу, когда шагнул прямо в него. Я удивился бы, если бы туман стал бы еще более густым, что бы проверить наше мужество.

„Провались ты!“ — кричал Фисбен, размахивая руками — „Убирайся с дороги! Не вижу ничего! А что это значит? — Совсем никакого уважения к старшим!“

Он стоял там, размахивая руками и проклиная туман. Я

вглядывался как только мог, но все равно видел его недостаточно хорошо. Но мне показалось, что чем больше он проклинал туман, тем плотнее тот становился, что-то типа ответной реакции — „я покажу тебе, старикашка“. Мой хохолок совсем промок и капли воды стекали по спине, а мои ботинки медленно наполнялись просачивающейся грязью. Все это, конечно, было очень интересно, но вскоре весь интерес пропал.

„Фисбен“ — сказал я, собираясь одернуть его за рукав.

Думаю, что я испугал его, неожиданно появившись из такого плотного тумана.

Как бы там ни было, он очень вежливо извинился за удар посохом мне по носу и помог выбраться из болотины и держал голову, пока она не перестала кружиться. Мы поначалу подумали, что мой нос сломан, но потом решили, что нет, и, когда кровотечение остановилось, мы продолжили свой путь.

Мы шли и шли. В конце концов, Фисбен сказал, что думает, что тумана станет меньше. Из-за чудесного заклинания, которое он произнес. Я подумал, что будет невежливо перечить ему и, кроме того, я мог отчасти видеть траву, по которой шел, если нагнусь и поищу ее, поэтому я решил, что он должно быть прав. Мы немного замедлили шаг, особенно после того, как Фисбен — БУМС — врезался в дерево.

Это случилось сразу после (или же до) того, как он поджег дерево, которое привело нас к Усыпальнице Хумы.

Был день (Ночь мы провели, добираясь сюда.) Туман поднялся до такого уровня, что мы только и могли увидеть, где находимся, что, как я думаю, для тумана довольно подло. Он как бы смеялся над нами.

Должен сказать, я был немного разочарован снова увидеть Усыпальницу Хумы. Не то что бы оно не было прекрасным местом. Оно было. Усыпальница Хумы — для тех, кто совершает паломничество сюда — настоящий храм. Прямоугольное основание, сделанное из черных камней, которые Флинт назвал обсидианом. Снаружи вырезаны рыцари и летящие драконы и это очень священное и почитаемое место.

Внутри находится могила Хумы, куда было положено его тело. Доспехи и его меч все еще там, а вот тело — нет. Усыпальница — эта печаль, которая заставляет вас думать о собственной жизни, и как сделать мир лучше. Но это хорошая разновидность печали, потому как ты осознаешь, что здесь все еще часть твоей жизни, а сама твоя жизнь изменяется и становится лучше.

Вот что я почувствовал, когда увидел Усыпальницу Хумы в ПЕРВЫЙ раз. Но сейчас, наверно из-за тумана, все казалось

немного по-другому. То, что я почувствовал, было той разновидностью печали, от которой на душе не становится лучше.

„Ага!“ — крикнул Фисбен — „Я понял, где мы.“

„Рядом с Усыпальницей Хумы“ — сказал я.

„Нет!“ — он был поражен — „А мы разве не отсюда ушли?“

„Да. Должно быть, мы шли по кругу. Раз уж я здесь, то пойду попрощаюсь с Флинтом.“ — и я начал взбираться по ступенькам.

„Нет, Нет.“ — Быстро сказал Фисбен, стаскивая меня оттуда. „Их здесь нет. Они все внутри Горы Серебряной Драконицы. Сильвара отвела их к магическому колодцу, из металла которого выковываются Копья. Пойдем, у нас есть другие дела.“

Чтож, я согласился с тем, что храм выглядел темным и заброшенным. Да и фраза про другие дела звучала заманчиво. Поэтому мы отправились.

Не успели мы сделать и двух шагов, как туман снова вернулся. Только на этот раз к нему был примешан дым от тлящего дерева, и траву под ногами я не видел. Я не видел даже своих ног.

Мы шли, шли, шли, потом остановились пообедать. Мы снова пошли, и Фисбен рассказал, какой он изумительный следопыт, намного лучше, чем Речной Ветер, и что он (Фисбен) никогда не теряется, что он всегда держится ветра по правую руку и что мох никогда не растет на северной стороне. А потом мы вышли к Усыпальнице Хумы. Во второй раз.

„Ага!“ — крикнул Фисбен, разгоняя туман, и тут же ударился ногой о ступени, ведущие к храму.

Когда он увидел, где мы находились (во второй раз) он крикнул. „Снова ты!“ — нахмурился он и потряс храму кулаком. Он пнул ступень той же ногой, которой и споткнулся об нее.

Фисбен прыгал на одной ноге, крича на лестницу. Наблюдать за этим было немного забавным, но видимо позже стало достаточно скучно, потому что следующим моим воспоминанием было то, что я заснул.

Я имел в виду, что должен был сказать, что следующим моим воспоминанием было то, я проснулся, но ведь перед этим я должен был уснуть, не так ли? Я думаю, что спал довольно долго, потому что я весь окостенел, у меня все болело от спанья на гладких черных ступенях, и проснулся я мокрый, замерзший и голодный.

„Фисбен?“ — окликнул я.

Его не было.

По мне поползли мурашки. Возможно, это из-за того, что сама Усыпальница была немного жуткая. Мой желудок скрутило из-за боязни, что с Фисбеном что-то случилось, и, если уж быть

честным, то это туман заставил мою кожу трястись, как сказал бы Флинт. А затем я услышал его (Фисбена) храп. Он спал на траве, а его поврежденная нога лежала на ступеньке, а его шляпа на ней (на ноге).

Я был очень рад видеть его и догадываюсь, что испугал его, разбудив своим криком. Он извинился за выпущенный огненный шар, а у нас появилась возможность поесть горячий завтрак, благодаря тому, что загорелось еще одно дерево. Он сказал, что мои брови в скором времени отрастут.

После завтрака мы отправились снова — Фисбен замотал ногу в полотенце, которое я нашел в своей сумочке.

Мы опять кружили в тумане не помню уже сколько времени. Помню только, что мы ели и спали и снова вышли к Усыпальнице Хумы.

В третий раз.

Не хочу обидеть рыцарей, когда говорю это, но я уже начал понемногу уставать от этого пейзажа.

„Вот оно“ — пробормотал Фисбен. Он начал закатывать рукава. „Преследуешь нас! Приказываю тебе!“

„Не думаю, что она преследует нас“ — указал я. Боюсь, я сказал довольно резко „Думаю, это мы следуем за ней“

„Нет!“ — Фисбен был поражен. Потом он озадачился. „Ты так думаешь?“

„Да“ — отрубил я, думая, отрастут ли мои брови, и гадая, как я без них выглядел. Я вообще хотел увидеть хоть что-нибудь кроме Усыпальницы Хумы, тумана и горящих деревьев.

„Раз так, то не думаешь ли ты, что мне стоит выпустить по-настоящему сногсшибательное заклинание и взорвать это сооружение?“ — спросил он задумчиво.

„Не думаю, что это понравится рыцарям“ — указал я раздражительно — „Ты ведь знаешь, какие они“.

(Без обид. Я не имею в виду всех рыцарей. Только некоторых.)

„С другой стороны,“ — продолжил я — „Если Хума вдруг вернется, то очень обидится, что кто-то взорвал его могилу, пока он отсутствовал. И я бы не стал его винить.“

„Нет, конечно, нет“ — сказал Фисбен расстроено. „Может тогда взорвать лестницу?“

„А как тогда Хума будет подниматься, если не будет ступенек?“

„Я понял тебя“ — вздохнул Фисбен.

„Видишь ли, Фисбен“ — сказал я решительно (Я решил, что мне нужно быть решительным) — „Все это конечно забавно. Правда. Почти сломать нос, лишиться бровей, смотреть, как ты

поджег два дерева и видеть Усыпальницу Хумы в третий раз (для меня в четвертый) — но думаю, все захватывающие дела мы здесь уже переделали. Пора двигаться отсюда. БЕЗ РАЗНИЦЫ КУДА.“ — Последние слова я сказал крайне решительно, в надежде, что он поймет намек.

Фисбен некоторое время что-то бормотал, сделал несколько магических пассов, которые отчасти были интересными, что-то наподобие фейерверка из белых и пурпурных звезд. Он спросил, понравилось ли мне, и не хочу ли я увидеть еще?

Я сказал, что нет.

Тогда он расстроился по-настоящему и снял шляпу, полотенце, обернутое вокруг его больной ноги, потом надел шляпу обратно, только он надел ее на ногу, а полотенце — на голову.

Внезапно он произнес: „Ну точно! Заклинание…“

„Погоди! Не сейчас!“ — крикнул я и прыгнул, закрыв руками лицо.

„Заклинание, которое перенесет нас прямо туда, куда мы направляемся!“ — закончил он с триумфом. „Давай, держись за меня. Держись крепко, парень. Убери руки от мой сумки. Там вещи Мага! И немного отличной ливерной колбасы. Готов? Ну, поехали!“

Ладно, подумал я. В последний раз! В последний!

Я схватился за рукав Фисбена, и он произнес несколько слов, отчего у меня создалось впечатление, что это пауки ползают в моей голове. Все вокруг размылось, и я слышал только ветер в ушах.

Когда я открыл глаза, мы были на месте.

Внутри Усыпальницы Хумы.

Часть четвертая

„Фисбен!“ — сказал я и на этот раз я был серьезен и решителен — „Ты именно это хотел сделать?“

„Да“ — сказал он, крутя в руках полотенце и незаметно оглядывая помещение. — „Прямо туда, куда я и хотел. А, ты наверно хочешь узнать, где мы? Попробуй, угадай.“

Боюсь, что я уже кричал: „Мы в Усыпальнице Хумы!“

„Ну надо же…“ — сказал он.

С меня было уже достаточно. „Ненавижу задевать твои чувства, Фисбен, но думаю, что маг из тебя никудышный и — …“

Я не закончил, потому что брови Фисбена (у НЕГО-ТО они

были) сошлись вместе, нависли над носом и стали очень жесткими. Фисбен вдруг стал очень сердитым и раздраженным. Я боялся, что рассердился на меня, но оказалось, что нет.

„Заклятье!“ — крикнул он.

„Что?“ — спросил я, так как не понял, про что он говорит.

„Заклятье!“ — снова сказал он — „На нас наложили заклятье! Мы прокляты!“

„Как интерес… в смы… смысле — как это ужасно.“ — Я заикался, так как его злость стала еще более злой. „Кто… кто нас заклял?“ — спросил я очень вежливо.

„Кто же еще. Владычица Тьмы.“ — он пристально посмотрел на меня и обошел могилу. — „Она знает, что я отправляюсь за оком дракона, и пытается мне помешать. Я с ней расправлюсь. Я… (бла, бла, бла)“

Я вставил бла, потому что на самом деле не разобрал, что он там говорит насчет того, что он сделает с Владычицей Тьмы, если доберется до нее. Или же я сделаю, точно уже не помню.

„Ну, ладно“ — сказал я живо, в приподнятом настроении.“ Нас прокляли и мы под заклятьем. А теперь давай уйдем и разберемся с этим в дороге“.

Фисбен рассердился на меня — „Так ведь в этом все и дело. Мы не сможем уйти“

„Не сможем уйти?“ — душа у меня ушла в пятки — „Ты хочешь сказать… что мы…“

„В ловушке“ — мрачно закончил Фисбен — „Обречены навечно бродить в тумане и всегда возвращаться туда, откуда ушли. К Усыпальнице Хумы.“

„Навечно!“

Из пяток душа выкатилась в башмак. У меня застрял комок в горле и начал меня душить. „Очень рад, что ты не мертв больше, Фисбен, и я тебя очень люблю, но я не хочу быть запертым этим проклятым заклятьем в этой Усыпальнице с тобой навеки! Да и что же там Флинт будет без меня делать? А Танис? Я ведь, знаешь ли, их советчик. Ты должен вытащить нас отсюда!“

Боюсь, я вел себя немного грубо, наверно оттого, что устал от этой Усыпальницы, от тумана, да и вообще от всего. Я схватил Фисбена за одежды, и мое сопение переросло в хныканье, потом в плач и я потерял над собой контроль на довольно продолжительное время.

Фисбен погладил меня по голове и дал выплакаться, потом похлопал меня по спине и сказал, что мне нужно собраться и держаться молодцом. Он собрался предложить свой платок, чтобы я смог вытереть нос, да только он не смог найти его. К счастью, я нашел его сам и после его использования почувствовал себя

немного лучше. Забавно, но процесс, начинающийся с комка в горле и заканчивающийся плачем, придает вам сил.

Мне стало настолько лучше, что у меня появилась идея.

„Фисбен," — сказал я, обдумав вопрос, — „Если Владычица Тьмы наложила на нас заклятье, то значит, она должна наблюдать за нами, верно?"

„Ты прав!" — сказал он, оглядываясь. Он снова начинал злиться.

Мне пришло на ум, что мне не стоит говорить так громко, ведь если она наблюдала за нами, то могла еще и подслушивать. Я подобрался к Фисбену и, как только нашел среди волос его ухо, зашептал: „Если она наблюдает за парадным дверью, то почему бы нам незаметно не выйти черным ходом?"

Он как будто оглох. Потом он мигнул и сказал — „Кстати! У меня идея! Если владычица Тьмы наблюдает за парадной дверью, то почему бы нам незаметно не выйти черным ходом?"

„Но это моя идея!" — возразил я.

„Не дурачься!" — сказал он, обидевшись — „Разве это ты великий маг?"

„Нет" — признал я.

„Значит это — моя идея" — сказал он — „Цепляйся".

Он схватил меня за хохолок, а я его за одежды, и он произнес еще больше этих паучеползающих слов. Усыпальница начала размываться, поднялся ветер, и все вокруг меня закружилось. В целом, довольно приятное ощущение. Потом все успокоилось, и я услышал Фисбенское „ой…", которое мне не сильно нравится. Мне случалось пару раз самому говорить такое, поэтому я знаю, что оно означает.

Я очень осторожно открыл глаза, думая, что если снова увижу Усыпальницу, то я сильно расстроюсь. Но нет. Не увидел. Я полностью открыл глаза и в это же время открылся мой рот, что бы спросить, где мы находимся.

„Тшш…" — сказал Фисбен.

Его усы щекотали мою щеку, и прежде чем я понял, что произошло, он поднял меня и потащил в самую темную часть того места, где мы были.

„М… ипа… м… плип…" — сказал я, что означало „Но, Фисбен, это же Флинт", только звучало немного по-другому из-за того, что он зажал мой рот рукой.

„Тихо! Мы не должны быть здесь!" — он зашипел, оглядываясь на меня. Он выглядел крайне раздраженным и не был доволен ни мной, ни собой и, вероятно, Владычицей Тьмы тоже. Поэтому я замолчал.

Нет, конечно же, я очень хотел крикнуть „Эй, Флинт! Это я,

Тас!“, потому что знал, что дворф будет очень рад видеть меня.

Он всегда рад, только никогда этого не признает, потому что все дворфы такие. Терос Железодел был вместе с Флинтом. И я знал, что и Терос будет рад видеть меня, ведь совсем недавно в Усыпальнице Хумы он спас меня от падения в дыру, из которой я мог вылететь с другой стороны мира.

Мне ничего не оставалось делать, кроме как смотреть, ведь Фисбен все еще зажимал мой рот, а его усы щекотали меня. Ну, я и смотрел. Похоже, что мы оказались в кузнице, только это был самая большая и лучшая кузница, которую я когда-либо видел за всю свою жизнь. Думаю, что Терос очень доволен этой кузницей, ведь он самый лучший кузнец из всех, кого я знаю. Он и эта кузница просто обязаны быть вместе.

Там была наковальня, по размерам больше чем я сам, и горн с мехами и целое озеро холодной воды, в которую опускают раскаленный металл, чтобы услышать его шипение и увидеть поднимающийся пар, а когда металл достают оттуда, то он перестает быть раскаленным.

Но самой удивительной вещью здесь был гигантский колодец, наполненный чем-то вроде расплавленного серебра, который испускал замечательный свет. Он напомнил мне цвет волос Сильвары под светом Солинари, серебряной луны. Единственным освещением в кузнице был свет от этого серебра и, казалось, что все покрыто серебром — даже борода Флинта. Темная кожа Тероса сияла, как будто он стоял под светом луны. А его серебряная рука сверкала и светилась сама. Все это было так красиво и поразительно, что у меня снова начал подниматься комок в горле.

„Тшш…“ — зашипел Фисбен.

В любом случае я не мог говорить — из-за комка, и, думаю, что Фисбен знал об этом, так как он отпустил меня. Мы тихо стояли в тени и смотрели. Все это время Фисбен бормотал, что нас здесь быть не должно.

Пока Фисбен бормотал сам с собой, наверно пытаясь вспомнить заклинание, я боролся с комком и слушал, о чем говорят Флинт с Теросом. Пока я боролся с комком, я был слишком занят, что бы слушать, о чем они говорят, но после этого мне показалось, что никто из них не выглядит счастливо, что было странно, учитывая тот факт, что мы находились рядом с прекрасным колодцем серебра. И я прислушался, чтобы понять почему.

„Из этого мне предстоит ковать Копья?“ — спросил Терос, посмотрев на колодец с мрачным выражением.

„Да, друг“ — вздохнув, ответил Флинт.

„Драконий Металл. Магическое серебро.“

Терос нагнулся и взял с пола что-то из кучи этого чего-то, лежащего на полу. Это было Копье, и оно блестело в свете от колодца с серебром и, конечно, оно мне очень понравилось. Он держал его в руке — оно было хорошо сбалансированным. Свет отразился от острия. Неожиданно рука Тероса напряглась, и он со всей силы бросил Копье прямо в каменную стену.

Копье сломалось.

„Ты этого не видел!“ — прошептал Фисбен и закрыл мне глаза рукой, но уже, конечно, было слишком поздно, что он, должно быть, понял, так как отпустил руку, после того как я начал вырываться.

„Вот твои магические Копья!“ — проворчал Терос, уставившись на обломки разломанного Копья.

Он присел на корточки у края колодца, Его здоровенные руки лежали на коленях, а его голова была низко опущена. Он выглядел разбитым, обессиленным, измученным. Я никогда не видел Тероса таким, даже когда дракониды отсекли ему руку, и он чуть не умер.

„Сталь.“ — сказал он — „Без примесей, Но далеко не лучшая. Посмотри, как она разлетелась. Простая, обыкновенная сталь.“ — Поднявшись, он подобрал один из обломков — „Нужно рассказать остальным“

Флинт посмотрел на него и пригладил руками бороду, он всегда так делает, когда очень сильно и глубоко задумывается. Подойдя к Теросу, дворф положил свою руку на плечо здоровяка.

„Нет, друг, ты не расскажешь“ — сказал он — „Ты сделаешь еще больше копий. Ты воспользуешься своей серебряной рукой и скажешь, что они сделаны из металла драконов. А про сталь ты ничего не скажешь.“

Терос удивленно уставился на него. Потом нахмурился — „Мне им не солгать.“

„Тебе и не придется“ — сказал Флинт, с Таким Выражением на лице.

Я знал Это Выражение. Такое ощущение, что гора сваливается прямо перед тобой. (Говорят, что такое и вправду случилось, во время Катаклизма). Ты можешь сказать, что тебе это не нравится, но гора-то никуда не денется. Вот как раз Таким и было его Выражение.

Я мысленно сказал Теросу — ТЫ ДОЛЖЕН ОТСТУПИТЬ, ПРЯМО СЕЙЧАС, ПОТОМУ, ЧТО ТЕБЕ НИКОГДА НЕ СЛОМИТЬ ЕГО.

Флинт продолжал: „Мы возьмем эти Копья и отдадим рыцарям со словами „Вот, парни, Паладайн дает вам эти Копья.

Он вас не забыл. Он сражается на вашей стороне, прямо сейчас“. И вера наполнит их сердца, она вольется в их руки и в их ясные глаза, и когда они будут бросать эти Копья, то именно вера, сила рук и зрение будут направлять эти Копья в сердца злых драконов. И кто тогда скажет, что это не магия? Возможно, это как раз самая величайшая магия в мире“.

„Но ведь это неправда“ — сердясь, заспорил Терос.

„А откуда ты знаешь, что правда, а что нет?“ — задал вопрос Флинт, хмуро посмотрев назад, хотя получилось так, что он пододвинулся к Теросу еще ближе. — „Вот ты здесь стоишь. Живой и невредимый, с серебряной рукой, хотя — по правде говоря — должен бы валяться мертвым, разлагаясь в земле с пожирающими тебя червяками“.

„Мы здесь, внутри Горы Серебряной Драконицы, приведенные сюда прекрасным созданием, которое отдало все, даже свою любовь, ради нас всех. Нарушила свою клятву и обрекла себя, хотя — по правде говоря — могла всех отправить нас всех с помощью магии куда-нибудь подальше, не произнеся ни слова“

„Я скажу, что мы сейчас будем делать, Терос Железодел.“ — Продолжил Флинт, и непреклонное выражение на его лице стало еще более непреклонным. Он закатал рукава и одернул штаны. — „Сейчас мы будем работать. Вместе. Мы сделаем эти Копья. И для каждого мужчины и для каждой женщине, у которых есть сердце, мы сделаем эту правду той магией, которая будет их вести.“

На этой фразе у Фисбена тоже появился комок в горле. Он вытер глаза своей бородой. Подозреваю, что мой вид был не лучше. Мы оба остались на месте, всхлипывая и делясь платком, который по счастью у меня нашелся, и пока мы там всхлипывали Терос и Флинт ушли.

„Что будем делать?“ — спросил я — „Поможем Теросу и Флинту?“

„Да уж, большая от тебя помощь. Свалишься, чего доброго, в колодец. Нет, не будем“ — сказал он, обдумывая, что же ему делать с бородой, которая, должно быть, стала соленой от слез, — " Думаю, что я понял, как разрушить заклятье.“

„Правда?“ — обрадовался я.

„Мы возьмем парочку этих копий“ — сказал он, указывая на кучу копий, лежавших рядом с колодцем.

„Но ведь они не работают“ — напомнил я ему — „Терос же говорил про это.“

„А как ты их будешь использовать?“ — задал вопрос Фисбен, хватая меня за уши и дернув их так, что у меня слезы потекли из глаз. „Бестолочь! Разве ты не слушал?“

Конечно же, я слушал. Я слышал каждое слово, и поэтому мне

было не совсем понятно, в чем моя вина, и почему ему вздумалось оторвать мне ухо, особенно после того, как он сжег мои брови и чуть не сломал нос.

„Если ты вежливо попросишь Тероса, то, уверен, он одолжит тебе парочку.“ — сказал я, растирая уши и пытаясь не сойти с ума. Как-никак это с помощью Фисбена я попал под заклятье и, хоть оно и было скучным и неинтересным заклятьем, оно им все-таки было, и я чувствовал, что я чем-то обязан Фисбену. „Тем более что они не работают“

„Нет, нет“ — проворчал тот, и его глаза лукаво сверкнули — „Не будем беспокоить Тероса. Он сейчас разжигает огонь в кузне. Мы с тобой просто проберемся и позаимствуем одно или два Копья. Он даже не заметит.“

В чем-чем, а в заимствовании я профессионал. Лучшего занимальщика вам не найти (кроме, разве что, дядюшки Пружины), но это отдельная история.

Мы с Фисбеном вылезли из тени, где мы прятались, и тихо, как мышки, поползли в сторону копий, лежавших рядом с сияющим колодцем с серебром. Как только я подобрался к Копьям поближе, то мне пришлось признать, что они великолепны, вне зависимости от того, работают они или нет. Мне и нужно то было одно, самое плохенькое, и я был очень рад, что Фисбен тоже решил взять одно себе. На первых порах я слегка засомневался — как мы уйдем с ними — ведь они такие длинные, большие и тяжелые и мне даже одно не упрятать в свой мешочек.

„Я буду держать за рукоять,“ — сказал Фисбен — „А ты за тот конец, с острием. Понесем на плече. Вот так.“

Я понял, что это сработает. Однако на деле у меня не получалось удержать их на плече, так как плечи Фисбена находились выше, чем мои. Но я задрал вверх острие, а Фисбен управился рукоятью. Мы взяли два Копья и побежали с ними.

И пока мы бежали, Фисбен произнес еще больше тех слов, от которых ползают пауки, и мы попали прямо в…

Правильно. В Усыпальницу Хумы.

Часть пятая

„Ну, Опять!“ — начал я, расстроившись. Но я не закончил предложение, что может еще и к лучшему, а то этот сумасшедший Фисбен разозлился бы, и я остался бы не только без бровей, но и еще без хохолка.

Причина, по которой я не закончил предложение,

заключалась в том, что мы были не одни в Усыпальнице Хумы. Там был рыцарь. В полном обмундировании. Он преклонился перед могилой, освещенный серебряным светом луны, а по его щекам текли слезы.

„Спасибо тебе, Паладайн“ — он говорил, снова и снова повторяя эти слова. От того, как он их говорил, мне захотелось уйти куда-нибудь подальше и быть тише травы.

Но внезапно Копья стали очень тяжелыми. Кажется, я отпустил свою часть Копья, и, может быть, именно из-за этого Фисбен потерял равновесие и чуть не упал на спину и выронил свою часть. Короче говоря, вместе мы бросили средние части. Копья упали на каменный пол с поразительным грохотом.

Рыцарь чуть не выпрыгнул из своих доспехов. Вскочив на ноги, он выхватил меч, быстро развернулся и уставился на нас.

Перед молитвой он снял свой шлем. Думаю, Ему было где-то около тридцати лет. Его каштановые волосы были заплетены в две длинные косы. Его глаза были такими же зелеными, как листья валлина в Утехе (Я там живу, когда не путешествую и когда не отдыхаю в тюрьме). Правда, в тот момент его глаза не выглядели зелеными, как листья. Они глядели жестоко и холодно.

Не знаю, кого ожидал увидеть этот рыцарь — дракона или же хотя бы драконида, или же гоблина (или двух гоблинов), но уж точно не нас с Фисбеном.

Выражение его лица сменилось с гневного на озадаченное и ошарашенное, но оно тут же снова стало жестким.

„Маг“, — сказал он таким тоном, словно произнес „дерьмо огра“, — „И кендер“. (Не буду описывать, КАК это звучало). „Что вы здесь делаете? Как вы осмелились осквернить это священное место?“

Он разошелся не на шутку и стал водить перед собой мечом, что было довольно опасно, ведь он мог поранить кого-нибудь — например меня, так как вдруг я оказался ближе к нему, чем Фисбен, который и вытолкнул меня вперед.

„Погоди минуту, сэр Рыцарь“ — сказал Фисбен довольно смело, я подумал, что это наверно из-за того, что он использует меня в качестве щита, но мое маленькое тело не будет большой помехой острому лезвию. „Мы ничего не оскверняем. Мы пришли сюда почтить Хуму, так же как и ты, да только вот самого Хумы нет.“ Показав на пустую могилу, маг добавил: — „Поэтому мы… решили подождать немного, дать шанс ему вернуться обратно.“

Рыцарь довольно долго пристально смотрел на нас. По-моему, он должен был подкрутить свои усы, как Стурм, когда тот крепко задумывается, да только у этого рыцаря усов еще не было.

Так, несколько волосинок. Словно он только что начал отращивать их. Он чуть-чуть опустил свой меч, но только чуть-чуть.

„Ты белый маг?“ — спросил он.

Фисбен показал рукав. „Белый как снег“. На самом деле тот не был белым, так как был испачкан в грязи, кровью от моего носа, нашими слезами, пеплом от сгоревшего дерева и сажей, в которой мы испачкались в кузнице.

Одежды Фисбена не впечатлили рыцаря. Он снова поднял меч, и лицо его стало необычайно жестоким. „Я не доверяю магам любого цвета. И мне не нравятся кендеры.“

Я уже собрался высказать свое мнение рыцарю, что должно было бы помочь ему — (Танис говорит, что мы всегда должны знать свои ошибки, что бы стать лучше) — но Фисбен схватил меня за хохолок и поднял, словно кролика за уши, и отодвинул меня к стене.

„Как вы нашли это священное место, сэр Рыцарь?“ — спросил Фисбен, и его глаза стали хитрыми и сообразительными, какими они иногда бывают, когда он не рассеян и не сбит с толку.

„Меня привел сюда свет от двух горящих деревьев и небесный фонтан белых и пурпурных звезд“, — голос рыцаря стал почтительным.

Фисбен улыбнулся мне — „А ты еще говорил, что маг из меня никудышный“.

Это ошеломило рыцаря. Он снова опустил свой меч. „Ты это сделал? Ты специально привел меня сюда?“

„Ну конечно“, — сказал Фисбен — „Все время знал, что ты придешь сюда“.

Я собрался объяснить рыцарю про свои сожженные брови, и даже показать где они были раньше, если он заинтересуется, но в этот момент Фисбен неожиданно наступил на мою ногу.

Никогда бы не подумал, что такой старый человек, особенно такой худой как Фисбен, может быть таким тяжелым, но он им был. И я даже не мог объяснить ему, что он стоял на моей ноге — он зашикал на меня, говоря что-то об уважении к старшим и что кендеру не следует перебивать разговаривающих, а к тому времени, когда я умудрился выдернуть свою ногу из-под него, они с рыцарем уже говорили о чем-то другом.

„Расскажи мне точно, что произошло“, — сказал Фисбен — „Это очень важно, с точки зрения мага“.

„Да, и еще назови свое имя“, — предложил я.

„Меня зовут Оуэн, из Дома Глендовер“, — сказал рыцарь, но это было все, что он собирался сказать нам. Он все еще держал свой меч, и все еще пристально смотрел на Фисбена, пытаясь

решить, то ли дружески похлопать его по плечу, то ли дать ему хороший подзатыльник.

„А меня Тассельхоф Непоседа“ — представился я, любезно протягивая руку, — „И у меня есть собственный дом в Утехе, только у него нет имени. А может, даже и дома-то больше нет.“ — добавил я, вспомнив увиденное в Утехе, когда я там был в последний раз, и немного взгрустнув от этой мысли.

Рыцарь вскинул брови (У НЕГО брови были) и принялся теперь пристально смотреть на меня.

„Ну, ничего, все в порядке“, — сказал я, думая, что рыцарю, наверное, стало жаль мой дом, потому что его, скорее всего, сожгли драконы. „Тика сказала, что я смогу пожить у нее, если я увижу ее снова“, — я расстроился еще больше, так как уже давно не видел Тику.

„Ты проделал весь этот путь из Утехи?“ — его изумлению не было придела.

„Некоторые из нас прошли еще более длинный путь“ — важно произнес Фисбен, но рыцарь не услышал его, что может и к лучшему.

„Да, мы пришли из Утехи“, — объяснял я — „Большинство. Правда, некоторых сейчас с нами нет. Таниса, Рейстлина, Карамона, Тики — мы расстались с ними в Тарсисе, а потом и со Стурмом, Элистаном, Дереком Хранителем Венца — они отправились в…“

„Дерек Хранитель Венца!“ — удивился Оуэн — „Вы путешествовали вместе с Дереком Хранителем Венца?“

„Я еще не закончил“ — сказал я, строго поглядев на него — „Перебивать — не вежливо. Танис так говорит. Внутри находятся Лорана, Флинт, Терос…“

„Но ведь я как раз и ищу Дерека!“ — сказал рыцарь, совершенно меня игнорируя. (Точно не уверен, но, по-моему, игнорирование людей противоречит кодексу рыцаря, однако Стурм часто игнорировал меня, поэтому я про это и подумал. Но Танис говорил, что игнорирование кендеров не входит в Меру, хотя должно бы.)

„Я посланник Лорда Гунтара, и мне поручено найти сэра Дерека…“

„Ты немного опоздал“, — сказал я стараясь выглядеть опечаленным этим фактом, хотя таким и не был — „Он уже ушел с Оком Дракона“

„С чем?“ — уставился на меня Оуэн

„С РОКОМ дракона — трава такая“ — сказал Фисбен, так дернув меня за хохолок, что у меня слезы полились из глаз, — „похожа на волчью отраву, только немного другая“

Я совсем не понял, про что идет речь, но в любом случае это было что-то не очень важное. Я видел, что Оуэн становится немного раздражительным. Поэтому я продолжил.

„Не знаю, с какой целью ты его ищешь. Дерек — НЕ очень-то приятная личность“, — проинформировал я его.

„Опиши мне его“ — сказал Оуэн.

„Ты разве не знаешь его?“ — удивился я — „Как же ты найдешь его, если даже его не знаешь?“

„Просто опиши мне его, кендер“ — прорычал Оуэн.

„Тассельхоф Непоседа“, — напомнил я ему. Он наверно забыл. — „Ну, Дерек практически все время был на всех сердит, не совсем вежлив и, подозреваю, у него не очень-то развит здравый смысл, если тебя интересует мое мнение“.

Так уж получилось, что мое мнение его не интересовало. Его интересовало только как выглядел Дерек, а не то, что он делал. Что я ему и рассказал. Похоже, что мой рассказа удовлетворил его, правда, рассказывать Оуэну было довольно тяжело, ведь он был совсем сбит с толку.

„Да, это Дерек Хранитель Венца“, — сказал он — „Ты довольно точно описал его. Похоже, что ты говоришь правду“.

Он еще немного подумал, взглянул на могилу Хумы, которая выглядела великолепно в свете луны, как будто бы та могла помочь ему. (Если тебе интересно, откуда там взялся лунный свет в то время, как должен бы быть туман, то слушай. Я попозже объясню тебе, когда придет время.)

„Меня послали найти Дерека Хранителя Венца“, — медленно говорил рыцарь, как будто собираясь остановиться в любой момент и забрать все свои слова назад, — „Меня… послали за ним. Но я потерял его след и молился Паладайну, чтобы тот помог мне снова найти его. Той ночью, во сне, мне сказали отыскать место, где покоится Хума. Я не знал, где находится это место — никто не знает. Но мне сказали, что если я внимательно буду смотреть на Солинари в безоблачную ночь, то увижу карту на поверхности луны. Следующей ночью я так и сделал. Я увидел карту, которая оказалась картой родных земель, Южного Эргота. Я тридцать лет бродил по этим равнинам и горам, но не знал, что существует это место. Солинари вела меня, но внезапно меня окутал туман. Луну я больше видеть не мог.“

„Тропинка привела меня в долину между гор и исчезла. Я не мог выбраться обратно и блуждал там несколько дней. Не могу сказать, сколько точно — время потеряло для меня смысл. После я увидел огонь, горевший не так далеко. Я отправился к нему, думая, что по крайней мере найду кого-нибудь, кто выведет меня обратно на тропинку. Потом огонь исчез, и я снова заблудился.

Потом загорелся еще один и появилось облако пурпурных звезд и я обнаружил это священное место. Усыпальницу Хумы. И вас“.

Смотря на нас, он покачал головой, и я могу заверить тебя, что мы были не совсем тем, чего он просил от Паладайна.

„Но, если Лорд Дерек отправился с Оком Дракона, то что тогда вы здесь делаете?“ — спросил он, посмотрев на нас дольше, чем требовала вежливость. — „Почему вы остались здесь?“

„Мы под заклятьем“, — сказал я. „Разве это не восхитительно? Ну, если честно, то не очень. На самом деле оно довольно скучное, я уж молчу про здешний холод, мерзость и сырость. Как видишь, Владычица Тьмы закляла нас и мы не можем выбраться отсюда, потому что каждый раз, когда мы пытаемся это сделать мы возвращаемся обратно. А нам нужно отсюда выбраться, потому что у нас Чрезвычайно Важная Миссия к… к…“

Я остановился, так как не был точно уверен, в чем заключалась наша Важная Миссия.

„Лорду Гунтару. Важная Миссия к Лорду Гунтару“, — сказал Фисбен — „Нам нужно увидеть его прямо сейчас. Это крайне срочно.“

„Вы под черным заклятьем?“ — Оуэн отодвинулся от нас обоих. Поднял меч и кладя руку на могилу Хумы.

„Ну, что касается заклятья, то пока да“, — Фисбен почесал голову — „Должно быть я немного преувели…“

„Да-да“, — заявил я. (мне нравится это слово — заявил). „Владычица Тьмы здесь до смерти боится Фисбена, самого великого и могущественного мага“.

Фисбен залился краской, снял шляпу и повертел ее в руках. „Стараюсь“, — сказал он скромно.

„Зачем ты меня вызвал?“ — сказал Оуэн. Он все еще оставался подозрительным.

Фисбен что-то пробормотал, подбирая слова — „Ну, я… видишь ли… это…“

„Знаю! Знаю!“ — закричал я, подпрыгивая на цыпочках и вытягивая руку вверх. Любой, кто был ребенком знает, но вдруг рыцарь никогда им не был, или у него не было мамы, которая бы рассказывала ему истории, такие, какие рассказывала моя. „Только настоящий рыцарь может разрушить заклятье!“

Фисбен глубоко вздохнул. Сняв шляпу, он вытер свой лоб рукавом. „Ну да, настоящий рыцарь. Спасает дам в затруднительном положении“.

„Но мы не дамы“, — сказал я, подумав, что нам нужно быть честными, — „Но вот положение у нас крайне затруднительное, так что я думаю, что это засчитывается, не так ли?“

Оуэн стоял перед могилой Хумы. Он все еще казался сбытым с толку и подозрительно смотрел на нас — возможно, потому что мы не были дамами. В смысле, что это было бы не очень-то здорово, но уж это не наша вина.

„И еще здесь Копья“, — сказал я, указывая туда, куда мы их бросили, — „только они не…“

„Копья!“ — выдохнул Оуэн и неожиданно, как будто Солинари свалилась прямо с небес и осветила рыцаря, его доспехи засветились, засветились серебром, а сам он был таким красивым и сильным, что я удивленно уставился на него. „Вы нашли Копья!“

Он вложил в ножны меч и заторопился к тому месту, куда мы указывали. Увидев два Копья, лежащих на полу в свете луны, Оуэн что-то громко вскрикнул (я не понял, что именно) и упал на колени.

Спустя некоторое время он сказал (на этот раз я его понял), — „Слава Паладайну. Эти Копья — настоящие, такие же, как и то, каким Хума сражался с Владычицей Тьмы. Я видел изображения, вырезанные снаружи Храма“.

Он поднялся на ноги и встал перед нами. „Теперь я верю, что вы говорите правду. Вы хотели принести эти Копья Лорду Гунтару, не так ли, Господин Маг? А Владычица Тьмы наложила заклятье, что бы помешать вам“.

Фисбен весь раздулся от гордости, когда его назвали Господином Магом, и я увидел, что он смотрит на меня, чтоб увидеть, заметил ли я это. Конечно же, я заметил. Я был очень рад за него, потому что в основном его называют по-другому и не очень-то вежливо.

„Ну, мм, да“, — сказал он, пыхтя, прихорашиваясь и приглаживая свою бороду. „Да, именно так. Отнести Копья Лорду Гунтару. Мы должны отправляться прямо сейчас“

„Но ведь Копья не…“, — начал я.

„Светятся“, — перебил Фисбен, — „Копья не светятся“.

Ну, и до того как я хотел заметить, что Копья не только не светятся, но еще и не работают, Фисбен перевернул вверх дном одну из моих сумочек, из-за чего все мои ценные и полезные мелочи, собранные по всему миру высыпались на пол. К тому времени, как я все сложил обратно, проверил, удивляясь, откуда же это у меня несколько вещиц, которых я не мог вспомнить, Фисбен и Оуэн уже собрались уходить.

Оуэн держал Копья в руке — я еще не говорил, что он очень сильный? В смысле нам пришлось таскать их вдвоем с Фисбеном, а он держал сразу оба без каких-либо затруднений.

Я спросил про это у Фисбена, на что тот ответил, что это

почет и уважение дают ему такую необыкновенную силу.

„Почет и уважение. Мы позаботимся об этом, раз уж мы вместе“, — пробормотал Фисбен, и мне показалось, что я снова вижу его лукавый взгляд.

Сэр Оуэн Глендовер попрощался с Хумой и был очень расстроен, что ему приходится покидать Усыпальницу.

„Не волнуйся“, — объяснял я ему — „Если ты не разрушишь заклятье — мы вернемся сюда“.

„Да все в порядке, он его уже разрушил“, — сказал Фисбен и мы вышли за дверь, под свет луны.

Вот тогда-то я и понял, что там БЫЛ лунный свет. (Помнишь, я говорил тебе, что попозже объясню, когда придет время, так вот, оно наступило). Туман ушел, и мы могли видеть Стражей и Входной Мост, а позади нас Гора Серебряной Драконицы. Оуэн был так поражен, что мы не могли стащить его с места. Но Фисбен напомнил ему, что Копья — „спасение людей“ и это заставило рыцаря сдвинуться.

У него была лошадь, но он каким-то образом ее упустил. Он сказал, что когда мы доберемся до обжитых земель, то найдем других лошадей, и это поможет нам быстрее добраться до Лорда Гунтара.

Я подумывал о том, что Фисбен может доставить нас туда намного быстрее, если захочет произнести заклинание. Потом я подумал, что благодаря заклинаниям Фисбена, а все на это указывало (особенно мои брови), мы можем оказаться прямо в центре Горячих Источников. Возможно, Фисбен подумал о том же, так и он ничего не сказал. Вот так мы и отправились. Оуэн — с Копьями, я — со своими сумочками, и Фисбен — с какой-то мелодией.

И, слава всем богам, мы НЕ вернулись в Усыпальницу Хумы.

Часть шестая

Обращу твое внимание на то, что это не моя вина, что мы пришли в Пустошь. У меня была карта, и я говорил Фисбену и Оуэну, что мы идем не туда. (Карта была отличной — а если Приморский Тарсис и окружил себя сушей, то не понимаю, в чем тут моя-то вина).

Была ночь. Мы брели по горам, когда пришли к ущелью. Я сказал Фисбену, что нам нужно идти налево. Это вывело бы нас из гор, и мы направились бы к Санкристу. Но Фисбен посмеялся надо мной и сказал, что моя карта устарела (устарела!), а Оуэн

Глендовер поклялся, что он скорее сбреет себе усы, чем послушается совета от кендера. (довольно безопасная клятва, если учесть, что сбривать-то и нечего). И это после того, как он блуждал в Долине Туманов, и даже не знал, где находился.

Он сказал, что нам стоит подождать утра, и, когда взойдет солнце, мы определимся, куда нам идти, на что Фисбен ответил, что он нутром чует, что солнце утром не взойдет, и, представь себе, он был прав. Солнце не взошло или же если оно и взошло, то мы это пропустили этот момент из-за снега и тому подобное.

Короче, мы повернули направо, хотя должны были повернуть налево, и в результате оказались в Пустоши и увязли в приключение, только про приключение — попозже.

Я могу рассказать от тех днях, что мы провели, скитаясь по горам в снегу, но, по правде говоря, это не очень интересно… если не считать того, что Фисбен как-то ночью случайно растопил наше снежное убежище, когда пытался читать свою книгу заклинаний при свете магической свечи, которая оказалась больше магической чем свечей. (Я вынужден был следить за фитилем).

Еще одна история — это путешествия вместе с Оуэном Глендовером. Мне начал нравиться этот рыцарь. Он сказал, что не возражает против путешествия вместе со мной. (тебе это, может, и показалось бы и не совсем вежливо, но это было больше, чем я ожидал).

„Возможно“, — сказал он — „это из-за того, что у меня не так много ценных вещей, которые я могу потерять“.

Не совсем понял последнюю часть, особенно после того, как он потерял то, что он назвал самым ценным имуществом: небольшой, очень красивый портрет его жены и сына, который хранился в небольшой кожаной сумочке, которая была под его доспехами, под сердцем.

Он обнаружил, что потерял его как-то ночью, когда мы отдыхали под снежным навесом (один такой Фисбен и растопил) и мы все стали очень усердно разыскивать этот портрет. И когда Оуэн сказал что вывернет меня наизнанку (или же наоборот, вовнутрь), если я не отдам портрет обратно, Фисбену посчастливилось найти его в кармане моей рубашки.

„Вот видишь“, — сказал я, протягивая портрет Оуэну — „Сохранил его от сырости“.

Он даже не оценил это. На минуту я подумал, что он собирается сбросить меня с горы, и, похоже, он тогда думал то же самое. Но, спустя какое-то время он успокоился, особенно после моих слов о том, что дама на портрете — одна из самых красивых дам, каких я только видел, после Тики, Лораны и, конечно, одной

знакомой кедерши, которая навсегда останется в моем сердце. (Если я вспомню, то потом расскажу тебе).

Оуэн вздохнул и сказал, что сожалеет о том, что накричал на меня, и что на самом деле он не собирался разрывать ни мои кармашки, ни внутренности, (смотря, что первое попалось бы под руки). Все это произошло из-за того, что он очень сильно скучал по жене и сыну, и очень сильно за них беспокоился, ведь он был здесь, в снегу, с нами, а они остались дома одни.

Ну, я все это понял, хоть у меня и не было ни жены, ни детей, а может и дома тоже. Тогда мы и договорились с Оуэном. Если я нахожу портрет, то я должен буду немедленно отдать его обратно владельцу.

Было поразительно, что он так часто терял этот портрет, учитывая, как он был ему дорог. Но я не делал ему замечаний, так как боялся задеть его чувства. И, как я уже сказал, мне стал нравиться Оуэн Глендовер.

„Жизнь моей жены не была легка“, — рассказывал он нам однажды ночью, пока мы отогревались от снега, в котором шли весь день. „Судя по тому, что ты рассказал мне о своем друге Светлом Мече, ты должен знать, как поносят и преследуют рыцарей. Моя семья переехала из родного дома много лет назад, но для нас было делом чести вернуться и снова владеть им. Наши земли переходили из одних плохих рук в другие. Люди в деревне страдают от их тирании, и хотя они и были одними из тех, кто выгнал нас, они уже сполна заплатили за это“.

„Я работал наемником, чтобы выжить и душой и телом и чтобы заработать денег, чтобы законно выкупить обратно, то, что у нас украли. Для того, чтобы сохранить свою честь, несмотря на то, что воры, укравшие дом, ею не обладали“.

„В конце концов, я накопил необходимую сумму. Стыдно признаться, но я вынужден был скрывать свою принадлежность к рыцарям. Иначе мне бы отказали в продаже“.

Он дотронулся до своих усов, когда говорил это. Те еще только отрастали и были такими же рыжими, как и его волосы.

„В любом случае, воры заключили выгодную сделку, учитывая то, что дом практически был разрушен. Мы восстанавливали его сами, так как не были в состоянии нанять работников. Помогли крестьяне. Они были рады тому, что вернулся рыцарь, в основном из-за того, что настали опасные времена“.

„Жена с сыном очень помогали мне, делая намного больше, чем от них ожидалось. Руки жены огрубели и потрескались от перетаскивания камней и от замешивания раствора, но мне их прикосновение казались такими нежными, словно она надевала

лайковые перчатки каждую ночь. Сейчас, в мое отсутствие, она охраняет дом. Вместе с сыном. Мне не хотелось оставлять их, с тем злом, которое повсюду в тех землях, но мой долг — быть с рыцарями, как она сама мне напомнила. Я молюсь Паладайну, что бы тот защищал их.“

„Защищает“, — сказал Фисбен. Только он сказал это очень, очень тихо, так что я едва расслышал. И скорее всего и не услышал бы, если бы не почувствовал, как комок снова начинает подкатываться и не стал бы рыться в кармане Фисбена в поисках носового платка.

Оуэн рассказал самые интересные истории про то, как он был наемником, и сказал, что я хороший слушатель, как и его сын, так как задаю слишком много вопросов.

Так мы и шли, по-настоящему хорошо проведя время, и, полагаю, именно поэтому я не стал сильно возражать, когда мы свернули не туда. Мы блуждали около четырех дней, когда, наконец, закончился снег, и снова взошло солнце.

Оуэн взглянул на солнце, и сказал, что мы не на той стороне гор.

Я попытался быть заботливым и подбодрил его: „Если Тарсис сам ушел от моря, то, может, и горы умеют прыгать“.

Но Оуэн не долго думал над моим предположением. Он выглядел очень расстроенным и опечаленным. Мы оказались в Пустоши, как он сказал, и залив, который был перед нами (Я разве не упоминал? Перед нами был залив) называется заливом Моргаш, что означало Залив Тьмы, а это в свою очередь, означало, что мы оказались в Плохом Месте, и надо убираться отсюда, пока не Стало Хуже.

„Это все твоя вина!“ — стал кричать на меня Фисбен и топнул ногой по снегу. — „Твоя и этой дурацкой карты.“

„Нет, не моя!“, — отпарировал я. (Еще одно хорошее слово — отпарировать.) „И это не дурацкая карта.“

„Нет, дурацкая!“ — закричал Фисбен и рыком снял с себя шляпу, кинул ее на снег и начал топтать ее. — „Дурацкая! Дурацкая! Дурацкая!“

После этого Стало Хуже.

Фисбен провалился в дыру.

Нормальный человек провалился бы в нормальную дыру, возможно, подвернул бы ногу или расшиб нос, но нет, только не Фисбен. Он улетел в дыру, да еще и нас прихватил — очень заботливо с его стороны. Только вот Оуэну это совсем не понравилось.

С минуту Фисбен прыгал по снегу, называя меня дубиной (кстати, это было не оригинально — Флинт все время так на меня

кричал), а уже в следующее мгновенье снег под его ногами провалился. Он потянулся, чтобы ухватиться за что-нибудь и схватил меня, и я почувствовал, как снег проваливается подо мной, и я тоже потянулся, чтобы ухватиться за что-нибудь и схватил Оуэна, и снег под ним тоже начал проваливаться, прежде чем мы осознали это, все мы стали падать, падать и падать.

Это было самым выдающимся падением и довольно захватывающим, со снегом, летящим вокруг нас и обрушивающимся на нас. Был крайне занятный момент, когда я подумал, что мы нанижемся на Копья, которые были у Оуэна и которые он не успел отбросить, когда я схватился за него. Но нет, не нанизались.

Мы приземлились в самом низу и Копья тоже приземлились в самом низу и снег, который падал вместе с нами, тоже приземлился в самом низу. Мы немного полежали там, переводя дыхание. (мое осталось где-то наверху).

Оуэн вытащил себя из сугроба и пристально посмотрел на Фисбена.

„Все в порядке?“ — грубо спросил он.

„Ничего не сломано, если ты это имеешь в виду“, — сказал Фисбен немного дрожащим голосом, — „Только вот, кажется, шляпу потерял“.

Оуэн сказал что-то насчет отправки шляпы Фисбена на вечные муки и затем выдернул меня из сугроба, поставил на ноги и поднял меня снова, когда я опять свалился, (дыхание было еще в пути) и спросил в порядке ли я.

Я сказал, что да и что это было захватывающе, и, как думает Фисбен, не могли бы мы повторить все это снова? Оуэн сказал, что по-настоящему захватывающая часть еще только начинается, потому что, как, во имя Бездны, мы собираемся выбираться отсюда?

К этому времени я уже успел хорошо осмотреться. Кажется, мы были в пещере, или что-то типа того, сделанной из снега и льда. А дыра, в которую мы провалились, была очень, очень высоко над нами.

„Там наши сумки, веревка и еда“, — сказал Оуэн, поглядев на дыру, которую мы сделали, и нахмурился.

„Не стоит беспокоиться“, — бодро сказал я. — „Фисбен очень великий и могущественный маг и он просто перенесет нас обратно за одно мгновение. Не так ли, Фисбен?“

„Без моей шляпы — нет“, — ответил он чопорно, — „Не могу работать без нее“.

Оуэн пробормотал что-то, что я не буду приводить здесь, так как это что-то было не очень любезным о Фисбене и я уверен, что

Оуэн сейчас стыдится того, что он сказал. Его взгляд был хмур и сердит, но вскоре стало очевидно, что без магии (или чего-нибудь на нее похожего) нам оттуда не выбраться.

Я попытался вскарабкаться по стене пещеры, но всегда съезжал вниз, что доставило мне большое удовольствие, несмотря на то, что Оуэн остановил меня, после того как целая глыба снега отломилась и упала прямо на нас. Он сказал, что может упасть вся гора.

В общем, нам ничего не оставалась делать, кроме как искать шляпу Фисбена.

Оуэн вырыл из-под снега Копья и сказал, что шляпа должна быть где-то рядом. Мы искали, но ее не было. После этого мы изрыли то место, куда приземлился Фисбен, но ее не было и там.

Фисбен очень расстроился и принялся рыдать.

„Я ношу эту шляпу уже долгие годы“, — хныкал он, сопя и вытирая глаза кончиком бороды. „Лучший материал в мире. За исключением фетра, но те не для магов“.

Я уже хотел спросить кто такой этот Фетр, и что он сделал со своей шляпой, как Оуэн сказал „Тшш…“ таким голосом, что кровь начинает леденеть, а желудок вытворять довольно забавные вещи.

Мы умолкли и посмотрели на него.

„Я что-то слышал“ — сказал он. Только он сказал это без голоса, одними губами.

Я прислушался и тоже услышал что-то.

„Ты что-нибудь слышал?“ — спросил голос. Только вот голос этот не принадлежал ни одному из нас. Он долетел из-за стены снега, стоявшей в одном из концов пещеры.

Я уже слышал подобный голос — скользкий, шипящий и неприятный. Я понял, кому принадлежит этот голос и, по выражению лица Оуэна (злое и ненавидящее), понял, что и он догадался.

„Драконид!“ — прошептал Оуэн.

„Это всего лишь снежный обвал“, — ответил другой голос. И этот рокочущий низкий голос прозвучал холодно, настолько холодно, что несколько иголок льда прошли через мою кожу прямо в кровь, и я весь задрожал. „Обвалы часто случаются в этих горах“.

„Мне показалось, что я слышал голоса“, — настаивал драконид. „На другой стороне этой стены. Возможно, это часть моего подразделения“.

„Глупости. Я приказал им ждать в горах, пока не приду. Они не осмелятся не подчиниться приказу. И лучше бы им подчиняться, или я заморожу их на месте. Ты просто нервничаешь, вот и все. А мне не нравятся ящерицы, которые

нервничают. Ты заставляешь нервничать меня. А когда нервничаю я, то могу и убить кого-нибудь“.

Возник сильный скользящий и скрипящий звук, и вся гора затряслась. Снег снова свалился на нас, но никто не пошелохнулся и не издал не звука. Мы просто смотрели друг на друга. Каждый из нас сам придумывал картину к этому звуку, и хотя моя картина была очень интересной, она не ассоциировалась с долгой жизнью. (Танис объяснил мне однажды, что я должен смотреть на происходящее с такой позиции, что бы увидеть, способствует это происходящее или нет продлению моей жизни. И если нет, то я должен обождать, вне зависимости от того, насколько это происходящее могло быть интересным. И оно не было).

„Дракон!“ — с трепетом прошептал Оуэн.

„Не способствует продлению жизни“, — посоветовал я ему, на случай если он не знал.

Хотя догадываюсь, что он знал это, так как посмотрел на меня так, словно хотел заткнуть мой рот рукой, только был недостаточно близко. Поэтому я сам закрыл своей рукой рот, что бы не втянуть его в неприятности.

„Скорее всего, белый“, пробормотал Фисбен, глаза которого чуть не вылезли из орбит. „Моя шляпа! Моя шляпа!“ — он сжал руки.

Наверно тут мне стоит остановиться и объяснить, куда мы попали, раз уж тут был дракон. Не совсем уверен, но думаю, что мы попали в совсем небольшую пещеру, рядом с которой находилась огромная, в которой и жил дракон. Стена снега отделяла нас и я начал думать, что эта стена не такая уж и толстая. В смысле, что когда оказываешься в пещере с белым драконом, то лучше бы иметь стену толщиной во много миль и у меня возникло не очень приятное чувство из-за того, что такой толстой стены не было.

Итак, мы были в снежной пещере, постепенно замерзая до смерти. (Я этого еще не говорил?) И не могли даже пошевелиться из-за страха, что дракон услышит нас. А Фисбен не мог колдовать, так как у него не было шляпы. Оуэн не выглядел знающим, что нужно делать, и полагаю, что не могу винить его за это, так как он наверно никогда не встречался с драконом раньше. Поэтому мы ничего не делали, кроме как стояли и дышали, да и то осторожно. Это все, что нам оставалось.

„Ну, докладывай“, — сказал дракон.

„Да, Хозяин“, — голос драконида стал более вежливым. Возможно, из-за того, что он не хотел нервировать дракона. „Я проверил деревню, как ты и приказал. Она богата — много еды,

отложенной на зиму. Один из этих (тут драконид вставил очень плохое слово) Соламнийских Рыцарей имеет поместье рядом, но он уехал по какому-то поручению“.

„Он оставил всадников охранять свое поместье?“

Драконид издал неприятный гул. „Этот рыцарь беден, как нищий. Он не мог позволить выставить охрану. В поместье никого нет, кроме его жены и ребенка“.

Лицо Оуэна совсем побледнело. Мне стало жаль его, так как я понял, что они говорят про его жену и сына.

„Крестьяне?“

„Деревенщина!“ — фыркнул драконид — „Они падут ниц, когда мы нападем. Мы с легкостью возьмем деревню.“

„Прекрасно. Мы будем хранить пищу здесь, чтобы потом использовать ее, когда основные силы будут брать Башню Верховного Жреца. Там есть еще деревни, кроме этой?“

„Да, Хозяин. Я покажу тебе на карте. Глендовер здесь, а вот…“

Я не слушал дальше. Я боялся, что Оуэн сейчас упадет. Его лицо стало белее, чем снег и его трясло так, что его доспехи задрожали.

„Моя семья!“ — застонал он. И я увидел, что его колени покосились.

Я могу передвигаться практически бесшумно, когда мне нужно, и посчитал, что это как раз один из таких моментов. Я передвинулся к нему, обвил его рукой и поддерживал его до тех пор, пока его не перестало трясти.

Наверно он был благодарен, потому как он держал меня очень крепко. Крепко и неудобно. (Я не упоминал, что он был очень силен?) И дыхание чуть снова не покинуло меня прежде, чем он расслабился и отпустил меня.

К тому времени кровь снова стала возвращаться к его лицу, и он больше не выглядел больным. Он выглядел решительным, жестоким и беспощадным. И тогда я понял, что он собирается сделать. И это не способствовало продлению жизни.

Дракон и драконид горячо обсуждали, какую деревню им стоит сжечь и ограбить после Глендовера.

Пользуясь тем шумом, который они производили, я прошептал Оуэну — „Ты хоть раз видел дракона?“

Он покачал головой. Он подтянул застежки на своей броне, затянул ремень и, уже видев раньше как Стурм делает тоже самое перед битвой, я понял, что все это означает.

„Они огромные“, — сказал я, чувствуя, что комок снова поднимается в горле. „И крайне крупные. И громадные. И у них ужасно острые зубы и они обладают магией. Магией намного

большей, чем у Фисбена. Даже чем у Рейстлина, правда, ты его не знаешь, но это не так важно. А белые драконы могут убить, просто дыхнув на тебя. Я знаю это, так как встречал одну драконицу у Ледяной Стены. Они образуют вокруг тебя лед, тверже, чем скала и это убьет тебя".

Мои слова не произвели на Оуэна Глендовера никакого впечатления. Он просто продолжал застегиваться, и лицо его становилось все холоднее и холоднее, так что я даже подумал, что оно не слишком изменится, когда белый дракон дыхнет на него морозом, ведь мне казалось, что оно и так уже заморожено.

„О, Фисбен!" — боюсь, что я даже немного расхныкался, но я на самом деле не хотел видеть Оуэна, отправляющегося в тот конец пещеры. „Останови его".

Но от Фисбена помощи не было. Он снова глядел тем хитрым и лукавым взглядом, от которого я чувствую себя скрюченным. И тихо сказал „Он может это сделать. У него есть Копья".

Лицо Оуэна озарилось радостью. Он стал выше и стройнее. Его светло-зеленые глаза заблестели, наполнившись изнутри прекрасным, величественным, ослепительным светом.

„Да", — сказал он благочестивым голосом, как будто молился. „Паладайн вручил мне эти Копья и теперь отправил сюда, чтобы я смог защитить свою семью. Это работа Паладайна".

Что ж, я хотел рассказать ему, что нет, это работа не Паладайна. Это всего лишь старый, худой и сумасшедший порою маг, из-за которого все мы провалились в эту дыру. Но не стал. Я думал о чем-то более важном.

О Копьях.

Я смотрел на них, лежащих на снегу, и слыша голос Тероса в своей голове. И посмотрел на Оуэна, такого высокого и статного и представлял себе его жену и сына, и как им будет грустно, когда они узнают что Оуэн мертв. Потом я подумал, что если умрет он, то и они наверно тоже. И я снова услышал голос Тероса в своей голове.

Оуэн потянулся и взял одно из копий. Крик вырвался из меня, прежде чем я смог поймать его. (Крик)

„Нет! Оуэн! Ты не сможешь использовать Копья!" — кричал я, схватив его за руку и повиснув на ней. „Они не работают!"

Часть седьмая

В общем, в тот момент произошла целая куча событий. Попытаюсь все рассказать по порядку, но там было все так

запутанно, что я могу и ошибиться.

Оуэн Глендовер посмотрел на меня и спросил „Что?“

Фисбен посмотрел на меня и сказал резко „Ты, глупый кендер! Держи рот на замке!“

Драконид тоже посмотрел бы на меня, если бы мог видеть через стену снега и крикнул „Я слышал это!“

Дракон сдвинулся с места (мы могли слышать его, несмотря на стену) и сказал „И я тоже. Я чувствую теплую кровь! Шпионы! Давай, ящерица, предупреди остальных, а я разберусь с этим.“

БУМ!

Это была голова дракона, ударяющая об стену льда разделявшую нас. (Очевидно, стена была намного толще, чем мы предполагали. За что мы все были очень благодарны.) Гора затряслась, и еще больше снега свалилось на наши головы. Дыра над нами выросла. Правда, это нам не сильно помогло, ведь мы не могли добраться до нее.

Оуэн Глендовер держал Копье и смотрел на меня „Что ты имел в виду, когда говорил, что Копья не работают?“

Я беспомощно посмотрел на Фисбена, который так сердито нахмурился, что я боялся, что его брови слетят с него и упадут прямо на нос.

БУМ!

Это снова была голова дракона.

„Я должен был сказать ему, Фисбен!“ — завопил я. Я говорил так быстро насколько мог, потому как видел, что на детали времени не остается. „Мы подслушали, как Терос Железодел говорил Флинту, что Копья не магические, не специальные и никакие другие. Они — обычные стальные Копья. А затем Терос бросил одно из них в стену и оно сломалось — я это видел“.

Я остановился, чтобы глубоко вдохнуть, так все что я сказал — было сказано на одном выдохе.

Второй выдох я использовал для того, чтобы крикнуть: „Фисбен! Вон твоя шляпа!“

Драконьи удары головой вышибли кусок снега, на котором была шляпа Фисбена, немного грязная, мятая и уж совсем не волшебная. Мне пришлось нырнуть за ней, вытащить и надеть ему на голову.

„Вот она! Сейчас мы сможем выбраться! Давай, Оуэн!“ — и я потянул рыцаря за руку.

БУМ! БУМ! Это была голова дракона. Оба раза.

Оуэн посмотрел на сотрясающуюся стену, (мы слышали, как на другой стороне дракон кричит „Шпионы!“) на меня, на Копья и на Фисбена.

„Что ты знаешь об этом, маг?“ — спросил он. Оуэн был

бледен, и дышал немного забавно.

„Может, Копья и обычные, а может и освящены. Может они испорчены, а может — испорчен ты“, — Фисбен указал пальцем на Оуэна.

Рыцарь сильно покраснел и приложил руку к сбритым усам.

БУМ! В стене образовалась трещина, через которую можно было увидеть часть гигантской морды дракона, белой как кость. Но он не мог просунуть туда свою пасть целиком. Поэтому он отступил и принялся снова ломать лед. (Этот лед оказался намного, намного крепче, чем я предположил вначале. Очень странно).

Оуэн продолжал держать Копье и очень внимательно смотрел на него, будто бы ища в нем трещины. Что ж, мне нужно было бы сказать ему, что их там нет, ведь Терос был отличным кузнецом, даже когда он работал с обычной сталью. Но времени не было. Я сунул шляпу в руки Фисбена.

„Быстрей!“ — кричал я — „Давай! Пойдем, Оуэн! Пожалуйста!“

„Ну, Сэр Рыцарь?“ — спросил Фисбен, надевая шляпу — „Ты идешь с нами?“

Оуэн бросил Копье и выхватил меч.

„Иди“ — сказал он — „Забери кендера. Я остаюсь.“

„Ты дурак!“ — сказал Фисбен — „Ты не победишь дракона мечем!“

„Беги, маг!“ — прорычал Оуэн — „Уходи, пока еще есть возможность“. Он посмотрел на меня и моргнул — „Портрет у тебя“, — мягко сказал он — „Отдай им его. Скажи им…“

Мне никогда не узнать того, что мне нужно было рассказать им, потому как в тот момент голова дракона пробила стену льда.

Пещера, в которой мы оказались запертыми, была слишком мала для дракона, и он мог просунуть только свою голову. Его подбородок проскреб по полу, а злобные глаза страшно смотрели на нас. Он был настолько огромен и величественен и поразителен, что боюсь, я даже позабыл о том, что это не способствует продлению жизни, которая могла бы прекратиться прямо там, но Фисбен схватил меня за шиворот и оттащил меня к противоположной стене.

Оуэн оступился, держа меч и оставив Копья на снегу. Можно сказать, что рыцарь довольно удачно приземлился, несмотря на всепоглощающий страх, распространяемый драконом. В тот момент он видимо понял, что Фисбен был прав. С мечем против дракона сражаться бесполезно.

„Колдуй, Маг“ — крикнул Оуэн — „Отвлеки его внимание!“

„Отвлечь внимание! Ладно!“ — пробормотал Фисбен и

бесстрашно, как мне показалось, вышел из-за меня. (Я тогда был впереди него) и махнул шляпой по направлению к дракону.

„Кыш!“ — сказал он.

Не знаю, понятна ли тебе причина или нет, но дракон не кышнулся. Его это только разозлило. Один его глаз горел, пока снег подо мной не начал таять. Он начал глубоко, очень глубоко вдыхать, и я понял, что когда он выдохнет, мы все останемся тут на веки в виде замороженных статуй.

Свистел ветер и снег завихрился вокруг нас оттого, что дракон всосал весь воздух. И, вдруг, послышалось драконье „Хлоп…“, а в его глазах стоял изумленный и испуганных взгляд.

Он всосал шляпу Фисбена.

Фисбен размахивал ее перед мордой дракона и, видишь ли, когда дракон всасывал воздух, ее вырвало из рук Фисбена и засосало. Шляпа пролетела по воздуху, мимо зубов дракона и „Хлоп…“ — застряла в горле у дракона.

„Моя шляпа!“ — завопил Фисбен и так надулся, что я подумал, что он собирается лопнуть.

Дракон, задыхаясь, хрипя и кашляя, замотал своей головой, пытаясь избавиться от шляпы.

Оуэн стремительно подался вперед, нисколько не думая о том, чтобы по рыцарски поприветствовать противника, что, на мой взгляд, было разумно с его стороны, и воткнул (точнее попытался воткнуть) свой меч в глотку дракона.

Лезвие задрожало и рассыпалось. Дракон набросился на Оуэна, но не мог ничего сделать, кроме как попытаться ударить его головой, так как шляпа все еще мешала дышать. Оуэн отлетел на снег и приземлился рядом с Копьями.

Это было все оружие, какое у нас имелось, кроме моего хупака. Я должен был бы предложить ему взять мой хупак, но в тот момент я про него забыл. Все происходящее было таким захватывающим.

„Спаси мою шляпу!“ — кричал Фисбен, прыгая на месте — " Спаси мою шляпу!»

ТЬФУ!

Дракон выплюнул шляпу. Она пролетела через всю пещеру и врезалась прямо в лицо Фисбена и сбила его с ног. Оуэн поднялся на ноги. Он весь дрожал, его броня болталась, но он поднял Копье и бросил его со всей силой, на которую был способен. Копье ударилось о чешую дракона и рассыпалось на тысячи осколков.

Дракон снова набирал воздух. Оуэн выглядел раненым и поверженным. Он знал, что сейчас умрет, но это его не сильно беспокоило. Из-за мысли о том, что его жена, ребенок и возможно еще и крестьяне тоже умрут, которые дали росток в его сердце.

А затем я, кажется, услышал голос. Это был голос Флинта, и он зазвучал так близко, что я даже оглянулся, ожидая от него, всего покрасневшего и орущего, удара по голове.

«Ты тупица! Ты что, не слышал, что я говорил? Скажи ему то, что я сказал Теросу!»

Я попытался вспомнить и вспомнил это. Я начал бормотать: «Когда ты бросишь это Копье, то именно твоя вера, сила твоих рук и твое зрение будут направлять это Копье в темное сердце злого дракона. Это слова Флинта. Или что-то вроде этого, Оуэн. Я немного изменил текст. Может, я и ошибся!» Я крикнул: «Бросай второе Копье!»

Не знаю, слышал ли он меня или нет. Дракон издавал много шума, а снег завывал вокруг нас. Но то ли Оуэн меня слышал и внял моему (и Флинта) совету, то ли он видел, как шляпа приземлилась на Фисбена и понял, что Копье оставалось нашей последней надеждой. Он взял Копье, но не бросил его. Он побежал с ним, прямо на дракона. И со всей силой воткнул его прямо в горло дракона.

Кровь забила струей, превращая белый снег в красный. Дракон ужасно завыл, замотав головой из стороны в сторону, от боли и ярости. Оуэн налег на Копье, засовывая его все глубже и глубже в дракона. Копье не сломалось, оно было всажено прямо и точно.

Кровь была повсюду, Оуэн был весь в крови, а крик дракона был криком поверженного. Затем дракон издал нечто вроде булькающего звука. Голова упала на окровавленный снег, вздрогнула и осталась лежать.

Никто из нас не двинулся с места. Фисбен был без сознания, Оуэн — измотан битвой с драконом, а я потому, что в тот момент мне не хотелось двигаться. Дракон не двигался тоже, и я понял, что он мертв.

Оуэн припал к земле, тяжело дыша, стирая кровь со своего лица. Фисбен пошевелился, застонал и пробормотал что-то на счет своей шляпы, поэтому я понял, что с ним все было в порядке. Я поторопился помочь Оуэну.

«Ты ранен?» — спросил я с тревогой.

«Нет» — ответил он и, опираясь на меня, нетвердо встал на ноги. Он покачнулся назад, но поймал себя сам и, с трудом дыша, уставился на дракона.

Фисбен открыл глаза и оцепенело смотрел по сторонам. Затем он увидел нос дракона, находившийся в футе от него, завопил, и в панике подпрыгнул и попытался «просочиться» сквозь твердую стену позади него.

«Фисбен», — сказал я ему — «Дракон мертв.»

Фисбен поглядел на его злые, полузакрытые глаза. Тот не двигался, и глаза не моргали. Маг подошел к нему и постучал по морде.

«Похоже на то!» — сказал он.

Оуэн уже немного оправился и перестал использовать меня в качестве опоры. Подойдя к дракону, он взял Копье и резко выдернул его. Пришлось постараться. Копье крепко засело, и было погружено почти по самую рукоятку. Он вытер его об снег, и мы увидели, что наконечник был острым и заточен наилучшим образом и даже нигде не поврежден. Оуэн перевел взгляд с целого Копья на разбитые осколки второго, лежащие рядом с головой дракона.

«Одно сломано, а вторым удалось сделать то, на что ни одно обычное Копье не способно. В чем истина?» — Оуэн выглядел озадаченным и смущенным.

«В том, что ты убил дракона», — сказал Фисбен.

Оуэн снова поглядел на Копья «Но я не понимаю…»

«Любой сказал бы, что ты это сделаешь. Или же, что тебе будет даровано право!» — фыркнул Фисбен. Он напялил свою шляпу и вздохнул. Шляпа больше не выглядела шляпой. Она была вся смятая и в чем-то липком.

«Драконья слюна», — грустно сказал он — «И кто же будет платить за сухую чистку?» — посмотрел он на нас.

Мне стоило бы предложить заплатить, чем бы это ни было, да только денег у меня было не много. С другой стороны, ни Оуэн ни я не в тот момент не обратили на Фисбена внимания. Оуэн начищал хорошее Копье, и когда он с этим закончил, то стал собирать осколки разломанного и тщательно осматривать их. Затем он снова покачал головой и сделал нечто, чего я не понял. Он очень трепетно и аккуратно сложил осколки в одно место, завернул их и обвязал куском кожи, который я нашел для него в одном из моих кармашков.

Я собрал все свое имущество, которое оказалось разбросанным оттого, что я бегал и прыгал во время битвы с драконом. К тому времени как Оуэн уже собрался, я собрался и Фисбен тоже собрался, то осознал, что мы все еще заперты в пещере.

«Вот ведь», — сказал Фисбен, подошел к задней части пещеры, попинал ее немного ногой, и стена обвалилась.

Мы увидели солнце и синее небо, а когда проморгались от яркого света, то увидели что то, что мы принимали за стену ею не было. Это был всего лишь сугроб, и догадываюсь, что мы могли выйти отсюда в любое время, если бы знали, что это был он.

Да уж, Оуэн одарил Фисбена действительно необычным

взглядом.

Фисбен не видел этого. Он запихивал свою шляпу в карман, поднял свои вещи, лежащие на снегу и вышел на солнце. Мы с Оуэном последовали за ним; Оуэн держал копья, а я — свои самые ценные вещи.

«Сейчас», — сказал Фисбен — «Мы с кендером отправимся к Лорду Гунтару. А тебе, Оуэн Глендовер, следует вернуться в свою деревню и встретиться с налетчиками. Нет, нет, не возражай. Ведь я великий и могущественный маг. Я просто перенесу нас к Лорду Гунтару. Это не займет много времени. Драконид убежал предупредить свой отряд. Теперь они будут действовать быстро. Если ты вернешься в логово дракона, то увидишь, что пещера проходит сквозь всю гору, и ты сократишь свой путь вдвое, а угрожать тебе ничего не будет, ведь дракон мертв».

«Нет, нет, с нами все будет в порядке. Я знаю, где найти Лорда Гунтара. И все время знал. Нам нужно было идти влево, а мы забрали вправо» — сказал он.

Я хотел сказать, что все время это говорил, но, похоже, Оуэн был больше озабочен своим путем.

Он попрощался с нами и пожал мне руку очень вежливо и официально. Я отдал ему портрет обратно и объяснил (довольно строго), что если он так много для него значит, то ему стоит получше заботиться о нем. Он улыбнулся и пообещал, что будет. Затем он пожал руку Фисбену, который все это время смотрел на него и на этот необычный путь.

«Пусть твои усы отрастут» — сказал Фисбен, похлопав Оуэна по плечу. — «На счет мой шляпы не волнуйся. Конечно, она уже никогда не будет прежней», — печально вздохнул он.

Оуэн отошел и отсалютовал нам. Я ему тоже хотел отсалютовать, но этот комок внутри снова начал толкать меня, поэтому я стал рыться в поисках платка. А когда нашел (в кармане Фисбена), то Оуэн уже ушел. Комок разросся и превратился бы в рыдание, если бы Фисбен не схватил меня и не устроил освежающую встряску. Затем он погрозил пальцем.

«Тассельхоф Непоседа!» — сказал он, очень серьезно и прямо-таки магически глядя на меня, что сразу привлекло мое внимание, чего, должен заметить, иногда не случается, когда он что-то мне говорит. «Ты должен пообещать мне что никогда, никогда и ни за что и никому не расскажешь про Копья».

«А что с ними?» — спросил я заинтересованно.

Его брови чуть не взлетели прямо в небо и не присоединились к моим, которые, вероятно, были где-то там же.

«Ты имеешь в виду… что… Копья… не… работают?» — предположил я.

«Они работают!» — заорал он.

«Конечно же, да» — поспешно ответил я. Я знал, почему он кричит. Это все из-за его шляпы. «А как на счет Тероса? Вдруг он кому-нибудь расскажет? Ведь он очень честный».

«Терос сам решит» — сказал Фисбен — «Он отнесет Копья на Совет Белокамния, и мы увидим, что он сделает, когда придет туда».

Ну, конечно же, когда Терос придет на Совет Белокамния, а на случай, если ты забыл — это встреча Рыцарей Соламнии, эльфов и еще некоторых личностей, не помню уже каких. И все они готовы убить друг друга, в то время как они должны убить злых драконов, и я пытался объяснить им это, а когда разбил Око Дракона (оно было именно ОКОМ, а не какой-то там травой), то думаю, все были готовы убить меня, когда пришел Терос с Копьями, бросил одно в Белый Камень и расколол его (Камень, а не Копье), поэтому думаю, что он решил, что они работают.

Фисбен вытащил свою липкую шляпу из кармана и аккуратно надел на голову. Он начал что-то бормотать и делать пассы руками, поэтому я понял, что он готовит какое-то заклинание. Я прикрыл лицо и схватил его за рукав.

«А что на счет Оуэна?» — спросил я — «Что если он расскажет остальным рыцарям, о Копьях?»

«Не перебивай меня. Трудное оно, это заклинание». — пробормотал он.

Я замолчал или я хотел замолчать, но слова вылетели из меня и я не смог остановить их — как икоту, которую ты не в состоянии подавить.

«Оуэн Глендовер — рыцарь» — сказал я — «А ведь ты знаешь, как относятся к правде рыцари. Он обязан, чем там обязаны рыцари, рассказать о Копьях другим рыцарям, не так ли?»

«Если он это сделает, то сделает. Он сам решит» — сказал Фисбен. И внезапно у него в руках появилась черная летучая мышь.

«Летучая мышь!» — закричал он на кого-то, но я никого не увидел. «Могло быть и хуже», — пробормотал он, отпуская мышь. «Теперь придется начать сначала».

«Мне немного непонятно», — сказал я, глядя на мышь, улетавшую в пещеру — «Если Оуэн и Терос сами принимают решение рассказывать или нет, то тогда и я тоже должен решать сам. В смысле буду ли я говорить про копья или нет. Работающие.» — добавил я.

Фисбен перестал читать свое заклинание и посмотрел на меня. Брови его распрямились. «О боже! Я думаю, что наконец то понял. Ты абсолютно прав, Тассельхоф Непоседа. Решение будет

твоим. Что скажешь?»

Ну, я думал, думал, думал.

«Наверно они не магические», — сказал я после долгих раздумий, от которых у меня даже волосы заболели. «Возможно магия внутри нас. Но, тогда, если это правда, то не все смогут найти в себе магию, и тогда, если они попытаются использовать Копья и думают, что магия не в них а в копье, то тогда магия, которой в Копье нет, в реальности будет в них самих. И через некоторое время они поймут это — как это понял Оуэн, хоть он и не искал, а они будут искать магию внутри себя, а не снаружи».

У Фисбена появилось такое выражение, которое бывает, когда ты висишь на канате, а кто-то этот канат сильно раскрутил, потом снял тебя с каната, а перед глазами у тебя все идет ходуном и подпрыгивает, если, конечно, тебе когда-нибудь доводилось этим заниматься.

«Пожалуй, я лучше присяду», — сказал он и опустился прямо не снег.

Я тоже присел, и мы поговорили еще, и в итоге он понял, что я хочу сказать. Это было тем, что я не должен никогда и ни за что и никому рассказывать о том, что Копья не работают. И, чтобы уверить его в том, что не скажу про это не слова, я поклялся самым дорогим, чем может поклясться кендер.

Я поклялся свом хохолком.

И могу сказать, здесь и сейчас, для Астинуса и для истории, что я держал свою клятву.

Я бы не был собой без хохолка.

Часть восьмая

Я закончил свой рассказ. Они все сидели на Верхней Галерее, недалеко от бедного Оуэна Глендовера и слушали меня. Это лучшая аудитория, которая когда-либо была у меня.

Танис, Леди Крисания, Лорана, Карамон, сын Оуэна Глендовера и Лорд Гунтар, все они сидели, уставившись на меня, словно были превращены в ледяные статуи дыханием того белого дракона.

Но единственное, о чем я думал — это то, что мой хохолок отсохнет и упадет. Я надеялся, что этого не произойдет, но я все-таки пошел на этот риск. Я просто не мог дать Оуэну умереть, ведь этот рассказ мог помочь ему, только я не знал как.

«Ты хочешь сказать» — сказал Лорд Гунтар, а его усы задрожали, — «Что мы сражались всю войну и рисковали своими

жизнями, думая, что они магические, в то время как это обычная сталь?»

«Ты это сказал» — ответил я, трогая себя за хохолок и думая о том, что я его там не обнаружу — «Не я».

«Терос Серебряная Рука знал, что они обычные» — продолжил он, расходясь — «Знал, что это обычная сталь. Он должен был сказать это кому-нибудь».

«Терос Железодел знал. И он расколол таким Копьем Белый Камень» — спокойно сказала Леди Крисания — «Копье не сломалось, когда он кинул его».

«Да, это правда», — сказал Лорд Гунтар, спасовавший перед этим фактом. Он подумал над этим и снова зло сказал «Но, как напомнил нам кендер, ведь и Оуэн Глендовер тоже знал, и Мера должна была заставить рассказать это на Совете Рыцарей».

«Что я знал?» — спросил голос, и мы все подпрыгнули.

Оуэн стоял посредине кучи из одежд и, несмотря на то, что он выглядел так же плохо, как и после той битвы с драконом, он сумел подняться на ноги сам.

«Вам известна правда, Сэр!» — нахмурившись сказал Лорд Гунтар.

«Я сам дошел до правды. Как я могу решать за остальных? Вот что сказал я себе и вот во что я верил до тех пор, пока… пока…»

«Пока я не стал рыцарем» — закончил Гвинфор.

«Да, сын», — Оуэн вздохнул и подкрутил усы, которые были очень длинными, только они не были рыжими — в основном они были седыми. «Я увидел тебя с Копьем в руке и снова увидел Копье, первое Копье, которое я бросил, и которое рассыпалось передо мной на осколки. Как я мог отпустить тебя на битву со злом, зная, что оружие, от которого зависит твоя жизнь — обычное. И как я мог сказать тебе это? Как я мог уничтожить твою веру?»

«Вера, которую ты боишься уничтожить в сыне, находится не в Копье, а в тебе самом, не так ли Сэр Рыцарь?»

«Да, Праведная Дочь» — ответил Оуэн — «Теперь я это понял, выслушав историю кендера. Которая», — добавил он, сглотнув — «не совсем точна».

Танис строго посмотрел на меня.

«Все было так, Танис!» — беззвучно сказал я ему. Мой хохолок, кажется, отваливаться не собирался, и я планировал и дальше сохранить его.

«Это моя вера меня подвела, когда я бросал в первый раз», — сказал Оуэн — «А во второй раз мое сердце и мои намерения были чисты.»

«Так же как будут и мои, отец» — сказал Гвинфор — «Так же как будут и мои. Ты должен был сказать мне раньше».

Гвинфор обнял отца. Оуэн крепко сжал сына, хоть это и непросто было сделать, учитываю всю ту броню, которая была на него одета, но они справились. Лорд Гунтар, похоже, подумал по началу, что сходит с ума, но потом, чем больше он об этом думал, тем больше я в этом сомневался. Он подошел к Оуэну, и они пожали друг другу руки и обнялись по-дружески.

Лорана пошла за Теросом, который, как ты помнишь, вышел. Он был ужасно угрюмым и мрачным, когда вошел, так как думал, что все будут орать на него. Но он расслабился, когда увидел улыбающегося Оуэна, и что мы все тоже улыбаемся, и даже Лорд Гунтар улыбался так широко, как никогда, скорее всего, просто из-за дрожащих усов.

Они решили продолжить церемонию по поводу Создания Копья, но это уже не было «спектаклем», как сказал Танис, когда думал, что Лорд Гунтар его не слышит. Это было тем самым временем, когда рыцари перепосвящали себя чести, храбрости, благородству и самопожертвованию. И сейчас это значило больше, чем когда-либо.

«Будете сообщать им правду о Копьях?» — спросила Лорана.

«Какую правду?» — спросил Лорд Гунтар и поглядел таким же лукавым и хитрым взглядом, как и Фисбен. «Нет, не буду. Но я собираюсь убедить Оуэна рассказать им свою историю».

И они с Оуэном и Гвинфором вышли (Оуэн очень вежливо со мной попрощался) и направились к Гробнице Хумы, где находились все остальные рыцари, приготовившиеся поститься, молиться и перепосвятить себя.

«Его история!» — сказал я Танису. «Она такая же его, как и моя и Фисбена».

«Ты абсолютно прав, Тас» — сказал Танис серьезно. Одним из его качеств, которое мне нравится — это то, что он всегда серьезно ко мне относится, — «Это твоя история. Я разрешаю тебе спуститься в Гробницу Хумы и рассказать ее самому. Уверен, что Лорд Гунтар поймет».

«Это точно лучше бы для него» — сказал я важно.

Я уже собрался спуститься в Гробницу Хумы, так как был уверен, что Оуэн опустит множество самых интересных моментов, когда к нам подошел Карамон.

«Чего-то я не понял», — сказал Карамон, и на его лице можно было увидеть сложный мыслительный процесс — «Так Копья работают или нет?»

Я посмотрел на Таниса. Танис посмотрел на меня. Затем он положил руку на плече Карамона.

«Карамон», — сказал он — «Я думаю, нам стоит немного поговорить. Мы использовали копья и выиграли с их помощью войну. И, видишь ли…»

Они ушли, разговаривая. Я надеялся, что Карамон поймет правду о Копьях, однако я думал о том, что более забавно то, что он только что поймал насморк Таниса.

Я оказался предоставленным самому себе, и я уже снова собирался спуститься в Гробницу Хумы, когда внезапно меня посетила мысль.

Гробница Хумы. Снова.

Не поймите меня неправильно, если вы рыцарь и читаете это. Гробница Хумы — это прекрасное, священное, скорбное и чувствуешь-печаль-пока-не-почувствуешь-себя-лучше место.

Но я уже насмотрелся на него достаточно для одной жизни.

Тут я услышал чих Таниса и подумал, что ему наверно нужен носовой платок, который он оставил у меня в кармане, поэтому я лучше решил сходить отдать его Танису.

И еще я подумал, что Оуэн Глендовер должно быть ищет портрет, который он опять умудрился потерять. Я собрался вернуть ему потрет… когда он покинет Гробницу Хумы.

МЕРТВЫЙ ДРАКОН НА ДОРОГЕ (а также другие трудности, которые были преодолены при написании первой книги) Вспоминает Джин Блашфильд Блэк

Да, это было нелегко… Вот некоторые из проблем.

1. Убедить начальников из TSR, что можно издавать не только игровые пособия, но и художественные книги.

К счастью, первые два шага были уже сделаны, Трэйси Хикмэн и его когорта уже получили заказ на разработку модулей для AD D с определенными параметрами. И, кроме того, TSR решила сама заняться книжным бизнесом. Хотим конкурировать с большими парнями? Конечно! Только число встреч и разговоров по этому поводу наверняка помогло пробить такую сумасшедшую идею.

2. Найти автора. По странной иронии судьбы я совсем недавно наняла Маргарет Уэйс редактором в книжный отдел. Я знала, что не ошибусь, когда пригласила ее приехать в Лейк-Женеву, штат Висконсин, но не думала, что все так прекрасно получится. Вместе мы разработали проект, в котором предлагали принять участие известным авторам, хотя заранее знали, что они откажутся. Да кто из них слышал о TSR как об издателе? А между тем мы получили несколько ответных материалов… но это нам не подошло. Писатели совершенно не понимали наших сюжетных линий и персонажей. Но у нас уже был запланирован роман на осень… точно, осень 1984 года.

Что делать? Без моего ведома Маргарет и Трэйси потратили один из уик-эндов на написание первых глав. Утром в понедельник они нерешительно мялись в моем офисе.

«Ты только прочитай» — вот что они сказали в итоге.

Моей первой мыслью было: «Боже, как сказать им, что это плохо и никуда не годится?» Весь день, занятый встречами, я думала об этом. Наконец вечером, уложив детей спать и отправив мужа на деловую встречу, села читать. И — нечего сказать — они достигли того, что нам было нужно.

3. Однако шел уже март, а рукопись нужна была к июню. А у них обоих был полный рабочий день, после которого необходимо было идти домой и что-то писать. Да еще и корректировать совместное творчество, ведь каждый уже давно имел

сложившийся взгляд на «Dragonlance». К счастью, оба они трудоголики, поэтому справились. К июню у меня была рукопись «Dragons of Autumn Twilight» («Драконы осенних сумерек») на полторы тысячи страниц.

4. Предотвратить попытку Трэйси уничтожить все копировальные машины в здании, когда он хотел эти полторы тысячи страниц размножить. Особенно когда узнал, что в Англии тоже заинтересовались проектом…

5. Урезать полторы тысячи страниц до пределов, допустимых в издании такого формата. Вот тут я была в восторге — первый раз редактура приносила мне удовольствие. Мне помогала Маргарет, и итог был великолепен! Осталось лишь сократить большие куски, хотя и на это приходилось идти с тяжелым сердцем.

6. Убедить наших юристов в том, что «Сага о Копье» и «Драконье Копье» в книге может встречаться без значка копирайта. Они хотели, чтобы было так: «Хума мрачно посмотрел и положил Драконье Копье® к ногам».

Ужас!

7. Окончательное издание и отправка книг в магазин. Вроде задача простая, но в TSR нам сказали: «А кто такие Маргарет Уэйс и Трэйси Хикмэн?» И отложили издание. Мы этого не знали. А фанаты тщетно рыскали по магазинам и складам, но никто даже не слышал о похожих книгах!

Маргарет психанула, а я предложила позвонитьв любой книжный магазин Канзас-Сити и выяснить, что происходит.

Там сказали, что книг нет, но есть запросы на них. Маргарет тоже потребовала их, а потом сделала еще несколько звонков. И что вы думаете? Проблема решилась, а тут еще и англичане (см. выше) решили все-таки купить права. Их совершенно не волновало, что на полках магазинов появятся книги неизвестных авторов, и «Dragons of Autumn Twilight» в итоге появилась почти одновременно в Англии и Америке.

8. Когда пришел первый успех, все опасались, что Маргарет и Трэйси уйдут из TSR и начнут самостоятельную карьеру как романисты. Но этого не случилось, и созданный ими удивительный мир до сих пор радует читателей!

Джин Блашфильд Блэк — главный редактор книжного департамента TSR, в настоящий момент разрабатывает серию из шести книг по геологической истории Северной Америки. Редактор более ста книг для юного поколения.

ВЕРЗИЛА И МАЛЫШ
Маргарет Уэйс и Дон Перрин
(Впервые опубликовано в антологии «The Dragons of Chaos» — «Драконы Хаоса»)

Они называли себя мастер Верзила и мастер Малыш. Мы знали, что это не настоящие имена, но настоящие нас и не интересовали — мы приняли их за простых фермеров из Гудлунда, которые ищут, к примеру, потерянную копну сена.

В конце концов — их дело, как называть себя.

Мы просто жили себе потихоньку в Гудлунде — пока незнакомцы не тревожили нас, мы тоже их не беспокоили. Я, лорд-мэр Гудлунда, побывал во многих местах, но никогда не видел ничего милее родной долины.

Верзила был, пожалуй, самым высоким человеком из всех, кого когда-либо видел я, да и остальные тоже. Когда он входил в таверну, то вынужден был не только нагибать голову, но и сгибаться пополам, иначе легко мог разнести в щепки ветхое здание. Единственная таверна, которая могла бы легко вместить мастера Верзилу, находится в Утехе, но я постоянно забываю ее название.

Мы сразу смекнули, что в жилах Верзилы есть частица эльфийской крови. В Гудлунде ничего не имеют против эльфов, как не возражают против любого, кто любит добрую шутку, кружку эля и трубку с крепким табачком. А если еще и шахматы, то… Впрочем, я забегаю вперед.

Нашу долину люди прозвали Краюхой Хлеба, по ней широко раскинулись три города: Фэйрфилд на севере, Саннивал на юге и наш Гудлунд на западе. На востоке высится горя Благодетельная, с вершин которой стекают потоки кристально чистой воды. Из-за нее и самого большого числа солнечных дней на всем Ансалоне кажется, что наши фермы действительно благословлены Богами. Мы производим столько продуктов, что с излишком хватает не только самим, но и всем близлежащим землям.

Этим летом нас напугали рассказы об ужасной засухе, поразившей некоторые части континента, поэтому я отправился в Северный Эргот и своими глазами увидел все. Ужас! Пшеница гибнет на корню, ручьи пересохли и заросли травой. Вернувшись, я первым делом отправился к Благодетельной и осмотрел горные

потоки, убеждаясь, что у нас по-прежнему все в порядке.

Нынешний урожаи обещал быть не менее богатым, чем в прошлом году и фермеры начали обсуждение, как распределить припасы между пострадавшими землями, что останутся без еды на зиму.

Близилась пора жатвы.

Два незнакомца прибыли к нам в конце лета. Они вошли в таверну и, потребовав табака и эля, вежливо выпили за здоровье хозяина заведения, ответившего им тем же. Затем, заметив на мне золотую цепь и поняв, кем я являюсь, они обратились ко мне.

— Лорд-мэр, — сказали они, — мы пьем за ваш прекрасный город и его обитателей.

Я был рад в ответ поднять собственную кружку:

— И за ваше здоровье, друзья!

Они действительно были славные парни, несмотря на свои странные прозвища и загадочные взгляды. Первый, как я уже отмечал, был очень высок и скуласт, что наводило на мысль об эльфах. С копной серебристо-седых волос, темными глазами и тонкими пальцами, он был очень изящен, особенно когда улыбался необыкновенной, грустной улыбкой.

Второй незнакомец, Малыш, несомненно, тоже был больше человеком, хотя и с примесью гномьей крови. Это был самый невысокий парень из виденных мной — ниже большинства кендеров. Но на его груди бугрились узловатые мышцы, делавшие ее похожей на пивную бочку, а кулаки выглядели готовыми проломить скалу, если бы Малышу пришло в голову нечто подобное. Когда он передвигался, из-под его одежды слышалось тихое звяканье, намекая на кольчугу, с которой он не расставался. Сам по себе этот факт не очень настораживал, учитывая слухи о войне где-то на северо-западе Халькистовых гор. Там, похоже, всегда зрела напряженность и гремело оружие.

Будучи не только лорд-мэром, но и владельцем наибольшего количества мельниц в долине, я посчитал себя вправе произнести небольшую приветственную речь и поинтересоваться, что привело незнакомцев к нам — дело или удовольствие?

— И дела, и удовольствие, лорд-мэр. — Мастер Малыш не спеша поставил перед собой стул и взобрался на него, чтобы все могли его видеть. — Вы, добрые люди Гудлунда, несомненно, задаетесь вопросом, зачем мы прибыли в вашу плодородную долину. Мы прослышали про ваш превосходный эль, добрый нрав и… — Тут он сделал эффектную паузу. — Мы также слышали, что вы считаете себя самыми лучшими шахматистами на Ансалоне!

— Что значит «считаете»? — заорал один из фермерских приказчиков, и все дружно расхохотались.

Как я упоминал, мы, в Краюхе Хлеба, имеем одну всепоглощающую (не считая фермерства) страсть.

Это игра в шахматы.

Шахматная доска стоит в любом доме и таверне, имеется даже огромная доска на главной городское площади, где проводятся ежегодные соревнования. У нас есть детские шахматные клубы, Лига игроков-женщин, Лига игроков-мужчин, Лига игроков обоих полов, Ассоциация шахматистов, Гильдия шахматистов и еще много подобных организаций. Наши игроки отправлялись в самые дальние уголки Ансалона, чтобы принять участие в различных турнирах. Мы даже были вынуждены, выстроить особое помещение для всех трофеев. Мы не просто думали, что мы самые лучшие, — это действительно было так.

Но Малыш лишь поклонился и продолжал:

— По этой самой причине я и мастер Верзила прибыли в Гудлунд. Пить эль, смотреть на изобильную жизнь, а также бросить вызов каждому! Ибо мастер Верзила полагает себя лучшим игроком в шахматы на всем Кринне!

— Прекрасно! — воскликнул я и потянулся за лежащей неподалеку доской. — Как лорд-мэр, я буду играть первым, и немедленно!

Малыш поднял руку, загорелую и покрытую мозолями, совсем не подходившими шахматисту. Скорее — мечнику.

— Ах, игра в таверне, теплая и дружеская, — не совсем то, что мы имели в виду. Шахматы для Верзилы и меня — способ заработать на жизнь… — Мастер Малыш сказал эти слова, как бы извиняясь за собственную слабость, а мастер Верзила печально кивнул. — Если вы придете к нашим шатрам, которые мы разбили неподалеку от Урожайной ярмарки, то мы будем к ваши услугам. Поверьте, мы вас не разочаруем!

К сожалению, на следующий день я занимался делами и не смог сразу пойти на ярмарку, но многие из горожан отправились туда незамедлительно. Потом и я присоединился к ним.

Шатры незнакомцев были сделаны из дорогого красного, белого и золотого шелка, два из них — небольшие, предназначенные для проживания, а третий — огромный, открытый со всех сторон. Там стоял большой стол и два стула. Глядя на маленький шатер, я не мог не задаться вопросом, поджимает ли ноги Верзила во сне, — шатер не выглядел настолько длинным, чтоб полностью вместить его.

Стол был большой, приблизительно три фута в диаметре, прочно стоящий на четырех опорах. Прямо на его столешнице темными и светлыми породами дерева были выложены клетки для игры. Один из стульев уже занимал мастер Верзила,

поджидая соперника.

Кроме расставленных фигур рядом на столе покоилось небольшое медное блюдо. Честно говоря, его я заметил позже — сначала не мог оторвать глаз от потрясающих фигурок. Это были самые удивительные, самые ценные и великие шахматы из всех, какие доводилось видеть собравшимся. Мы в основном играли деревянными фигурами, хотя некоторые модники имели каменные наборы из Торбардина или стальные из Палантаса. Но все как обычно — короли, королевы, рыцари…

Эти шахматы были другими — они состояли из фигурок драконов, сделанных не из дерева или камня, а из драгоценных минералов и самых редких металлов, встречающихся на Ансалоне. Дракон-Паладайн, управляющий стороной Света, был отлит из золота, да так искусно, что я мог разглядеть каждую чешуйку. Под лучами солнца фигура сияла. Рядом с Паладайном стояла серебряная драконица, прекрасная до слез.

Напротив располагалась сторона Тьмы. Над Другими фигурками возвышалась пятиглавая многоцветная драконица из множества драгоценных камней. Грани искрились, ослепляя. Рядом разевал пасть черный дракон из редкого опала. Остальные фигурки были не менее великолепны — туры представляли собой драконов, обвившихся вокруг башен, рыцари — драконов с крошечными наездниками на спинах. Золото, платина, алмазы, изумруды, сапфиры, рубины…

Возможно, Король-Жрец Истара и оценил бы ценность подобных шахмат, а я лишь утирал слезы восхищения. Люди вокруг тоже прослезились и не скрывали восхищенных реплик.

Мастер Малыш выждал, пока собравшиеся немного успокоятся, затем объявил:

— Вот наши условия. Каждый, кто хочет играть, платит одну стальную монету за привилегию сразиться с самим мастером Верзилой. Кто выигрывает — забирает себе вот этот великолепный набор!

Я не поверил ушам и с трудом перевел взгляд от фигурок на Малыша и Верзилу.

— Вы серьезно это говорите?! — решительно воскликнул я.

— Абсолютно, лорд-мэр, — кивнул мастер Малыш.

Я, как и все присутствующие, запустил руку в кошелек и вытащил деньги. Сталь загрохотала по медному блюду. Затем мы написали наши имена на клочках пергамента и опустили их в шляпу мастера Малыша, чтобы определить первого счастливчика.

Выпало имя — Боммон.

Я не мог не сдержать стон разочарования: у Боммона, одного из наших чемпионов, были целые полки призов.

— Что ж, друзья, мы можем идти домой, — сказал я. — Боммон выиграет этот великолепный набор.

Но никто не сдвинулся с места, все замерли, приготовившись наблюдать.

Боммон выбрал сторону Тьмы, но не сразу смог заставить себя прикоснуться к чудесным фигуркам, покоренный их красотой. Он успокоился с большим трудом, затем сел и приступил к игре.

Почти три четверти часа Боммон и мастер Верзила делали осторожные ходы. Все напряженно за ними наблюдали, кроме мастера Малыша — его игра совершенно не интересовала. Он собрал деньги с подноса и унес их в шатер, затем не спеша отполировал свой меч, потом вынес и разложил для продажи несколько прекрасных шахматных наборов, хоть и не таких великолепных, какие были в игре.

Мастер Верзила внезапно двинул своего серебряного дракона и, улыбнувшись, откинулся на стуле, словно показывая — игра окончена. Мне пришло в голову, что он так и не сказал ни слова с тех пор, как пришел в город. Боммон изучил положение на доске и поник головой.

— Эх, ты прав, мастер Верзила… я проиграл… — Затем Боммон улыбнулся. — Но, знаешь, это была самая лучшая партия в моей жизни! Я навсегда запомню наши ходы, особенно когда твой рыцарь вышел мне во фланг! Это было просто блестяще!

Мастер Верзила улыбнулся и показал рукой на блюдо, словно приглашая его кинуть монету и начать новую партию.

— Эх, сегодня не получится, много работы, — развел руками Боммон. — Но может быть, завтра?

— Завтра в любое время! — протиснулся вперед мастер Малыш, звякая блюдом.

Боммон бросил жадный взгляд на шахматы, но встал и поплелся прочь. Все зрители обменялись взглядами — каждый горел желанием вступить в бой.

Наступила моя очередь, и, потирая руки, я уселся за стол. Мастеру Верзиле потребовалось пятнадцать минут, чтобы разделаться со мной. Один за другим наши лучшие игроки уступали непревзойденному мастерству, но никто не считал потраченную сталь. В тот день мы разошлись по домам лишь для того, чтобы лучше подготовиться к завтрашнему сражению.

Весть о вызове мастера Верзилы разлетелась по долине.

На следующий день я выстоял очередь из пятнадцати человек, мужчин и женщин, а в конце недели мастер Малыш вынужден был раздавать пронумерованные билеты и составлять графики. Плотная толпа наблюдала за игрой в мертвой тишине,

нарушаемой только звоном монет о блюдо.

Вся ярмарка сдвинулась с места и окружила три шатра игроков. Вдова Пек продавала свежие фрукты проголодавшимся, а уважаемый Йохансон за три стальные монеты составлял безусловно выигрышные стратегии.

Игроки находились в хорошем настроении.

— Сегодня точно мой день, мастер Верзила! — кричала Бикон.

— Играешь только до моей очереди! — вторил ей Отто Смити. — Потом твоим набором буду владеть я!

Началась первая игра.

Ее мастер Верзила выиграл за шесть ходов, после чего противник, парень из Гильдии Портных, пожал ему руку:

— Боюсь, сегодня я не в форме, а ты действительно лучший шахматист из виденных мной. За одним исключением…

Пораженный Верзила поднял голову, а сбоку подскочил Малыш, закричав:

— И кто же он? Не ответит ли мой добрый господин?!

— Мы зовем этого парня Черноногим и почти ничего не знаем о нем. Он давненько не бывал в наших местах, этим летом его уж точно не было. Говорят, он живет в горах и спускается в долину лишь ради игры. Он грубиян и одиночка, но истовый поклонник шахмат. Кроме того, несомненно, он играет не хуже мастера Верзилы.

Мастер Верзила действительно казался чрезвычайно расстроенным этим замечанием — он нахмурился и водил по доске пальцем взад-вперед. Мастер Малыш хлопнул себя по штанам и воскликнул, смягчая ситуацию:

— Прекрасно, портной! Вот пусть этот Черноногий и приходит на поединок! Тогда и посмотрим на него!

Было бы действительно прекрасно, сам я один раз играл с ним, и он победил меня за три хода, применив никогда прежде не виденный гамбит. С этого дня все мы в Гудлунде начали высматривать Черноногого, надеясь на БОЛЬШУЮ ИГРУ.

— Следующий! — крикнул мастер Малыш.

На стул уселась высокая женщина в потрепанных сапогах и поношенных штанах. Мастер Верзила поклонился и начал игру, которую выиграл на двадцатом ходу. Женщина встала и молча ушла.

Игры потекли одна за другой. Мастер никогда не прерывался, даже не обедал. Малыш болтался неподалеку, занимаясь торговлей, которая шла весьма бойко, некоторые покупали шахматные наборы только для того, чтобы занять себя во время ожидания в очереди. К концу дня Верзила победил семнадцать

противников, а очередь и не думала уменьшаться. Малыш подошел и обратился к пятидесяти ожидающим:

— Уважаемые, поединки возобновятся завтра, после восхода солнца! Ваша очередь сохранится, а если вы не сможете прийти, передайте билеты тем, кто займет ваше место! Естественно, мы возместим все потери!

Удивительные фигуры на столе пылали и искрились в лучах заходящего солнца, проникавшего в шатер. Многие не уходили, просто чтобы полюбоваться подобной красотой подольше. Никто не вернул билеты, настолько потряс горожан удивительный навык мастера Верзилы.

Следующий день был повторением предыдущего, если не считать того, что многие остались ночевать рядом с гостями, если судить по примятой траве.

Мастер Верзила немедленно принялся за работу и уже к полудню победил одиннадцать игроков. Казалось, его темп лишь ускоряется. Двенадцатый игрок, десятилетний Зен Виллер, поинтересовался после партии:

— А почему вместо привычных королей и королев в твоем наборе одни драконы, мастер?

Верзила бросил грустный взгляд в сторону Малыша, и тот поспешил ответить:

— Мудрый вопрос, сынок… Мастер Верзила и я полагаем, что силы Добра и Зла влияют больше на драконов, чем на людей. Драконьи мощь и сила, интеллект и мудрость делают их более логичными фигурами на доске, разве не так?

Зен невразумительно пожал плечами — вопросы философии волновали его гораздо меньше желания победить. Он сделал первый ход и на четвертом был вынужден признать поражение.

— Думаю, мне нельзя уже переходить вот той пешкой? — с тоской сказал мальчик и указал на драконида из черного алмаза.

Мастер Верзила покачал головой, и Зен, вздохнув, убежал играть к приятелям.

Через два дня мастер Верзила нанес поражение всем, кто желал сразиться с ним. Он недавно перевалил через сотую победу, когда в очереди и вокруг вдруг возник шум и поднялось удивленное перешептывание. Я стоял у палатки вдовы Пек, поэтому удивленно повернулся посмотреть на неожиданную суету.

С ближайшего холма спускался человек, одетый во все черное, включая штаны из дорогой кожи и сапоги.

— Черноногий! — возбужденно загомонили все.

С тех пор как мы дали подобное прозвище, никто не поинтересовался его настоящим именем. Черноногий спокойно

подошел и встал последним в очередь, небрежно кинув на поднос мастера Малыша стальную монету.

Любопытный гомон летал по толпе, несколько мальчишек понеслись в город, чтобы рассказать об удивительной новости. Прошло совсем немного времени, и почти все, кто мог ходить, побросали дела и потянулись на ярмарку. Мастер Верзила, видимо, ждал предстоящей игры с не меньшим волнением, чем остальные. Он не сводил глаз с Черноногого, побеждая соперников механически.

Даже мастер Малыш выказал признаки возбуждения — он прекратил торговлю досками и полировал меч с такой яростью, что скоро в клинок можно было смотреться не хуже, чем в зеркало.

Черноногий невозмутимо ждал собственной очереди, он ни с кем не разговаривал и вообще был нелюдимым парнем. У него были холодные черные глаза, бледная кожа и липкие ладони. Фактически мы всегда бывали рады, когда он убирался обратно в горы. Сам я несколько раз намекал, что в других городах долины не хуже, но Черноногий утверждал, что в Гудлунде ему нравится больше всего. Это все же так лестно, зачем было спорить?

Но я был рад, что Черноногий сыграет с мастером Верзилой.

Вот и до него дошла очередь, он шагнул вперед и уставился на драгоценную доску. Я видел, как у него порозовели вечно бледные щеки. В отличие от остальных, он не просто хотел эти фигуры — он жаждал, вожделел их! Его протянутая рука коснулась головы пятиглавой драконицы и с тоской упала вдоль туловища.

— Верно ли, — начал он замогильным тоном, от которого у меня мурашки поползли по спине, — что эти прекрасные шахматы достанутся тому, кто победит тебя?

— Абсолютно верно, господин, — поклонился мастер Малыш.

Черноногий сел на стул, и мастер Верзила выпрямился на своем. Малыш прекратил заниматься полировкой и с беспокойным выражением на лице встал рядом с другом, чего не делал никогда прежде. Мастер Верзила выглядел мрачным, — несомненно, они боялись потерять свои чудо-шахматы.

Черноногий начал атаку, смело двинув рыцаря вперед. Мастер Верзила кивнул, затем посмотрел на мастера Малыша, чего тоже не делал никогда прежде. Малыш одобрительно кивнул. Верзила надолго задумался, потом произвел ответное движение на фланге с турой.

Черноногий фыркнул и приготовился к затяжной игре, которая действительно продолжалась более чем тридцать ходов без заметного преимущества какой-либо из сторон.

Наблюдающая толпа превратилась в тихое старое кладбище.

Игра достигла пятидесятого хода, и перевес начал склоняться в пользу претендента. Мастер Верзила был необычайно взволнован, его рука дрожала, когда он приготовился делать ход золотым драконом. Мастер Малыш обильно потел и казался все более растерянным. Верзила вновь кивнул партнеру, затем двинул золотого дракона.

Черноногий тихо рассмеялся и переместил собственную пятиглавую драконицу в убийственную позицию:

— Тебе шах и мат, мастер Верзила!

Слитный вздох пронесся по толпе горожан — только что мы наблюдали игру, о которой будем говорить до конца жизни. Но, кроме того, позорно было сознавать, что именно мерзкий Черноногий станет теперь владельцем изумительных шахмат.

Мастер Верзила сидел на своем стуле, бледный и измученный, мастер Малыш, казалось, впал в ступор, он лишь бессильно шевелил ртом.

— Выходит, я все же лучше тебя, мастер, — искоса глянул на него Черноногий. — А теперь я был бы тебе очень обязан, если бы ты передал мне приз.

Все мы ждали какого-то чуда, которое позволило бы Верзиле вдруг сделать последний гениальный ход и выиграть партию, но ничего не происходило. Он медленно окинул взглядом доску и поднялся, поклонившись противнику.

— Все верно, я проиграл… — Верзила дернул рукой в сторону Малыша. — Принеси коробку, мастер, нам надо уложить шахматы.

— Да упаковывай получше! — прикрикнул Черноногий противным голосом. — Мне далеко идти, и я не хочу повредить приз.

Мастер Малыш изо всех сил душил рыдания, рвавшиеся из груди, и, едва волоча ноги, направился в шатер. Верзила оперся на стол, словно мог упасть, а прощально гладил фигуры, ласково прикасаясь к ним.

Я должен был отвернуться — слишком сильная боль исказила его лицо. Время шло, а мастер Малыш не появлялся, что вынудило Черноногого забеспокоиться.

— Не думаешь ли ты отказаться от уговора, а, мастер Верзила? — бледнея от гнева, спросил он. — Тогда оставь себе футляр, обойдусь без него!

Он протянул руку к фигурам, намереваясь рассовать их прямо по карманам, когда Малыш вышел из шатра. Некоторые из тех, кто стоял рядом, испуганно вздрогнули и бросились в стороны, остальные, наоборот, постарались придвинуться, чтобы

разглядеть его получше.

Вместо футляра мастер Малыш держал в руках обнаженный меч. Сам он оказался закованным в полный рыцарский доспех, сияющий серебром, со знаком Ордена Розы на груди. Малыш медленно приблизился к Черноногому, который презрительно смотрел на него.

— Что это значит? Нарядился на дурацкий праздник?

Мастер Малыш вскинул меч в благородном приветствии:

— Я сэр Майкл Широкоплечий, Рыцарь Розы. Кодекс и Мера требуют от меня противостоять Злу везде, где я его встречу. Это мое предназначение, а потому, Черноногий, или как там тебя, готовься к бою! Вызываю тебя на поединок!

Черноногий удивленно уставился на сэра Майкла, который едва доставал ему до пояса, потом принялся смеяться.

— Ты, мелкая карла! — захлебывался он. — Убери меч подальше, пока не порезал кого-нибудь!

Я смотрел на мастера Верзилу, надеясь, что тот выручит друга в затруднительной ситуации, но он лишь улыбался краем рта. Как лорд-мэр, я должен был вмешаться, поэтому решительно вышел вперед:

— Слушай меня, мастер Малыш! Господин Черноногий выиграл спор, это была великая игра. Позорно утерять такие изумительные фигурки, но вы сами предложили их в качестве залога!

Сэр Майкл поклонился мне:

— Лорд-мэр, примите мой совет убедите своих людей скорее покинуть это место и укрыться в домах.

— Но, в самом деле, уважаемый господин…

Тут я замер. Черноногий мерил рыцаря взглядом, в котором было столько ненависти, что я пожалел, что не нахожусь сейчас с другой стороны горы Благодетельной, верхом на добром коне. Я медленно отступил к палаткам ярмарки и начал:

— Дамы и господа, думаю, совет, прозвучавший здесь, весьма ценен и надо следовать ему! Особенно женщинам с маленькими детьми!

Вокруг расползалось чувство страха, сырого и темного, как туман накрывая собой солнечный день. Дети испуганно разревелись, я сам едва держался, чтобы не закричать от ужаса. Как лорд-мэр Гудлунда, я не мог оставить ярмарку. Рядом задержалось еще несколько уважаемых горожан, остальные рванулись что есть сил в сторону города с криками и паническими воплями.

Все это время Черноногий не двинулся с места, держа в руках золотого дракона и переводя взгляд с Верзилы на Малыша и

обратно.

— Тебе бросили вызов, — холодно сказал сэр Майкл, отбрасывая ножны в сторону, — бейся или умри на месте, создание Зла.

Черноногий внезапно швырнул в рыцаря фигурку, но сэр Майкл поднял руку и отбил ее в сторону.

— Да, я создание Зла, маленький рыцарь, — прорычал Черноногий, — но совсем не такое, какого ты ожидаешь! У меня есть сюрприз для тебя, сэр Майкл!

Черноногий коснулся кольца на пальце, и внезапно его внешность начала стремительно меняться.

Он начал быстро расти.

Еще мгновение назад Черноногий был чуть повыше меня, а теперь уже стал больше самого огромного шатра, его одежда таяла, превращаясь в чешую! Огромные крылья распахнулись за спиной, лицо вытягивалось, превращаясь в морду, ставший пастью рот открылся, демонстрируя страшные клыки; глаза вспыхнули красным, как рубины шахматных фигурок; черный хвост нервно дергался, свиваясь кольцами.

— Вот мое истинное лицо! — объявил Черноногий, наслаждаясь всеобщим ужасом.

Огромный черный дракон, прежде бывший человеком, еще не закончил трансформацию, но теперь ни у кого не оставалось сомнений в конечном результате: из жуткой пасти разило кислотой, крылья закрывали солнце. Последние храбрецы с визгом кинулись кто куда. Я бы тоже убежал, но ноги отказались служить мне.

Черный дракон! Мы предоставили кров и стол в своей долине черному дракону!

— Все вы обречены! — зашипел Черноногий. — И как такой карлик собирается бороться со мной?

Я подумал, что еще мгновение, и он перерастет самые высокие дубы в округе и кислотный шквал обрушится на нас. А потом… потом…

— Ты должен был биться со мной в образе человека, — сообщил сэр Майкл. — Я дал тебе такой шанс.

Он бросился вперед, на еще не закончившую превращение тварь. Если бы его меч коснулся Черноногого, тот умер бы мгновенно, но, ударившись о черную чешую, он лишь бессильно отскочил. Дракон ударил рыцаря лапой в грудь, и сэр Майкл отлетел назад, ударившись о стол с шахматами и разбив тот вдребезги. Фигурки раскатились вокруг него, как лепестки роз, что рассыпают над могилами павших рыцарей.

Мастер Верзила упал на колени рядом с другом, стараясь

привести его в чувство.

— Я не ранен! — Сэр Майкл задыхался, но не оставлял попыток встать на ноги. — Ты должен… Остановить его! Не дай… не дай ему расти дальше!

Разумные слова.

Дракон продолжал раздуваться с каждым мигом, вот уже и крылья развернулись во всю мощь, чешуя заполнила все уязвимые места, становясь толстой и непробиваемой.

Мастер Верзила вскочил на ноги и, вскинув правую руку, выкрикнул единственное слово. Звук его голоса прозвучал для нас как зов серебряной трубы, что приносит спасение. Я не разобрал, что именно он сказал, но на мгновение мне полегчало, — несомненно, это было одно из тайных слов власти.

Оно ударило Черноногого как копье. Тот задрожал и заскрежетал зубами — заклинание поймало его в ловушку между формами, он уже не был человеком, но еще не стал настоящим драконом. Тварь выла и старалась дотянуться до мастера Верзилы когтями, но тот предусмотрительно держался на безопасном расстоянии. Теперь Верзила принялся напевать все более странные слова и кружиться вокруг дракона, напряженно следящего за его усилиями полыхающими красными глазами.

Мастер делал руками странные движения, словно сплетая цепь ила шнур, видимый только ему. Человек-дракон оказался плотно схвачен, как цыпленок, что высунул из яйца голову только наполовину и застрял.

Длинная шея метнулась к Верзиле, и, хотя тварь еще не могла двигаться со скоростью черного дракона, тот с трудом уклонился от зубов. Тогда мастер бросился еще скорее бегать вокруг приведенного в бешенство Черноногого, творя невидимую цепь.

— Поспеши, сэр рыцарь! — закричал мастер Верзила. — Долго я его не удержу!

Сэр Майкл был уже на ногах — размахивая верным мечом и пыхтя в тяжелых доспехах, он мчался на человека-дракона. Черноногий сумел бы отразить удар взмахом когтя, если бы это не было обманным финтом.

Майкл пропустил когти мимо себя и ударил дракона в грудь, где чешуя была еще совсем слабой и непрочной. Лезвие прошило насквозь грудь Черноногого и вышло с другой стороны. Чудовище заревело от ужасной боли и попыталось освободиться, но сэр Майкл мертвой хваткой держался за эфес, хотя его оторвало от земли и трясло в воздухе. Кровь и кислота обрушились на него из раны умирающего зверя, сжигая плоть. Прошло еще несколько секунд, и сэр Майкл вынужден был разжать руки и рухнул вниз,

застонав от боли.

Черный дракон зубами выхватил клинок из тела, но поздно — рана была смертельной. Черноногий пошатнулся и начал оседать на землю, не сводя кроваво-красных глаз с победивших его, особенно с высокого, тощего шахматиста.

— Кто?… — прохрипел он. — Скажи мне! Кто ты, убивший меня?! Ни один простой человек, каким ты притворяешься…

Мастер Верзила выступил вперед.

— Это за мою семью и клан. Именем Виооршада Быстрого и Хумы, храбрейшего из всех, дело моей чести — прервать род Базальта Черного, стерев, в конце концов, его цвет с лица Кринна. Ты — его последний потомок, и вместе с тобой умрет самое большое Зло на Ансалоне.

Черноногий удивленно посмотрел на него угасающим взглядом.

Он, как и все мы, увидел, как на месте мастера Верзилы на мгновение возник призрачный образ огромного серебристого тела, увенчанного изящной головой на длинной шее. Металлические крылья взвились над Черноногим.

Тот протяжно заревел и умер.

Изображение серебряного дракона пропало, остался только привычный мастер Верзила — длинный и тощий шахматист. Он помог сэру Майклу подняться на ноги, а я лишь изумленно смотрел на них.

Майкл ободряюще улыбнулся:

— Не бойтесь! Это Виооршад Сверкающий, самый молодой из серебряных драконов клана Виооршада. Нам жаль, что мы обманули граждан Гудлунда и тебя, лорд-мэр, но нам надо было выманить Базальта из его логова, для чего годился только один путь.

Мастер Верзила пристально посмотрел на труп Черноногого:

— Кому, как не мне, было знать, что Базальт Черный никогда не мог устоять против хорошей игры…

Вот так и закончился тот шахматный поединок с самыми большими ставками за всю историю нашей долины. Мы отнесли сэра Майкла в город, где целых два дня чествовали обоих как героев. Городской жрец оказал помощь рыцарю, и скоро тот смог обедать в моем доме наравне с мастером Верзилой.

— Но откуда ты узнал, что Черноногий — черный дракон? — спросил тогда я.

— Он был единственным, кто мог победить меня, — улыбнулся мастер Верзила. — Не прими это за оскорбление себе или другим почтенным горожанам, вы прекрасные шахматисты,

нет сомнений. Но вы всего лишь люди…

Я выхватил шахматную доску, стремясь доказать обратное:

— Сыграем здесь же и немедленно!

Мастер Верзила поднялся и, улыбнувшись, покачал головой:

— Сожалею, лорд-мэр, но в ближайшую тысячу лет я не буду играть в шахматы.

Сэр Майкл тоже встал из-за стола:

— Прощай, лорд-мэр, нам надо вернуться и доложить об успехе. Война против Лорда Ариакана разгорается… И примите еще один совет: Краюхе Хлеба пора отложить шахматные доски и готовиться встрече с реальным врагом.

— Мы сделаем это. Я не могу выразить, как город благодарен вам двоим.

Мы крепко пожали друг другу руки.

— Пусть Паладайн ведет вас и впредь!

Сэр Майкл и серебряный дракон покинули город под крики и радостные вопли толпы жителей. Я уже собрался созвать городской совет, когда примчался мальчишка с большой деревянной коробкой в руках.

— Что там еще? — поинтересовались у него.

— Два незнакомца на дороге сказали, что я должен отдать ее лично лорду-мэру!

К крышке была приколота записка:

— «Мы оставляем их у вас, лорд-мэр. Думаем, они отлично украсят зал трофеев. Возможно, это принесет вашим чемпионам удачу…»

Я раскрыл упаковку.

Там, блестя и искрясь в свете факелов, покоились великолепные шахматы.

За исключением одной фигуры — конечно же, черного дракона.

ДЕМОНЫ РАЗУМА
Маргарет Уэйс и Дон Перрин (Впервые опубликовано в «Tales of the Fifth Age: Relics and Omens»)

Посуда ударилась об пол — тарелки треснули, кружки разбились вдребезги, — эти звуки напоминали последний тревожный сигнал перед бурей.

Шум привел в себя разомлевшего на солнце Карамона — тот дернулся и с размаху ударился головой о нависающую полку. Задумчиво потирая голову, он гневно уставился на стойку, когда мимо пронеслась Тика, одарив его ВЗГЛЯДОМ.

Карамон всегда думал о ее взгляде как о ВЗГЛЯДЕ — именно так, написанном заглавными буквами. Теперь он часто удостаивался таких ВЗГЛЯДОВ. ВЗГЛЯД был очень красноречив и выражал следующее:

«Попробуй скажи хоть слово, Карамон! Хоть слово!»

Карамон бился с гоблинами, хобгоблинами, драконидами, драконами и несчетным числом воров, разбойников и злых жрецов. Но он знал, что лучше подчиниться ВЗГЛЯДУ, ведь он нежно любил жену. Если бы его попросили назвать самую прекрасную, мудрую и храбрую женщину на Кринне, он назвал бы Тику Вайлан Маджере. Немедленно и без сомнений.

В ее рыжие волосы уже прокралась седина, а прежде смеющееся лицо испещрили морщины — следы многих горестей и слез. Оба сражалась бок о бок с ним за возвращение Богов на Кринн, оставалась с ним, когда Боги покинули мир. Карамон и Тика потеряли на той войне двух нежно любимых сыновей, присутствовали на похоронах двух лучших друзей. Любовь давала им силы и утешала в горе. Карамон был благодарен ей за то, что в ужасные дни, когда он медленно погибал от «гномьей водки», Тика смогла вырвать его из объятий крепкого пойла.

Карамон знал, что мир без Тики — не то место, где он собирается жить, но, получая очередной ВЗГЛЯД, всякий раз жалел, что мир не может распахнуть пасть и в один миг проглотить его.

Карамон прикусил язык и пошел за шваброй, чтобы вытереть разлитый эль.

— Вот так, Джасар, — донесся с куши голос Тики, — попробуй взяться по-другому… Это всего лишь несколько разбитых тарелок и пара кружек пива…

Карамон мысленно застонал — он знал, каким образам Тика ведет счет. «Всего лишь» означает пятнадцать или двадцать, а то и больше. Ему и в голову не приходило, как официантка может быта такой неуклюжей. Но он молчал до самой ночи, когда двери гостиницы закрылись за последим клиентом и пришла пора ложиться спать.

Карамон сидел на кровати в стаскивал сапоги, Тика устроилась перед зеркалом, расчесывая волосы, как всегда делала вереd сном. Ровно сто движений расческой. Силач ощутил прилив смелости, увидев, что жена расположилась к нему спиной.

— Я знаю, ты ее любишь, дорогая… Но мне кажется, пора уволить Джасар…

Карамон забыл про зеркало. Он обнаружил это слишком поздно, поняв, что ВЗГЛЯД работает одинаково хорошо и через отражение.

Отскочив от зеркала, ВЗГЛЯД ударил его прямо между глаз.

— Она еще слишком мало времени провела у нас. Ей надо научиться большему. Подносы большие и неудобные, их тяжело ухватить и сбалансировать. А, кроме того, у нее неприятности дома и она расстроена. — Тика расчесывала волосы с такой силой, что они потрескивали.

Карамон робко выдохнул.

Если Тика начала оправдываться, значит, он в безопасности. А ВЗГЛЯД просто сработал по привычке. Но осторожность не помешает.

— Она уже работает три месяца, дорогая… — Он произнес эти слова мягко, чтобы сделать их наблюдением, а не аргументом в споре. — И сначала неплохо зарекомендовала себя, не то чтобы очень здорово, но терпимо… Но с течением времени ничего не поменялось, наверное, даже стало хуже! Клиенты жалуются, что Джасар путает заказы или не приносит их вовсе. Она стала нервной, как кендер в заключении! И это пятый поднос с тарелками, который она уронила на этой неделе. Я еще согласен менять их раз в неделю, а теперь не могу видеть улыбки гончара, когда тот встречает меня в своей лавке. Да он уже планирует построить себе новый дом! Мы теряем клиентов, мы теряем деньги… Мне жаль, Тика, Джасар хорошая девочка, но мы больше не можем позволить себе ее содержание…

Он приготовился пригнуться, как только ВЗГЛЯД начнет свой путь, но Тика лишь вздохнула, отложила расческу — всего после семидесяти девяти движений! — и повернулась к Карамону, ласково глядя на него:

— Это четвертая работа, которую она меняет за год. Если я прогоню ее, они с мужем будут голодать.

— А что муж? — спросил силач. — Почему он ей не помогает? Если подумать, что-то не припомню, чтобы видел его…

— А ты сходи в «Корыто», — бросила Тика.

— Так вот в чем дело… — Карамон сразу стал серьезным. Он сам одно время проводил в «Корыте» по многу часов, когда пристрастился к «гномьей водке».

— Он калека, потерял на войне руку, — добавила жена.

— Наши сыновья потеряли больше, — спокойно заметил муж, — они отдали жизни… А этому парню повезло.

— Он, кажется, так не думает. В любом случае, именно поэтому голова Джасар занята совсем другими делами, а не работой. Она переживает за него, волнуется. Я знаю, каково ей сейчас, Карамон, со мной было так же, когда ты пил. Но, по крайней мере, ты не делал…

Она замолчала.

— Не делал чего? — Карамон нахмурился. — Он ее бьет, что ли?

— И всегда говорит потом, что сожалеет… Но, это не наше дело, Карамон!

— Да уж! — Силач вскочил и сжал огромные кулаки. — Я пропишу ему любимого лекарства, пусть узнает, каково оно на вкус. Нет большего труса среди мужчин, чем тот, который поднимает руку на женщину!

— Карамон, не надо! Пожалуйста! — Тик вскочила и успокаивающе положила руки на плечи мужа. — Ты сделаешь только хуже.

— Ладно… — Карамон погладил растрепавшиеся волосы жены. — Я не буду груб с ним настолько, насколько хотел. Но я должен с ним хотя бы поговорить, мне-то известно, что происходит, когда голова по уши в бутылке.

— Так Джасар останется? — Тика сжалась, как птенец, на широкой груди мужа.

— Пусть, — вздохнул Карамон. — А этот гончар может строить себе новый дом…

На следующий день Карамон снял передник н, аккуратно повесив его на стойку, покинул гостиницу.

Он шагал по дощатым настилам — ведь Утеха была выстроена на гигантских валлинах, и здания связывали висячие мосты и длинные переходы. Люди подходили к нему обменяться рукопожатиями и перекинуться парой фраз, дети просились прокатиться на его широких плечах, а коты терлись у мощных ног.

Скромный по натуре Карамон всегда удивлялся повышенному

вниманию к себе, но получал от этого искреннее удовольствие. Когда он смотрелся в зеркало Тики, то видел здоровенного мужчину средних лет (не жирного, а именно здоровенного) с широким лицом и начавшим появляться вторым подбородком и абсолютно не понимал, что в нем такого особенного. Чего он не мог заметить, так это открытости и честности собственного взгляда, который, казалось, говорит: «Я перенес множество страданий, но, несмотря на это, нахожу радость в каждом восходе и солнечном луче».

Теперь Карамон Маджере был одним из самых уважаемых и любимых людей в Утехе. Но так было не всегда — еще недавно он вызывал отвращение, валяясь пьяный под ногами прохожих и обливаясь жалостливыми слезами. Дети шарахались от него, а люди показывали пальцами. Он не любил себя тогда и не был удивлен, что его никто не любит.

Размышляя о подобных вещах, Карамон направлялся к дому Джасар Латхаузер, расположенному в старой, почти заброшенной части Утехи. Здесь селились в основном бродяги, проходимцы и подозрительные личности. Здания лепились к стволам, гнилые и почерневшие, готовые рухнуть в одно мгновение. Карамон не раз предлагал, чтобы их снесли, а потом построили новые в безопасном месте. Глядя на них, он сделал пометку в уме снова поднять этот вопрос на следующем собрании городского совета.

Он нашел нужный дом, который выглядел чуть крепче других, и постучал в дверь. Никакого ответа, хотя муж Джасар явно был дома. Из щели явственно пахло «гномьей водкой». Вероятно, дрыхнет после вчерашнего. Карамон забарабанил сильнее, но потом понял, что этот способ не поможет, у него самого в голове после пьянки гномы стучали не умолкая. Человек просто не разберет новых звуков.

Дверь была не заперта, даже не имела замка, и Карамон распахнул ее. В нос немедленно ударил запах водки и рвоты, заставив его сморщиться. В единственной комнате лачуги на кровати лицом вниз прямо в одежде лежал человек. Даже солнце, заглядывающее в окно, казалось смущенным, поэтому лучи падали только на ножку кровати, не касаясь спящего.

Карамон развернулся на пятках и отправился к ближайшему колодцу, наполнил ведро ледяной водой, вернулся в дом и опрокинул его над человеком, заставив того подскочить и изумленно захлопать глазами, сплевывая воду и отфыркиваясь.

— Ах ты, гадина! Соображаешь, что делаешь?! — Близорукий, он не мог разглядеть, кто перед ним, и принял Карамона за жену, поэтому замахнулся на него левым кулаком, потому что правого не было — рукав просторной рубашки болтался. — Ты же знаешь;

что лучше не будить меня…

— Я не твоя жена! — От раскатов баса Карамона задребезжали треснувшие стекла. — Но можешь попробовать свой удар на мне, Джемел Латхаузер. Только предупреждаю — затем мне придется ответить…

Пораженный мужчина сощурил глаза и нахмурился:

— Что за ерунда… парень… что ты здесь делаешь… запутался…

— Меня зовут Карамон Маджере, а твоя жена работает на меня. Поэтому я и пришел.

— Она сказала, что я ее бью? Проклятая лгунья! В любом случае это не ваше дело…

Джемел встал и покачнулся. Он был грязен и небрит, одежда пестрела заплатами. Но когда-то он был видным парнем, на теле еще виднелись мускулы, хотя над поясом уже нависало брюшко любителя эля. На лице, теперь опухшем и оплывшем, еще выделялся решительный подбородок. И, даже назвав жену лгуньей, он отвел глаза — видимо, прекрасно понимая, во что превратился.

— Твоя жена любит тебя, — начал Карамон.

— Ничего подобного! — зарычал Джемел сквозь похмельный туман. — Она лишь жалеет меня из-за этого… — Он потряс пустым рукавом. — Мне было бы лучше без нее, но она упрямо висит на моей шее…

— Может, стоит избить ее еще пару раз, и тогда наверняка избавишься, — проговорил Карамон. — Послушай, Джемел, я знаю, каково тебе сейчас.

— Откуда тебе знать! — закричал Джемел с такой болью, что Карамон поразился. — Проклятье! У тебе есть обе руки! Как, во имя Богов, ты можешь знать, что я чувствую?! Убирайся вон, ублюдок!

Джемел схватил Карамона за рубашку, словно был способен вытолкать силача наружу. Тот одним движением освободился от его дрожащей руки.

— И все же послушай… — терпеливо начал он.

— Нет, сам слушай! — Джемел изо всех сил пнул Карамона в живот, отчего силач согнулся и отступил на шаг, — Убирайся! Занимайся собственными делами!

Карамон перевел дыхание:

— Ты только что сделал это дело моим…

Он бросился на Джемела. Хоть и с одной рукой, Джемел был значительно моложе, а кроме того, в армии его явно учили драться без оружия. Но Карамон быстро уложил его на лопатки и уже занес кулак для последнего удара, когда увидел слезы на

лице противника.

Силач удивленно опустил руку:

— В чем дело?

— Ну, бей же! Бей! Покончи со мной! Бей! — Джемел уже откровенно рыдал, сотрясаясь и всхлипывая.

Карамон ошеломленно поднялся, не зная, что делать с человеком, который ведет себя как ребенок. Он нерешительно потрепал его по плечу, и муж Джасар скривился.

— Моя рука! — сипло закричал Джемел. — Она болит! Как она болит. Я никак не могу унять эту боль!

— Я слишком сильно на тебя навалился, мне очень жаль… — виновато протянул Карамон.

— Да не левая, — сказал Джемел, медленно поднимаясь. — Правая, та, которой я всегда держал меч… Она до сих пор сжимает клинок и ноет так сильно, что я никак не могу ослабить боль…

Карамон безучастно посмотрел на Джемела:

— Но у тебя нет правой руки.

— Могу поклясться, со зрением у тебя все в порядке! — Джемел негодующе посмотрел на него. — Но она продолжает беспокоить меня… Я чувствую ее день и ночь, никак не могу выпустить проклятый меч! Не могу спать. Не могу работать. Скоро я сойду с ума… Я бы обрубил ее, если бы за меня уже не постарались…

Про себя Карамон уже решил, что Джемел свихнулся, и подумал, что это не самый плохой вариант для парня.

— Так ты пьешь… гм… чтобы ослабить боль?

— Ха! — Джемел горько усмехнулся. — Думаешь, помогает? Ничего подобного. Я чувствую боль, сколько бы ни выпил… Но потом я могу уснуть…

— Это не сон, а пьяное забвение. Как ты потерялруку?

— Тебе какое дело? — Джемел снова стал угрюмым. — Так получилось…

Карамон некоторое время размышлял.

— Так, давай приведем тебя в порядок. Когда ты в последний раз хорошо ел, не считая, конечно, выпитой «гномьей водки»?

— Не знаю, — устало ответил Джемел. Он встал и, покачнувшись, едва снова не упал, но ухватился за спинку ветхого стула и сел, закрыв глаза. — Какая разница? Мне жаль, что я ударил тебя, но, если я желаю упиться до смерти, как ты мне помешаешь?

— Тут вопрос с посудой, — пробурчал Карамон, — и с гончаром, решившим построить новый дом…

— Чего? — Джемел уставился на него.

— Да не бери в голову, разберемся позднее. А теперь давайка, хорошенько позавтракаем. Мало найдется на свете мужчин, которых бы не вылечила горячая яичница с ветчиной. А пока будешь есть, расскажешь мне о сражении… Знаешь, я тоже немного был солдатом, — добавил он скромно.

— Ты прав, Карамон, — сказала Тика следующим утром, — этот Джемел и вправду безумец. Как может болеть несуществующая рука? Как отрубленная рука может держать меч? Скажу Джасар, пусть поскорее бросает его, не жить же с ним до… — Она сделала паузу и посмотрела на мужа. — Что ты затеял?

— Просто упаковываю пару вещей. — Карамон укладывал рубашку и чулки в кожаный мешок. — Собираюсь отправиться в небольшое путешествие. Джемел еще не знает, но пойдет со мной. Возьмем лошадей — не исключено, что они помогут в моем плане…

— Возможно? С тобой? — Тика непонимающе воззрилась на мужа.

Возможно, одна из причин, по которой их брак вынес столько невзгод, состояла в том, что Карамон еще мог удивлять жену.

— Ладно, — произнесла она, уперев руки в бока. — И что там у тебя запланировано?

Карамон некоторое время разыскивал в углу походные сапоги.

— Я знаю, что чувствует Джемел, говоря об отрубленной руке. Я подобное испытал, когда Рейст уехал принять черные одежды. Часть меня оказалась отрезанной, но все еще болела. Ты дала мне время найти себя, думаю, Джемелу необходимо то же самое. А ты пока отнеси это плотнику Джону. — Силач медленно развернул бумагу, которую вынул из кармана. — Пусть сделает мне коробку по этим размерам: три фута в длину, два фута в ширину и фут высотой. Здесь надо просверлить три отверстия шесть на два дюйма. Крышка не нужна — верх будет открытым, а в середине нужна перегородка. Скажешь ему, пусть берет старую древесину из обветшалых лачуг, чтобы она выглядела действительно старой. Да, и пусть вырежет Символ Глаза, ну помнишь, какой обычно используют маги. Все должно быть готово через три недели, к нашему возвращению.

Тика подошла и положила ладонь ему на лоб.

— Лихорадки вроде нет, — подозрительно сощурилась она. — А ты в «Корыто» не заглядывал?

— Да трезвый я, — улыбнулся Карамон, наклоняясь и целуя жену. — Вернусь через три недели, присмотри за Джасар…

— Ты ничего не хочешь мне объяснить?

Карамон серьезно покачал головой:

— Ты моя жена, Тика, и я люблю тебя больше жизни… Но ты не сможешь сохранить тайну даже ради спасения собственной души.

Щеки Тики вспыхнули, но силач был настолько серьезен, что ее гнев сменился смехом. Неохотно, но она признала, что муж прав.

— Пусть Боги помогут тебе, Карамон, — нежно поцеловала его Тика.

— Богов уже нет, ты же помнишь.

— Кого ты слушаешь, Фисбена? Вот уж поверил старому глупцу, который и имя свое не всегда помнит! Отправляйся, Карамон Маджере, я не намерена весь день стоять здесь и слушать всякую чепуху.

Джемел сначала отказался ехать и был непреклонен. Карамон не спорил — просто уселся в доме, неподвижный, как пик Глаз Просителя, заявляя, что просидит, если надо, так целый месяц. Напрасно Джемел спорил и угрожал, проклиная Карамона.

Тот говорил только одно слово:

— Одевайся.

Джемел даже не знал, куда они направляются. Мужчины были в пути уже неделю, а он так ничего не выяснил, кроме того, что трясется по дороге вслед за огромным чурбаном, владельцем гостиницы, кажется, всю жизнь.

Да, вроде Маджере был Героем Копья — Джемел слышал истории бардов и песни менестрелей о том, как Карамон бился с драконами и даже с самой Темной Королевой, а его брат стал самым могущественным магом из когда-либо живших на Кринне.

Может, и так, а может, нет.

Менестрели и барды также любили петь о Войне Хаоса, о славе и чести. Они никогда не говорили о страхе и ужасе, что ломает солдата в считанные мгновения, не пели о крови, смерти и боли. Джемел ехал, мрачно сжав зубы, лишь иногда намекая Карамону о необходимости остановиться и промочить горло в ближайшей таверне.

Карамон всегда отказывался.

Сначала они питались захваченным продовольствием, а когда оно вышло, охотились и ловили рыбу. Жаркое солнце и работа потихоньку изгоняли яд «гномьей водки» из крови однорукого ветерана, еда вновь стала приносить удовольствие. Карамон был прекрасным поваром, его тушеные кролики оказались лучшими из пробованных Джемелом. В сумерках он засыпал мгновенно, утомленный дневными делами, но посреди ночи всегда

просыпался с криком, нащупывая несуществующую руку.

На восьмой день они достигли места в северной Абанасинии, недалеко от побережья, и Джемел понял, куда лежит их путь. Он остановил лошадь и впился взглядом в Карамона:

— Что ты задумал, демон тебя раздери? Решил отколоть смешную шутку?

— То сражение прошло недалеко отсюда, не так ли? — Карамон осмотрелся по сторонам. — Ты говорил, что отметил своим мечом могилу…

— Мечом… — прошептал Джемел, и слезы навернулись на его глаза. Он сморгнул их и яростно дернул поводьями, разворачивая лошадь. — Я уезжаю!

Карамон перехватил лошадь ветерана за уздечку.

— Меч! — быстро сказал он. — Тот меч, что ты держишь все время в руке! Надо найти его!

— Ты сумасшедший, — дернулся Джемел. — При чем тут меч, какое он имеет отношение ко мне?

— Ты знаешь, что мой брат был великим магом?

— Да, и что с того?!

— Я кое-чему научился у него, — торжественно произнес Карамон, — и здесь чувствую сильную магию, просто уверен в этом. Ты был проклят демоном Хаоса, и я могу снять проклятие, Джемел. Но для этого нужен твой меч…

— Проклятие… — Джемел задумался. Подобный подход объяснил бы многое, но сможет ли толстый хозяин гостиницы управиться со злобной тварью? Сомнительно.

— Магия теперь больше не работает, я слышал, как маги жалуются, что их силы уходят. Так что, даже если твой брат был архимагом, какая теперь разница?

— Рейстлин посещал Бездну, — сказал Карамон, — а, кроме того, был хозяином Башни Высшего Волшебства, что в Палантасе. Он знал очень много заклинаний, таких, которых не знает никто. — Тут силач перешел на заговорщицкий шепот: — Некоторым брат научил меня. Думаю, одно из них поможет тебе.

— Как?! Сделаешь мне новую руку, серебряную, как вопят барды?

— Нет, но моя магия уберет боль.

Джемел пристально посмотрел на Карамона, ища на его открытом лице следы жалости, насмешки или хитрости. Тот уверенно выдержал взгляд. — Хороню. Я покажу, где лежит мой меч. Скоро они нашли огромную братскую могилу. Плоская рукоять меча Джемела, простого, в отличие от причудливых клинков Рыцарей Соламнии, одиноко торчала из земли.

Хотя могила находилась далеко от любой деревни или

города, она была чистой и аккуратной, словно за ней тщательно ухаживали, убирая сухие листья и ветки. Вокруг рос усыпанный цветами дикий кустарник.

Джемел спешился и медленно пошел к могилам. Сквозь жалящие слезы он посмотрел на рукоять, а затем положил на нее левую руку…

Дождь лил с волос Джемела, ослепляя его. Ветеран смахивал воду со лба и щек, но это помогало слабо. Ветка хлестнула его по лицу, он отвел ее в сторону и продолжил идти вперед. Сэр Тречард, командующий, должен быть неподалеку.

Джемел в сотый раз проверил, на месте ли привязанный к бедру футляр с сообщениями. Капитан распорядился доставить весть срочно, поэтому нельзя было столько времени бродить в темноте под дождем. Он не мог ничего разглядеть, но слышал звон стали и крики сражения. И странный, очень странный запах, примешивающийся к ароматам сосновой смолы и влажной травы, преследовал его уже шагов пятьдесят или около того, пробуждая неясные детские воспоминания… Вспышка молнии, ослепительный свет, расколотое дерево…

Джемел вновь вгляделся во тьму. Странный дождь. После месяцев засухи он должен был принести облегчение — но только не такой. Вода имела маслянисто-железистый вкус, будто с небес лилась кровь…

— Как эти глупцы могут ожидать, что я быстро доберусь, если не видно даже рук? — бормотал он под нос, принимаясь за любимое солдатское дело — перетирать кости начальству.

Слух подсказывал Джемелу, что он уже рядом с битвой, — в этот момент деревья закончились, и он вышел на чистое место. Ему сказали, что найти сэра Тречарда будет очень просто. Он командует левым крылом армии, что билась в лесах к северу от Квалинести, сражаясь с демонами Хаоса.

Джемел слышал битву, но не видел ее. Он решил подождать на опушке, надеясь определить направление и не угодить в ловушку. Молния полыхнула и осветила все вокруг — посыльный не поверил глазам. Не хотел верить.

Группа рыцарей и маленькие отряды копьеносцев стояли на пустынной равнине, ожидая приближения новых монстров, никогда не виданных на Кринне. Возможно, твари вылезли из моря или из земли, а может, из низких черных облаков. Не важно, откуда, но послали их в бой, несомненно, силы Хаоса. Огромные щупальца свисали с их оплывших тел, глаз и ушей не было заметно, но монстры уверенно ползли к рыцарям.

Шеренги воинов сомкнулись.

— Бросок! — закричал кто-то, и по голосу Джемел опознал сэра Тречарда.

Рой копий устремился сквозь дождь к тварям со щупальцами. Джемел радостно вздохнул: бросок точен, оружие должно поразить мерзкие создания.

Твари не сделали никакой попытки присесть или избежать удара — вместо этого они с ужасающей скоростью принялись вращать щупальцами. Отростки крутились с такой быстротой, что начали пропадать из виду, — у Джемела даже закружилась голова. Копья ударяли в туманные круги и ломались, крошась, — щупальца разрезали дерево, как нож — масло. Землю перед монстрами усеяли обломки.

Твари прибавили скорости.

Ветер от их щупалец ударил в лицо Джемелу, серный смрад забил рот. Копьеносцы заколебались и начали отступать, но рыцари в сверкающих панцирях останавливали их, приказывая вернуться в строй.

Безуспешно.

— Держитесь крепче, Рыцари Соламнии! — успокаивающе кричал сэр Тречард. — Мы столкнулись с неприятностями, но Паладайн с нами!

Первой мыслью Джемела было последовать примеру копейщиков и бежать, но тут он вспомнил про послание. Он не был рыцарем и никогда не надеялся стать им, но дал присягу и поклялся в верности. Джемел не мог подвести друзей и отступить — судорожно сжав меч, он заставил себя идти вперед. Рукоять была скользкой от странного дождя, рука быстро заболела от чересчур сильного напряжения.

Монстры столкнулись с рыцарями.

Сэр Тречард вырвался вперед и вонзил клинок в тело первой твари. Благословленный Паладайном меч вспыхнул синим светом, и щупальца бессильно отлетели от него. Оружие мгновенно пробило сердце монстра, тот рухнул на землю, забрызгивая рыцарей и Джемела вонючей кровью.

Но остальные твари приближались как ни в чем не бывало.

— Парни, их можно убить! — заорал сэр Тречард. — Двигайтесь быстрей!

Ободренный, Джемел рванулся вперед, стремясь быстрее передать сообщение, когда ощутил, как ужасный ветер ударил сзади в шею, и услышал жуткий приближающийся гул.

Запах молний стал непереносим.

Посыльный обернулся и увидел тварь с крутящимися щупальцами, ползущую к нему. Он взмахнул мечом, целясь в создание Хаоса, но один диск щупалец отбросил клинок, а другой

пропорол бедро. Сила удара отбросила Джемела назад, и он упал, покатившись по пропитанной дождем земле.

Испугавшись, что монстр сейчас нападет снова, солдат вскочил, размахивая мечом, но тварь уже переключила внимание на ближайших рыцарей, как на более серьезную угрозу. Однако Джемелу надо было любой ценой выполнить миссию — хромая и морщась от сильной боли, он хотел осмотреть рану, но странная тьма мешала сосредоточиться. Теперь его одежда пропитывалась не только дождем, но и кровью.

Сэр Тречард был уже совсем рядом, но каждый шаг мог заставить Джемела потерять сознание. Командующий бился с новым монстром и не обращал на посыльного внимания.

— Сэр Тречард! — завопил Джемел.

Тот лишь посмотрел по сторонам, пытаясь найти источник звука.

— Сэр! — снова окликнул солдат, — У меня послание от Рэка Вандиша! Он сообщает… Берегитесь, сэр!

Монстр Хаоса прыгнул вперед — сэр Тречард успел развернуться, но хлещущие, щупальца выбили меч из его руки. А затем смазанный круг врезался в тело командующего. Щупальца разрезали металлические доспехи как тонкий шелк, превращая тело под ними в кровавые ошметки. Но самое ужасное заключалось в том, что сэр Тречард еще был жив. Несмотря на то, что его внутренности разлетелись в стороны, он кричал и корчился на земле.

Джемел задохнулся и, ничего не соображая от шока, ударил. Лезвие пронзило внутри монстра что-то, как надеялся посыльный, жизненно важное. Тварь захрипела, в ее теле замерцали огненные вспышки, но она еще была жива. Меч намертво застрял в плоти демона, и Джемел с ужасом понял, что не может отпустить рукоять. Щелкнули щупальца — монстр срезал руку посыльного у плеча, и она медленно исчезала вместе с клинком в чудовищной утробе.

Фонтаном ударила кровь, и Джемел начал падать в черную бездну, подсвеченную вспышками молний…

Очнулся он в армейской палатке. Воздух внутри был горяч и пах кровью, смертью и молниями… Память вернулась, а вместе с ней и боль в правой руке — хотя солдат ясно видел, как ее оторвало… Возможно, ему показалось и ничего страшного не произошло — ведь рука болит…

Джемел осмотрел себя и заплакал. Там, где должна была находиться его правая рука, не было ничего, кроме пропитанных кровью бинтов, намотанных на огрызок плеча.

Внутрь вошел солдат:

— А-а, уже проснулся, это хорошо. Как себя чувствуешь?

— Как ты сам думаешь, глупец?! — зарычал Джемел. — У меня больше нет руки!

— Можешь считать себя счастливчиком, — ответил солдат. — Ты был единственным, кого мы нашли живым на той равнине. И не будь с нами друида-целителя, который прекратил кровотечение, это тоже мало помогло бы.

— И как долго я провалялся?

— Почти полтора дня, мы все еще хороним мертвых…

— А как… — сглотнул слюну Джемел, — как там с тварями Хаоса?

— Всех уничтожили. Ты славно потрудился вместе с рыцарями. Сейчас резервы выдвинулись вперед и очищают территорию от оставшихся монстров. Эй, что ты делаешь?!

— Встаю, — прохрипел Джемел. — По крайней мере, ноги у меня в порядке. Покажи мне, где меня нашли.

— Мне кажется…

— Проведи меня туда! — заорал посыльный.

— Это мерзкое зрелище…

— Знаю, — проговорил Джемел мрачно, — я там был.

Солдат лишь покачал головой, но, видя, как Джемел уверенно держится на ногах, пожал плечами и согласился.

— Вот оно…

Джемелу показали темное пятно на залитой дождем равнине. Перемешанная земля и трава до сих пор были покрыты кровью, которую не могла смыть небесная влага. Невдалеке отряд солдат с бледными лицами копал огромную яму для захоронения павших, вернее, того, что от них осталось. Не было ни одного целого тела, отрубленные руки и ноги валялись тут и там вперемешку с внутренностями и иссеченными торсами. Панцири, разрезанные на длинные ленты, горсти звеньев от кольчуг… То и дело один из солдат-могильщиков отбегал в сторону и его неудержимо рвало.

Джемел заколебался, его самого начало мутить, но он не отступил. Его отсутствующая рука горела огнем. Около останков лежала груда оружия, собранная для вечного отдыха с погибшими владельцами. В ней был и его меч, который посыльный легко узнал. У рыцарей были драгоценные клинки с гравированными лезвиями и розами на гардах и рукоятях, у Джемела — простой пехотный меч.

Солдаты начали опускать останки в яму, а он мог только стоять, однорукий, беспомощный, не способный помочь — лишь раскаиваться. Ведь если бы Джемел не отвлек сэра Тречарда, тот бы остался жить. Солдаты работали споро, стремясь поскорее

покончить с ужасной миссией. Не было никаких речей и ритуалов, посвященных храбрости рыцарей, — времени мало, идет война. Воины торопливо сгребали; мокрую землю и закидывали могилу.

Джемел вытащил свой меч и неуклюже сжал его левой рукой — боль пронзила обе руки, ведь правая тоже по-прежнему сжимала его. Меч выпал из пальцев, разбрызгивая воду. На равнине не нашлось ни одного камня, чтобы отметить место захоронения отважных рыцарей. Джемел, вновь наклонившись, неловко подобрал свое оружие, подошел к рукотворному холму и вонзил клинок в мягкую землю.

Сделав это, посыльный повернулся, собираясь идти обратно, но силы оставили его, и Джемел потерял сознание…

— Я — единственный выживший… — проговори Джемел. Его рука, стискивающая ржавый эфес, вновь и вновь погружала клинок в сухую траву. — Люди говорили, я счастливчик… — Он фыркнул и оглядел братскую могилу.

— Их боль закончилась, они могут спокойно спать…

— Да, я знаю, — спокойно сказал Карамон. — Мне сказали примерно то же самое после окончания Войны Хаоса. После того как Рыцарь Тьмы принес мне изрубленные и окровавленные тела сыновей. После того как я должен был сказать их матери, что двое наших детей мертвы. И я сажал валлины на могилах, вместо того чтоб выбирать свадебные букеты… Мне потребовалось много времени, чтобы признать правоту людей, прежде чем я перестал тяготиться вопросом, почему я жив, а они — нет…

Джемел молча смотрел на могилу.

— А что это были за монстры — с которыми вы дрались? — Карамон мудро изменил тему.

— Какие-то создания Хаоса. Сами Боги бежали от них. По крайней мере, так говорят…

— А вы остались… — протянул Карамон.

— Да, ряды не дрогнули, — жестко сказал Джемел, — и чего достигли? Остались лежать там же… Ладно, Маджере, вот этот проклятый меч. Что теперь? Отправишься собирать мышиный помет или как-нибудь по-другому поворожишь?

— Заберем его в Утеху. Магия моего брата сработает только там, где он меня ей обучил.

— А Джасар думает, я сумасшедший, — прошептал Джемел. Он еще немного постоял у могилы, затем повернулся к Карамону. — Подожди! Если я заберу меч, что останется знаком захоронения?

— Посмотри на эти прекрасные кусты белых и красных

роз. — Карамон склонился, втягивая аромат цветов. — Вот лучший знак из всех. Взгляни, Джемел, где еще ты видел, чтобы они так удивительно разрослись? Здесь и почва-то сухая, а как цветут…

— Твоя правда. — Джемел еще раз окинул взглядом песчаную равнину, покрытую коричневой травой и уродливыми сорняками повсюду, кроме могил, на которых полыхали бутонами удивительно прекрасные цветы. — Именно так…

— А люди еще говорят, будто Боги покинули нас, — улыбнулся Карамон, покачивая головой. — Вот теперь пора возвращаться домой.

— Карамон! — Тика возмущенно смотрела на мужа. — Что ты задумал? Это моя лучшая льняная скатерть!

— Извини… — Карамон залился краской. — Я думал, она старая… Я… гм… мне нужно сделать одежды мага…

Жена впилась в него взглядом:

— Карамон Маджере, это заходит слишком далеко! Ты прекрасно знаешь, что не сможешь сотворить ни одного заклинания, даже если от этого будет зависеть твоя собственная жизнь.

— Речь идет не о моей жизни. — Карамон придерживал полотнище подбородком и старался измерить его.

— Ты про Джемела? Я считаю, ты даешь этому несчастному ложные надежды, и думаю, это жестоко. А теперь, во имя милосердия, отдай несчастную скатерть мне! — Выхватив ткань у мужа. Тика задумчиво расстелила ее на столе. — Так, если я сделаю разрезы тут и тут… получатся рукава…

— Спасибо, дорогая. — Карамон чмокнул ее в щеку.

— Я только надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — мрачно протянула Тика.

— Я тоже на это очень надеюсь, — пробормотал Карамон, когда убедился, что жена не может его слышать…

На следующее утро гостиница «Последний приют» оказалась закрыта. Жители Утехи встревожились, по городу поползли различные слухи, дети старались, вытянув шеи, заглянуть в темные окна, чтобы узнать о творящемся внутри. Но не так давно Карамон вставил разноцветные стекла, через которые ничего нельзя было разглядеть.

Гостиница работала всегда, невзирая на войны и болезни, — почему она не открыла двери сегодня, никто не знал. Но каждый горожанин сгорал от желания узнать эту тайну.

Внутри находилось только четыре человека: Карамон, облаченный в великолепные белые одежды, мрачная и

возбужденная Тика, Джасар, бледная и отчаянная, да похмельный, во всем сомневающийся Джемел.

— С тех пор как он нашел этот меч, стало только хуже, — со слезами в голосе прошептала Джасар Тике. — Он постоянно смотрит на него, хватает, а затем швыряет обратно на пол, — и так раз за разом. И все время жалуется на боль!

— Тише, тише, — сказала Тика, успокаивающе гладя женщину по руке, — все будет в порядке. Карамон хороший человек, возможно немного ненормальный, но хороший. Это что-нибудь да значит…

На столе посредине обеденного зала возвышалась магическая коробка. Три фута длиной, два шириной и один высотой, испещренная загадочными символами, она выглядела очень внушительно и таинственно. Крышки не было, и каждый мог увидеть деревянную перегородку, что разделяла ее внутри. У каждого отсека в боку было вырезано отверстие, узкая мель зияла в перегородке. Все прикрывала волшебная ткань, тонкая как паутина, в которой Тика признала свой лучший шарф эльфийской работы.

— Принеси свой меч, Джемел Латхаузер, — торжественно провозгласил Карамон.

Джемел с мрачным выражением лица встал перед коробкой, но в его глазах читалась такая сумасшедшая надежда, что Карамону пришлось утереть непрошеную слезу и прочистить горло.

— Положи клинок внутрь отверстия, — приказал он.

Рука Джемела задрожала, он не сразу сумел это сделать, но затем справился, разместив меч в широкой щели перегородки. Клинок исчез в волшебной коробке.

— Прекрасно. — Карамон облегченно выдохнул. — Теперь, что бы ни происходило, ты не должен коснуться магической ткани сверху. Она заряжена сильнейшими заклятиями, дарованными мне братом, великим архимагом Рейстлином Маджере. Точно выполняй мои приказания. Если ты хоть немного замешкаешься, все пропало! Понимаешь?

— У него ужасно внушительный голос, — зашептала Джасар, а Тика только закатила глаза и покачала головой.

Джемел стоял, вытянувшись в струнку, напряженный, как стальная пружина.

— Понятно, — каркнул он грубо.

— Встань ближе!

Джемел вздохнул и сделал шаг вперед.

— Закрой глаза! — продолжил Карамон. — Я брошу заклятие на коробку и ткань, а когда скажу «три», вложи руки внутрь. Обе

руки — и живую и фантомную!

— И что потом? — подозрительно спросил Джемел.

— Заклинание сработает. Закрывай же глаза! — раздраженно бросил Карамон.

Джемел еще раз вздохнул и покорился. Карамон начал выпевать только что выдуманные магические слова, нимало не задумываясь, что бормочет. Темп все убыстрялся, и вдруг силач оглушительно хлопнул в ладоши, поразив всех, в том числе и себя.

При резком звуке Джемел подпрыгнул, но глаз не открыл.

— Заклинание сработало! Руки! — приказал Карамон.

Ветеран замялся, потом нерешительно сунул в коробку левую руку и сделал движение, будто просовывает и правую, несуществующую.

— Невероятно! Не могу поверить! Я чувствую их обе там, внутри!

— Прекрасно, — удовлетворенно улыбнулся Карамон, — теперь можешь открыть глаза.

Бывший посыльный послушался и изумленно выдохнул, Тика и Джасар подались вперед.

В коробке были ясно видны обе руки Джемела, правая и левая, с судорожно сжатыми кулаками.

— Соблюдайте тишину, — проговорил Карамон, — и дайте магии сработать.

Просить не было нужды — и так все притихли, лишь валлин тихо покачивался под ударами сильного ветра. Через некоторое время с кухни донесся грохот — с плиты слетел чайник. Тика вздрогнула и поднесла ладонь ко рту, чтобы сдержать возглас.

— Вот он, знак! Магия брата сработала! — крикнул Карамон. — Теперь в пределах коробки твоя рука существует в физической форме. — Он снова пропел несколько непонятных слов, затем торжественно объявил: — Демон Хаоса, приказываю покинуть плоть этого мужчины! — Он посмотрел на Джемела. — А теперь медленно разожми левый и правый кулаки!

Мускулы Джемела напряглись — пальцы рук медленно раскрывались, расслабляясь… Мужчина в изумлении смотрел на них сквозь ткань, не веря глазам.

— Быстрее! — крикнул Карамон. — Демон отступил, но удержать его долго не получится!

Джемел быстро выдернул уцелевшую руку наружу и замер, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

— Невероятно… боль ушла! Огонь больше не пожирает отрубленную руку!

Силы покинули несчастного — муж Джасар рухнул на стул.

Женщина радостно кинулась к нему, и Джемел крепко обнял ее уцелевшей рукой.

Тика воззрилась на мужа с наивным удивлением:

— Карамон?

— Да, дорогая? — Тот обернулся, спокойный и невозмутимый.

— Не важно… — Тика ошеломленно посмотрела на коробку. — А демон действительно там внутри, в ловушке?

— Именно так. — Карамон сграбастал шарф и швырнул в огонь — вспыхнув синим, материя исчезла. Несмотря на то, что это был ее лучший шарф, Тика промолчала. — Демон ушел и никогда уже не сможет навредить. — Силач вытащил меч из коробки и протянул Джемелу. — Держи на память о храбрых воинах, мертвых и живых.

Тот судорожно пожал руку хозяину гостиницы:

— Ты спас мой разум и жизнь, как я могу отблагодарить за это?

— Во-первых, не заглядывай больше в «Корыто», — серьезно ответил Карамон. — Это самое главное. Ну а что касается возмещения расходов, у меня есть кое-какие ремонтные работы по дому, можешь выполнить их.

Джемел усмехнулся:

— Работа для однорукого?

— Работа для того, кто сознает силу своей руки. И если понадобится, я найду тебе множество занятий.

Слух о том, как Карамон Маджере с помощью заклинания вырастил однорукому человеку новую руку, разлетелся по Утехе в мгновение ока. Город гудел, как растревоженный улей. Одни бежали к гостинице, надеясь излечить собственные недуги, другие открыто заявляли, что ноги их не будет в подобном проклятом месте.

В течение дня Карамон спокойно и терпеливо объяснял, что не сделал ничего необычного, ведь его все знают — он никакой не маг. Великан никогда не был замечен во лжи, и постепенно, к обеду, горожанам стало казаться, что это правда. Ну какой из Карамона маг — смех один. Особенно если представить, что он вызывает демонов Хаоса из картофельных оладий!

Но Тика сама видела две руки в коробке и Джемела, освобожденного от боли, и теперь посматривала на мужа с уважением, что не могло не сказаться положительно на их браке. Ночью, когда они уединились в спальне, Тика устало присела на кровать:

— Какой сумасшедший день, я так рада, что все закончилось!

— Я тоже, — пробасил Карамон, внося волшебную коробку и

ставя ее на тумбочку жены.

Тика косо посмотрела на нее:

— Разве не нужно ее запереть в надежное место, под замок?

— Да я думаю, она безопасна, — довольно сказал Карамон.

Сомневающаяся Тика достала расческу и замерла, уставившись на пустую стену:

— А где мое зеркало? Оно пропало! Карамон, воры похитили мое зеркало!

— Я не крал его, дорогая, — хитро произнес Карамон, нагибаясь над коробкой и вынимая из паза женину потерю. — Как сказал бы кендер, «я просто позаимствовал его».

Тика пристально поглядела на зеркало, затем внимательно всмотрелась внутрь коробки.

Секундой позже она весело швырнула расческу в Карамона…

СПОРЫ, ГНЕВ И СЛЕЗЫ
Вспоминает Ларри Элмор

«Dragonlance» — теперь есть слово, которое больше всего повлияло на мою жизнь.

Гарольд Джонсон пришел ко мне однажды, то ли в восемьдесят третьем, то ли в восемьдесят четвертом, и сказал, что у Трэйси Хикмэна, одного из новых дизайнеров, есть идея для истории, которую можно уложить не меньше чем в двенадцать игровых модулей и, возможно, в три романа.

Единственная проблема — ее надо еще продать директорам TSR. Они с Трэйси решили, что, когда я набросаю пару эскизов для лучшей визуализации проекта, торговля пойдет успешнее. Самым трудным в этом отношении человеком был Гари Гигакс.

Гарольд еще добавил, чтобы я работал в личное время, а не в рабочее! Я сказал, что в принципе согласен, только надо посмотреть, хороша идея или плоха. Не хватало еще тратить на отстойную идею личное время!

Гарольд с Трэйси назначили день и приехали ко мне домой, чтобы рассказать о «Dragonlance». Прибыв около семи, они начали повествование и еле закончили к половине двенадцатого.

Парни, вот это была задумка!

Я сразу влюбился в нее и сказал, что сделаю все возможное. С помощью еще нескольких служащих TSR мы убедили начальство позволить нам работать в этом направлении. Нам разрешили сделать несколько дополнительных проектов за ближайшие три года. Три года!

Невероятное везение собрало всех под одной крышей — художники работали в соседней комнате с дизайнерами, а Маргарет и Трэйси постоянно были рядом. Мы были еще неопытными, но благодаря их руководству смогли вложить в проект все самое лучшее.

Трэйси и Маргарет — они как факел. Горя желанием реализовать идею, эта парочка зажигала всех, и ни у кого не оставалось иного выхода, кроме как пылать вместе с ними.

Были и споры, и слезы, и гнев — только ради того, чтобы проект вобрал все самое лучшее, что мы могли создать.

Множество раз меня спрашивали про драконов — как они создавались в правилах «Dragonlance», ведь у них множество поклонников. Парни, я не придумывал их, я только рисовал, правда возражал, чтобы их цвет был таким же, как в старом «Бестиарии». Когда мы нарисовали драконов впервые, они были

точно такие, как их изображает старый «Бестиарий», — я просто возненавидел их.

Поэтому я изменил их так, чтобы они больше стали походить на живых драконов… если бы те существовали на Земле. Кроме того, я вел нещадную борьбу за костюмы персонажей.

Прежде чем нам дали официальное разрешение, мы уже запустили картинки для первого «Dragonlance"-календаря. Там еще видны некоторые различия, но я постарался достичь максимального компромисса между собственными взглядами на драконов и общепринятыми на тот момент.

Ведь все только начиналось!

Потом я постарался уйти еще дальше от „Бестиария“, говоря работавшим художникам, что они, конечно, могут туда заглядывать, но пусть попытаются сделать их немного „своими“. Кроме того, я хотел добиться некоторой преемственности: скажем, если Клайд Колдвелл первым изобразил черного дракона, то нам следует придерживаться его приемов.

То же самое в отношении персонажей: если я нарисовал Таниса первым, то пусть остальные художники изображают его похожим. А вот если бы Кейт Паркинсон первым изобразил Стурма, то я всегда следовал бы этому образу.

Этот план срабатывал хорошо, но были персонажи, которые получились проработанными неважно. Пример — дракониды и Золотая Луна. У меня никогда не хватало времени на разработку драконидов, в ход пошли ранние эскизы, мне не особенно нравившиеся. Им требовалось больше мысли, больше проработки деталей. Кейт и я долго обсуждали проблему, а затем он решил ее, нарисовав картинку из серии „все смешаем, все скрестим“. Те чуваки были неотразимы!

Золотая Луна тем временем прошла много изменений. Сначала она постоянно оказывалась слишком сексуальной, приходилось уменьшать ее „хозяйство“. Мы сделали первые эскизы до выхода книги в свет и не „чувствовали“ героя — у нас были только установки, но не было характера и событий.

Когда я оглядываюсь назад, меня всегда удивляет, как такое чудо — проект „Dragonlance“ вышел таким же хорошим, как и задумывался. На него влияло столько людей (причем одновременно), а их таланты были столь разнообразны. Но каждый оставлял за собой право на лучший выстрел… Думаю, так происходит до сих пор.

Ларри Элмор — один из участников первой команды „Dragonlance“, известный художник. Недавно закончил иллюстрации к следующей книге „Dragonlance“ — „Game Book“ и

„Elves Game Book for Sovereign Stone“.

Начал работать над оформлением коробочной версии новой компьютерной игры из серии „EverQuest“.

НАБЕГ НА АКАДЕМИЮ ВОЛШЕБСТВА
Маргарет Уэйс
(Впервые опубликовано в сборнике „Tales of the Fifth Age: Rebels and Tyrants“)

Ничего не получалось, хотя он пробовал заклятие раз за разом.

— Понятия не имею, по какой причине, — пробормотал Алин, — но оно не работает.

По правде говоря, „причиной“ был его отец. Алин следил, как Палин Маджере творит то же самое заклинание, как магические слова сплетаются и обретают жизнь, срываясь с его губ. Иногда заклятие срабатывало, но со временем становилось все более неустойчивым.

Алин лишь покачал головой, наблюдая за стареющим отцом. Палин никогда не казался сыну старым, но в прошлом году дикая магия, которую отец и обнаружил, начала стремительно утекать меж его пальцев, как ртуть.

Сначала Палин решил, что во всем виноват возраст, но ведь его отец, Карамон Маджере, прекрасно чувствовал себя и в восемьдесят. Палин был стройным, как его дядя Рейстлин, но не имел никаких проблем со здоровьем. Разум Палина был ясен, и он до сих пор любил походы и приключения, а также игру в гоблинские шары. Он часто обыгрывал молодых учеников, которые целыми днями просиживали в закрытых помещениях, уткнувшись носами в книги.

Как понял Алин, отец действительно считал, что истощение магии имеет какое-то отношение к его собственному старению и истощению. Палин желал, чтобы это было так, желал отчаянно. Он принес бы любую жертву, чтобы все оставалось как было, но не желал смотреть правде в глаза.

Заклинание, которое Алин так безуспешно пытался сплести, было простым — он пробовал наложить магический замок на дверь. Он вновь очистил разум от посторонних мыслей — сейчас это было особенно трудно — и закрыл глаза, концентрируясь на магии. Магию он чувствовал везде — на каменном полу в прохладных стенах, в дальнем лесу и даже в самой двери.

Это особенно расстраивало, ведь Алин ее действительно ощущал, точно так же, как чувствуют кровь, бегущую в жилах. Он

мог позволить магии течь в себя, но как только пытался заставить ее сделать работу — словно невидимый рот проглатывал все вокруг, и на заклинание ничего не оставалось, а сам Алин оказывался высушенным до последней капли.

Маг вздохнул и раздраженно дернул рукой, смахивая ползущее по руке насекомое — не то комара, не то плодовую мушку… Наверняка слуги опять оставили двери в подвал нараспашку. Затем Алин свирепо воззрился на злосчастную дверь, будто ожидая, что она сорвется с петель и накинется на него.

Вздохнув, он достал обычный железный замок из кармана мантии и защелкнул его в проушинах.

— Грустно смотреть, правда, Алин? — раздался голос за спиной мага.

— Что ты имеешь в виду, Люси? — вынудил себя улыбнуться он.

— Пробовал запереть ее магическим способом и потерпел неудачу?

Алин чуть пожал плечами:

— Ты же меня знаешь, неловкого и растяпистого. Надо было идти в повара, у меня бы получилось — алхимия очень походит на кулинарию. Только одна причина заставляет меня продолжать заниматься магией… сама причастность к ней.

— Так случается не с одним тобой, Алин. — Люси приложила палец к губам и быстро осмотрелась. — Хорошо, мы одни, никого нет… Слушай, Алин, бесполезно идти по этому пути — сколько ни притворяйся, лучше не будет. Мы оба знаем правду, даже некоторые из младших учеников в курсе, потому и уезжают. Мастера магии зароптали — Палин немедленно распустил Конклав. Магия исчезает! Дело не в тебе или в твоем отце — это коснулось всех нас!

Алин промолчал, отвернувшись от пронзительных зеленых глаз, и еще раз задумчиво подергал дужку замка. Тот держался надежно, и, удовлетворенный, маг опустил тяжелый ключ в карман.

— Миновало время, когда в Академии не было нужды запирать двери… В нынешние безумные дни отец посчитал неразумным оставлять комнату с артефактами без надзора. Думаю, он прав, хотя я сам ненавижу железные замки. Они словно говорят „Эй! Прохожий, здесь лежат ценности, не хочешь ли украсть их?“ Магический блок, по крайней мере, действует тонко и избирательно. — Он вздрогнул и посмотрел на женщину. — Я не имею в виду, Люси, что ты…

Та усмехнулась:

— Мои заклятия теперь ослаблены наполовину, если не

больше, Если я даже сниму блок, у меня не хватит сил вновь создать его. Поэтому, Алин…

Она заколебалась, словно не решаясь сообщить мрачные новости. Они были друзьями уже много лет, с тех пор как Алин прибыл занять пост помощника мастера при Академии. Маг прекрасно понял это молчание.

— О нет, Люси, только не ты тоже… — Алин взял ее за руку. — Как мы будем здесь без тебя?

Это были слова, что сказали его губы, но сердце кричало: „Как *я* буду без тебя?“ Пышка Люси, или Простушка Люси, как ее звали раньше, очень отличалась от той Люси, что училась в Академии. Она совсем не была красавицей, как, к примеру, мать Алина, Аша Маджере, или леди Дженна, даже не была похожа на последнюю жену мага — Карин. Но теплая улыбка Люси, от которой обозначались ямочки на веснушчатых щеках, могла согреть Алина лучше вина с пряностями, а ее переливистый смех улучшал самое мрачное настроение мага.

Но зеленые глаза Люси искрились только в мечтах, сейчас же они были тусклыми и беспокойными. Она была самым близким, самым дорогим другом Алина. Он никогда не думал, что способен полюбить кого-то другого, после того как молодая жена умерла от чумы, с которой не смогли справиться целители. Скорее всего, зараза была плодом магии чудовищной зеленой драконицы Берилл. Алин сбился с ног, разыскивая мощные артефакты, но прибыл домой, когда Карин была уже при смерти. Его сердце скончалось тогда же, или ему так показалось. А теперь оно вновь пробудилось к жизни, даря возможность любить и быть счастливым. Алин начинал думать, что Люси может стать для него гораздо большим, чем друг, и сама она не была против…

— Алин, я не хочу уезжать, — крепко сжала Люси его руку. — Но посмотри в лицо правде — скоро нам будет нечего есть. У меня осталось лишь два ученика, еще один сбежал на прошлой неделе. Их родители говорят, что им нет нужды платить деньги за отсутствие результата, пусть уж лучше сыновья станут плотниками… Я не могу обвинять их, они желают детям лучшего… Тех, кто останется, согласился взять к себе мастер Доулин, у него тоже сильный недобор.

— Оставайся и начни заниматься чистой алхимией, — указал Алин на комнату за спиной. — Это удивительная дисциплина… — Его глаза стали золотыми, как всегда, когда он говорил о любимом деле. — И более перспективная, чем магия. Я целиком полагаюсь на себя, на ум и интеллект, а не на Богов или всеобщую силу. Сейчас магия согласна подчиняться, но завтра вдруг не отвечает на призыв. А своими экспериментами я

управляю полностью, Люси! Полностью! — Маг ударил себя кулаком в грудь. — И если расчеты верны, препараты и ингредиенты реагируют в одном опыте только одним, неизменным способом. Никаких вариантов, никакого ожидания и неизвестности. Слушай, хочешь я покажу тебе один удивительный состав… — Он сделал паузу, потом виновато сказал: — Извини… Я знаю, тебе это неинтересно, ты не станешь ковыряться в старых вонючих препаратах. Но ведь есть много работы по составлению свитков и использованию артефактов…

— Составление свитков нужно для их продажи, — мягко прервала его Люси, беря под локоть. — Я видела на прошлой неделе леди Дженну и знаю, что задумал твой отец…

— Они старые друзья и…

— Конечно. Но, кроме этого, она самый большой поставщик магических предметов по всему Ансалону. Нетрудно предположить, что она могла уехать с некоторыми ценными вещицами, спрятанными под мантией. Палин распродает собственные драгоценные запасы, чтобы оплатить содержание Академии, не так ли, Алин?

Магу очень хотелось сказать „нет“, но соврать любимым веснушкам и ямочкам он не мог.

— Я заметила, как он сильно изменился, — продолжила Люси. — Впрочем, все остальные тоже. Мы волнуемся. Палин слишком похудел я измучился, он ни с кем не разговаривает, избегает общения и сидит взаперти над своими книгами.

— Отец изучает новые заклинания, — сказал Алин и сам понял, насколько беспомощно прозвучали эти слова.

Люси лишь отрицательно покачала головой:

— Я горда принятым решением, Алин. Я всегда обеспечивала себя и своих родных. Выбрав жизненный путь, последовательно шла по нему, не взяв ни единой медной монетки, которую не заработала. Не собираюсь делать этого и сейчас. — Она улыбнулась магу, — Не расстраивайся, в тот момент, когда магия вернется, возвращусь и я. Никто не удержит меня, даже сто заклятых дверей!

Ее смех вызвал улыбку Алина, но ненадолго. Магу хотелось просить ее остаться ради него, но сейчас было неподходящее время для признаний в любви. Слишком поздно — признание будет воспринято как проявление слабости… У него было слишком много возможностей раньше… Но он всегда откладывал разговор то по одной, то по другой причине. А теперь поздно…

— Куда ты направляешься? Чем намереваешься заняться?

— Я хороший учитель… Если не смогу обучать магическому языку, буду читать соламнийский или всеобщий. Твоя бабушка,

Тика, подала неплохую идею насчет школ для детей беженцев. Это лучше, чем позволить им расти на улицах. Тика уже предложила мне место и небольшую оплату, к тому же у меня будет комната и стол в ее гостинице. — Люси внезапно хихикнула. — Алин, ты выглядишь как рыба на берегу.

— Ты же уезжаешь, — смог проговорить он, — не дальше Утехи!

Маг кинулся к ней и, не помня себя, крепко обнял. Она не сопротивлялась, и в это мгновение между ними все было молчаливо решено.

— Вообще-то я искала твоего отца, — неохотно высвободилась из его объятий Люси.

Алин поглядел на дверь напротив, за которой обычно корпел над свитками Палин.

— Мне нужно было сообщить ему о своем решении лично, если он, конечно, соизволит принять меня…

— Его сейчас нет, — сказал маг. — Нет, правда! — В последнее время Палин взял привычку говорить сыну, чтобы его никто не беспокоил, напрасно отвлекая от поисков причин исчезновения магии, — Отец встречается с командующим гарнизона Соламнийских Рыцарей, те послали за ним. Разведчики донесли об отряде Рыцарей Тьмы, которые сосредоточиваются на границах Квалинести. Возможно, драконица собирает силы для атаки Утехи.

Люси нахмурилась:

— Берилл, эта старая зеленая гадина, должна знать: если она нападет на Утеху, ее кузина Малис будет весьма недовольна!

— Договор! — фыркнул Алин. — Неужели ты думаешь, что проклятые твари будут соблюдать какие-либо пакты? В их словаре нет слова „честь“, они даже не смогут написать его на пергаменте.

— А что думает твой отец?

— Понятия не имею. — Маг опустил голову. — Он не разговаривает последние дни. Ни с кем. Если бы мама жила с нами, он бы все равно молчал.

Вспомнив последнюю ссору родителей, Алин совсем загрустил.

— Знаешь, я думаю, стоит посмотреть на этот твой состав, — решила отвлечь его Люси от мрачных мыслей.

— Серьезно? — воспрянул духом маг. Он всегда считал себя домоседом. От деда он унаследовал крупные кости, но на них так и не наросло мясо. Зеркала упрямо показывали Алину правду, но никогда не открывали его собственную душу — ее могли распознать лишь друзья. Сейчас лицо мага-алхимика светилось

вдохновением. — Тебе понравится, он и в самом деле удивительный. — Алин широкими шагами бросился в зал, таща Люси за собой. — Гарантирую!

В конце коридора находилась лаборатория, в которой занимались опытами старшие ученики и мастера. Еще несколько лет назад она была переполнена в любое время дня и ночи — маги изучали действия заклинаний и природу древних артефактов, создавали собственные талисманы.

Теперь лаборатория пустовала, лишь Алин с отцом использовали ее для работы. Да и Палин вместе с двадцатью мастерами и последними учениками больше исследовали древние тексты, стараясь найти ключи к неотвратимо утекающей дикой магии. Почему она вдруг прекратила работать, оставалось неразрешимой загадкой.

Алин вошел внутрь, втолкнув Люси перед собой — та немедленно закашлялась и наморщила нос.

— Что за ужасное зловоние? Алин, ты вывел новый вид овражного гнома?

— Нет, это самородная сера… или, возможно, селитра…

Маг подвел Люси к большому каменному столу, заляпанному черными пятнами, словно там готовили ежевичное пюре. На нем выстроились в ряд десяток кувшинов с различными веществами. Тут пахло еще резче; Люси не удержалась и принялась яростно чихать.

— Если ты ищешь золото, то…

— Ха! Золото… — Алин уселся за стол. — Я создал нечто более удивительное, чем золото.

— И что это? Я ничего не вижу…

Маг хмыкнул и покраснел:

— Ну, возможно, „создал“ — слишком сильно сказано… Посмотри сюда… Здесь у меня набрано немного селитры… Знаешь, — добавил он, помешивая в одном из кувшинов, — мой великий дядя Рейстлин использовал селитру, чтобы дурачить врагов, когда слишком сильно уставал, творя заклятия… Смотри…

Алин ударил кремнем о кресало и высек искру. Огонь упал на белое вещество, вспыхнул и погас ослепительный свет — такой яркий, что Люси зажмурилась.

— Внушительно, — сухо произнесла она, — Рейстлин, наверное, много гоблинов перепугал в свое время.

— Точно, дедушка мне рассказывал… — Алин сунул совок в один из кувшинов и выложил на стол шесть мер черного порошка. — Там был древесный уголь, а теперь добавим меру серы… — Алин говорил, одновременно перемешивая порошок. —

Эта вспышка навела меня на размышления, нельзя ли заставить ее работать с большей пользой? Чтобы она стала не огнем, а молнией. Так я пришел к использованию серы, хотя перепробовал немало ингредиентов. — Он на миг прервал работу и поднял глаза на Люси, — Я действительно неважный маг, ведь родиться довелось в мире, из которого ушли Боги. В мире, где первородная магия утеряна… Да, отцу удалось найти дикую магию, спасти от немедленной гибели остальных чародеев… Но, так или иначе, мне не удалось по-настоящему сделать волшебство профессией. Отец говорит, мне не хватает дисциплинированности и настойчивости. Раньше я думал — он прав, но теперь начал сомневаться, ведь с алхимическими опытами у меня не возникает проблем. Я сижу за ними часами, не замечая смены дня и ночи. Но стоит мне серьезно заняться магией — все, одна головная боль и резь в животе. А это было еще в те дни, когда магия работала без перебоев! Я намного более счастлив здесь, чем в кабинете мага.

— Может, твою маму во время беременности испугал овражный гном? — поддразнила его Люси.

— Возможно, — рассмеялся Алин, — надо будет ее расспросить. — Он ссыпал получившийся состав в маленький слюдяной стаканчик. — Теперь смотри! Но лучше отойди назад.

Зажав нос, Люси послушно отступила — она знала, что Алин никогда не был склонен к преувеличениям. Маг протянул руки с кремнем и кресалом и высек новую искру над стаканчиком…

На этот раз вспышка сопровождалась громовым ударом — по комнате с шорохом разлетелись осколки стакана, заставив тяжелый стол подскочить, а пол — вздрогнуть. Люси закрыла уши руками, но гром уже стих, хоть молния и не сверкала.

Лицо Алина оказалось перепачканным углем и селитрой, но он этого не замечал, гордо глядя на любимую:

— Как тебе? Думаю, этот состав может распугать не только гоблинов?! Я называю его громовым порошком. Можешь подойти, теперь безопасно.

— Что ты сказал? Я ничего не слышу! — Все еще держась за уши, словно громовой порошок мог сработать еще раз, Люси приблизилась, косясь на новое черное пятно на столе.

— Да… Алин, это было очень… интересно.

— Я знаю! — весело отмахнулся тот. — Им можно взрывать груды камней, на той неделе я ходил в горы и пробовал. Валуны вырвало и раскидало в стороны, а недавно я устроил взрыв в лесу, так грохот был слышен за несколько миль! — Сейчас он больше всего напоминал маленького сорванца, рассказывающего о собственных проделках. — Я вернулся в город, а люди косились

на небо, ожидая скорой грозы. Поэтому я так и назвал смесь! — Маг начал готовить новую порцию. — Если бы у меня его было достаточно, можно было бы обрушить каменную стену вроде одной из тех, что окружают нас. — Алин неопределенно махнул рукой.

— Мне кажется, твой отец может заметить нехватку стены или двух, — осторожно произнесла Люси.

— Не волнуйся! — Маг улыбнулся еще шире. — Это только теория, один я не буду ее проверять, Хочешь, посмотрим взрыв еще раз?

— М-м-м… нет. — Люси быстро взглянула на Алина и, увидев его разочарованный взгляд, быстро добавила: — Это было потрясающе, но у меня до сих пор в ушах звенит. Может, через некоторое время… позже… мы еще повзрываем пни и валуны вместе… Возьмем припасы для пикника… — Она не выдержала и захихикала.

— Ты смеешься надо мной? — притворился оскорбленным Алин. — Прекрасно, недоверчивая, смейся сейчас. А вот когда тебе и вправду понадобится выкорчевать пень, что ты запоешь тогда, а, леди Люси?

Женщина критически осмотрела его:

— Посмотри на себя! Все лицо в копоти, на лбу порезы. Лучше иди, умойся, а потом помоги мне собрать вещи и отправить их в „Последний приют“.

— Да, госпожа, — с притворной кротостью поклонился маг, вставая и вытирая испачканные ладони об испачканную мантию.

Люси выгнала его из лаборатории, как кроткая упитанная овчарка — длинную тощую овцу. Но в коридоре Алин приостановился:

— Нет, тебе обязательно нужно увидеть, как высоко взлетает пень после взрыва!

Люси толкнула его по направлению к туалетным комнатам:

— Ты совершенно неисправим…

Вещей у Люси оказалось немного. Алин нес обитый железными полосами сундук, в котором покоились те немногие артефакты и свитки, что чародейка скопила за эти годы.

Покинув Академию, они достигли гостиницы, которой по-прежнему управляли дедушка и бабушка Алина — Тика и Карамон Маджере. Они были как осенние листья, поражающие красотой переливов желтого и красного, что последними цепляются за ствол.

Маги, как всегда, наслаждались компанией друг друга, но Алин казался довольным, когда показалось здание гостиницы, —

они успели изрядно запылиться, а Люси пыхтела и сопела под весом корзины.

Не успели они сделать нескольких шагов, как над Утехой разнесся бой тревожного колокола. В него мог ударить только шериф и только в случае серьезной опасности. Могло случиться что угодно — от пропажи заблудившегося ребенка до атаки драконов.

Кузнец бросал учеников у горна и, скинув кожаный фартук, бежал на площадь, женщины спешили туда с маленькими детьми на руках, не успев отряхнуть с платьев муку.

— Бросим поклажу здесь, потом вернемся! — крикнула Люси, и Алин согласился.

Не успели они преодолеть и половины расстояния до гостиницы, как заметили Палина, который быстрыми шагами направлялся в сторону Академии. Голова мага была низко опущена, руки спрятаны в широкие рукава мантии.

— Отец! — позвал Алин, но тот либо не расслышал, либо не захотел сделать этого и лишь ускорил ход.

— Отец! — закричал маг во все горло и встал на пути главы Академии.

Лишь когда Палин едва не врезался в своего младшего отпрыска, он поднял голову и окинул обоих мрачным взглядом.

— Нет времени говорить, сын, — резко бросил он. — Я очень спешу.

— Но что случилось, отец? — спросил Алин. — Что происходит?

— Силы Берилл собираются атаковать Утеху, — выдавил из себя Палин и двинулся было дальше, но внезапно повернул назад. Алин с открытым ртом смотрел на него:

— Но… это смешно, отец, неужели она совсем выжила из ума?

— А с чего ты взял, что драконы изначально нормальны? — парировал Палин. — В любом случае, смешно это или нет, рыцари сообщили, что вражеские силы во главе с Рыцарями Тьмы не направляются в Убежище, как считалось раньше. Соламнийцев перехитрили. Они развернулись к Утехе и заходят с юга. Рыцари приложат все силы, чтобы помочь нам и атаковать их авангард, а здесь начат сбор ополчения. В данный момент я спешу в Академию, чтобы собрать артефакты, пригодные к сражению. Будет бой…

— Я с тобой, — сказал Алин.

— И я, с вашего разрешения, — пропыхтела Люси. — Нет, вы должны вернуться в Академию, нельзя допустить паники среди учеников и мастеров. Сын, я должен быть уверен, что в Академии

все спокойно, а могу рассчитывать лишь на вас.

— Не думаешь же ты, что враги могут атаковать и Академию? — поднял брови Алин.

Палия лишь пожал плечами:

— Лорд Уоррен уверен, что они смогут отбросить врага, разведчики сообщают, их не так много. Рыцари Тьмы совсем обнаглели, если решили напасть с такими скромными силами. Я больше переживаю, как бы наши местные негодяи не начали грабежи, пользуясь суматохой… Ладно, пора идти, пусть нам сегодня сопутствует удача…

Маг быстро пошел дальше, не ожидая ответа, в полной уверенности, что они сделают все так, как он и предложил.

— Ну, хоть некоторая ясность… — Алин кряхтя поднял чемодан и зашагал в сторону гостиницы.

С площади доносился громкий голос Лорда Уоррена, официально объявляющего о начале сбора сил самообороны.

— В таком сражении славы не заработаешь, — проворчал маг, — разве только остановишь кровь из носа у Томаса, она всегда идет, когда он нервничает…

— Но твой отец прав, — проговорила Люси из-под корзины, — ученики должны находиться под нашим контролем. Одним Богам известно, что им наприходит в головы — половина будет биться в истерике, а другие кинутся в битву! Да и многие мастера не лучше… Вот от меня, к примеру, в битве проку будет мало. — Люси оглядела свое полное тело.

— Так или иначе, скоро все узнаем… — мрачно протянул Алин.

Опасаясь дракона, возможно скрывающегося неподалеку, Рыцари Соламнии и ополченцы Утехи давно готовились к такому повороту событий.

Смотр отрядов прошел быстро — такие смотры проводились еженедельно, поэтому через шесть часов после сбора рыцари двинулись в путь в сопровождении полка прекрасно вооруженных горожан. Небольшая команда людей, призванная остаться в Утехе и заниматься запасами воды на случай прямого нападения драконов на город, была доверена Карамону.

— Где Маджере? — наклонился Лорд Уоррен к своему помощнику.

— Я видел его в конце колонны…

— Прекрасно, передай магу, мне нужно срочно с ним поговорить.

Помощник удивленно поднял брови.

— Хорошо, спроси у мастера Маджере, не соблаговолит ли он переговорить со мной, — грубо бросил Лорд Уоррен и

пробормотал, когда помощник удалился: — Ох уж эти гражданские…

Палин теперь ехал впереди вооруженного отряда вместе с командующим. Они никогда не были друзьями, но испытывали уважение друг другу. Лорд Уоррен был категорически против использования магии на поле брани, твердо веря, что воинов, охранявших мага, можно с большим проком использовать в другом месте. Но, к его сожалению, иногда применение магии становилось необходимым, особенно пиротехнической, поэтому маг должен находиться впереди. По крайней мере, командующий доверял храбрости и здравому смыслу Палина, даже если не доверял его ремеслу.

— Мастер Маджере, — сказал Лорд Уоррен, — спасибо, что уделил мне время для общения.

Палин молча поклонился, кутаясь в дорожный плащ с капюшоном, полностью закрывавшим лицо. Он предпочитал не снимать его, поэтому командующему не осталось ничего другого, кроме как прочистить горло и обращаться к безликой фигуре.

— Я знаю… у магов много тайн, но все же… чтобы спланировать нападение… я должен знать…

— …какую магию я использую, — закончил за него Палин. — Безусловно, милорд.

Маг достал из мешка и показал Лорду Уоррену коробочку из красного дерева, украшенную серебром, затем раскрыл ее, продемонстрировав двадцать серебряных шариков, уютно устроившихся в гнездах красного бархата. Каждый был изукрашен древними рунами и орнаментами.

Командующий с опаской поглядел на шарики:

— Что они могут?

— Если бросить один из них под ноги вражеской конницы, шар взорвется, выпустив на свободу тысячи магических насекомых, чей укус в сотни раз больнее укуса шершня. Даже самый вымуштрованный боевой конь впадет в безумие за две-три секунды, после чего конница станет опасной не нам, а себе и вражеской пехоте.

— Впечатляет. — Лорд Уоррен сразу оценил ценность такого оружия. — А как они отличают своих от чужих?

— Никак, — спокойно сказал Палин, не заботясь о произведенном впечатлении.

Лорд Уоррен нахмурился:

— Тогда зачем нам оружие, которое сведет с ума и собственных лошадей?

Палин изо всех сил старался сдерживать раздражение, вызванное подобной магической неосведомленностью:

— Милорд может приказать привязать шарики к стрелам, и пусть они разобьются далеко в гуще врагов. Наши рыцари должны будут только не влезать в схватку минут пятнадцать, пока заклинание не рассеется.

— Тогда ладно, — довольно кивнул Уоррен. — Я назначу лучшего стрелка для этого задания, Маджере. Но не стреляйте, пока не получите моего сигнала!

— Естественно, милорд, — холодно бросил Палин, — у меня есть некоторый опыт самостоятельных сражений.

— Хорошо, — удовлетворенно улыбнулся командующий, — даже прекрасно.

Палин собрался уже тронуть коня, но внезапно натянул поводья:

— Милорд не находит, что все происходящее очень странно? Я кое-что смыслю в военном искусстве, многое мне рассказывал отец… Их слишком мало, чтобы пытаться атаковать такой крупный город, как Утеха.

— Ха! У этих рыцарей теперь новый командир. Его зовут Таргонн. Он книжник, жалкий бумагомаратель, а не воин. Наши шпионы доносят, что он почти ничего не смыслит в тактике и стратегии, собственные офицеры не уважают его, лишь боятся. Таргонн добился своего поста убийством, поэтому наверняка надеется добиться легкой победы, напав неожиданно… — Уоррен весело хмыкнул. — Мы приготовим сюрприз, докажем, что нас не застанешь врасплох!

Палина не убедили его хвастливые слова, и он отстал, пропустив вперед даже пехотинцев. Маг был обеспокоен, но не мог найти этому вразумительного объяснения. Нынешние действия Рыцарей Тьмы не имели смысла, а Лорду Уоррену было угодно выдавать их за тупость командующего. У Темных глупцы не были в почете, и им редко удавалось выбраться на самый верх. Палина все больше охватывало чувство, что с каждым шагом коня он удаляется от поля битвы…

— Так что, как видите, волноваться не о чем, — сказал Алин собранию учеников и мастеров, — у рыцарей все под контролем. Как сказал мой дед, мы наткнулись на небольшие силы неприятеля и разобьем их без особых потерь… Отец просил, чтобы на время военных действий распорядок Академии не менялся. — Он сделал паузу, обводя собравшихся взглядом. — Да, Абигейл?

Маленькая рыжеволосая девчонка, глазастая и острая на язык, была настоящей отравой для мастеров. Она была из числа тех рано поумневших детей, которые не делают никакой тайны из

своего презрения к миру взрослых. С тех пор как студенты начали покидать Академию, Палин надеялся, что она присоединится к их числу. К сожалению, Абигейл осталась. Видимо, родители не сильно жаждали общаться с дочерью и радовались, что сбыли ее с рук.

— А если рыцари не справятся? — раздраженно крикнула она. — А потом Темные атакуют нас?!

— Это маловероятно, — терпеливо ответил Алин. Люси только закончила останавливать кровотечение у маленького Томаса, и сейчас глаза мальчишки вновь расширились от ужаса. — Почти невероятно. Мы находимся в защищенной крепости, полностью каменной. На ворота наложены заклинания, никто не сможет добраться до нас.

— Дракон сможет! — не согласилась девочка.

— Дракон… — Подбородок Томаса предательски задрожал, а рука немедленно метнулась к носу.

— Запрокинь голову! — приказал ему Алин, — Нас не собираются атаковать никакие драконы! А теперь возвращайтесь в классные комнаты и продолжайте занятия.

— Синие драконы с огненным дыханием! — потешно завыла Абигейл, корча рожи над товарищем. — Они дохнут на тебя и изжарят до головешек, а потом будут жрать и чавкать! Сначала они откусят голову, а потом…

— О-о… — застонал Томас — из его носа уже вновь хлестала кровь.

Алин с мрачным лицом послал Абигейл в библиотеку, надеясь, что чистка книг убавит разыгравшееся воображение девчонки. Дальше день пошел спокойнее: кровотечение у Томаса удалось остановить, а Абигейл в виде дополнительного наказания была отправлена в спальню раньше всех. Не следует расстраивать маленьких мальчиков… да и больших тоже.

— Я думаю, тебе надо остаться в Академии, а не возвращаться в гостиницу, — сказал Алин Люси. — По крайней мере — сегодня.

— Это… приказ? — Ямочки на ее щеках обозначились резче.

— Нет, — вспыхнул маг, — я не подразумевал ничего такого… Ну… если в Утехе что-то случится… Не думаю, что это произойдет, но…

— Я останусь, — кивнула Люси. — Я давно уже это решила. Томас в таком состоянии, что пришлось наложить на него заклятие сна. Представляешь, заклятие сна! А потом я смогла набросить магический засов на комнату с артефактами. Думаю, Алин, кризис придал мне сил, хотя с драконом, конечно, не справиться…

— Драконы… — скривился маг. — Наслушалась Абигейл? Я предпочту столкнуться с ними, чем провести еще пяток часов с этим демонским ребенком. По моим подсчетам, она задала семьсот восемьдесят пять вопросов, из которых на семьсот восемьдесят четыре смог бы ответить только Астинус. А семьсот восемьдесят пятый был такой: „Как дети появляются в животике у мамы?“ — Он тяжело вздохнул, потом улыбнулся. — Спать не хочется. Как насчет перекинуться в картишки? В „Лис и собак“?

— Я буду „собакой“, — кивнула Люси.

— По паре медяшек за сдачу?

— Договорились!

Алин развернулся и пошел к себе в комнату за колодой.

— Надо же, — Люси устало швырнула колоду на стол, — я пас, твоя взяла!

— Ты должна мне… — Алин скосил глаза на меловые записи сбоку от стола, — восемь стальных монет и десять медяшек.

— Ты жулик! — воскликнула Люси. — Я была уверена, что в последней взятке будут шесть охотников, а выпала жалкая четверка! Я бы разобралась с тобой, но уже слишком устала…

— Я не жулик! — надулся Алин. — Если бы ты научилась считать вышедшие из игры карты…

Внезапно за стенами вновь дико и отчаянно забил городской колокол, а черта секунду послышался громкий крик снизу:

— Алин! Открывай ворота!

— Дед?! — вскочил на ноги маг.

— Не думаешь ли ты… — Люси замерла, продолжать было слишком страшно. — У нас же полно детей…

Алин уже несся вниз по лестнице, перепрыгивая через две, а то и через три ступеньки. Люси подобрала юбки и последовала за ним, торопясь изо всех сил.

Маг распахнул дверь и, выскочив на схваченный морозцем двор, начал возиться с огромным брусом, запиравшим входные ворота. В этот момент он был даже рад, что не приходится возиться еще и с магическими стражами.

Академия располагалась в нескольких милях от Утехи, выстроенная на вершине холма из камня и дерева, она представляла собой настоящую маленькую крепость.

Вечерний воздух пах холодом и свежестью, полная луна рассыпала блики по покрытой инеем траве. Карамон Маджере был все таким же высоким и мускулистым, хотя ему давно перевалило за восемьдесят. Седые волосы воинственно топорщились, глаза были ясны и остры, а спина не горбилась. Его силуэт мрачно выделялся на фоне звездного неба, а позади тяжело пыхтели, выдыхая облака пара, два битюга, впряженные в

повозку с сеном. Было видно — Карамон добирался до Академии в страшной спешке.

— Дед, что…

— Нас надули, Алин! — прямо выпалил Карамон. — Рыцарей унесло с такой скоростью, словно они гнались за кендерами. Я послал нескольких парней в патрули на запад, на всякий случай — вдруг силы Берилл решат напасть с другого направления. Они вернулись недавно, сообщив, что небольшой отряд драконидов движется прямо сюда.

— Они нападут на Утеху, — задохнулся Алин.

— Не на Утеху, внук… — Карамон положил руку ему на плечо. — На Академию Волшебства!

— Не может быть! Откуда ты знаешь?

— Мои парни затаились в кронах валлинов, и примерно семьдесят пять драконидов прошли под ними. Они услышали обрывок разговоров — твари дрожали от алчности, ведь Берилл обещала щедрую награду за каждый артефакт, принесенный из Академии. И двойную награду за каждого мага, схваченного живьем…

— Но рыцари… — промямлил Алин, его разум оцепенел как у пьяного.

— Я послал к ним гонца, — сказал Карамон. — Мое почтение, мастер Люси. — Он сдернул капюшон и поклонился женщине, безмолвно остановившейся за спиной Алина. — Но они, скорее всего, не вернутся вовремя. — Карамон вновь натянул капюшон поглубже. — Если они двигались с такой же скоростью, то прошли уже миль тридцать. Пехота и кони устали, они не смогут вернуться в Утеху без отдыха. Максимально быстро — к завтрашней ночи, а до нее еще очень далеко.

— Мы должны продержаться, — наконец сказал Алин. — Стены Академии каменные, их не взять такому маленькому отряду… У нас есть много боевых артефактов, не говоря уже о нас самих… — В этот момент маг заметил, как изменилось выражение липа Карамона. — Что такое, дед? Ты не сказал мне всего?

— Дракониды болтали еще о драконах, внук… Мы не знаем точно, мои парни никого не видели, но…

— Драконы! Тогда, возможно, их цель все же Утеха, а не мы! — воскликнул Алин.

— Алин, — упрекнула его Люси, — о чем ты говоришь?

Поняв, чего он только что пожелал, Алин ощутил, как его щеки стали пунцовыми.

— Извини, дед. Конечно, я не хочу, чтобы Утеха была атакована… Это лишь… — Он оглянулся на высокие каменные

стены, что жемчужно мерцали в сером лунном свете. — Отец любит Академию… он не переживет ее гибели…

— Здание можно отстроить заново, — махнул рукой Карамон. — Вот гостиница сгорала дважды за мою жизнь, ее дважды отстраивали, и с каждым разом она становилась только лучше.

— Ты прав, — кивнул Алин, постепенно успокаиваясь. — У нас много детей, именно поэтому ты приехал на повозке…

— Я заберу их в гостиницу, — сказал Карамон. — Но поторопитесь, времени мало!

Люси уже метнулась к дверям, и Алин порадовался, что у них сейчас не полные классы. Они разбудили мастеров и, объяснив ситуацию, начали тихо будить и одевать учеников. После чего им объявили, что они отправляются на некоторое время погостить в „Последний приют“. Вида Карамона, всеобщего любимца, браво стоящего во дворе, и перспективы ехать ночью в повозке с сеном хватило, чтобы развеять все сомнения детей. Абигейл, догадавшаяся о правде сразу, предпочла держать рот на замке и даже помогала в повозке держать голову Томаса запрокинутой. Когда все устроились, Карамон посмотрел с козел на Алина с Люси, которые одиноко стояли в воротах.

— Алин… — начал он.

— Я останусь здесь, дед, — покачал головой маг. — Нельзя допустить, чтобы артефакты достались Берилл, и я позабочусь об этом. Но мастер Люси отправится с тобой…

— Спасибо за заботу, мастер Алин, но мастер Люси никуда не отправится! — спокойно сказала женщина. — Лучше трогай быстрее, Карамон. Не волнуйся, мы справимся!

Карамон хотел было возразить, но, подумав, решил, что магические артефакты слишком мощны и ценны и Палин поступил бы так же. Он вздохнул и прищелкнул кнутом над головами лошадей. Мощные животные рванулись вперед, без труда набрав скорость даже с таким большим грузом.

Колеса повозки протарахтели в ночи, и угрожающая тишина опустилась на окрестности. Алин осмотрелся, но не заметил никакого движения в деревьях. Несомненно, налетчики будут тихи и осмотрительны и он до последнего мгновения ничего не заметит. Что касается драконов, то первым их признаком будет ужасный страх, отнимающий силы и храбрость, лишающий человека воли к жизни. Надо успеть все сделать, прежде чем он свалится в угол, как ребенок, потерянный и кричащий в панике.

— Что будем делать, Алин? — Люси словно прочитала его мысли. — Они могут появиться в любой момент.

Женщина помогла запереть ворота, вдвинув огромный брусок

в пазы.

— Да, все, что мы знаем, — это то, что они могут появиться прямо сейчас… Когда Академия только была построена, в эти ворота были вложены мощные заклинания, которые должны препятствовать насильственному проникновению внутрь…

— Думаешь, они еще действуют?

— Кто знает, — пожал плечами Алин. — Думаю, скоро мы все увидим сами. — Пока они шли через двор обратно, маг заглянул в глаза Люси. — Ты себя хорошо чувствуешь?

— Нет, — призналась та весело, — я так боюсь, что могла бы сейчас броситься по дороге в Утеху и обогнать телегу Карамона. Но я не оставлю тебя, особенно раз у тебя есть план действий… Ведь он у тебя есть, правда?

Алин улыбнулся, с сожалением сжав руки женщины:

— Да, но он очень опасен, и я не уверен, что ты должна быть рядом. Он может провалиться…

— Но я могу помочь?

— Да, — кивнул маг.

— Тогда — к делу! Что ты собираешься предпринять? Спрятать артефакты не получится, драконицы наверняка перевернут тут каждый камень. А если не они, так драконы — я слышала, у красных прямо нюх на магию или что-то в этом роде.

— Я не собираюсь их прятать, — хмыкнул Алин. — Я их похороню…

Капитаном отряда драконидов был огромный аурак по имени Изстмел. Он давно считался любимцем Берилл, и набег на Академию должен был стать новым шагом на его пути к власти. Это была его идея, вынесенная из близкой „беседы“ с одним из молодых магов, другом Палина Маджере.

Месяц назад Изстмел схватил несчастного, когда тот возвращался из Башни Высшего Волшебства в Академию. Берилл страстно жаждала попасть туда, но пока магам удавалось скрывать свое местонахождение. Пленник не смог толком ничего рассказать про Вайрет, но перед, смертью поведал, что Палин, опасаясь нападения, перевез много ценных вещей в Академию.

Вот тогда Изстмел и предложил драконице совершить набег, и та приняла идею. Берилл никому не говорила о том, что в последнее время ощущает уменьшение собственной магической силы. Больше всего она боялась, что это происки кузины Малис, но допускала, что за этим стоят маги из Академии.

Драконица распорядилась начать отвлекающие маневры на юге, чтобы выманить Соламнийских Рыцарей и ополченцев Утехи, оставив Академию беззащитной. Изстмел указал на то, что и город представляет собой лакомый кусок, но Берилл осталась

непреклонной. Кузина Малис однозначно воспримет это как нарушение договора, а биться с огромной и мощной красной прямо сейчас… Но Малис не будет возражать против маленького набега на Академию, чьи маги попортили немало крови и ей самой.

Время Утехи еще придет, но не сейчас.

Отряд Иззтмела выдвинулся из логовища Берилл и, принимая все меры предосторожности, скрытно приблизился к городу. А Рыцари Тьмы получили приказ действовать открыто и привлекать к себе как можно больше внимания.

Несколько часов назад вернулись разведчики, следившие за происходящим в округе. Иззтмел с разочарованием услышал, что в некоторых окнах Академии горят огни, — он надеялся застать всех спящими.

— Докладывай, — повернулся капитан к другому разведчику.

— Господин, — отсалютовал тот. — они знают о нас. Мы заметили нескольких дозорных, скрывающихся в кронах деревьев.

— Проклятие! — взвыл Иззтмел. — Так и думал, что учуял человеческую плоть в лесу, но не было времени проверить… Они все сбежали? Артефакты вывезли?

— Нет, лишь отправили часть молодняка на повозке, — поклонился разведчик, — У меня не было специальных приказов, поэтому я не препятствовал их отъезду. Все произошло около часа назад. Но внутри Академии есть еще как минимум два мага. Я слышал их разговор, они собираются сражаться до конца…

— Это уже лучше… — Иззтмел потер когтистые руки. — Два мага, артефакты и никаких воинов… Надо лишь подождать красных…

— Господин! — крикнул один из драконидов. — Красные драконы показались на горизонте!

Иззтмел повернулся на запад и заметил тьму крыльев, поглощающих звездный свет.

— Приготовиться к атаке!

Его слова быстро прошелестели по цепочке. Дракониды обнажили изогнутые клинки и, пригнувшись, устремились к громаде Академии. Все бежали молча, без воплей и криков. Достигнув ворот, воины остановились.

— Давайте таран! — прошипел Иззтмел, и сзади подтащили ствол огромного дерева, окованный железом.

Дракониды, разбежавшись, с чудовищной силой обрушили таран на ворота. Бревно дрогнуло и немедленно рассыпалось, словно створки были выточены изо льда. Создания Тьмы разлетелись в стороны, точно отброшенные гигантской рукой.

— Там какое-то заклинание, господин! — подбежал к

капитану один из уродливых воинов.

— Да ты что? Правда? — Изстмел рассмеялся. — Держитесь за моей спиной, ничтожества.

Аурак не спеша приблизился к вратам и воздел руки, ощутив пелену защитных заклинаний проклятых магов. Он привел в действие собственные разрушающие чары, ощутив слабое покалывание, будто его кусают тысячи мелких комаров…

На миг Изстмел подумал, что теряет контроль над магией, но тут же все встало на свои места — энергия текла через него ровно и надежно. Огромный конус огня вырвался из пальцев драконида, обращая в пепел древесину ворот.

Издав дикий вой, аурак рванулся вперед, в проем меж распадающихся створок, и помчался дальше…

При первом ударе тарана Люси вздрогнула и рассыпала большую часть угля, которым наполняла корзину.

— Осторожнее, — кисло сказал Алин, — у нас не так много припасов, чтоб разбрасывать их.

— Я не разбрасываю, — отрезала Люси. — Просто дрожу как осиновый лист. Ты что, ничего не слышишь, что ли? Они уже здесь! — Внезапно женщина побледнела. — Там еще что-то! Ужасное!

— Драконы, — мрачно пробурчал Алин. — Ты чувствуешь первые признаки драконьего страха. Борись с ним. Люси, твари еще достаточно далеко, будем надеяться, что и дракониды не смогут быстро к нам проникнуть. — Он скрупулезно отмерял капли в сосуд. — Теперь надо наглухо запечатать крышку…

— Зачем еще? — нервно спросила Люси.

— В ходе экспериментов я обнаружил, что громовой порошок более эффективен в замкнутом пространстве.

Алин так и сделал. Отнеся тяжелую корзину, заполненную черным порошком, в комнату с артефактами, Люси притащила другую. Напряженно работая, они смогли приготовить громового порошка только на два больших короба и один маленький. Маги разместили их около больших несущих колонн, поддерживающих свод помещения.

— Если я прав, — проговорил Алин, — после взрыва потолок обрушится и завалит комнату… Даже драконы не смогут сразу до нас добраться.

— Они приближаются…

Да, страх наваливался сильнее, прокрадываясь внутрь и холодя сердце. Алин судорожно перевел дыхание.

— Надеюсь, у тебя все получится. — Люси явно была настроена скептически. — Ты ведь раньше не делал так много

смеси…

— Какая разница, — дернул плечом маг. — Сейчас заодно и проверим.

Он перевернул третий короб и начал сыпать порошок на пол, отступая из комнаты.

— Для чего это?

— Сейчас. Скажи мне, когда я дойду до конца коридора, а то мне ничего не видно.

— Хорошо, ты почти дошел… все!

— Уф… — Алин с трудом разогнулся и тряхнул затекшими руками. Порошок в малой корзине почти кончился. — Давай мне тот факел, нам необходим огонь!

Он указал на кольцо в стене.

— Ты забыл, что мы с головы до ног измазаны этим порошком?! Какой еще факел! — крикнула Люси.

— Не беспокойся, просто оботри руки, и все. В таких количествах порошок не причинит вреда.

До них донесся дикий протяжный вопль драконидов.

— Они прошли сквозь ворота, — выдохнула Люси. — Поспеши, Алин!

Маг кинулся к стойке в виде железной горгульи и выдернул из нее факел. Послышался резкий щелкающий звук скрытого механизма. Алин передал факел Люси и подергал железные узоры в разные стороны, пока вновь не услышал щелчок. Вернув горгулью в первоначальное положение, он опять уловил стук.

Наступила пауза, во время которой маг нервно жевал губами, но через минуту раздался рокот и скрежет, и часть стены отъехала в сторону. Он облегченно вздохнул и показал Люси на открывшийся проем.

— Удивительно, — сказала та, — я и не знала, что тут есть проход!

— Никто не знал — только мы с отцом, — объяснил Алин. — Ход был сделан именно на такой случай. Кстати, это моя идея! — добавил он с легкой гордостью. — Давай факел, Люси, и беги по этому коридору как можно быстрее… Он выходит в лесу около дома отца.

— Я подожду тебя.

— Люси! О Боги! — Маг свирепо посмотрел на нее, но женщина ответила не менее яростным взглядом.

Времени спорить не было — все ближе раздавались громкие вопли и крики, сопровождаемые треском дерева.

Входная дверь рухнула.

Алин коснулся факелом следа громового порошка; тот немедленно вспыхнул. Огонь быстро побежал, съедая порошок, по

направлению к корзинам в комнате. Маг некоторое время понаблюдал за ним, затем отступил в проем, оттеснив Люси в темноту, и резко дернул за находящийся рядом рычаг.

Каменная панель мягко встала на место.

— Бежим! — закричал он, кидаясь вперед. — И не думай о скромности — подбери юбки повыше и перебирай ногами изо всех сил!

— Какое милое предложение, — пропыхтела Люси, послушно подняв юбки почти до талии и не отставая от Алина.

Они неслись, вжимая голову в плечи, каждый миг ожидая взрыва, но ничего не происходило. Никаких звуков, кроме эха их собственных шагов.

— Разве… он… не должен… уже… к этому… времени? — задыхалась Люси.

— Да. — Алин остановился, прислушиваясь. — Уже должен был взорваться. Мы потерпели неудачу…

Завернувшись в плащ, Палин проворочался почти всю ночь, безуспешно пытаясь отогнать неприятные мысли и задремать. Незадолго до рассвета он, наконец, задремал, и тут же кто-то потряс его за плечо.

— Жаль будить тебя, мастер маг, — произнес голос из темноты, — но Лорд Уоррен желает срочно говорить с тобой.

Палин с трудом выпутался из складок плаща и отправился к шатру командующего. Лагерь наполнялся шумом и криками офицеров и оруженосцев, призывающих солдат к оружию. Маг задался вопросом, что могло случиться столь неожиданно.

— Случилось странное, Маджере, — мрачно процедил Лорд Уоррен. — Разведчики сообщили, что враг исчез.

— Исчез? — переспросил еще не до конца проснувшийся Палин.

— Исчез, пропал — понимай как хочешь! Целый отряд растаял в ночи, а знаешь, что это означает? — Лорд Уоррен не дал ему ответить. — Это означает, что все это было отвлекающим маневром! Нас обманули! Пока мы тут, раззявив рты, гонялись за призраками, враг пошел на Утеху!

Опасения Папина внезапно обрели законченную форму. Лорд Уоррен не прав — Берилл не нужен город. Она хочет кое-что более ценное, чем Утеха! Маг выхватил из поясного мешочка кольцо и, надев его, немедленно растворился в воздухе.

Лорд Уоррен повернулся и увидел, что разговаривает с пустым местом.

Командующий протер глаза:

— Маджере?

Никакого ответа.

— Маги… — пробормотал Уоррен, выходя из шатра, который уже начали складывать помощники. — Загадочные парни — даже лучшие из них…

— Вот комната, где маги хранят богатства. — Иззтмел глянул на запертую дверь поверх грубой карты, нарисованной со слов умершего от пыток мага.

Четверо драконидов за его спиной ожидали команд.

Капитан огляделся: все сходится с описаниями, на нижнем уровне башни, рядом с поворотом на лабораторию. Единственная странная вещь заключалась в непонятных корзинах, стоящих около несущих колонн, и черном порошке, которым был засыпан весь коридор.

— Что это за грязь? — подозрительно спросил Иззтмел. — Помощник, иди, посмотри.

— Да, господин. — Драконид-базак осторожно приблизился к составу.

— Посмотри на него вблизи и скажи, что это такое!

Базак почти подполз к порошку, готовый к любой неожиданности, но тот невинно лежал на полу. Драконид осмотрелся:

— След идет по коридору дальше, господин!

— Тогда иди и исследуй до конца, — начинал терять терпение Иззтмел. Он был настолько близко от сильной магии, что его чешуя щелкала от возбуждения.

Бозак притопал обратно.

— Господин, похоже, кто-то хотел устроить нечто вроде пожара, — доложил он, — часть порошка горела в другом конце коридора.

— Люди! Только они могут придумать такие глупости… — пробормотал Иззтмел, поддел несколько крупинок когтем и поднес к носу. — Древесный уголь, — вновь фыркнул он. — Тухлые яйца и лошадиная моча… видимо, род магии… ладно, что бы это ни было, оно потухло. А теперь займемся артефактами! — неожиданно взревел капитан. — Я чувствую их за дверью!

Иззтмел подергал металлическую дужку и облизал губы длинным языком:

— Драгоценности охраняют тупое железо и слабый магический замок! Даже ребенок попадет туда!

Аурак начал ткать новое заклинание — запирающие чары дрожали, но сопротивлялись. Он усилил давление и ощутил, как заклятие уступает. Остался только простой железный замок.

Прозвучали слова заклинания, вызывающего молнии, и

когтистая рука указала на дверь.

Магия, вспыхнув, рванулась к стоящей корзине…

Алин и Люси стояли на опушке леса и, держась за руки, наблюдали, как два огромных красных дракона описывают ленивые круги над Академией.

Около сгоревших ворот стояли патрули, наблюдая за округой. Видимо, отпора драконицы не ожидали, потому что все время переругивались и сетовали на судьбу, оставившую их на посту, в то время как другие грабят.

Изнутри Академии доносился грохот мебели, звон стекла и хриплый хохот. Каждый удар болью отдавался в сердце Алина. Все ценное драконицы выбрасывали из окон, чтобы потом упаковать и утащить с собой.

— Ты сделал что мог, Алин, — мягко произнесла Люси. — Даже больше…

— Я сделал мало, — с горечью произнес тот, — и это история всей моей жизни. Ничего в ней я не делал достаточно хорошо, ни для занятий магией, ни для собственной жены…

Люси внезапно вскрикнула и впилась ногтями в его ладонь:

— Кто там?!

Во внутреннем дворе из лунного сияния неожиданно материализовалась фигура и тут же замерла, словно пораженная увиденным. Алин немедленно узнал ее.

— Отец!

Но патруль драконидов тоже заметил мага, а они были гораздо ближе.

— Отец! — вновь закричал Алин. — Сзади!

Палин обернулся, подняв руку, готовый бросить заклинание. Огромные огненные шары поднялись над Академией, языки пламени взвились выше, чем самая высокая башня. Все находившиеся рядом ослепли на несколько минут. А затем пришел гром взрыва, идущий из самых глубин здания, — он пронесся над холмом, сбив всех с ног.

Палин и драконицы рухнули в грязь, драконы в вышине отчаянно забили крыльями, уходя на безопасное расстояние. Взрыв вырвал сердце Академии Волшебства — в воздух летели камни и щебень, словно поднятые смертельным штормом. Огромные куски дерева кувыркались как пушинки, со свистом проносились валуны, из которых были сложены стены.

Не обращая внимания на опасность, Палин вскочил на ноги, крича что-то, но из-за грохота Алин не мог его расслышать. И без того чудовищный шум усилился — начала рушиться Большая Башня. Ночь стала ярким днем, дым затянул окрестности.

Драконiды ошеломленно смотрели на пылающие руины, потом один из них поднял голову к драконам и яростно потряс кулаком:

— Слепые глупцы! Зачем понадобилось все взрывать?! Там было полно наших парней!

— Там было море всякого ценного! — вторил ему другой.

Красные игнорировали их — работа оказалась выполненной совершенно неожиданным образом. Взмахнув подпаленными крыльями, они неуклюже отправились восвояси, еще не придя в себя от последствий взрыва и намереваясь сообщить Берилл, что во всем виноват аурак Иззтмел…

— Не будем возвращаться с пустыми руками, — зашипел третий драконид, — прихватим с собой хотя бы этого человеческого ублюдка. Один маг лучше, чем ничего.

— Отец, берегись! — надрывался Алин, но Палин не слышал сына. Он потрясение стоял и смотрел на кончину своей мечты.

Алин бросился к нему, но Люси успела ухватить мага за мантию и удержала его.

— Ты не поможешь ему, они только схватят и тебя тоже! Надо послать весть твоему деду, он вышлет спасательную партию. Драконидов будет несложно выследить… Алин, не делай этого! Не делай!

Драконiды окружили Папина, тот не сопротивлялся, все еще потрясенный взрывом, а вернее, гибелью любимой Академии. Маг даже не посмотрел на врагов, когда ему вязали руки за спиной, — он не сводил глаз с пожара и долго еще выворачивал шею, когда его уводили прочь.

— Можешь отпустить меня… — Голос Алина был хриплым от дыма.

Люси медленно ослабила хватку. Маг еле держался на ногах, казалось, он на грани обморока. Слезы текли по черному от угля липу, безумие ушло из глаз.

Теперь и Люси ощутила, что плачет.

Издалека раздался частый бой колокола — в Утехе, где заметили пожар.

— Возможно, давно следовало это сделать… — горько прошептал Алин, доставая из кармана пачку листов с записями экспериментов. Он разорвал их пополам, потом еще раз, и продолжал, пока земля не покрылась мелкими кусочками бумаги размером не больше хлопьев пепла. — Это записи о громовом порошке и сама формула… Жаль, я не смогу вырвать ее из своей головы!

— Может быть, сработало заклинание… — успокаивающе начала Люси.

— Магия — это навык, дисциплина, искусство… Использование магии требует концентрации и жертвенности… а громовой порошок… — Алин посмотрел на развалины Академии и задрожал. — Любой головорез без мозгов может использовать его, понимаешь, Люси?! Что я наделал?! Какую ужасную силу принес в мир?! Жаль, что я не задумывался об этом раньше…

— Ну, по крайней мере, теперь никто ничего не узнает, — мягко сказала Люси, гладя его по плечу. — Мы скажем, что Академию уничтожили драконы…

Алин тщательно затаптывал в грязь куски бумаги.

— Никто не узнает… — повторил он. — Никто никогда не узнает!

ВЗРАЩИВАЯ „DRAGONLANCE“
Вспоминает Джейми Чамберс

Все началось для меня как игра. Мой отец играл в D D уже больше года и недавно начал новую кампанию. Он был необычайно возбужден и показывал мне фотокопированный материал по итогам первой игры.

Мне было десять лет.

Листы представляли собой грязные принтерные копии на тепловой бумаге, но, едва посмотрев на них, я ощутил, как мое сердце забилось сильнее. Сверху шли характеристики Стурма Светлого Меча вместе с иллюстрацией Ларри Элмора, потом краткая вводная история „Как встретились компаньоны“ для лучшего понимания ролей игроков. Наверное, я перечитал листы три или четыре раза, а через несколько дней отец пришел домой с двумя пакетами.

Это были первые два модуля приключений „Dragonlance“, папа знал, что мы с приятелями уже играли в нее, но предложил начать собственную игру. Вскоре я обнаружил, что с головой ушел в книгу правил, и начал выполнять *собственную миссию.*

Что затянуло меня в этот еще не до конца сформированный мир, может, яркое искусство Элмора, Колдуэлла, Исли и Паркинсона? Огромная эпическая история, битва Добра и Зла? Как случилось, что сквозь цифры и буквы характеристик стали проглядывать живые и близкие мне люди?

Думаю, повлияло все в совокупности.

Потихоньку компания разрасталась, теперь уже ко мне начали присоединяться друзья, а затем отец сделал очередной бесценный подарок — подборку книг Маргарет Уэйс, Трэйси Хикмэна и других авторов.

Даже не помню, поблагодарил ли я его до того, как убежал к себе в комнату и открыл „Canticle on the Dragon“ Майкла Уильямса. А прочитав „Dragons of Autumn Twilight“ („Драконы осенних сумерек“), я понял, что жизнь изменилась навсегда. Я уже знал основные характеры и историю мира, но именно тогда окончательно погрузился в другое измерение. Радостно смеялся над любопытством Тассельхофа и переживал по поводу внутренних сомнений Таниса, даже видел амбиции и ревность Рейстлина!

Наслушавшись моих рассказов, мой друг Блейк попросил прочитать книги ему вслух. Сам он страдал дислексией, но жаждал пережить ощущения в мире Кринна. Это тоже относится к

моим первым воспоминаниям о „Dragonlance": Блейк валяется на верхней койке и слушает, а я громко читаю страницу за страницей.

Кампания в „Dragonlance“ тоже проходила отлично, многие из тех игроков до сих пор, спустя двадцать лет, мои друзья. Ролевые игры настолько захватили меня, что зачастую вредили занятиям в школе.

Но после ее окончания, в 1993 году, я отправился подработать в офис онлайн-поддержки TSR. Там мне пришлось заниматься становлением первых геймерских онлайн-клубов. Дейв Гросс, в то время мой начальник, явно разглядел во мне некий потенциал и скоро предложил возглавить отдел чатов.

Моя главная обязанность состояла в ведении диалога с гостями знаменитого чата „Tuesday Night Chat“, который вел Дейв. Именно в те вторники я познакомился со столькими знаменитостями: Кристи Голдин, Джеф Грабб, Колин Мак-Комб, Дуглас Найлз… А в одну из ночей к нам пожаловали сами Маргарет Уэйс и Трэйси Хикмэн!

С первых страниц „Dragons of Autumn Twilight“ они стали моими любимыми авторами, казалось, я давно их знаю и чувствую общие мысли. Чат подтвердил это, он больше походил на треп со старыми друзьями, Маргарет и Трэйси были очень доброжелательны и ответили на большинство вопросов поклонников.

После этого я познакомился с другими авторами на „DragonCon“ и „GenCon“ — в 1994 году. Кстати, я был очень удивлен, что встреченные там же Маргарет и Трэйси помнили меня с того самого чата. У них затевались новые проекты, и я с радостью согласился в них участвовать. Так я оказался в числе творцов галактик „Starshield“ и „Sovereign Stone“… Это была потрясающе интересная работа, но „Dragonlance“ была и останется первой любовью.

Во время учебы в колледже я продолжал сотрудничество с Маргарет и Трэйси, вплоть до его окончания. Потом я занялся другой работой, но каждый год наведывался в Лейк-Женеву, поболтать о всякой всячине — и обязательно о „Dragonlance“!

И вот в канун Рождества 2001 года Маргарет позвонила и сказала, что ее компания „Sovereign Press“ собирается вновь взяться за выпуск лицензированных игр по „Dragonlance“. Она предлагала мне переехать с семьей из Джорджии в Висконсин, где я смогу отвечать непосредственно за выход серии игр в свет. „Sovereign Press“ понимала, что это серьезный шаг, и дала мне время на раздумья.

Решение было принято, не успела еще трубка упасть на

телефон.

Я счастливчик, и знаю это. Живу и работаю с „Dragonlance“ каждый день, словно женился на возлюбленной детства. Мы вместе уже двадцать прекрасных лет. Спасибо Трэйси за поддержку, спасибо Маргарет за вдохновение и веру (и за тот телефонный звонок). И спасибо папе за дверь, открытую в новый мир…

Я тут очень счастлив.

Джейми Чамберс, вице-президент „Sovereign Press“, издающей „Dragonlance“. Написал короткий рассказ „At the Water’s Edge“ для антологии „Search for Rower: Dragons of the War of Souls“.

В настоящий момент работает над антологией „War of the Lance“, задуманной для поддержки игрового ресурса, совместно с Маргарет Уэйс и Трэйси Хикмэном.

СТРАНСТВУЮЩИЕ АКТЕРЫ ГИЛЕАНА
Маргарет Уэйс а Арон Айзенберг (Впервые опубликовано в сборнике „The Best of Tales. Volume One“)

Эльф был измучен и хромал — он уже прошел немалое расстояние, добираясь до цели. „Если это действительно моя цель, выглядит она такой же потрепанной и жалкой, как я сам“, — бормотал он язвительно.

Эльф запахнул изорванный плащ и надвинул капюшон пониже, надеясь сойти за своего в человеческой деревне. Но любой внимательный взгляд мог отметить изящные кисти рук и грациозность движений, выдававшую его. А разоблачение грозило эльфу серьезными неприятностями — шла Четвертая Эпоха, и люди относились к его расе с подозрением, а зачастую — с открытой враждебностью.

Деревня была маленькой, и эльф быстро нашел то, что ему было нужно, никого не спрашивая. Наступила ночь, и единственной заплаткой света, несомненно, являлось место, где давали представление странствующие актеры. Именно их искал эльф, крадущийся по пустынной деревенской улице.

Таверна оказалась заперта, а рядом собрались почти все жители, не упустившие редкий шанс развлечься. Сюда стащили скамьи и столы, которые обычно находили применение на летних ярмарках. Теперь на них не было свободного места — люди смеялись, болтали и сплетничали. Маленькие дети, визжа и хохоча, носились в проходах — они играли в „поймай кендера“.

Огонь факелов выхватывал из темноты яркие борта фургонов, составленных перед таверной полукругом. Их было много — двадцать или даже больше. Посредине возвышалась шаткая сцена, поднятая на пять футов над землей, видно было, что ее постоянно собирают и разбирают по мере надобности.

Эльф осмотрел все и покачал головой. Голые доски — никаких кулис и декораций.

— А чего я ожидал? Сделал крюк в десяток миль — и ради чего? — пробормотал он, усаживаясь в последний ряд по соседству с огромным здоровяком. Человек подозрительно покосился на эльфа и постарался отодвинуться как можно дальше.

Эльф увидел афишу на перекрестке дорог и посчитал ее наличие существенным фактом, ведь он как раз решал, какую дорогу выбрать. Ответ казался легким — одна дорога вела к воровству, ударам ножей и мошенничеству, другая — к голоду и лишениям. В мире, где большая часть эльфов жила обособленно в своих землях, а люди не отставали от них, одинокий эльф-чужестранец имел очень мало шансов для добывания средств к существованию. Только Гильдия Воров относилась ко всем одинаково, считая главным неукоснительное выполнение устава.

Раздумывая, куда лучше пойти — в сторону Палантаса и Гильдии Воров или в сторону представлений, эльф шагнул уже на дорогу, ведущую в город, во вдруг решительно вернулся, сорвал афишу и, сунув ее в карман, зашагал по направлению к деревеньке. „В Палантас никогда не поздно вернуться“, — справедливо рассудил он.

Спектакль еще не начался. Эльф видел внутри повозок огни и мелькающие тени. Цветные занавески на многих фургонах были задернуты, но в иные можно было заглянуть. Сами они тоже отличались друг от друга — были здесь и огромные деревянные фургоны, изукрашенные резьбой, и маленькие, приземистые, кое-как крытые телеги, похожие на крестьянские. Изнутри доносились голоса: певцы в последний раз упражнялись в вокальных партиях, женщины хохотали.

Аудитория кашляла и начинала проявлять беспокойство. Эльф вытащил афишу и, разгладив на колене, вновь перечитал:

УШЕДШИЙ ОТ СВЕТА

Пьеса в трех действиях в исполнении
Странствующих Актеров Гилеана

Под руководством Себастиуса
Текст Себастиуса
Костюмы, декорации, фон — Себастиус
Все права принадлежат Себастиусу

На остальной части афиши были перечислены даты и населенные пункты, где будут даваться представления. Эта деревня оказалась последней в туре, и сегодня должно было состояться прощальное представление. Эльф вновь подумал, что

зря он сюда пришел.

Внезапно занавески на фургонах одновременно отдернулись, и на освещенную сцену взбежали артисты. Деревенские жители дружно выдохнули и раззявили рты. Двое актеров были эльфами, третий — человеком, но в черной мантии мага, а четвертый оказался людоедом с раскосыми глазами и тяжелой челюстью, с которой капала слюна.

Жители изумленно примолкли, матери торопливо подзывали к себе расшалившихся малышей и шикали на старших. Вооруженные мужчины положили руки на рукояти ножей и дубинок. Раздалось несколько голосов, требующих вернуть деньги…

Эльф на последнем ряду натянул капюшон так низко, что почти уже ничего не видел.

На середину сцены выскочил огромный человек и примирительно поднял руки над головой. Его лицо, будто вылепленное из хлебного мякиша, было способно принимать любые выражения и складываться в любые гримасы.

Он широко улыбнулся и возвестил сладким голосом:

— Добрые поселяне! Пожалуйста, успокойтесь! Да, вы видите среди нас эльфов, но ведь пьеса именно об эльфах, потому эльфов играют эльфы — для большей достоверности! Так же дело обстоит и с людоедами, гоблинами, хобгоблинами, гномами, кендерами и людьми! Странствующие Актеры Гилеана — это вам не… — тут голос толстяка сделался строгим и жестким, — не прощелыги, которые обещают эльфов, а выпускают на сцену людей с приклеенными ушами из глины! Мы не надеваем на лица уродливые маски, крича, что это людоеды! Не заставляем актеров ходить на коленях, уверяя всех — вот гномы! — Он низко поклонился. — Нет, Странствующие Актеры Гилеана, под моим, Себастиуса, управлением, никогда не падут столь низко! У нас все реально! Эльфы играют эльфов, людоеды — людоедов, даже кендеры играют кендеров! Такого вы не увидите больше нигде на Кринне, даже в лучших театрах Палантаса! И я уверен, заплатив неплохие деньги, никто не захочет смотреть на жалкие подделки!

Польщенные и приободренные, деревенские жители чуть успокоились, хотя все еще бросали косые взгляды на людоеда и эльфов. Себастиус, поправив роскошные красно-золотые одежды, с достоинством спустился со сцены.

На его место вскарабкался гном, неся на вытянутых руках потрепанный саженец в бадье. Он установил кадку посредине сцены и, повернувшись к публике, объявил зычным голосом:

— Прекрасный и запретный Лес Сильванести!

Несколько человек захихикали, а эльф внутренне застонал.

Он бы уже ушел, но боялся привлечь к себе внимание — селянин рядом и так все чаще поглядывал на его руки.

Актеры заняли места, игнорируя свист, оскорбления и даже помидор, шлепнувшийся неподалеку от „прекрасного и запретного Леса Сильванести“.

Прозвучала первая реплика, и крики и свист сменились изумленным молчанием. Эльф не поверил собственным глазам — он действительно оказался в Лесу Сильванести! Никакого саженца в бадье — вокруг стояли деревья с серебряными стволами и изумрудными листьями, качались кусты роз разных оттенков, мягко колыхалась сочная трава… Сам он был родом из Квалинести, но по рассказам и песням сразу опознал земли сородичей.

Пьеса началась при замершем зале, каждый боялся даже громко вздохнуть.

…Это была история про молодого эльфа, талантливого мага, происходившего из низкой касты, что мешало ему в достижении нужного уровня. Он спорил и умоляя, но старейшины оказались непреклонны. Магия бурлила в крови юного эльфа — он не мог больше терпеть и переметнулся к запрещенной практике черной магии. Его занятия обнаружили и осудили. Приговор был суров — самая ужасная участь для эльфа, — предстать пред судом Владык Домов.

Прекрасная актриса-эльфийка — зрители не сводили с нее восхищенных взоров — появилась, чтобы обвинить молодого эльфа в стремлении к власти:

— Но что есть власть? Способность управлять другими — и все. У нас, эльфов, есть лидеры, которые управляют, но не диктуют! Каждый эльф свободен…

— Свободен?! — воскликнул молодой эльф. — Свободен до тех пор, пока думает как вы! Свободен делать то, что не запрещено, до тех пор, пока это не запретят тоже… Ты права, — добавил актер в заключение, — я действительно хотел власти, но не только ее. Я ищу то, что давно утеряли здесь, — свободу! Свободу мечтать о том, чего хочется, свободу преследовать цели, интересные мне! Свободу делать ошибки. Свободу раскаиваться и свободу прощать…

Эльф в заднем ряду ощутил, что слезы потоком льются из глаз. Он неудержимо зарыдал, словно у него разрывалось сердце. Человек рядом осторожно и успокаивающе похлопал его по спине.

…Пьеса заканчивалась сценой, где эльфа связывали и бросали на телегу изгнания, поднятую людоедом на помост. Мерцающее серебро Леса Сильванести исчезло. Теперь эльф лежал на голых досках, долго и пристально всматриваясь в зал.

Люди на скамьях перестали дышать.

Наконец изгнанник посмотрел по сторонам, озирая картину, столь отличную от пышной красоты его родины. Он не произносил ни единого слова.

Мужчины в зале, стесняясь плакать, тайком смахивали слезы. Женщины утирали мокрые глаза уголками платков и детскими пеленками.

Актер медленно поднялся на ноги и пристально посмотрел на чахлое растение, так разительно не похожее на серебряный Лес Сильванести, затем повернулся к зрителям спиной и медленно, но уверенно спустился во тьму с противоположной от зала стороны…

Сцена на миг опустела, а затем на нее дружно выбежала вся труппа, держась за руки и кланяясь. Публика взревела и вскочила на ноги. Люди кинулись к сцене, пожимая руки актерам и выкрикивая слова одобрения. Хозяин таверны громко звал всю труппу переночевать и угоститься в его заведении, актеры вежливо отказывались. Им был необходим отдых — на следующий день вновь предстоял переезд.

Жители деревни медленно расходились по домам, обсуждая увиденное.

— Знаете, — говорил один мужчина, — а эльфы не столь уж не похожи на нас. Я помню, так же скандалил с отцом, когда был помоложе!

— Тяжело ему, бедняжке, в изгнании, — всхлипывала женщина, — мне тоже пришлось покинуть отчий дом…

Эльф подождал, пока зрители разойдутся, а когда людоед с гномом начали сноровисто и быстро разбирать сцену, поднялся на ноги. Он не мог заставить себя заговорить с людоедом и обратился к гному.

— Где… где я могу найти… управляющего? — нервно спросил эльф.

Гном поднял яркие черные глаза, но, казалось, не был удивлен вопросом.

— Первый фургон, — указал он молотком. — Можешь не стучать, он надеялся, что ты придешь.

— Что? — удивился эльф, но гном уже вернулся к работе, выдергивая из досок гвозди и складывая их в поясной мешочек для последующего использования.

Эльф двинулся в указанном направлении, миновав стоящее у колес дерево в бадье. Он присмотрелся получше — дерево как дерево. На борту и пологе фургона с одной стороны красовались созвездия. Были даже священные луны пропавших Богов: серебряная Солинари, красная Лунитари и черная Нуитари. С

другой стороны изображался яркий солнечный день и жаркое солнце с лицом самого Себастиуса.

— Милое самомнение, — пробормотал эльф, подходя и поднимая руку, чтобы постучать — он не поверил словам гнома, приняв их за розыгрыш, — но тут изнутри раздался голос:

— Заходи, друг, я ждал тебя.

Рука эльфа метнулась к узкому мечу, но он все же вошел в потемки фургона.

— Садись, сейчас запалю свечу… Вот, так намного лучше.

Широкое, морщинистое лицо, казалось, засияло не хуже свечи. Эльф присел на краешек походного стула, оставив занавески отдернутыми.

— Ты проделал долгий путь, — молвил Себастиус. — А дороги бывают длинны, особенно когда не имеют окончания… И особенно когда они пролегают далеко от дома… Ведь тебе запрещено возвращаться, не так ли, друг мой? Ты один из тех изгоев, которых называют темными эльфами, ушедшими от света… Нет, вложи оружие в ножны! — Себастиус лениво махнул рукой. — Мы не охотники за головами, знаешь ли… Здесь ты в безопасности.

— Как ты узнал? — прошептал эльф.

— Я видел, как ты покинул родину, видел, как стоял на перекрестке… — удовлетворенно протянул Себастиус. — Именно потому я распорядился, прибить там нашу афишу, ну, если не считать надежды раздобыть немного медных монет у местных…

— Видел меня? — недоверчиво протянул эльф — Но это невозможно! Откуда?! Как?! Кто разболтал о моем появлении? Ты шут и обманщик! Я ухожу…

— А как же я узнал, какую пьесу давать сегодня вечером? — хитро прищурился Себастиус. — Она шла специально для тебя. Не веришь? А вот интересно, отправился бы ты смотреть „Магиуса и короля гоблинов“? Может, ты бы сделал крюк ради „Жизни и трагической смерти сэра Рогара Мурского“? Пришел бы смотреть „Магический меч Кит-Канана“? Или „Дядюшку Пружину и три грубых овражных гнома“? У меня тысячи и тысячи пьес. — Себастиус постучал себя по лбу. — По одной на каждого живущего на Кринне. Сегодня, как я уже сказал, представление давалось для тебя.

Эльф медленно и неохотно опустился на стул, словно тот притягивал его.

— Кто ты? — все еще сомневаясь, спросил он.

Человек вскочил на ноги и учтиво поклонился.

— Я Себастиус, сын Гилеана, — гордо возгласил он.

— Сын Гилеана… — фыркнул, эльф. — У Бога Гилеана не

было никаких сыновей, только дочь — Лунитари.

— Есть те, кто утверждает так. — Себастиус присел и вытянул толстые ноги, сложив руки на объемистом животе. — А есть те, кто говорит, будто у Гилеана есть еще два сына… Одного зовут Астинусом, может, слышал? Он хозяин библиотеки в Палантасе. Другой — это я. — Себастиус скромно улыбнулся. — Астинус ведет хроники жизни Кринна в книгах, я же веду их собственным способом.

— Поскольку Гилеана нет рядом, ты можешь называть себя как угодно, и никто не сумеет доказать обратного, — бросил эльф. — Да, я стоял на перекрестке, да, взял афишу… Все это верно, но действовал я по собственной воле, никто не мог принудить меня. Даже твои фокусы!

— Конечно, нет! — воскликнул Себастиус. — Только по доброй воле. Таково предписание отца. Разве ты еще не понял этого из текста пьесы? „Свободу раскаиваться и свободу прощать…“ — одна из моих лучших строчек. Ты мог пойти в Палантас, мог по доброй воле уйти до начала спектакля. А мог уйти после. Но получается, по доброй воле ты сидишь тут — не там, где собирался, а там, где должен. Так часто бывает в жизни. Тебя привел сюда голос сердца.

— Тогда зачем я пришел? — вызывающе спросил эльф, словно и сам жаждал получить ответ.

— Конечно, ты хочешь присоединиться к нашей труппе, — произнес Себастиус. — хочешь стать актером.

Эльф недоверчиво посмотрел на него, собираясь возразить, но Себастиус не дал ему такого шанса:

— Скажи, как тебе наша игра?

Лицо эльфа невольно смягчилось.

— О, это было прекрасно… Эльф, что играл Даламара… Он тронул меня до глубины души… Когда меня изгоняли, я не нашел в себе силы кричать — огонь негодования выжег все слезы… Но сегодня вечером я снова рыдал!

— Он талант, это верно, — кивнул Себастиус. — Это его лучшая роль и последняя.

Эльф быстро взглянул на толстяка, думая, что ослышался и недопонял. Но Себастиус продолжал разговор как ни в чем не бывало, видимо, это была человеческая шутка.

— Так куда ты направляешься?

— В Палантас.

— Палантас… — повторил Себастиус. — Хороший выбор. Город, где можно спрятаться. Даже эльфу, что, естественно, трудней. А зачем тебе Палантас? Даже там найдется мало людей, которые согласятся нанять на работу эльфа. На что ты будешь

жить?

— А тебе какой интерес? — Эльф вновь подумал, что зря не ушел от этого назойливого человека сразу,

— У меня в Палантасе связи, — промурлыкал Себастиус. — А кроме того, как ты помнишь, брат — Астинус. — Эльф закатил глаза и промолчал. — Ладно, попрошу тебя прочесть этот текст. Но вслух и громко, надо оценить голос.

— Это еще зачем? — удивился эльф.

— Просто так. Назови это любопытством. — Себастиус протянул ему листок, и эльф увидел часть пьесы. Имена актеров сбоку, рядом их реплики. Он подозрительно посмотрел на Себастиуса, но лицо руководителя труппы было невинным, как у младенца. — Начни отсюда, — ткнул пальцем сын Гилеана.

Эльф начал читать, решив выполнить просьбу, и с удивлением понял, что читает монолог Даламара на суде: „…Я ищу то, что давно утеряли здесь, — свободу! Свободу мечтать о том, чего хочется, свободу преследовать цели, интересные мне! Свободу делать ошибки. Свободу раскаиваться и свободу прощать…“

Сначала он читал без выражения, прекрасно зная, что его голос никогда не смог бы захватить внимание стольких людей, и стесняясь Себастиуса, но постепенно забыл обо всем и последнюю строчку произносил уже абсолютно искренне.

Себастиус слегка похлопал по ручкам кресла вместо аплодисментов.

— Я справился? — спросил эльф, невольно заливаясь румянцем.

— Нет, — отрезал Себастиус. — В начале ты был зажат, а в конце стал сверхдраматичен. Тебе надо учиться, и в этом нет никакого позора. Но голос у тебя отменный, прекрасный инструмент. Он пропадет впустую у вора…

Теперь эльф стал пунцовым от смущения.

— А почему бы и нет? — вызывающе бросил он. — Кому я нужен? Значит, придется самому беспокоиться о себе.

Себастиус задумчиво смотрел на кончики пальцев.

— Я полагаю, ты слышал — я сказал, что эльф, исполнитель главной роли, покидает нашу труппу?

— Ну… вроде да. А почему так? Получил более выгодное предложение?

— Это невозможно. Никто на Кринне не предложит артистам лучших условий, чем я. Он всегда говорил, что уедет, как только посчитает работу выполненной. Именно так все и произошло сегодня вечером. Он никогда не сможет сыграть лучше, поэтому уезжает. К этому он шел множество долгих лет. Ты займешь его

место. — Себастиус тяжело вздохнул. — Мне будет тоскливо без него — именно он подал идею для „Магического меча Кит-Канана“. Он его знал лично, представляешь!

— Он лжец, — презрительно рассмеялся эльф. — Кит-Канан мертв уже тысячу лет — даже среди моего народа нет таких долгожителей.

— А этот — исключение… Он присоединился ко мне как раз после того, как Кит-Канан воссел на трон, и пробыл со мной больше, чем остальные члены труппы… Теперь пришло и ему время продолжить личную жизнь, ведь как только он уедет, начнет стареть, как обычно…

— Ты серьезно? — изумился эльф.

— Совершенно. Видишь этот глиф? — Себастиус отбросил плащ и приблизил предплечье к свету. — Черный лотос. Если присоединишься к нам, я нанесу тебе такой же. Этот глиф означает, что тебя не смогут убить или отравить, ты не заболеешь и не проголодаешься, не будешь стареть до тех пор, пока путешествуешь с нами…

— Я стану бессмертным? — скептически хмыкнул эльф.

— Тебе кажется это слишком большим подарком? Но ведь я требую взамен плату…

— У меня нет ни гроша…

— Не деньги, — прошептал Себастиус, — лишь душу. Отныне у тебя не будет собственной души, а лишь души других, бесчисленных существ… Ты будешь чувствовать их боль, радость, горе, триумф. Побываешь в шкуре кендера, людоеда или гоблина'. Будешь королем и узнаешь, какова жизнь во дворце. Станешь овражным гномом и изведаешь нищету. Твое тело не умрет, но ты переживешь тысячи смертей. Будешь любить тысячи раз и тысячи раз расставаться.

Эльф потрясение покачал головой:

— Не понимаю…

— Скоро поймешь. Мы живем хорошей жизнью и делаем хорошую работу. Я же говорил, что веду хроники Кринна особым образом. Мы с моими актерами берем книги жизней и открываем их для всех! Мы давали представления в чертогах горных королей и на вонючих помойках хобгоблинов. Играли для людоедов, которые швыряли в нас кости жертв вместо аплодисментов. Играли для гномов Торбардина и для их овражных кузенов… Мы рассказываем наши истории, и если не можем поменять мысли, то способны изменить сердца. Странная жизнь, но интересная… Присоединяешься?

Эльф заколебался:

— Я не верю ни одному твоему слову. Про бессмертие и все

остальное…

— А дерево в кадке похоже на Лес Сильванести? — мягко спросил Себастиус.

— Действительно… я ничего не теряю… Мне все равно некуда идти… Думаю, что смогу остаться, но только на некоторое время, заметь! — Эльф занервничал и вцепился в листки с репликами. — Могу помочь с декорациями…

— Возьми ее, если понравилась, — сказал Себастиус. — Бери всю пьесу и выучи наизусть. Обучение начнем завтра с утра.

— Но я не сказал…

— Бери! — Себастиус поднялся на ноги. — Вреда тебе от нее не будет. Твой фургон — пятнадцатый по счету от меня, зеленый с желтым. Он будет пуст, его хозяин в настоящее время уже далеко…

Эльф шел мимо повозок, машинально считая их. В его голове крутился недавний разговор, он был смущен и запутан. Голова не хотела верить ни единому слову толстяка, а сердце подтверждало каждое из них. Словно он — герой спектакля. Это наверняка спектакль — происходящее не может быть реальностью.

Подойдя к зеленому с желтым фургону, эльф увидел в дверном проеме актера, который играл Даламара. Тот вдыхал ночной воздух и улыбался, лотом заметил рядом смущенного пришельца.

— Думаю, ты новый хозяин фургона, — учтиво произнес актер, одергивая занавески. — Он тебе понравится, но правое переднее колесо последнее время скрипит. Скажешь Роргу об этом, он гоблин и чинит повозки. Но не вздумай говорить Квинсу, гному, если хочешь найти все колеса утром…

— Почему ты уходишь?

— Хочу вернуть назад собственную душу и прожить с ней до конца, — улыбнулся актер.

— Тогда… то, что говорил… — Эльф обернулся к первому фургону, — Себастиус… все правда?

— Наш мир — это то, во что мы верим. Вера бывает сильней, чем любая правда. — Актер поднял руку к красному свету Лунитари, и эльф увидел глиф черного лотоса на ней. Цветок быстро бледнел и скоро совсем исчез.

Актер изящно поклонился, словно заканчивал приветствовать публику перед падением занавеса.

— Что у тебя в руке? — спросил он. — Пьеса?

— Твой монолог в последнем акте, — промямлил эльф. — Я только… хотел почитать… и…

— Давай послушаем твой голос, — ободряюще улыбнулся актер.

Эльф посмотрел на монолог Даламара в руке. Свет Лунитари был ярок и позволял разбирать буквы без напряжения,

— Нет, правда… так блестяще, как ты… я не смогу…

Но актер непреклонно смотрел на него, и эльфу ничего не оставалось, кроме как начать читать. Когда он углубился в текст, то мельком глянул на собственную руку — большое черное пятно проявлялось на коже. Сначала бесформенное, оно начинало приобретать объем и форму. Эльф ощутил, как страх заставил лоб покрыться испариной, — его душа покидала тело.

Не навсегда — она лишь засыпала до той поры, пока он не захочет обрести ее вновь. Внутри расползалась ужасная пустота — голос эльфа задрожал.

— Нет, — сказал актер, — так не годится. Почувствуй ее!

Актер, игравший Даламара, взял за руку эльфа, который пришел, чтобы играть Даламара… И тот оказался уже не пуст — новая душа заняла место старой, — навалилось мучительное горе от разлуки и прощания с друзьями, острая радость свободы и выбора нового пути…

— Вот, уже лучше, — усмехнулся актер. — А теперь исполняй поклон перед публикой.

Эльф поклонился видимым только ему зрителям. Пока — только ему. Но он твердо верил, что придет день, и они заплачут вместе с ним, засмеются под его смех. И будут бешено аплодировать, выкрикивая его имя.

Когда эльф выпрямился, рядом никого не было.

На руке чернел, выпуклый и резкий, глиф лотоса. Самый молодой член труппы Странствующих Актеров Гилеана вошел в зелено-желтый фургон.

В свой фургон.

ГОДЫ С „DRAGONLANCE“ УЭЙС И ХИКМЭН

Маргарет Уэйс и Трэйси Хикмэн — соавторы пользующихся популярностью романов „Хроники Легенд“, „Трилогия Легенд“, трилогии „Война Душ“ и многих других, а также повестей и рассказов. Книги „Dragonlance“, основанные на ролевой игре, разошлись миллионными тиражами и были переведены на дюжину языков мира. Авторы творят и совместно с другими писателями.

У Маргарет Уэйс и Трэйси Хикмэна интервью взяли раздельно, специально для зимнего выпуска „Legend of the Lance“ 1998 года.

— Трэйси, как случилось, что ты перестал считать „Dragonlance“ только ролевой игрой и задумался о романе?

Хикмэн: Честно говоря, романистом я стал случайно. Как все знают, имя Маргарет идет первым в нашем дуэте именно потому, что романист — она. Лично я всегда хотел заниматься дизайном игр и не видел себя в литературе. „Dragonlance“ жил без романизации долгое время, и все было в порядке. До сих пор просыпаюсь утром и думаю, кто же я на самом деле? Последнее время начинаю привыкать к мысли о писательстве.

— С чего началось действительно совместное творчество?

Хикмэн: Я много, долгие месяцы, работал над балансированием сеттингов „Dragonlance“. Маргарет поначалу была редактором книг для TSR, а потом ее перебросили редактировать будущие книги „Dragonlance“, как я помню. Мы с ней очень расстроились, когда увидели первые варианты романа. Автора назначали сверху, и он ничего не знал о наших наработках.

А если точно, помню, поехал я в Аризону на Рождество 1982 года, читая в пути книжку из серии „Звездный путь“ Дианы Дуэйн, и нашёл ее необычайно интересной. И что-то в тот момент загорелось внутри меня, подумалось: „Ну, есть же способ сделать книги серии „Dragonlance“ такими же захватывающими!“ Забавно, что Маргарет приняла такое же решение независимо от меня. И вот, после рождественских каникул, мы собрались в офисе, а она говорит: „Давай напишем книги сами“. Вот тогда все и

закрутилось!

— Почему именно вы? Она новичок в фирме, а ты даже не был старшим дизайнером.

Хикмэн: Ничего интересного. На нас просто решили сэкономить, к нашему же удовольствию. Тот факт, что мы не были старшими, сыграл нам на руку — сначала с каждым новым проектом шли к начальникам, а те начинали долго обсуждать тему, выбивая условия получше. На остальных смотрели как на грузчиков, не давая ничего. Вот тут мы и развернулись. Фактически объединение этих самых „не-начальников“ и создало в итоге „Dragonlance“. И хотя потом с нами работало много людей, характеры и основные линии разработали только мы с Маргарет, ну, может, еще помогал Майкл Уильямс.

— Как вам удается работать вместе?

Хикмэн: Я думаю, наш союз уникален, как и все прочие подобные союзы. Самое главное, что могу в нем отметить, — мы развиваемся вместе, а это очень важно. Жизнь меняет и наши взгляды, и терминологию. Сначала я был только на подхвате, потом вырос и смог писать самостоятельно. То есть я был тем парнем, который придумывает основные идеи и темы, а потом прорабатывает фон. А Маргарет уже вовсю занималась сведением и написанием диалогов. Мы часто обменивались написанными текстами, чтобы узнать мнение друг друга. Еще она любит писать яркие места в книгах, но вот любовная сцена между Сильварой и Гилтанасом — моя работа.

Между прочим, все думают, что все происходит наоборот.

Спустя годы я узнал больше о писательском ремесле, да и уровень Маргарет вырос. Поэтому с годами границы в нашей работе стерлись и каждый делает то, что лучше для романа в данный момент.

— Многие переживают, что вы перестанете создавать мир Кринна.

Хикмэн: Люди не всегда знают, что происходит у нас на самом деле. Я переехал на Западное побережье, чтобы быть ближе к семье, Маргарет осталась в Висконсине. Но я до сих пор получаю письма: „…я очень люблю книги, которые вы с женой пишете вместе…“ или „…уважаемой госпоже Хикмэн…“. Это после того, как мою фотографию напечатали на обложке!

Не переживайте, мы с Маргарет собираемся написать еще много романов „Dragonlance“ — как совместно, так и раздельно.

Также в „Legends of the Lance“ Маргарет Уэйс вспомнила о происхождении двух самых популярных персонажей „Dragonlance“.

— Кто придумал имя „Рейстлина?

Уэйс: Думаю, Гарольд Джонсон. Помнится, сначала мы планировали назвать его „Вайстман“, а „Карамон“ получилось из сочетания „caring man“.[1] В 1983 году я начала работать в TSR, и на каждого уже имелся набор характеристик. Надо было только „облечь их в плоть“. У Рейстлина в карточке стояло просто: „Прозвище — Хитрюга, стройный, не очень хорошее здоровье, в отличие от брата-воина. Золотая кожа и глаза в форме песочных часов“. Я спрашиваю: „А почему золотая кожа и такие глаза?“ Мне отвечают: „Художники посчитали, что так он будет выглядеть круче“.

И мне пришлось самой ломать голову над причинами и придумывать испытание в Башне. Я написала на эту тему короткий рассказ „The Test of the Twins“ („Испытание близнецов“), изданный в 1984 году журналом „Dragon“. Вот именно с этого и начал развиваться характер Рейстлина.

— Однако в 1998 году, в предисловии к „TheSoulforge“ („Кузница Души“), Трэйси Хикмэн много говорит о влиянии своего друга Терри Филипса.

Уэйс: Терри был среди тех, на ком проверялся первоначальный набор характеристик Рейстлина в домашних играх. Терри — профессиональный актер и действительно пробовал сыграть Рейстлина с его тихим голосом и слабым телосложением. И что мы заметили: во время игры каждый вопил и кричал, но, стоило заговорить Терри, все замолкали и слушали. Я думаю, от него Рейстлин что-то бы взял обязательно, даже если бы в этом не нуждался.

— Почему так много фанатов отождествляют себя с Рейстлином?

Уэйс: Власть всегда сексуальна, а у Рейстлина ее в избытке. Эта таинственная сила особенно нравится женщинам, каждая думает „Да, он темный герой, но, полюбив меня, обязательно вернется к добру“. Мужчины же (если в жизни они не

культуристы) зачастую тоже слабы и беспомощны, им так не хватает волшебной силы. Кроме того, многие знают, что такое конкуренция между братьями иди сестрами…

— Мы знаем, Карамон — близнец Рейстлина, но равноценны ли они?

Уэйс: Конечно, хотя сам он не понимает этого. Но в последующих книгах серии мы гораздо больше узнаем о характере Карамона. Он сильнее, красивее и крепче Рейстлина, его любят женщины, но он всегда живет в тени брата. Карамон всю жизнь вынужден заботиться о Рейстлине и даже начинает пить, когда тот, наконец, разрушает эту связь.

— Почему вы так долго не решались написать продолжение истории после „Кузницы Души“?

Уэйс: Я всегда думала, что Испытание в Башне должно оставаться тайной. Кроме того, если честно, я и не знала, что случилось там. Когда в романе я дошла до этого места, все сразу стало на свои места. Это был забавный опыт: я знала, чем все должно закончиться, но не знала, какой дорогой туда приду. Но я действительно не знаю, что произошло между Рейстлином и Фистандантилусом.

— А *вы спрашивали мнение Трэйси о ходе Испытания?*

Уэйс: О, за эти годы мы переговорили о Рейстлине много раз. Надо сказать, Рейстлин всегда был „моим персонажем“, Трэйси не очень любил его и принимал большее участие в создании Карамона. Это наш баланс сил.

В 2000 году, после публикации „Драконов Погибшего Солнца“, первой книги трилогии „Война Душ“, Уэйс и Хикмэн дали интервью на сайте компании „Wizards of the Coast“.

— Как и почему возник проект „Война Душ“?

Хикмэн: Все началось, когда компанию TSR купила компания „Wizards of the Coast“. Маргарет и я были обеспокоены будущим проекта „Dragonlance“. Кроме того, наблюдалось некоторое противостояние фанатов Пятой Эпохи и любителей более ранней, Четвертой, — каждые объявляли свою эру „истинной“. Нам очень хотелось объединить их, наметив новый путь.

Новое начальство позволило нам с Маргарет внести

изменения в „Dragonlance“, за что я прежде всего благодарен Питеру Адкисону, президенту „Wizards of the Coast“

Уэйс: TSR долгое время терпела убытки, пока не оказалась проданной. Я думала, вместе с этим придет конец и „Dragonlance“. Но нас купила компания Питера Адкисона, и это стало воистину новым днем для сериала.

— Насколько трилогия „Война Душ“ затронула ваши первоначальные планы? Вы что-то меняли в ходе написания?

Хикмэн: Мы с Маргарет полетели в Вашингтон, в главный офис „Wizards of the Coast“, чтобы обсудить направление развития „Dragonlance“. Я очень волновался, ведь у меня были вполне четкие взгляды на окончание „Dragons of Summer Flame“ („Драконы летнего полдня“), а предстояла встреча с командой новых дизайнеров.

Мы все жутко волновались, Маргарет, Дон (Перрин), Лора (Хикмэн) и я встретились за завтраком, чтобы обсудить совместную стратегию.

Сам Питер Адкисон пришел на встречу только затем, чтобы убедиться в отсутствии кулачных боев между разными отделами. Мы прослушали презентации дизайнеров и книжного департамента, наступило одиннадцать часов утра, и настала моя очередь. Я мысленно прокрутил в голове все, что услышал про будущее „Dragonlance“, затем глубоко вздохнул и сказал: „А сейчас я расскажу вам одну историю…“

Уэйс: В действительности история лишь продолжилась. Поначалу мы не знали многих новых персонажей, а даже те, кого знали (Палин, Тассельхоф, Лорана), были предназначены для „изменений“. Очень важно для автора „слушать“ характеры, тогда они сами поведают свои судьбы и приключения. Но как Трэйси и сказал, от первоначального плана мы не отклонились. Конечно, когда он мне рассказал, что случится в дальнейшем с миром, у меня перехватило дыхание, но я должна поблагодарить игровую группу Пятой Эпохи и Джейн Рэйб, которая помогла адаптировать новые идеи.

— Кого планировали убить, кого оставить в живых?

Хикмэн: Смерть ни одного персонажа не произошла случайно — мы не убиваем просто так. Все смерти были предсказаны с самого начала, да и то гибель настигала героев только ближе к концу книги. Жизнь и смерть на Кринне — основной мотив „Войны Душ“.

Уэйс: Смерть каждого персонажа имеет четкое предназначение. Как я уже говорила, мы „слушаем“ характеры, и герои сами выбирают время ухода из жизни.

— Как получилось, что Тассельхоф стал играть важную роль?

Уэйс: Сам Тас тут ни при чем, он не виноват. У него нет никаких ярких особенностей. Он определяет причины происходящего, но понимает, что более важны именно детали. Он всегда видит правду сквозь обман, не выносит напыщенности и смеется над гордыней. Он верен друзьям до смерти. Тассельхоф — мудрейший персонаж всех книг.

Хикмэн: Тассельхоф — это просто развлечение, тот приятель, что всегда приносит веселье в ваш круг и не позволяет остальным повесить нос. Мы никогда не планировали делать его центральной фигурой, но со временем он умудрился стать одним из самых интересных аспектов „Dragonlance“ в целом.

— Как создавалась Мина?

Хикмэн: Это не целиком наш персонаж, основу придумали дизайнеры и проектировщики, работающие с Пятой Эпохой. Мы с Маргарет просто достроили его в стиле „анти-Жанна д'Арк“. Думаю, к окончанию трилогии она станет одним из самых обаятельных персонажей.

Уэйс: Я тоже хотела, чтобы Мина стала „чёрной Жанной“. Я много прочитала про жизнь Орлеанской девы, включая исследование Марка Твена. Мне всегда нравилось работать с более темными персонажами, и Мина не исключение. Главным было не открыть читателю все ее тайны, чтобы он не смог сразу разглядеть ее сущность. И это сделало Мину очень таинственной.

— Что в старых рассказах „Dragonlance“ времен Короля-Жреца, что в новых, с Миной, у вас есть злые персонажи, но с добрыми намерениями. Эта тема для вас привлекательна?

Хикмэн: Король-Жрец и Мина — это две стороны одной медали. Первый совершал злые поступки с добрыми намерениями, а вторая делает добрые дела со злыми целями. Но в обоих случаях они уверены, что являются служителями правды. Король-Жрец и Мина однозначно „злы“. Или цель не оправдывает средства, или средства — цель. Вообще исследование зла как такового — очень важный мотив „Dragonlance“.

Уэйс: Трэйси выразился великолепно, добавить нечего, разве

что хочу сказать: мы будем продолжать эти исследования и впредь.

— Один из самых загадочных персонажей „Dragonlance“ — Лорд Сот. Что вы можете сказать о нем?

Хикмэн: Лорд Сот прыгнул в роман — другого слова и не подберу — в моем кабинете дизайнера TSR. Я сидел и работал над игровым модулем „Dragons of War“, когда его характер неожиданно появился в голове. Я немедленно понесся в кабинет к Маргарет и выложил идею. Проблема была только в том, что он слишком очарователен и силен! Стоило пустить его на страницы, и он начинал „перетягивать одеяло на себя“. Мне кажется, ему всегда хотелось играть более важную роль. Я думаю, что знаю, где Лорд Сот сейчас, но ему придется подождать до окончания „Драконов Исчезнувшей Луны“ (второй книги трилогии). А потом мы вернемся к его судьбе.

Уэйс: Лорд Сот — трагический антигерой с темным и романтичным прошлым. Он большой злодей, но злодей сочувствующий. Лично я понимаю мотивы, движущие им…

— Понравились ли вам новые обложки „Dragonlance“ выполненные художником Мэттом Стависки? Они вписываются в общую концепцию?

Хикмэн: Лично мне нравятся. Они добавляют книгам эпичности. Хоть моих художественных взглядов и хватает лишь на то, чтобы выбрать цвет краски на стенах дома. Прежде чем первая обложка была готова, Маргарет, Мэтт (исполнительный продюсер), Мэри Кирчкофф и я собрались на проходящем конвенте GenCon и обсуждали эту проблему. Каждый старался расписать, какую именно он хочет получить обложку. Кто говорил о том, чтобы на первой странице были изображены основные персонажи, а на четвертой — карты или схемы, кто требовал „узкое окошко“ в серийном оформлении.

Думаю, иллюстрации Мэтта отображают все правильно и не в последнюю очередь повлияли на успех книг.

Уэйс: Мэтт сделал все верно, сумев взять лучшее от предыдущих оформителей „Dragonlance“. Пусть работает так же и впредь!

В связи с выходом этого сборника мы вновь встретились с Маргарет и Трэйси и задали вопрос: что же нас ждет в будущем?

Хикмэн: Небольшой перерыв в работе с „Dragonlance“ позволил мне сделать то, чего я давно хотел, — вновь начать писать вместе с женой. Мы уже пробовали творить вместе с Лорой, как только поженились. Именно тогда мы мотались по стране, чтобы вскоре осесть в TSR и придумать непосредственно „Dragonlance“. В последние годы дела и заботы не позволяли нам работать вместе, а теперь мы с радостью заметили, что нам это очень нравится. Наша первая серия называется „The Bronze Canticles“ для издательства „Time Warner Books“, а в дальнейшем мы планируем собственный роман в серии „Dragonlance“.

Уэйс: В июле 2004 года в издательстве „Tor Books“ у меня выходит вторая книга серии „Dragonvarld“. Она называется „Сын Дракона“ и повествует о Вене, получеловеке-полудраконе, и его брате Маркусе. Оба они имеют в своей крови драконью магию и должны не только изучить ее, но скрывать как от людей, так и от драконов. Один из драконов направил к ним защитника, но тот должен решить собственную дилемму: на чьей он стороне? Война становится неизбежной…

А сейчас я закончила первую книгу новой трилогии „Dark Disciple“ серии „Dragonlance“. Она называется „Amber and Ashes“ („Дары мертвых богов“) и рассказывает продолжение истории Мины, когда Боги вернутся. Надо заметить, что, даже если вы никогда не читали книг „Dragonlance“, вам будет интересно следить за новым поворотом в судьбе этой героини.

notes

Примечания

1

Заботливый человек (англ.)